

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 5 том - «Анжелика в мятеже»
Перевод с англ. Н.Л. Неизвестного
Изд-во Рост. гос. ун-та (Ростов-на-Дону), 1991г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
-

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ТЛЕЮЩИЙ ОГОНЬ**

Глава 1

По прибытии в Марсель мсье де Бретейль, арестовавший Анжелику в Сеуту, запер ее в адмиралтейской тюрьме. Пока они были в городе, где маркиза дю Плесси Бельер так долго дурачила полицию, благородный вельможа ни минуты не чувствовал себя в безопасности.

Так, Анжелика, вырвавшись из гарема султана, оказалась в тесной и мрачной камере. Побег подорвал ее здоровье, поскольку она ждала ребенка.

Мысль об этом пришла ей в голову на следующий день после ареста и водворения в цитадель, когда она проснулась и почувствовала себя, как зверь в клетке.

Адмиралтейская тюрьма была лишена минимальных удобств. Если бы не кусочек синего неба, что виднелся сквозь решетку высокого окна, Анжелика чувствовала бы себя похороненной заживо. Все долгие ночи она боролась с этой мыслью, которая приходила к ней, как только она закрывала глаза.

В панике она бросалась к дверям, била руками по крепкому дереву, без единого крика, но с большой силой.

Небо! Небо! Воздух Франции! Они закрыли ее в гробнице, она не знает ничего, кроме этой пустынной камеры.

Подобно птице, посаженной в клетку, она царапала руки о барьеры из дерева и железа, молча ударяя по ним снова и снова, производя при этом не больше шума, чем птичье крыло. Когда начинала чувствоваться боль в разбитых руках, она переставала молотить по двери и прислонялась к стене.

Ее глаза были постоянно прикованы к двери и зарешеченному окну. Синева неба была подобна воде для жаждущего. Теперь за ней не приходил Осман Фераджи, чтобы вывести на крышу, что давало хоть какую-то иллюзию пространства. Все вокруг были незнакомыми, их глаза были полны подозрительности. Из Парижа герцог де Вивон, боявшийся ответственности за свои прошлые прегрешения, давал ей все более строгие предписания на ее счет. Марсельское адмиралтейство оказывало мсье де Бретейлю любую возможную помощь. Бесплезно было надеяться привлечь кого-нибудь к ее делу, во всяком случае, она не имела условий для того, чтобы воспользоваться своим оружием.

Морское путешествие из Сеуту в Марсель с заходом в Кадис было

одним долгим мучением, в течение которого ее мужество убывало с каждым днем. Было похоже, что мсье де Бретейль уничтожил ее способность переносить тяготы жизни, когда арестовал именем короля.

Она бросилась на кровать, накрытую очень жестким матрацем. Но это не тревожило Анжелику. Будь она свободна, ей спалось бы удобнее здесь, чем на пуховиках, и единственным местом, где ей хотелось отдохнуть, была постель из торфа где-нибудь под открытым небом.

Ее взгляд вернулся к двери. Сколько дверей закрывалось перед ней в течение жизни. И каждый раз все становилось хуже и тяжелей. Была ли это игра, в которую играла с ней Судьба, чтобы наказать ее за то, что она однажды сделала, будучи босоногим ребенком в Монтелу? Девочкой она носилась по лесу, пробираясь по тропинкам, с такой любовью к свободе, что крестьяне считали ее не совсем нормальной.

— Ты не пройдешь, — говорили двери, и каждый раз ей удавалось убежать, но новая дверь выростала перед ней, более крепкая, чем прежде. После дверей бедности появилась дверь короля Франции, потом султана, а теперь снова дверь короля Франции. Будет ли он сильнее?

Она подумала о Фуке, о маркизе де Варде, и даже о Лозене, которые тоже были узниками недалеко отсюда в крепости Пигнероль; все расплачивались тюрьмой за поступки менее серьезные.

Осознание своей изоляции и слабости мучило ее. Когда она вступила на землю Франции, то попала в мир, где возможны только два стандарта поведения: страх перед королем или любовь к королю.

На этих берегах физическая и моральная сила человека, подобного Колену Потювелю, его доброта и интеллект не имели ценности. На этих берегах Колен Потювель был бессилён. Он был простым моряком. Даже память о нем не могла помочь Анжелике. Он исчез из ее жизни....

Она мягко позвала его:

— Колен, Колен, любимый мой!

Ей так сильно нездоровилось, что она покрылась холодным потом и потеряла сознание. В тот момент она поняла, что, возможно, беременна от него.

В Сеуту она отнесла отсутствие определенных физиологических проявлений за счет состояния здоровья, но теперь, по прошествии времени, ей в голову пришло другое объяснение. Сомнений быть не могло!

Она должна родить ребенка. Дитя Колена Потювеля!

Она свернулась на матраце, оставаясь совершенно неподвижной, пока не позволила сомнениям перерасти в уверенность, которая наполнила все ее существо.

Вначале было удивление, потом странное спокойствие и, наконец, веселье. Не растерянность или стыд, а веселье.

Она была еще слишком близка к пустыне, к бурнусу, который носила, как сбежавший узник, чтобы ощущать себя важной французской дамой. Часть ее души все еще оставалась в тех ночах, когда сила любви бросала их в объятия друг другу.

Под французским платьем с корсетом и драгоценностями, которое она надела в Сеуту, ее кожа была еще груба и на обожженной ноге красовался глубокий шрам, как и другие шрамы прошлого, хотя мало-помалу все они исчезали. Но ее ноги в элегантных туфельках не потеряли своей красоты и стройности.

В большом возбуждении она подумала, что память о ее фантастической одиссее перейдет от нее к ребенку, который у нее родится.

Он должен быть светловолосым, широкоплечим и сильным. Имеет ли значение то, что он будет незаконнорожденным? Высокие качества человека, который был «королем рабов», сделали его равным по благородству людям, чья кровь текла в жилах Анжелики де Сансе де Монтелу. Его сын будет иметь его глаза и его силу. Он должен быть привлекательным, как первый ребенок мужского пола, рожденный на земле.

Она будто видела его. Ради него и благодаря ему она найдет в себе силы и отвоюет свободу.

Она долго оставалась в возбужденном состоянии, забыв о стенах крепости, и иногда произносила вслух:

— Не важно, что ты ушел от меня, Колен. Ты все равно будешь со мной. Колен, мой любимый, мой дорогой...

Через несколько дней карета с зарешеченными окнами и темными шторами покинула Марсель и выехала на дорогу к Авиньону. Она эскортировалась сильным конвоем из десяти мушкетеров. Господин де Бретейль, который ехал в карете вместе с Анжеликой, опасался неожиданностей.

Он так много слышал о невероятном уме и предприимчивости мадам дю Плесси Бельер, что постоянно ожидал, что она ускользнет от него. Единственное, о чем он мог думать, это о важности его миссии.

Мысль, что молодая женщина может что-то предпринять, приводила его в ужас. Го, что она сидела с ним в карете и грубо вела себя с ним? еще больше усиливало его страх. Она, должно быть, ожидала помощи от сообщников.

Надо ли говорить, что он спал перед ее дверью, когда они

останавливались на ночь, причем спал с открытыми глазами.

Когда предстояло ехать через лес, где риск вооруженного нападения с целью освободить узницу возрастал, он просил правителей провинции давать ему дополнительный контингент солдат. Поездка выглядела, как военная экспедиция. Толпы народа собирались на площадях городов по пути следования кареты, пытаясь увидеть хотя бы силуэт человека, перевозимого с таким количеством охраны. Господин де Бретейль доплачивал солдатам, которые разгоняли любопытных алебардами, но это только увеличивало число зрителей.

Де Бретейль видел единственный путь выхода из затруднений — скорость. Он останавливался только на несколько часов ночью в гостиницах, из которых изгонялись обычные постояльцы; хозяева гостиниц находились под неусыпным наблюдением. В течение дня отдыха лошадям не давалось, они постоянно менялись, для чего впереди скакал курьер с приказом готовить лошадей, чтобы не было задержки по прибытии кареты.

— Вы хотите убить меня, месье? — протестовала Анжелика. — Давайте остановимся на несколько часов на отдых. Я совершенно выдохлась.

Господин де Бретейль был неумолим.

— Вы что-то стали очень деликатной, мадам. Вы не были такой слабой в королевстве Марокко.

Анжелика не отважилась сказать ему, что она беременна.

Сидя на скамье, прислонившись к дверце, она думала об одном и только об одном — чтобы они наконец достигли конца ужасного путешествия.

Однажды вечером, после особенно утомительного дня, когда карета галопом огибала холм, два колеса соскользнули с дороги, и экипаж перевернулся. Повреждений было меньше, чем можно было ожидать, но Анжелика оказалась под сиденьем. Она сразу же поняла, что произошло с ней. Ее быстро извлекли из кареты и положили на траву рядом с дорогой. Господин де Бретейль склонился над ней, лицо его стало пепельного цвета: если мадам дю Плесси умрет, король никогда не простит его. Он понял, что его жизнь в опасности, и уже чувствовал топор палача на своей шее.

— Мадам, — простонал он, — Вы ранены? Это не серьезно, не правда ли? Это был только легкий удар.

— Это все ваша вина! Ехать как безумный! Вы лишили меня всего, что я имела! Я потеряла из-за вас все.

В бессилии она стала царапать его лицо...

Солдаты перенесли маркизу в ближайший город на

импровизированных носилках. Они были напуганы, увидев кровь на ее платье, и подумали, что она серьезно ранена. Но когда врач, которого вызвали, осмотрел ее, он заявил, что это не его дело, и им надо позвать акушерку.

Лежа в резиденции мэра, Анжелика чувствовала, что ее жизнь уходит вместе с той, другой жизнью.

В высоком бюргерском доме стоял запах овощного супа, что еще больше раздражало. Лицо акушерки, красное и равнодушное, попало в поле ее зрения. Глазам Анжелики было больно, когда она смотрела на свет. Всю ночь женщина оказывала помощь почти умирающему созданию, стараясь спасти его. Она видела приближение смерти.

— Вы не должны, моя сладкая... — шептала она, склоняясь над Анжеликой, которая время от времени теряла сознание, — вы не должны...

Анжелика следила, как по стене передвигаются тени. Сейчас сна чувствовала себя лучше. Холод, который охватил все ее тело, начал исчезать. Ей приготовили чашку горячего вина.

— Выпейте это, моя дорогая, вам надо восстановить кровь, вы потеряли ее слишком много.

Она ощутила вкус вина на своих губах. Открыла глаза. Рядом с ней было большое окно с тяжелыми шторами. За окном дрожал густой туман.

— Когда наступит рассвет? — пробормотала она.

Розовощекая женщина, стоящая рядом с ней, бросила на нее добрый взгляд.

— Уже давно день, спаси вас Бог, — сказала она. — Это не ночь за окном, а туман с реки. Сегодня такое утро, когда немного лучше оставаться в постели и не выходить на улицу. Для болезни вы выбрали хороший день, и не ошиблись. Теперь вы начнете поправляться. Я должна сказать, что вам еще повезло при падении. Вы выберетесь из беды, я вас уверяю.

Отпрянув от дикого взгляда, брошенного на нее больной, акушерка продолжала:

— Ну, разве не так? Для такой важной дамы, как вы, ребенок никогда не желателен. Я знаю, что говорю. Я видела многих, приходящих просить помощи, чтобы избавиться от беременности. А у вас это произошло без больших хлопот, хотя должна сказать, что вы вначале напугали меня. — Не обращая внимания на молчание Анжелики, она продолжала: — Поверьте мне, моя дорогая, вы не должны расстраиваться. Дети только лишают вас вашей силы. И во всяком случае, если вы захотите, то всегда можете снова забеременеть, никаких трудностей для такого красивого создания, как вы!

Анжелика до боли прикусила губу. Ребенок Колена Потювеля никогда

не родится!

Теперь она чувствовала не только раздражение, но и ненависть. Это было как течение, которое не знало, куда двигаться, но давало ей силы бороться. Она должна жить, чтобы мстить, мстить всем.

Ее голова прояснилась, и она понимала, что находится в опасности. Долгое путешествие должно было продолжиться, и она знала, что снова будет окружена вооруженными стражниками. Но какое ее ждет наказание, какую тюрьму для нее изберут?

Глава 2

Крик Анжелики среди ночи вознесся вверх и повис в воздухе, потом затих вдали, подобно свету, ушедшему за гору. Снова раздался крик, и снова замер вдали.

Анжелика приподнялась на локте. Лежа на матрасе, брошенном на пол, она смотрела на светлые и темные пятна теней около своей головы и на отражение света от полированной поверхности мебели. Анжелика поднялась на ноги, стараясь сохранять равновесие, и мелкими шагами направилась к окну. Стоя в свете круглой луны, которая только что взошла, она почувствовала внезапный прилив нежности и прильнула к оконной раме.

Перед нею расстился темный лес на фоне ночного неба — сплошная масса деревьев, шелестящих ветками.

— Это ты! Ты! — выдохнула она.

С ближнего дуба раздался внезапный резкий шорох. Это было похоже на голос Нейля, приветствующего ее возвращение домой.

— Ты! — повторила она. — Мой родной лес! Мой дорогой лес!

Мягкое теплое шелестенье листьев казалось благородным дыханием леса, его вдохами и выдохами.

Анжелика благодарно внимала ему. Ее больную душу успокаивал знакомый шепот леса, ее слабость проходила, и она была не в состоянии оторваться от окна.

В деревянной раме над альковом юный бог Олимпа прохаживался среди богинь. Она была в Плесси, в той самой комнате, где много лет назад в шестнадцать лет из простого интереса шпионила за принцем Конде и герцогиней де Бофор.

Это был тот же пол, на котором она лежала, плача от боли, слабая и обессиленная, как сейчас, в то время, когда ее второй муж, привлекательный Филипп, уходил по коридору после первой брачной ночи.

Анжелика снова забралась в постель. Она закуталась в одеяло, свернувшись подобно маленькому зверьку, как она это делала в пустыне, заворачиваясь в бурнус. Глубокое спокойствие охватило ее, освободив от страданий.

— Я снова дома, снова дома! — бормотала женщина. — Теперь нет ничего невозможного...

Когда она проснулась, место луны заняло солнце, и ее служанка Барба произнесла дрожащим голосом:

— Всегда одно и то же! Ох, дорогая! Валяетесь, на полу, как собака! Анжелика повернулась к ней.

— Если бы ты только знала, как хорошо опять на полу, Барба — сказала она. — Если бы ты только знала, как это хорошо!

— Какой стыд! Моя госпожа так прекрасна! Совсем недавно ее видели в Версале, а посмотрите на нее сейчас.

Вполне достаточно, чтобы зарыдать. Король должен на казать их!

...С низкого ложа Анжелика увидела три пары сапог, одни из которых были с красными полосами. Анжелика знала, что они принадлежат господину де Бретейлю.

Она подняла глаза. Одни сапоги были на мужчине с большим животом в голубом офицерском мундире, с жестоким лицом и жидкими волосами.

Кожаные сапоги с серебряными застежками красовались на человеке, в котором Анжелика не сразу узнала маркиза де Солигнаса.

Еще один персонаж имел бриллиантовые застежки и был одет старомодно: в камзол с высоким воротником у него было строгое аристократическое лицо военного. Именно он, поклонившись лежащей молодой женщине, начал говорить:

— Могу ли я представиться вам, мадам? Я — маркиз де Морилас, правитель Пуату, через меня Его Величество повелел передавать вам приказы и решения, которые он примет относительно вас.

Господин де Морилас был вынужден опуститься на колени, чтобы его услышали. Анжелика смотрела на них сквозь полузакрытые глаза. Она с удовольствием заметила на щеках де Бретейля красные полосы, оставленные ее ногтями.

Между тем губернатор прочистил горло и начал читать:

«Мадам дю Плесси Бельер. Человеку, который вызвал наше крайнее неудовольствие, Мы, король Франции, считаем необходимым довести до ее сведения, что она не имеет права игнорировать наши требования, и указать место и условия ее дальнейшего существования.

Мадам!

Велико было Наше огорчение, когда несколько месяцев тому назад Вы проявили неуважение к Нашей милости. Мы приказали Вам не покидать Париж, хотя эти. приказы имели целью — зная вашу импульсивную натуру — спасти Вас от самой себя и от непредсказуемых последующих действий, которые Вы могли совершить. Вы пренебрегли приказом и встали на путь опасностей, от которого Мы надеялись вас уберечь, и Вы будете наказаны

за слушание.

Учитывая высокое имя, которое вы носите, дружбу, которую Мы питаем к маршалу дю Плесси, и из жалости к Вам, несмотря ни на что остающуюся любимым Нами человеком, Мы не желаем, чтобы Вы понесли заслуженное жестокое наказание полностью.

Сейчас Вы снова находитесь на земле Франции, и Мы Этим довольны. Но Вы должны почувствовать свою вину.

Мы могли заключить Вас в любую тюрьму с проявлением необходимой строгости, но мысль о Ваших страданиях заставляет Нас отбросить подобное решение. Мы предпочли отправить Вас в Ваше поместье, зная, что родная земля — лучшее лекарство. Вы должны оставаться там до того дня, когда решите вернуться в Версаль для выполнения Ваших обязанностей. В ожидании этого дня, который, Мы надеемся, будет не очень отдаленным, офицер, назначенный господином де Мориласом, будет обеспечивать наблюдение за Вами...»

Господин де Морилас прервал чтение и указал на толстого офицера:

— Позвольте представить вам, мадам, капитана Монтадура, которому я намерен оказать честь охранять вас.

Капитан при последних словах де Мориласа восторженно заявил, что готов служить маркизе дю Плесси.

Он зря терял время. Анжелика, которая все еще была завернута в одеяло, казалась спящей.

Господин де Морилас продолжал чтение:

«Мы устанавливаем условия, на которых мадам дю Плесси должна содержаться. Неблагодарное поведение членов ее семьи, один из которых оказался виновен в значительной мере, слишком хорошо известно, поэтому наши условия должны удержать ее от необдуманных действий.

Она должна прибыть в Версаль в карете с черными занавесками. Карета должна остаться за воротами, ей запрещается подъезжать ко Дворцу.

Мадам дю Плесси должна быть одета в платье темных тонов.

В присутствии всего двора при встрече с Королем она должна преклонить колени перед ним, поцеловать его руку и просить о прощении.

Более того, она должна передать Короне одно из своих угодий в Торейне. Документы на передачу должны быть вручены нашему министру Чемберлену во время официальной церемонии, как знак повиновения.

Все попытки мадам дю Плесси обмануть своего сюзерена должны быть пресечены. Она должна быть доставлена в Версаль и принять титулы и честь, которые Мы ей гарантируем. Она не должна делать попытки

избегать Короля, будь это в королевстве, при Дворе...»

— ...или в его постели, — заметила Анжелика.

Господин де Морилас остановился. Несколько секунд он думал, что высказанное замечание есть в письме, потом решил, что несчастная женщина не в себе и очень больна.

Вмешательство Анжелики и тусклый взгляд ее полузакрытых глаз показал ему, что она внимательно его слушает и что она не в таком уж плохом состоянии, как клалось вначале. Он мрачно сказал:

— Ваших слов в письме его величества нет.

— Нет, но это подразумевается, — ответила Анжелика.

Господин де Морилас откашлялся прежде чем продолжить чтение.

— «...при Дворе, или другом месте, куда Его Величество пошлет ее».

— Можете вы остановиться, сударь? Я устала.

— Мы тоже, — сказал губернатор, теряя выдержку, — неужели вы не понимаете, мадам, важности этого письма...

— Я на пороге смерти, сударь.

На лице вельможи появилось выражение недовольства.

— Я не советую вам оставаться здесь слишком долго, мадам, ибо вы не должны думать, что терпение его величества безгранично. Король в его доброте дает вам несколько месяцев на размышление. Но когда время пройдет, он будет разгневан. Сейчас май, мадам, король знает, что вы больны. Он настроен быть терпеливым, но если до начала октября вы не выполните указаний, содержащихся в его письме, он будет рассматривать это, как ваш отказ подчиниться.

— И что случится тогда?

Господин де Морилас еще раз развернул письмо короля.

«Мадам дю Плесси будет тогда арестована и помещена в крепость по Нашему выбору. Ее поместья будут переданы в королевскую казну, а городские и сельские дома проданы. Только дом в Плесси и окружающие его земли останутся в качестве наследства Шарлю-Анри дю Плесси, сыну маршала и Нашему крестнику».

— Что будет с моим сыном Флоримоном? — спросила побледневшая Анжелика.

— Здесь нет упоминания о нем.

Наступило молчание, и Анжелика почувствовала взгляды мужчин, сосредоточенные на ней. Она ничего не сделала им, но они желали низвергнуть ее, ибо она проявила неповиновение королю.

Прошло много времени прежде, чем мадам дю Плесси снова подняла свою гордую маленькую головку, чтобы посмотреть на людей, которые

стали посредниками между ней и королем. Она должна вернуться в Версаль и покориться. Она станет послушной игрушкой в руках короля.

Господин де Солигнас первый нарушил молчание. Долгая беседа его не утомила. Он привык молиться в своей часовне, где просил Бога об улучшении жизни в этом мире. Он сказал, что, по его мнению, в настоящий момент для мадам дю Плесси будет лучше признать прошлые ошибки и с пользой провести время, предоставленное ей королем. Разве король не обещает ей прощение, если она обеспечит, как ей советуют, повиновение в поместье в Пуату?

— Вы должны хорошо понимать, мадам, что так называемая реформистская религия скоро будет изгнана, и народ вернется в лоно нашей католической церкви. Немногие горячие головы продолжают сопротивляться, особенно в том диком крае, где вы родились и где находится ваше поместье. Капитан Монтадур, который является одним из наиболее рьяных последователей Христовой веры, был послан сюда несколько месяцев назад, но столкнулся со значительными трудностями, убеждая ваших гугенотов расстаться с их заблуждениями. Подумайте, мадам, какая благородная миссия ожидает вас. Подумайте, как будет благодарен король, которому вы поможете. Вы знаете крестьян в этом крае, вы говорите на их языке. Вы их госпожа. Есть много способов, с помощью которых вы можете убедить ваших гугенотов отказаться от постыдной ереси!

То, чего не смог сделать своим чтением господин де Морилас, добился своей речью господин де Солигнас. Анжелика очнулась от оцепенения и пристально посмотрела в лицо говорящего.

— В письме Его Величества сказано, что я должка привести в повиновение свою провинцию?

Господин де Морилас обнажил желтые зубы в саркастической усмешке.

— Нет, мадам, — сказал он, — но это подразумевается...

Де Морилас, Солигнас и Бретейль стояли над нею, как вкопанные. Монтадур хотел бы сделать то же самое, но у него был слишком толстый живот, чтобы стоять на коленях. Он наклонился вперед насколько мог. Он думал о других вещах, связанных с Анжеликой. Это полуживое создание, прибывшее в замок несколько дней назад, почти готовое перейти в иной мир, было так привлекательно!

Четыре лица слились в одно кошмарное видение. Мысли Анжелики вернулись назад, к еще свежим воспоминаниям о ее жизни при французском дворе, к напряженной атмосфере Версаля с его заговорами и

угрозами. Все это пронеслось перед ней, она почувствовала, как сжимается вокруг нее кольцо опасности.

— Мадам, — заговорил де Морилас, — дайте нам доказательства вашего послушания, и вы увидите, что избавились от худшего. Мы найдем способ склонить короля к милосердию. Мы можем добиться, что вам не придется ехать в закрытой карете, оставлять ее за воротами, надевать темное платье...

Этот человек имел определенные знания о дамах. Он знал, что для такой женщины, как Анжелика, подобные мелкие детали имели большее значение, чем передача короне ее земель. Они ожидали обещаний и споров, и были готовы выполнить данные им инструкции.

Но Анжелика не пошла им навстречу.

— Вы закончили, господа?

— Нет, мадам. Я должен еще передать вам личное послание Его Величества. Вот оно.

Анжелика сломала красную печать и узнала почерк короля.

«Мое невозможное, мое забываемое дитя...»

Буквы расплывались перед ее глазами. Она позволила руке опуститься, не желая читать дальше. В ее мозгу мелькнул образ короля и исчез.

Господин де Морилас взглянул на безжизненную фигуру и пожал плечами. Он должен дать понять Его Величеству, что разум женщины пошатнулся. Лежать на полу сейчас, когда она могла бы быть королевой Версаля! Немыслимо. Он зря послушался Солигнаса и приложил руку к этому делу. Здесь нет ничего полезного ни для него, ни для короля. Было совершенно очевидно, что женщина умирает.

— Господа!

Анжелика просила их вернуться. Они резко остановились на пороге. Когда она села, распущенные волосы окаймляли ее лицо, подчеркивая яркость глаз.

— Господа, вы должны сказать королю, что он не имеет права давать мне индульгенцию!

— Что это значит, мадам? — спросил де Морилас, отпрянув назад. — Вы отказываетесь от доброты Его Величества?

— Нет, я имею в виду, что не может быть соглашения между нами. Его любовь — оскорбление для меня. В конце концов, разве мы не враги? Между нами может быть только война!

Лицо де Мориласа стало пепельным. Он почувствовал страх даже при мысли, что придется повторить такие слова королю.

Трое вельмож вышли из комнаты обеспокоенные.

— О, вы, должно быть сумасшедшая! — вскричала Барба, склоняясь к постели хозяйки. — Что за безумие все разрушать! Бросить в лицо этим знатым людям, которых послал сам король, такие слова. Очень странным путем вы хотите добиться себе прощения!

— Значит, ты недовольна, Барба?

— Разве недостаточно того, что вы лежите на полу, подобно бродяге, бедное беспомощное создание, не имеющее даже мышинной силы! Чудо, что вы избежали смерти, а теперь играете жизнью, словно это ничего не стоящая безделица!

— Барба, ты стала очень решительной, пока меня не было.

— А чего же вы ожидали, ведь я должна была заботиться о маленьком Шарле-Анри? Как только вы покинули нас, явились местные полицейские, все время задавали вопросы и рылись в бумагах, открывали ящики столов и буфетов. Потом они оставили нас одних. Ни кого больше здесь не было. Вы думаете, что это просто — хозяйничать так, чтобы мы смогли дожждаться в один прекрасный день вашего возвращения? И вот мы дождались вас, и в таком диком виде! Теперь в нашем доме солдаты и тот толстый капитан, они заигрывают со служанками.

Ее страстная речь тронула Анжелику.

— Ну что же, ты думаешь, я должна делать? — виновато пробормотала она.

— Ехать к королю, — прошептала Барба. — Тогда все будет так как должно быть. Вы станете снова самой влиятельной персоной в королевстве. Ваш дом и ваши сыновья везде будут в почете. Поезжайте к королю, мадам, возвращайтесь в Версаль!

Склонившись над Анжеликой, она искала в ее лице знаки понимания. Но под воспаленными веками в зеленых глазах снова появился блеск, и выражение лица Анжелики не вызывало сомнений.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, Барба, Ехать к королю? Для тебя в твоей невинности ничто не кажется более привлекательным, чем Двор! Но я знаю, что это такое! Разве я не жила там? Жить при Дворе? Что за шутка: умереть при Дворе, да! Умереть от скуки и разочарования или от яда из рук ревнивой женщины. Жизнь при Дворе! Я никогда туда не вернусь.

— Король любит вас. Вы можете делать с ним все, что вам угодно.

— Он не любит меня. Он меня хочет. Я никогда не буду принадлежать королю. Это исключено. Слушай, Барба, есть кое-что, чего ты не знаешь. Король Франции всемогущ, но я сумела сбежать из гарема султана. Ты не можешь себе представить, что это значит. Ни одной женщине подобное не

удавалось. Это казалось невозможным, невысшимым. Так почему бы мне не ускользнуть от короля Франции?

— Таков ваш план?

— Да... Я так думаю... Я не вижу, что еще можно сделать.

— О, вы безумны, совершенно безумны! Защити нас Бог! — запричитала Барба, закрывая лицо руками.

Глава 3

Капитан Монтадур обедал в большой столовой замка. Анжелика следила за ним с порога. Обедал — это было не подходящее для него слово: он поглощал пищу. Грубые черты его красного лица подчеркивали рыжие волосы и усы. Бросая исподлобья взгляд на блюда, стоящие перед ним, Монтадур был полностью поглощен уничтожением содержимого. Обглодав очередную кость, он вытер руки салфеткой, заткнутой за воротник.

— Они называют его капитаном, — прошептала маленькая служанка, которая тоже следила за этой сценой, стоя позади Анжелики.

Капитан командовал слугами, словно они принадлежали ему. Когда один из них оказался недостаточно быстрым, чтобы угодить вояке, тот обозвал его дураком и швырнул в него блюдом.

Анжелика отошла.

Было непостижимо, что король поместил такого грубияна под ее родовым кровом. Король, вероятно, ничего не знал о выборе господина де Мориласа, но это не освобождало его от вины перед ней. Король оставил на усмотрение своих подданных способ приведения маркизы дю Плесси в повиновение.

По мере того, как ее здоровье улучшалось, Анжелика стала сознавать, что она зависит не только от милости короля, но и тех, кто тайно управлял королевством. До тех пор, пока она будет оставаться в своем домашнем заточении, она не прояснит происходящего. Все, что она может сделать в подобном положении, это подойти к окну и набраться свежих сил, вдыхая воздух близкого леса. Она говорила себе, что, в конце концов, она жива, кости ее целы, и, вообще, это непостижимое чудо, что она смогла снова увидеть землю родины. Она так часто мечтала о высоких деревьях Нейля, когда с пересохшими губами и исцарапанными ногами брела за Коленом. Сейчас все казалось ей легким и простым, когда она снова вернулась домой.

Мало-помалу она поддалась уговорам Барбы и согласилась спать в кровати. В один из дней она оделась в одно из своих старых платьев, перешитое для нее Барбой, потому что они были теперь ей велики.

Когда она начала ходить, то обнаружила, что возле всех дверей дома стоят посты, и у ворот — тоже.

Она услышала громкий, хриплый голос капитана Монтадура. Слабая и

еще нетвердо стоящая на ногах, Анжелика не была уверена, что снова не упадет в прорастацию. Знакомые лица слуг казались принадлежащими к тому миру, что возвращал ее к жизни.

Они приходили один за другим в маленькую гостиную, чтобы приветствовать ее, и выражали свою радость по поводу ее выздоровления. Это был Лин Пейраке — повар, его жена, добрая пара из Турина, которые служили в Плесси уже 15 лет. Были здесь и бывшая служанка Филиппа — Виолетта, Джозеф, занимающийся псарней, Янаки — главный швейцар, Хадрайн — кучер, Мальбрант — белобрысый грум Филиппа, который, казалось, был доволен жизнью в сельской местности. Он курил трубку, чистил лошадей и оправдывал свое присутствие, обучая юного Шарля-Анри верховой езде. Но мальчик был не таким способным, как его старший брат, и часто говорил: «Зачем Флоримон торчит в этом старом монастыре, когда можно так хорошо проводить время в поместье?» Мальбрант был единственным, кто чувствовал себя непринужденно. Все остальные были возмущены, во время ее отсутствия они испытали грубость со стороны солдат, которые вели себя так, будто находились на захваченной территории. Все обитатели поместья испытывали глубокий стыд от того, что поместье вельможи превратилось в место постоя, как жилище крестьянина или горожанина. Анжелика молча слушала их, следя за ними своими зелеными глазами, и виноватая улыбка играла на ее бледных губах.

— Почему вы не постояли за себя? Разве вы не жители Пуату? Разве у вас нет ножей, топоров, пик?

Слуги обменивались удивленными взглядами. Мальбрант обнажил зубы в широкой усмешке. Кучер Янаки пристыженно сказал:

— У нас все это есть, моя госпожа, но мы не отважились... Ведь это солдаты короля.

— Каждый может ошибиться в темноте. Солдат короля может быть так же легко оглушен, как и крестьянин.

Они молча кивнули, и их глаза сузились. Эти слуги были еще достаточно близки к крестьянам, из которых они вышли, чтобы понимать такого рода беседы.

— Хорошо, моя госпожа, — проговорил Янаки, — если это подходит для нашей хозяйки, то это подходит и для нас. — Они обменялись понимающими взглядами. Они имеют право защищать свою хозяйку. Они не дадут толстому капитану чувствовать себя здесь господином положения. Жизнь в поместье теперь станет трудной для королевских солдат. Слуги были простыми людьми, подчиняющимися единственному хозяину, и возвращение маркизы дю Плесси казалось им концом смутного

периода их жизни.

Для Анжелики все было не так просто. Внешне спокойная, она пыталась обдумать свое поведение до того, как начать действовать, и чем яснее она осознавала тяжесть положения, тем меньше представляла, что должна делать.

Она расположилась в одной из гостиных нижнего этажа, которую особенно любила, и позволила прошлому построить воображаемый мост в будущее.

Именно в этой гостиной она, когда ей было шестнадцать лет, стояла перед разгневанным принцем де Конде.

В то время важный вельможа приезжал в Пуату вербовать сторонников против Мазарини и королевы-матери и для организации заговора с целью отравить малолетнего короля и его брата. Она как сейчас видела герцога, подносящего к свету зеленую бутылочку, данную ему Эксили, и обдумывающего возможность устранения юного Людовика Четырнадцатого.

Теперь де Конде проводил ночь за ночью за королевским карточным столом в отделанных панелями залах Версаля. Король стал непреодолимой силой.

Анжелика выглянула в окно. Она могла видеть краешек ближайших земель. Большие деревья, раскинувшие свои ветвистые кроны, закрывали лужайку, где люди Монтадура держали лошадей. Она увидела Шарля-Анри, возвращавшегося с прогулки с Барбой. Анжелика не могла избавиться от мысли, что в этой кошмарной атмосфере красота Шарля-Анри казалась совсем нереальной.

Барба привела мальчика к ней. Ему было почти пять лет. Гувернантка все еще одевала его в шелк и сатин, словно он находился при Дворе. Он никогда не пачкал своей одежды. Сейчас он молча стоял перед Анжеликой и, хотя она ласково говорила с ним, ей не удалось добиться от него даже нескольких слов.

— Он немного растерян, — сказала Барба, прерывая молчание. — Вы бы послушали его, когда я укладываю его спать вечером. У него на шее ваш портрет, и он разговаривает с ним, но, возможно, он не узнает вас, потому что вы так отличаетесь от своего изображения!

— Ты думаешь, я сильно изменилась? — спросила Анжелика.

— Вы стали более красивы, чем прежде, — сказала Барба. — Когда начинаешь думать об этом, это кажется странным. Ваши волосы в страшном беспорядке, а состояние вашей кожи таково, что может заставить плакать любого. Но, тем не менее, иногда вы выглядите двадцатилетней.

Но в то же время ваши глаза поражают. Такое ощущение, что вы привидение и вернулись с того света.

— Пожалуй, это так.

— Вы стали еще красивее, — повторила служанка, кивая. — Но что я знаю точно, чувствую, что вы стали опаснее мужчины.

— О, оставь мужчин в покое, — пожала плечами Анжелика.

Она посмотрела на свои руки.

— Ногти снова обломались, — сказала она. — И я не знаю, что с ними делать.

Она вздохнула и провела рукой по локонам ребенка. С его необычными голубыми глазами, густыми волосами, розовыми щеками он был достоин кисти художника. Его красота заставила сердце сжаться. Глядя на него, она не могла не думать о Филиппе, ее втором муже. Вспомнила и о жестокой судьбе, пославшей на казнь Жоффрея де Пейрака.

После этого события она сделала все, чтобы заполучить Филиппа, который был холоден, как лед. Она сама отделила себя от своей первой любви и вынудила Филиппа жениться на ней.

Маркиза вздохнула и погрузилась в глубокое раздумье. Через несколько секунд ребенок выскользнул из комнаты. За него она, по крайней мере, не должна бояться. Шарль-Анри дю Плесси, — сын маршала, крестник короля — не будет лишен наследства из-за действий его матери, но старший, гордый Флоримон, имеющий права наследования графства Тулузы с большим богатством, чем Плесси — его судьба была неопределенной.

Когда она достигла Пуату, то сделала попытку связаться с ним. Ее голос дрожал, когда она диктовала мэтру Молине письмо своему брату, отцу де Сансе, в общество Иисуса. Она не догадывалась, что ее попытка вызвала подозрения капитана Монтадура. Она не знала, что письмо перехватили. Капитану Монтадуру, как человеку безграмотному, письмо прочел его лейтенант. Боясь ответственности, он переслал его к господину де Мориласу. Письмо, тем не менее, достигло адресата, так как Анжелика получила ответ от брата.

Из него она узнала, что отцу де Сансе было приказано королем держать молодого Флоримона в монастыре, пока Его Величество не найдет возможности вернуть его матери. Отец де Сансе был полон послушания своему сюзерену, готов был выполнить малейшее его требование. С другой стороны, Флоримон сам не горел желанием попасть под влияние женщины, чье поведение было объявлено неблагодарным. Стоит ей доказать свое послушание и вернуть милость короля, и она увидит своего сына. Во

всяком случае, для двенадцатилетнего мальчика лучше находиться в монастыре, чем быть около матери, которая постоянно проявляет неуравновешенность характера. Его дядя признавал, что мальчик способный, но ленивый, и трудно сказать, что у него на уме, несмотря на его открытость. При нормальном воспитании из него может получиться хороший офицер.

Раймонд де Сансе заканчивал письмо несколькими замечаниями, которые выдавали горечь его чувств. Он устал, писал он, нести на своих плечах, груз неверных деяний его братьев и сестер, и быть единственным, кто спасает имя де Сансе де Монтелу от королевского неудовольствия. Но как может один человек выносить неудовольствие Его Величества, когда ему год за годом приходится противостоять неблагоприятным поступкам остальных членов семьи. Несколько жестоких уроков не привели Анжелику к исправлению. Разве мало он предупреждал ее, Гортрана, Дениса и Альберта? Но какова польза от этих предупреждений? Их дикая непокорная кровь всегда говорит более громко, чем голос разума.

Эта реплика расстроила Анжелику больше, чем все другое. Значит, Флоримона будут держать вдали от нее. Какой стыд! Флоримон, сирота, принадлежит ей и только ей. Она нуждалась в его дружбе и обществе.

Это было единственное доказательство ее утерянной любви. Флоримон и Кантор, два ее первых сына, они росли рядом с ней до марокканского путешествия. Она чувствовала, что потеряла любовь Кантора, вовлекая его в свои авантюры.

Но она нуждалась во Флоримоне, старшем сыне, чьи черты напоминали ей другое лицо, которое начало расплываться в тумане времени. Она перечитала письмо в бессильном гневе. Потом стала обдумывать содержание. Почему ее брат настроен против всей семьи, почему он не обвиняет одну Анжелику за их беды? Когда они были детьми, во всех неприятностях всегда была виновата одна Анжелика. Но на этот раз он говорил во множественном числе.

Она снова обдумала положение. Ей пришла на память одна из фраз господина де Мориласа: «...поступки семьи, несколько членов которой жестоко огорчают меня», или что-то в этом роде. Она не могла точно припомнить слова, поскольку тогда не обратила на них особого внимания. Только теперь, сопоставляя эту фразу с тем, о чем писал Раймонд, женщина стала думать, а нет ли событий, которые ей пока неизвестны. Она была погружена в эти мысли, когда вошел слуга и доложил, что барон де Сансе де Монтелу хочет ее видеть.

Глава 4

Отец Анжелики, барон де Сансе де Монтелу, умер год назад зимой, предшествующей ее отъезду из Марселя. Поэтому, когда доложили о посетителе, носящем его имя, она с трудом поверила своим ушам. Человек, вошедший в комнату, выглядел точно так же, как отец, в коричневом костюме и тяжелых ботинках. Она следила, как он шел к ней вдоль галереи, и узнала фигуру. Мужчины де Сансе. Был ли это один из ее братьев, возможно, Гортран? Нет, Денис.

— Это ты, Денис?

— Здравствуй, — ответил он.

Когда она уезжала, он был военным с хорошим положением в гарнизоне вблизи Парижа. Сейчас он выглядел, как сельский помещик с обеспокоенным взглядом барона Арманда. Он мял руками свою шляпу.

— Я получил приказ господина де Мориласа, правителя провинции, повидать тебя. Поэтому я и приехал.

— Очевидно, никто из этой семьи не делает ничего другого, а только выполняет приказы. Замечательно!

— Но ситуация не такая уж замечательная.

— Что случилось?

— И ты еще спрашиваешь, ты, у которой в замке находятся полицейские, и которая доставлена домой под стражей, как преступница! Вся страна говорит об этом!

— О, да, я знаю. Но что происходит еще?

Денис сел, совершенно потеряв терпение.

— Да, действительно ты ничего не знаешь, и я рас скажу тебе, раз уж господин де Морилас прислал меня.

— Что?

— Не будь нетерпеливой. Ты узнаешь скоро достаточно. Наша семья опозорена. О, Анжелика, почему ты уехала?

— Конечно, они бы не решились напасть на мою семью, если бы я не отважилась уехать за границу, не спросив разрешения короля?

— Нет... Не только. Но если бы ты была здесь, все могло сложиться иначе. Это случилось через несколько месяцев после твоего отъезда. Никто не знал точно, по чему ты уехала, но король был в ужасном настроении. О, я не очень беспокоился. Я сказал себе: «Анжелика уже попадала в неприятные ситуации. Если она сделала что-то глупое, то она достаточно

красива, чтобы поправить дело». Что меня действительно волновало, так это то, что я не знал, где тебя найти, чтобы одолжить немного денег. Я хотел купить должность в полку охраны Версаля, которая была вакантна... Я надеялся получить эту должность с твоей помощью... и твоими деньгами. Я пошел к Альберту, так как знал о его влиянии в кругах монсеньора. Это оказалось хорошей идеей. Брат говорил, что монсеньор очень к нему привязан и осыпает его подарками. Он что-то имел на уме, тот старый козел! Брат одолжил мне несколько сотен ливров, и я купил должность. Так я оказался в Версале. Это было более престижно для нас, офицеров, но в то же время более хлопотно из-за частых парадов для удовольствия короля. Но мы участвовали в приемах и в играх. Были и другие менее приятные вещи, в которых я оказался замешанным. Мы пресекали всякие попытки неповиновения со стороны масонов и строителей... ты помнишь, они выполняли в то время большие работы в Версале?

— Помню.

Монотонный голос молодого человека вызвал перед ней забытые сцены: громадные глыбы отшлифованных камней, наваленных около двух крыльев дворца, которые еще не были достроены, крики, удары молотков и целая армия рабочих.

— Они совершили ошибку, сконцентрировав так много рабочих — целую армию. Они должны были жить в хижинах, и им не разрешалось встречаться с семьями из-за боязни, что они не вернуться, если их отпустить. Ситуация стала ухудшаться летом, когда король начал строительство искусственного озера перед лесом, прямо перед громадными ступенями, с которых открывается вид на оранжерею. Было очень жарко. Из леса налетали москиты, потом у людей началась лихорадка. Они умирали, как мухи. Мы прибегали к посторонней помощи, чтобы хоронить умерших. Но, однажды...

Денис описал внезапный бунт среди рабочих. На усмирение были брошены военные. Толпы людей с молотками и палками в руках бросились по клумбам к дворцу и перебили охрану. К счастью, на параде был полк, который получил приказ немедленно вступить в действие. Потребовалось два часа для подавления бунта, два часа непрерывных залпов, ненависти и стонов умирающих. Бедных рабочих теснили до тех пор, пока они не забаррикадировались в том месте, где шли строительные работы, используя громадные камни. Они бросали их в солдат, и те погибали, буквально раздавленные. Но солдаты были хорошо вооружены, и скоро камни покрылись трупами. Мадам де Монтеспан и ее дамы смотрели на сражение, находясь на балконе южного крыла дворца.

Наконец, рабочие сдались. На следующий день зачинщики бунта были отведены к деревьям около вновь выкопанного озера, где их должны были повесить. В тот самый момент Денис узнал Гортрана, своего брата! Это был Гортран де Сансе де Монтелу, их старший брат. Его лоб был покрыт кровью, одежда порвана и перепачкана краской, руки изъедены кислотой.

Молодой офицер закричал:

— Не его. — Он бросился к старшему брату и закрыл его своим телом.
— Они не должны его повесить.

Солдаты подумали, что их начальник сошел с ума. Слабая усмешка играла на губах Гортрана.

Их повели к полковнику. С трудом Денис пытался объяснить ему, что веревка накинута и на его шею, что смутьян — его родной брат, рожденный одной матерью, а также брат маркизы дю Плесси де Бельер. Полковник, услышав знаменитые имена, видя очевидное сходство между братьями и опасаясь ответственности за казнь дворянина, остановил процедуру. Однако они не церемонились с остальными и те были повешены. Денис же получил отсрочку до заката, чтобы испросить о помиловании у короля.

Но как мог он, простой офицер, попасть к королю? Он не знал никого, кто бы помог ему.

— Если бы ты только была там, Анжелика! Пару месяцев назад ты была при Дворе, король смотрел на все твоими глазами, тебе стоило только сказать одно слово. Почему, о, почему ты исчезла, когда была на вершине своего успеха? О, если бы только ты была там!

Снова Денис подумал об Альберте, который из всех братьев, казалось, добился большего успеха. Добираться до иезуита Раймонда было слишком долго. И, во всяком случае, хотя иезуиты были сильны, они избегали импровизаций. Более того, полковник сказал: «до заката». Денис галопом поскакал в Сен-Клу. Монсеньор охотился там и, без сомнения, его фаворит находился с ним. Был полдень, когда он добрался до Альберта. Потом надо было убедить монсеньора несколько часов обойтись без своего компаньона, а это тоже требовало времени.

— Альберт был большим мастером улыбаться, — продолжал свой рассказ Денис. — Я следил, как они обменивались взглядами, а сам думал о Гортране, стоящем у подножия дерева. Ты помнишь, Альберт всегда был мне неприятен, но он сделал все, что мог. В Версале, куда мы прибыли к вечеру, он стучался во все двери. Я следил за тем, как солнце движется по небу... Наконец, господин де Бриен выслушал нас. Он оставил нас на секунду, потом вернулся и сказал, что у нас, возможно, будет случай

встретить короля, когда он покинет свой кабинет, где принимал отцов Парижа. Мы ждали в военной комнате в конце большой галереи... ты знаешь.

— Знаю.

— Дверь открылась, появился король, мрачный и важный.

Юный Альберт бросился перед ним на колени, бледный и взволнованный.

— Поимейте жалость, сир, к моему брату, Гортрану де Сансе, — воскликнул он.

Выражение лица короля было недовольным. Он уже знал о том, что его дожидаются двое молодых людей, и почему они здесь, как просители. Тем не менее, он спросил:

— Что он сделал?

Братья наклонили головы.

— Сир, он был одним из людей, которые восстали вчера и вызвали во дворце беспорядки на несколько часов.

Король иронически произнес:

— Сансе де Монтелу, благородный человек из древнего рода — среди каменщиков? О чем вы говорите?

— Тем не менее, Ваше Величество, это правда. Наш брат всегда отличался странностями. Он хотел рисовать и стал изгнанником, поступил против воли нашего отца, и тот в гневе лишил его наследства.

— Действительно, странная идея.

— Наша семья потеряла его следы. Но в тот момент, когда его собирались повесить, мой брат Денис узнал его.

— И вы задержали выполнение приказа о его смерти? — спросил король, обращаясь к офицеру.

— Сир, он мой брат!

Выражение лица короля стало каменным. Все знали, чей дух витал между актерами этой драмы. Неназванное имя, светлый силуэт женщины, которая исчезла из Версаля, убежала, оставив в расстройстве короля. Король не простил. Когда он наконец заговорил, у него был грозный голос:

— Господа, вы члены семьи, приносящей беды, что не дает нам основания для прощения. В ваших жилах течет кровь великих вассалов, которые так часто были опорой трона. Но вы и одна из семей, которые слишком часто спрашивают себя, выполнять или не выполнять приказ короля, и часто решаете, что «нет». Мы знаем человека, за которого вы просите. Он опасный вожак, он ушел к простому народу, чтобы возглавить его. Мы провели следствие по делу, и когда узнали его имя, были

огорчены! Вы говорите, он — Сансе де Монтелу? И каким образом он доказал это? Выполнил он долг человека благородного происхождения? Нет, он предпочел занять место художника, отбросив ответственность перед своим именем, предпочел компанию простолюдинов, презрев свое собственное сословие. Он сказал, что лучше говорить с каменщиком, чем с принцем. Если бы у нас сложилось мнение, что странное поведение этого человека — следствие слабого интеллекта — такое случается в самых лучших семьях, — но это не так. Мы его слышали... Мы разобрали насмешливый тон при обращении к королю...

Людовик Четырнадцатый остановился.

— Он вел себя как безумец и должен поплатиться за свое безумие. Пусть он умрет постыдной смертью, как обычный преступник. Пусть его повесят! Разве не собирался он обратиться к парламенту в надежде побудить его забрать у нас всех рабочих?

Король тронулся, его рука лежала на золотой рукоятке трости.

Молодой Альберт де Сансе сделал отчаянную попытку.

— Сир, — закричал он, — поднимите глаза к потолку. Там вы увидите работу моего брата, сделанную для Вашего прославления.

Луч заходящего солнца, проникший сквозь окно, осветил бога Марса, борющегося с волками.

Король остановился. Красота, которую он так любил, вызвала в нем ответные чувства. Его практичный ум обратился к человеку, который смог создать такую изумительную картину. Почему господин Перрот, контролирующий работы, ведущиеся в Версале, не сказал ему, какой талантливый человек тот, кого они собираются казнить без суда? Боясь королевского гнева, ни один не отважился заступиться за горячую голову. Король быстро сказал:

— Надо остановить казнь. Мы желаем более детально рассмотреть это дело.

Он повернулся к господину де Бриену и продиктовал прощение. Двое братьев, еще стоя на коленях, услышали его замечание:

— Он может работать в студии господина Ле-Бруна.

Братья бросились через уже темнеющий сад к озеру, где должна была совершиться казнь. Но они пришли слишком поздно. Гортран де Сансе де Монтелу был мертв — повешен на ветке дуба лицом к версальскому дворцу.

Братья опустили тело вниз. Альберт ушел за каретой, своим лакеем и кучером. Они галопом помчались в Пуату, нигде не останавливаясь, чтобы скорее достичь земли предков и там похоронить художника, чьи руки

сейчас были неподвижны. Только родная земля могла чувствовать его раны и успокоить горечь, которая застыла на лице покойного.

Гортран — художник, который видел всадников в лесах Монтелу, использовал желтую землю для разрисовки стен, пьянел от красоты и покинул сей мир...

Плача, как мальчишки, Альберт и Денис похоронили его в семейном склепе возле деревенской церкви в Монтелу.

— Потом я пришел в замок, — рассказывал Денис. — Все было мертво, в доме не раздавалось ни звука, не было видно даже ребенка. Только Фантика хлопотала на кухне и тетя Марта, такая же, как всегда толстая, трудилась над своим гобеленом. Две старухи, далекие от мира.

И я остался там. Ты знаешь, что написал наш отец в своем завещании: «Сын, который вернется к земле, унаследует ее». Почему не я? Я взял обратно мулов, посмотрел на работу фермеров, потом женился... на Терезе де ла Майлерей. У нее не было состояния, но у нее славный характер. В ближайшее время у нас появится ребенок.

Вот что хотел господин де Морилас, чтобы я рассказал тебе. Я имею в виду не свою женитьбу, а Гортрана. Ты можешь подумать и лучше понять, чем мы обязаны королю после того, как ты и твоя семья оскорбили его. Но я считаю...

Он смотрел на лицо сестры. Она была старше его, и он всегда боялся ее красоты, ее поступков, и тайны, которая окружала ее исчезновение. Теперь она снова вернулась, и на этот раз оказалась черной. Она была смертельно бледна и поражена до глубины души рассказом, который услышала. Денис был и рад, и испуган одновременно.

«Анжелика всегда будет такой же, — подумал он, — но наступающие дни не будут мирными».

— Господин де Морилас не знает тебя достаточно хорошо, — проговорил он, — По-моему, он совершил ошибку, желая подчинить тебя королю, дав тебе узнать, что один из Монтелу повешен по приказу короля.

Глава 5

Молине, управляющий поместьем дю Плесси, ежедневно приходил к ней после ее возвращения. Старик медленно шел со счетными книгами под мышкой по дороге, которая вела от его кирпичного дома к замку.

Независимый, хорошо справляющийся со своими делами, мэтр Молине был менее всего похож на слугу дю Плесси Бельер. Анжелика, а тем более Филипп, были мало посвящены в сущность дел Молине. Но они знали одно: если в нем нуждаются, он всегда оказывается на месте, будь то в Париже, когда хозяин и хозяйка находились при Дворе, или в Плесси, когда какая-нибудь случайность приводила их в замок.

Молине был первым, кого она увидела, приподнявшись на кушетке с помощью двух мушкетеров в то время, как господин де Бретейль торопливо обращался к собравшимся слугам:

— Я привез мадам дю Плесси домой. Она умирает. Ей осталось жить всего несколько дней...

Лицо Молине не выразило никаких эмоций. Он приветствовал Анжелику так бесстрастно, словно она вернулась после короткого визита в Версаль, когда возникла необходимость продать часть земель, чтобы оплатить ее игорные долги. Только когда она услышала его заявление в категорической форме, что в этом году урожай будет неважным, она начала понимать, где находится, почувствовала, как организм начинает бороться с болезнью, сознание вернулось к ней и она вспомнила о прошлом.

Он не осудил ее, не задал ни единого вопроса. Он имел несомненное право сделать какие-нибудь замечания благодаря своей длительной службе в семье, но он ничего не сказал.

Он никогда не проявлял беспокойства в случае отсутствия Анжелики, но всегда старался защитить ее деловые интересы. Мадам дю Плесси путешествует, говорил он. Она вернется. Но что король? Что его гнев? Все ведь знают об этом. Не будет ли мадам дю Плесси арестована и брошена в тюрьму?

Молине пожимал плечами, зная, что не должен забывать о тех, кто стоит за ним. Люди должны уметь молчать.

Поэтому почти целый год, пока судьба Анжелики была предметом возбужденных предположений, управляющий держал в железном кулаке подданных и финансы, заботился о состоянии покойного маршала,

сохраняя его для Анжелики и наследника, маленького Шарля-Анри. Благодаря его усилиям все слуги оставались на местах, и здесь, и в парижских домах.

Молине объявил всем причастным о возвращении хозяйки. Он не упоминал тот факт, что она под домашним арестом, подчеркивая только, что король — ее друг и что скоро она сама займется делами властно и компетентно. Это было объявлено парижским купцам и гаврским судовладельцам, с которыми Анжелика вела дола.

В имении Молине продолжал сохранять порядок. С удивительной пунктуальностью он посещал фермы и подсчитывал урожай. Протестантов он навещал так же, как и католиков. Обитатели замка не замечали солдат в доме, которые пожирали сыры и окорока и пускали своих лошадей на лужайки — они были посланцы господина де Мориласа. Мэтр Молине не делал замечаний, Он только напоминал фермерам об их обязательствах перед хозяевами и записывал цифры в счетные книги.

— Мэтр Молине, что нам делать? Разве вы не последователь Кальвина, как и мы? — говорили крестьяне-гугеноты, стоя перед ним в больших черных шляпах. Их глаза были темными и фанатичными, — Должны ли мы отказаться от нашей веры, чтобы сохранить наши пожитки, или все потерять?

— Будьте терпеливы, — отвечал он.

В его доме тоже были драгуны. Они загадили его комфортабельный дом, сожгли сто фунтов свечей и разбили за два дня всю посуду, кричали, не давая ему отдохнуть:

— Отрекись, старая лисица, отрекись!

Этот эпизод произошел до возвращения Анжелики. Поскольку Монтадур занял место стража одной из наиболее красивых женщин королевства, а мадам дю Плесси не была поборником реформистской церкви, Морилас счел нужным дать приказ оставить ее подопечных в покое.

Молине, снова свободный, начал регулярные визиты в замок, и Монтадур, видевший в нем одного из худших гугенотов провинции из-за его влияния на крестьян, кричал:

— Когда ты будешь читать мессу, старый еретик?

Впервые, увидев Анжелику с болезненным румянцем на щеках, управляющий еле сдержал вздох. Блеклые зрачки сузились, и Анжелика могла поклясться, что он молит Бога. Это было так непохоже на его обычные манеры, что она ощутила себя несчастной.

Когда она стала чувствовать себя лучше, Молине впервые заговорил о

тех помехах и угрозах, которые нависли над провинцией с тех пор, как месье де Морилас предпринял попытку покорить Пуату.

— Миссионеры фальшивой религии используют нашу провинцию для эксперимента. Если методы, которые они используют для победы над протестантами, окажутся эффективными, то они распространят их на все королевство. По нантскому эдикту протестанты должны быть изжиты. во Франции.

— Какое это имеет отношение ко мне? — спросила Анжелика, глядя в открытое окно.

— Я вам объясню, — коротко ответил Молине.

Снова открыв свои книги, он без труда показал ей, что ее земли, в основном, находящиеся в руках протестантов, уже страдают от тяжелых потерь. Людям мешают выходить на поля, пасти скот. Цифры убедили ее.

— Мы должны подготовить жалобу. Не может ли ваш церковный совет прекратить это, опираясь на условия эдикта?

— Но к кому мы можем обратиться? Правитель провинции — сам организатор этих беззаконий. А что касается короля... Король слушает тех, кто дает ему советы...

Я ждал вашего возвращения, мадам, так как вы можете остановить беду. Поезжайте к королю, мадам. Это единственная возможность для вас лично, для провинции и, кто знает, возможно, для королевства.

Значит, вот чего он хотел.

Анжелика остановила свой трагический взгляд на Молине. Многое могла она сказать, ее опущенные ресницы дрожали. Он пенял ее ответ еще до того, как она заговорила, ведь все прошедшие дни, когда она так тяжело болела, он думал о том, что должен сказать ей.

Хотя он знал странную девочку из Пуату достаточно хорошо — он помнил ее деликатную девичью грациозность, когда она бродила среди лужаек по соседству, и, если они встречались, она смело смотрела на него, — но никогда он не считал ее настолько странной, как сейчас. Он не был уверен, что она его понимает. Поэтому он заговорил резко и быстро, как говорил в тот день, когда она пришла в его дом, чтобы спросить, выходить ли ей замуж за графа де Пейрака:

— Поезжайте к королю.

Но какие бы аргументы он ни приводил, Анжелика снова и снова качала головой.

— Я знаю, как вы горды, — продолжал управляющий, — но я также знаю, что вы разумный человек. Забудьте свои обиды. Разве вы не обратились к королю, когда были пленницей у берберов, и разве он не

откликнулся на ваш зов? Вы сможете сделать все, если выберете правильный путь. Вы сможете снова приобрести влияние на человека, которого однажды покорили.

Анжелика еще раз сказала «нет». В памяти всплыл Меззо-Морте, адмирал Альгиера, в маске. Она услышала его смех и слова:

— Человек, известный как Джеф-эль-Кальдом, умер на плахе три года назад.

И она поняла, что с этого момента начала терять надежду. Она также увидела висящее тело, повернутое лицом к Версалю. Увидела своего второго мужа Филиппа дю Плесси, смотрящего на нее в последнюю ночь, перед тем, как он решил встретить смерть.

«Прощай, мое сердце, прощай, моя любовь. Мы должны служить королю. Поэтому расстаемся...»

Король забрал все, что она имела.

Она покачала головой, взгляд ее стал еще тверже.

Наконец она заговорила. Она говорила о своем отъезде, путешествии. Она не делала попыток объяснить поступки, но ее мысли снова и снова возвращались к «нему».

— Я никогда не найду его, Молине. И, возможно, он действительно мертв теперь... на плахе или еще где-нибудь. Смерть так легка на Востоке...

Она немного подумала, потом покачала головой и продолжала более спокойно:

— Я потерпела поражение. Я — узница.

Она взмахнула рукой, не украшенной кольцами, которые стали слишком большими.

— Я никогда не смогу забыть ислам. Все, что там произошло со мной, стоит перед моими глазами. Оно похоже на один из этих больших разноцветных ковров, по которым так приятно ходить босиком. Могу я согласиться с тем, чего просит от меня король? Нет. Могу я вернуться в Версаль? Нет. Одна мысль об этом делает меня больной. Вернуться снова к подхалимам, интриганам, заговорщикам! Вы не понимаете, о чем просите, Молине! Нет ничего общего с тем, что я чувствую, и жизнью, к которой, вы хотите, чтобы я вернулась.

— Но у вас нет выбора, кроме как покориться, или восстать, не правда ли?

— Я не покорюсь.

— Значит, вы хотите мятежа? — спросил он иронически. — Где же вы соберете войска? Где оружие?

Его сарказм не произвел никакого впечатления на Анжелику.

— Есть некоторые вещи, которых боится монарх, даже такой всесильный, как король Франции. Он боится соперничества среди важной знати и враждебности собственных провинций.

— Эти вещи только тогда имеют вес у короля, когда проливается много крови. Я не знаю, что вы намерены делать, но пока вы находились в Марокко, вы стали, кажется, ценить человеческую жизнь очень дешево.

— Напротив, я поняла ее настоящую цену. — Она засмеялась. — Муль Исмаил имел привычку отрубать две-три головы каждое утро, просто для повышения своего аппетита. Жизнь и смерть были так близки, что каждый день спрашиваешь себя, что более важно: жить или умереть.

Старый Молине кивнул головой несколько раз. Да, теперь он знал это сам, пока у женщины есть сомнения, можно воззвать к ее здравому смыслу, но когда она полна решимости, нужно опасаться худшего, так как теперь она будет следовать только своему собственному решению.

У него всегда было чувство, что в личности Анжелики были многочисленные грани. Ему хотелось бы разорвать ту цепь событий, которые уводили ее все дальше и дальше. Ему было обидно видеть, как она вступает в спор с судьбой, не делая попыток приспособиться к ней.

Почему она не может жить в Версале, если там она имеет все, что желает? Находясь там, маркиза была здорова, влиятельна и жила в удовольствиях. Но волна, которая понесла ее в мир таинственной одиссеи, вынесла ее в другой, эфемерный мир, и она больше не испытывала удовлетворения от иллюзий. Ее сила толкала ее к отделению от общества, но ее слабость заключалась в том, что она не могла быть больше частью того общества, которым окружил себя король Франции.

— Как хорошо вы знаете меня, Молине? — спросила она.

«Бог знает, какую потустороннюю силу она приобрела в тех диких и таинственных землях», — подумал Молине, все более и более расстраиваясь.

— Верно, я не должна была уезжать, Тогда все было бы просто. Жизнь при Дворе! Вы можете делать там все, что хотите, но только не жить. Возможно, я становлюсь старой, но меня никогда не привлекали яркие игрушки, ради которых пляшут версальские куклы. Ха! Стул у ног короля... Какое счастье! Что за удовольствие получить приглашение сидеть за королевским карточным столом! Что за бесполезная и бессмысленная страсть! Танцы были единственным, что доставляло мне удовольствие. И еще замечательные сады! Но цена была слишком высока, постоянные компромиссы, и, в конце концов, ты отдаешь свое тело... из-за глупой скуки. Вы, действительно, думаете, господин Молине, что вернувшись к

жизни после тяжелой болезни, поняв, что я еще жива, я могу снова вступить в кабалу? Нет, нет! Иначе, пустыня меня ничему не научила...

Видя знаки мученичества, лежащие, подобно вуали, на ее красоте, Молине, при всей своей твердости почувствовал уважение к ее рассуждениям. Но он не мог удержаться от вздоха. В борьбе с ней он хотел победить, а не спасти ее.

Непредвиденное бедствие угрожало разрушить все, что делало его жизнь успешной. И это были не только деньги, которые он накопил. Его собственность была столь разнообразной, что могла выдержать не один шторм. Но были другие вещи, которые много значили для него: богатство и общественная значимость семьи дю Плесси Бельер, перспективы его родной провинции, постоянно растущее число протестантов.

Благодаря своему влиянию на короля Анжелика вполне могла изменить соотношение сил католиков и гугенотов в Пуату.

— А что будет с вашими сыновьями? — спросил старик.

Молодая женщина оцепенела, потом посмотрела, как он и раньше часто замечал, в окно, словно прося лес помочь ей в несчастьях. Ее темные зрачки нервно заблестели.

— Знаю... мои сыновья. Оки толкают меня к повиновению. Ответственность за их жизни парализует мою волю.

Она бросила на Молине иронический взгляд.

— Что за парадокс, Молине, думать, что добродетель использует моих детей как орудие, чтобы уложить меня в постель короля! Но именно так обстоят дела сейчас.

Старый гугенот ничего не сказал. Он вынужден был признать справедливость ее цинизма.

— Бог знает, я сражалась за моих сыновей, когда они были малы и беспомощны, — продолжала она, — но теперь положение изменилось. Мусульмане забрали у меня Кантора, король и иезуиты — Флоримона. Во всяком случае, ему сейчас двенадцать, а это возраст, когда мальчик из хорошей семьи может начать самостоятельную жизнь. Шарль-Анри унаследует состояние дю Плесси Бельера. Король никогда не лишит его наследства. Разве же я не вольна жить, как хочу?

Лицо Молине покраснело от гнева. Он опустил обе руки к коленям. Если она руководствуется такой логикой, чтобы доказать справедливость своего поведения, он не переубедит ее.

— Вы отвергаете ответственность перед вашими сыновьями. Значит, вы можете свободно разбить собственную жизнь, — закричал он.

— Значит, я могу быть свободной и не пасовать перед негодьями.

Он попытался привести другой довод.

— Но, мадам, вы, кажется, считаете, что должны покориться королю. От вас только просят сделать публичное заявление в присутствии Двора, и это вернет вам расположение короля, удовлетворив таким образом его гордость. Я думаю, мадам, что женщина, подобная вам, будет достаточно умна...

— Ты думаешь, этим удовлетворишь короля? — сказала она. — Исключено! Он никогда не позволит мне ограничиться публичным покаянием, и я сама...

Она всплеснула руками.

На миг она представила себе, как проходит всю большую галерею, одетая в черное, под острыми любопытными взглядами придворных, а король стоит в конце с выражением важности, которое так естественно на его каменном лице. А потом, когда она останется с ним наедине и он подойдет к ней, его врагу, сможет ли она спастись от него?

В ней не было больше непогрешимости юности, которая бывает эффективным барьером для страсти. За это время она пережила слишком много событий, чтобы не сознавать скрытого влияния любви. Чувство часто бросает женщину в руки мужчины, который ее добивается.

Теперь она была женщиной до мозга костей, испытывавшей так много мужских ласк, так много желаний и так много насилия над ее прелестным телом. Так много, что она знала, что может уступить.

И Людовик Четырнадцатый, который изучил ее психологию, прекрасно понимал это. Он может привязать ее к себе своей горячей душой.

Она была слишком воспитана, чтобы сказать Молине, какие картины проносятся в ее уме.

— Король не дурак, — сказала она со смехом, — Мне трудно объяснить вам, Молине, но я не могу предстать перед королем лицом к лицу... это не должно случиться. Вы знаете, почему, Молине... Я могла провести остаток дней с человеком, которого любила, с человеком, выбравшим меня в спутницы жизни... Мое бытие не проходило бы в горе, когда б мое счастье не было прервано. Это был самый большой удар в жизни: понять, что есть вещи, которых невозможно избежать. Жив он или мертв, но наши дороги разошлись. Он любил других женщин, также как я любила других мужчин. Мы предали друг друга. Наше совместное существование только начиналось, и король прервал его. Я не могу простить, как не могу и забыть этого... Я не должна забывать, ибо такое было бы худшим предательством. Если я это сделаю, все мои надежды

будут похоронены.

— Какие надежды? — перебил он.

— Я не знаю... есть еще проблеск надежды, которая не умирает, и, между прочим, вы говорите о моих интересах... Должна я пойти и протянуть свою чашку Монтеспан, чтобы она отравила меня. Я полагаю, вы осознаете простой факт, что она попытается отравить меня, и Флоримона тоже.

— Вы достаточно сильны и умны, мадам, чтобы противостоять ей. Люди говорят, что она уже не имеет прежнего влияния. Король устал от нее. Люди говорят, что он проводит много времени с другой опасной интриганкой, мадам Скаррон.

— Мадам Скаррон? — воскликнула Анжелика. — Но она гувернантка его детей.

— Разумеется. Но король от этого факта проявляет не меньший интерес к беседам с ней.

Анжелика пожала плечами. Потом она вспомнила, что бедная Франсуаза была членом большой семьи Аубигне, и что весь Двор, пытающийся воспользоваться ее протекцией, называл ее, кто с обожанием, кто с горечью, — «милой индианкой».

Молине продолжал:

— Я говорю это, чтобы вы поняли — не надо больше бояться мадам де Монтеспан. Вы пренебрегали ею, когда она была в расцвете своей силы. Теперь будет детской игрой избежать ее гнева.

— Успокойтесь, — проговорила Анжелика. — Я лучше выберу другой вид борьбы. И если придется сражаться, то лучше на родине... Единственное, что кажется мне реальным в подобном хаосе, — это радость находиться здесь. Дом приносит мне исцеление и ранит одновременно. Потому что я могу ясно видеть, что проиграла. Но мне хорошо, ибо я ужасно хочу снова видеть место, где я родилась. Странно... кажется, что после того, как я, семнадцатилетняя девушка, покинула Монтелу и карета графа де Пейрака увезла меня на юг, и после многих злоключений я вернулась опять в те места, где провела свое детство, чтобы разыграть мою последнюю карту...

Последние слова побудили ее остановиться. Она медленно поднялась по ступеням на площадку, откуда могла окинуть взглядом окрестности. Неужели Монтадур, чей силуэт маркиза увидела на гравийной дорожке, думает, что она будет оставаться здесь всю весну и лето в четырех стенах замка, ожидая осени, чтобы люди короля арестовали ее и увезли в другую тюрьму? Нет!

Она знала — когда придет время, она убежит в лес и ее толстый тюремщик с большими усами и не догадается об этом и будет продолжать следить за замком, полный самодовольства.

Он был идиотом, не знал ничего о жизни полей и о том, что каждая нора имеет два выхода.

Но до того, как она окажется вне закона, одетая в зеленое, чтобы лучше спрятаться от глаз ищущих, она должна бросить все, что имеет, на весы.

«Моя последняя карта...»

Вернуть себе свободу на этот раз было даже более невозможно, чем сбежать из гарема Муль Исмаила. Тогда ее женственность помогла ей. Методы, которые она применяла раньше, не помогут теперь. Ей не удастся ускользнуть из темницы, доверяясь ночи и тишине. Она не может прибегать к средствам защиты, используемым слабыми животными, которые меняют окраску, чтобы слиться с природой.

Чтобы преодолеть могущество короля Франции, необходимо найти нечто более смелое и надежное. На этой земле, где все подчинено одному хозяину, надо отыскать силы для мятежа!

Сейчас, когда она вернулась в свой собственный мир, мадам дю Плесси могла видеть, что у нее нет друзей среди равных ей. Было бесполезно надеяться, что дружба, страсть или, наконец, обычная амбиция придут ей на помощь. Все благородные люди поклонялись королю. Их имена проходили перед нею, как духи: Бриен, Кавайс, Ловис, Сен-Айднан... Лозен был в тюрьме, он находился там долго и должен был выйти усталым стариком, его силы угасли...

Стоя на узкой площадке, Анжелика обратилась к горизонту:

— О, мое провидение, поддержишь ли ты меня?

Ниже Плесси был лес. Перед ним — земли с ее обитателями. Далеко слева, словно между небом и землей, виднелся край земель Пуату, наполовину затянутый тучами.

Со своей площадки Анжелика не могла разглядеть признаков жизни. Бокадж с его полями был закрыт тучами и выглядел так же, как и лес. Фермы настолько хорошо прятались среди холмов, что звук деревень терялся среди лесов. Даже там, где сельская жизнь была наиболее активна, нельзя было рассмотреть ничего, кроме зелени.

Розовые холмы казались ранами на теле земли, среди них были пещеры, в которых, по словам людей, скрываются гоблины. Гортран так много говорил об этом в детстве, и Анжелика как-то показала ему пещеры, но он хотел осмотреть их сам и отослал маленькую девочку прочь. Ей было

очень горька от этого, и она стала хранить свои открытия при себе.

Невидимая отсюда, вдали проходила старинная римская дорога. Ее широкие камни казались серой змеей, по которой когда-то прошли легионы Цезаря.

Игрой судьбы она возвратилась к знакомым деревьям и воде. Какой урок должна она получить здесь? Какую правду должна открыть среди древних земель?

То была земля, где стояли темные замки, построенные рыцарями, и старинные аббатства. То была земля религиозных войн.

Земля бунтов и большого разбоя. В детстве Анжелика была совсем совершенно уверена, что всякий, пришедший на эту территорию со стороны, является иностранцем и, вероятно, врагом. Она встречала их с подозрением и недоверием. Она боялась всяких новшеств, которые они могли принести с собой в страну ее детства и нарушить тот порядок вещей, который ей нравился и был ей понятен. Ландшафт, что простирался перед ней, не мог предать ее и позволить слугам короля арестовать ее.

Солдаты размещаются за стенами замка. Они опустошают плантации табака, чтобы изготовить самокрутки, но их немного. Обитатели Пуату могут быстро справиться с ними, когда будет дан сигнал. Даже сейчас солдат находили задушенными в зарослях. Женщины забрасывали их грязью, избивали, ослепляли...

Самуэль, герцог де ла Мориньеру его два брата, Хью и Ланселот, все гугеноты благородного происхождения, нашли убежище в пещерах после того, как убили лейтенанта драгунов, который пытался занять их дом.

События далекого прошлого, о которых вспоминала няня Фантина, снова стали становиться реальностью. «Вооруженные солдаты заснули в селе, и местные жители укрылись в лесах». «Несчастный рыцарь бежал от расправы короля в леса, где жил два года».

Вечерами можно было слышать звук охотничьего горна около Бокаджа, но это не было сигналом окончания дневной охоты. Так передавались секретные послания, преследуемым гугенотам. Один из них, Исаак, барон де Рамбург, жил в старом замке на холме недалеко от Плесси, и его черная крепость выделялась силуэтом на фоне красного неба. С того времени, как Мориньеры, еретики-патриархи укрылись в лесах, некоторые из крестьян вновь были обращены в католичество. Несмотря на это, они собирались ночами среди деревьев, чтобы петь прежние гимны.

Монтадур хотел повести своих людей в лес, чтобы застать еретиков врасплох. Но его люди боялись темных лабиринтов.

Видение возникло перед глазами Анжелики. Она увидела человека,

галопом подлетевшего к замку и постучавшего в дверь. Это был король. Он заключил ее в объятия и шептал слова, которые писал одной единственной женщине: «Моя незабываемая...»

Но прошло время, когда король Франции вскакивал на лошадь и скакал галопом без остановок к возлюбленной, как он это делал, когда он был влюблен в Марию Манчини.

Он тоже был пленником собственной значимости и был вынужден дожидаться, когда женщина сама покорится. И хотел получить подтверждение своих надежд от господина де Бретейля.

— Вы думаете она приедет?

Придворный поклонился, пряча улыбку.

— Сир, мадам дю Плесси еще больна после ужасной катастрофы во время путешествия.

— Не передала она через вас записку для меня? Она еще полна слепой ненависти к нам?

— Сир, боюсь, что это так.

Король вздохнул и его взгляд обратился к большой галерее.

Увидит ли он ее однажды, идущую к нему, сломленную и покорную?

Он сомневался. Перед мысленным взором возникла фигура красивой женщины в цепях, стоящей на площадке и глядящей на черные деревья и воду.

Глава 6

Анжелика бежала под деревьями. Она сняла туфли и чулки, листья шуршали под ее босыми ногами. Она должна где-то остановиться и внимательно прислушаться. Анжелика думала о свободе, она счастливо смеялась. Было так легко спуститься в подвал и найти маленькую дверь позади бочек, что вела к подземному коридору, который имел каждый уважающий себя владелец замка.

Подземный коридор в Плесси не имел ничего общего с необычным коридором из ее дома на Рю де Бютрели в Париже. Там был проход под мостовыми через серию тоннелей прямо за город. В Плесси же это была просто темная дыра, которая вела к выходу в зарослях. Когда она выбралась оттуда, то увидела солдат в красных мундирах, совершавших обход. Маркиза, однако, была скрыта от них, а они понятия не имели, что женщина, находящаяся под неусыпным надзором, была здесь, в нескольких шагах от них, и следила за ними. Потом она спокойно раздвинула ветви и пошла в сторону от дома.

Скоро она очутилась в настоящем лесу. Сердце Анжелики успокоилось. Она была довольна успехом и тем, что силы снова вернулись к ней. После трудных дорог в Марокко прогулка по почерневшим листьям была детской забавой. Иногда лес прерывался полянами, где росла высокая трава. Анжелика двигалась уверенно по прогалинам с приятным запахом свежей зелени.

Анжелика остановилась около Волшебного камня, окруженного дубами друидов, — колоссальной плоской плиты, напоминающей стол, в обрамлении четырех камней поменьше. Маркиза обошла вокруг них. Теперь она была уверена, что не проиграет. Эта часть леса была ареной ее детских приключений с волшебными камнями, волками, холмами Трех Сов, пересекаемыми Полями Смерти. Если хорошо прислушаться, она могла слышать стук топоров лесорубов, доносимый ветром. Люди из деревушки Гербар регулярно приходили сюда летом.

Но она пробиралась по тропинкам, ведущим из Монтелу. И потому была меньше знакома с дорогой через лес из Плесси, хотя часто бродила вокруг этих мест, с белым замком и прудом, которые теперь принадлежали ей.

Она отряхнула юбку от травы и листьев, как всегда делала в этом месте, пригладила волосы, растрепавшиеся во время бега. Улыбнулась

открытию, что придает так много значения подобным мелочам. Она начала подниматься по высокой лестнице, змеящейся среди скал. Ступени были покрыты песком и глиной. Никогда Анжелика не могла подниматься сюда без волнения.

Тропинка углубилась в зеленые заросли. Анжелика свернула в узкий проход, ведущий к реке, шум которой она слышала внизу.

Наклонилась вперед и подняла занавес ветвей, закрывающий вход в пещеру. Она уже не могла вспомнить слова, что должна была произнести при посещении капища. Напрягая память изо всех сил, она не могла вспомнить текста. Что-то двигалось внутри пещеры, слышалось шарканье ног, лотом худая рука появилась у стены и вскоре в полумраке возникло старческое лицо.

Женщина выглядела, как безумная, с коричневой сморщенной кожей и густой копной снежно-седых волос вокруг головы.

Она мигнула, когда узнала посетительницу.

Анжелика спросила на местном диалекте:

— Вы Мелузина, чародейка?

— Да. Что ты хочешь, милая?

— Я принесла это для вас.

Она протянула пакет, содержащий кусок ветчины, небольшие пакетики соли и сахара, кусок сала и мешочек, полный золотых монет.

Старуха внимательно все осмотрела, потом повернулась и скрылась в пещере. Анжелика последовала за ней. Скоро они дошли до круглой комнаты с земляным полом, слабо освещенной огнем из очага, дым от которого уходил в щель наверху.

Молодая женщина села на камень и стала ждать, как она привыкла делать в прежние годы, когда приходила советоваться с Мелузиной. Это была уже не та ведьма. Та была старое и чернее, и ее повесили на дубе крестьяне, обвинявшие старуху в попытке навести порчу на детей. Когда люди услышали, что в пещере снова появилась обитательница, они по привычке стали называть ее Мелузиной.

Откуда брались лесные ведьмы? Какие тропы несчастья привели их в эти места, чтобы стать поклонниками луны? Теперешняя ведьма, как говорили, была наиболее опытная и наиболее опасная из все, ранее известных. Считалось, что она может насылать лихорадку, может укрощать демонов, помещая их в орех. Если вы потом дадите такой орех своему врагу и он съест его, то к вашей радости у него начнутся конвульсии. Единственным способом излечиться от порчи было паломничество к гробнице милосердной Девы Катины, где постоянно находились волосы и

ногти девственницы.

Женщины, которые должны были стать матерями, хорошо знали дорогу к пещере; приходили и мужчины, уставшие ждать естественной смерти старых дядюшек, от которых ожидали наследства.

Анжелика, наслушавшаяся подобных слухов, рассматривала нелепое создание с нескрываемым интересом.

— Чего ты хочешь от меня, дочь моя? — спросила ведьма через некоторое время глубоким ясным голосом. — Хочешь знать ожидающее тебя будущее? Или хочешь привязать кого-то к себе цепями любви? Или хочешь, чтобы я приготовила снадобье, которое сохранило бы тебе здоровье в твоих длительных путешествиях?

— Что вы знаете о моих долгих путешествиях? — спросила Анжелика.

— Я вижу большое пространство и палящее солнце. Дай мне твою руку и я прочту твое будущее.

Анжелика отказалась.

— Я пришла спросить кое-что попроще. Вы знаете пути всех лесных жителей. Можете вы указать мне тайные укрытия людей, приходивших сюда молиться и петь гимны с крестьянами из деревушек? Я хочу предупредить их, но не знаю мест их встреч.

Ведьма присела от возбуждения. Она замахала своими скрюченными руками.

— Зачем ты хочешь спасти заблудших детей тьмы?

Ты — дочь света? Предоставь этих людей своей судьбе.

— Вы знаете, где они живут?

— О, да! Как я могу не знать, если они всегда ломают мои ветки и топчут мои травы. Все больше и больше их приходит, они крадутся, как волки, а когда встречаются, то начинают петь. Животные пугаются, птицы прерывают свое щебетанье, горы шатаются, а я от таких песен сильно страдаю. Ты понимаешь, дочь моя? Зачем эти люди приходят в лес?

— Их преследуют. Солдаты короля ищут их.

— У них есть даже главари — три охотника. Старший из них тверд, как железо. Он — их великий вожак. Говорит мало, но когда говорит, кажется, словно он перерезает горло своим кинжалом. Он всегда говорит о крови и враждебности, — Она придвинулась ближе к Анжелике, и та почувствовала на своем лице ее горячее дыхание, — Слушай меня, малышка. Однажды вечером я следила, как они собирались между деревьями. Вожак говорил, стоя под дубом. Он смотрел в моем направлении. Не знаю, видел ли он меня, но я видела в его очах огонь, так что мои собственные глаза начало жечь, и я вынуждена была отвернуться.

И это я, которая могу остановить дикого волка. Такая у него сила. Поэтому остальные являются по его зову и повинуются ему. У него большая борода. Он подобен дикому медведю, пришедшему к ручью мыть свою окровавленную шкуру после того, как растер зал юных девушек.

— Это герцог де ла Мориньер, — сказала Анжелика с улыбкой, — один из великих протестантских вельмож.

Имя патриарха ничего не говорило Мелузине. Она продолжала думать о ней, как о диком медведе. Но скоро ее настроение изменилось, она даже улыбнулась. Не тубы были крупными и сильными и очень белыми, словно она следила за ними с большой тщательностью.

— Почему мне не отвести тебя к ним? — внезапно спросила она. — Он не ответит от тебя глаз. Мужчина мужчиной и останется.

Анжелика не могла представить себя и герцога де ла Мориньера на дороге любви. У нее было совсем другое на уме, и она должна была действовать быстро.

— Я пойду, пойду, — бормотала Мелузина. — Я буду твоим проводником, милая. Твоя внешность удивительна, ты ужасно красива. Дай мне руку.

Что она прочла по ней? Она оттолкнула руку Анжелики, ее серые глаза горели огнем.

— Ты должна сюда приходить. Ты принесла мне соль и табак. Ты — моя сестра, моя дочь.

Первая ведьма, с которой Анжелика говорила еще ребенком, вела себя подобным же образом, словно это она же сидела на том же самом месте. Употребляла те же самые слова. Страх и интерес к ведьмам всегда наполнял Анжелику наивной гордостью. Когда она была девочкой, то была уверена, что в один из дней она будет владеть всем: счастьем, красотой, здоровьем. Но теперь она знала, что можно владеть всем и не испытывать удовольствия.

Она посмотрела на свою руку.

— Скажите мне, скажите мне, Мелузина, испытаю ли я победу над королем? Избегу ли я его преследований? Найду ли я снова любовь?

Но на этот раз запротестовала ведьма.

— Что я могу тебе сказать, чего ты не знала бы о своем сердце?

— Вы отказываетесь сказать мне, что вы видели, чтобы не расстраивать меня?

— Пошли, пошли! Человек с черной бородой, должно быть, ждет, — торопливо сказала ведьма.

До того, как покинуть пещеру, она взяла небольшую сумку и дала ее

Анжелике.

— Здесь некоторые травы. Бросай их каждый вечер в кипящую воду, оставляй отвар на лунном свете и пей на рассвете. Ты восстановишь утерянную силу мышц, а твои груди станут тугими, будто наполненные молоком. Но это будет не молоко — они нальются кровью молодости.

Женщины шли друг за другом. Ведьма не придерживалась тропинок. Она находила дорогу по неприметным знакам. Небо было темным из-за ветвей. Анжелика подумала о своем страже Монтадуре. Заметил ли он ее отсутствие? Маловероятно. Он приходил каждое утро приветствовать ее. Это входило в его обязанность, вмененную господином де Мориласом. Ему было приказано не беспокоить узницу, но убеждаться, что видел ее хоть раз в день. Толстый капитан исполнял поручение с удовольствием, но холодные манеры Анжелики отталкивали его. Ее ледяной взгляд обрывал всякую попытку разговора или галантности. Она видела, какой сдерживал свои комплименты, крутя усы. Он уходил, приговаривая, что идет охотиться за еретиками. Каждый день после полудня он вскакивал на лошадь и вместе с отрядом всадников отправлялся затевать беседы с жителями в ближайших деревнях. Иногда он приводил с особой какой-нибудь протестанта, чтобы заняться беднягой лично, и тогда в замке раздавались удары и крики.

Но, надеясь приобрести благосклонность маркизы дю Плесси своей приверженностью к делам Бога, капитан совершал большую ошибку. Она презирала его, и все его попытки, заинтересовать ее хорошей работой были бесплодными. Но когда сегодня утром вояка сказал ей, что вечером надеется арестовать известного пастора из Женевы благодаря своим шпионам в замке Грандхир, где пастор должен был остановиться, она прислушалась.

— Пастора из Женевы? Что он здесь делает?

— Он здесь для того, чтобы вызвать бунт среди местных еретиков. К счастью, меня предупредили. Вечером он покинет лес, где встречается с этим проклятым Мориньером! Я буду ждать его в засаде, и если герцог будет с ним, что вполне возможно, я арестую и его. Господин де Морилас знал, что делал, когда поручил эту работу мне. Поверьте, мадам, в следующем году в Пуату не останется протестантов!

Она послала за ла Вайолетом, который был одно время лакеем Филиппа.

— Ты член реформаторской церкви. Знаешь ли ты, где прячется герцог де ла Мориньер и его брат? Мы должны предупредить их. Они могут попасть в ловушку.

Лакей ничего не знал. После некоторого колебания он сказал, что герцог иногда присылает ему записки, а он с тем же посланцем передает информацию, которую ему удастся выведать у солдат, чтобы помочь протестантам. Но узнавать ему удастся немного. Монтадур был не таким уж дураком, как казался, и хотя он любил слушать звук собственного голоса, но болтал не о многом.

— Не думаю, что сами солдаты знают об этом протестантском пасторе, о котором вы упомянули. Я готов поклясться, что они и не слышали о нем. Им ставят задачу в последний момент. Капитан очень подозрителен и скрытен.

Анжелика послала ла Вайолета в Грандхир предупредить хозяина и его жену. Но они не знали, где будет встреча в лесу. Находящиеся вне закона часто меняли место встречи. Господин де Грандхир пытался отправиться в лес, но был остановлен отрядом драгун, которые «случайно» находились около его дома.

Именно тогда Анжелика вспомнила о Мелузине.

— Я пойду к ней и тогда уж точно найду кого нужно.

Она планировала сбежать из-под самого носа Монтадура уже давно. Теперь ее попытка увенчалась успехом.

Ведьма остановилась и подняла указательный палец.

— Слушай!

Поднимаясь над холмами, сквозь листья долетел до них звук, который мог быть завыванием ветра, но когда они подошли ближе, то уловили мелодию — то было пение псалмов.

Протестанты собрались около реки Вандеи, в большом овраге, известном как Гигантский овраг.

Красные языки пламени сияли сквозь ветви кустарника. Можно было видеть только белые платки женщин, молящихся там, и большие черные шляпы крестьян.

Потом какой-то человек выступил вперед к костру. По описанию ведьмы Анжелика без труда узнала герцога Самуэля. Его высокая фигура с бородой была очень впечатляющей.

Людовик Четырнадцатый не любил, когда герцог приезжал в Версаль. Самуэль играл ту же роль при Дворе, что и адмирал де Колиньи в прошлом столетии. Он удалился от Двора в немилости в свои поместья, где и жил сейчас.

В высоких сапогах, достававших до половины бедер, в черной одежде с широким поясом, на котором висели кинжал и шпага, в старомодной шляпе с пером, какие носили гугеноты в провинции, что делало их

похожими на Кальвина или Лютера, герцог Самуэль де ла Мориньер был примечательной фигурой. Он, казалось, принадлежал другому веку, Веку, когда люди были грубее и безжалостнее. Он был неотъемлемой частью дикого ландшафта, и когда повышал голос, эхо гор усиливало его, и это заставляло Анжелику дрожать.

— Мои братья, мои сыновья, приходит день, когда после нашего долгого молчания мы должны возвысить свои голоса и понять, что в угоду Богу мы должны действовать. Откройте заветную Книгу. Что вы найдете:

«Бог пойдет вперед, как обычный мужчина. Он выступит против своих врагов. Я долгое время придерживался мира. Я разрушу горы и холмы, высушу все их травы... Они будут стыдиться, что веровали в свои заблуждения».

Голос его усилился, и Анжелика почувствовала, как холодная дрожь пробежала по спине. Она повернулась к ведьме, но увидела, что та незаметно ускользнула.

Небо было еще светлым, но тяжелые тучи гнева нависли над окружающим миром.

Голоса кричали:

— Но что мы можем сделать против короля?

— Все. Нас больше, чем людей короля, и Бог на нашей стороне.

— Но король всемогущ!

— Король далеко, и что он может предпринять, если целая провинция поднимается на свою защиту?

— Католики предадут нас.

— Католики так же боятся драгунов, как и мы. Они тоже обременены налогами, кроме того, их немного. У нас лучшие земли...

Дважды очень близко прогремел гром.

Анжелика вздрогнула. Над поляной, казалось, пала тишина. Когда она взглянула снова на вождя гугенотов, то увидела, что он повернулся к ней. На фоне огня его глубоко посаженные глаза были красными. «Глаза огня, — говорила ведьма, — но ты можешь смотреть в них».

Анжелика прикусила губу.

«Я должна, — сказала она себе, — это моя последняя карта».

Маркиза понимала, что она выбрала свой путь, пойдя на встречу гугенотов, чтобы спасти пастора из Женевы, и теперь ей будет нелегко вернуться назад.

Патриарх Самуэль де ла Мориньер был единственным человеком, способным разжечь в сердцах протестантов гнев против монарха. Ему было почти пятьдесят. Он был вдовцом, отцом трех дочерей, жил в своем

поместье с двумя братьями, Хью и Ланселотом, которые были женаты и имели детей. Вся эта большая семья жила под руководством своего патриарха и проводила дни, молясь или охотясь. Прошло время, когда ла Мориньеры принимали гостей. Теперь женщины ла Мориньеров говорили тихо и забыли про улыбки. Дети, чувствуя настроение своих воспитателей, забросили учебу и учились лишь охотиться и владеть оружием. Когда ла Мориньер впервые увидел Анжелику, ее золотистые волосы, босые ноги, услышал вежливую речь дамы, он почувствовал, что она — человек страстный, такой же, как и он сам. Но была ли она готова принять его предложения?

Глава 7

Человек, трубивший в охотничий рог по вечерам, получил указание Монтадура не трубить сегодня, поскольку дом Рамбурга был близко от Плесси, а капитан чувствовал уверенность, что наложит свою тяжелую руку на бедного дрожащего гугенота.

Когда Анжелика и ее сестра были молоды, они часто подшучивали над высоким парнем с выступающим адамовым яблоком, которого они встречали на деревенских сходках и на ярмарках в соседних городах. С годами барон Рамбург отрастил длинные усы и завел постоянно беременную жену, за юбку которой цеплялся кто-то из малышей. Местные говорили, что семья была несчастливой с тех пор, как рыцарь дома совершил попытку овладеть спящей красавицей. Семья стала еще беднее, когда начала придерживаться религии Кальвина. Исаак, последний представитель рода, жил в своей башне, и все, что он мог делать, — это трубить в рог. Все приглашали его на встречи, так как трубил он разнообразно и изобретательно.

Но в последний год встречи стали редкими. Католики и протестанты держались порознь друг от друга в своих поместьях и ожидали конца трудностей, вызванных появлением военных. Барон Рамбург был последователем герцога де ла Мориньера.

Герцог был человеком, с которым трудно было не согласиться. Анжелика поняла это, когда увидела вождя гугенотов, направляющегося к ней в своей черной куртке, развевающейся на ветру. Он казался даже более величественным на фоне голубого неба, чем в темноте леса.

Место встречи назначили на краю леса, где когда-то был лагерь римлян. Небольшие полуразрушенные постройки лагеря еще сохранились.

Герцог уселся напротив, на квадратный блок. Его два брата стояли рядом. Лагерь римлян был одним из мест их регулярных собраний. Крестьяне-гугеноты прятали оружие и припасы в развалинах замка. Отсюда они могли обозревать весь район и не бояться, что их застанут врасплох.

Герцог начал еще раз благодарить ее за то, что она сделала для женевского пастора. Ее поступок доказал, что барьер недоверия может быть преодолен, когда люди восстают против тирании правителей. Он хорошо знал, что она сильно пострадала от короля. Более того, разве она не находилась под стражей, как узник? Как мадам дю Плесси смогла

добраться до них? Она объяснила, что воспользовалась подземным ходом, Монтадур ничего не подозревает.

Было трудно не отвечать герцогу, когда он задавал . вопросы.

Требовательный тон заставлял давать немедленные и точные ответы. Его глаза, глубоко посаженные, имели пронзительный прищур. Они были подобны двум золотым самородкам, и их яркость даже утомляла. Анжелика избегала его взгляда. Она подумала о ведьме, которая боялась этого слуги Бога.

Для его встречи сегодня она надела платье, подобающее ей по рангу, — темного цвета, но из дорогого сатина. Было нелегкой задачей пройти по узкой тропинке в лесу, в корсете, сжимавшем талию. Ла Вайолет, лакей, сопровождавший ее, нес плащ. Он стоял неподвижно в нескольких шагах поодаль, как положено послушному слуге. Анжелика хотела, чтобы беседа с герцогом шла на равных.

Она сидела на римском сиденье. Камень потемнел за прошедшие столетия. Ее красные кожаные туфли были видны из-под подола платья, волосы свободно колыхались на ветру.

Она слушала властный голос с тяжелым сердцем, немного испуганная.

— Что вы хотите от меня, герцог?

— Я хочу, чтобы мы были союзниками. Вы — католичка, я принадлежу к реформаторской церкви. Но мы можем быть компаньонами в неповиновении, соратниками в свободомыслии. Монтадур живет под вашей крышей. Следите за ним и передавайте нам все о нем. А ваши крестьяне — католики...

Он наклонился вперед.

— Дайте им понять, что они на той же стороне, что и наши крестьяне, что они такие же граждане Пуату, и их реальными врагами являются солдаты, которые грабят их. Напомните им о непомерных налогах. Разве не жили бы они лучше под прямым управлением своих хозяев, чем работать на короля, заслуга которого только в том, что он присылает армии иноземцев для прокорма!

Маркиза больше не могла выдержать его взгляда. Она уже видела, как большая армия крестьян поднимается на защиту своей свободы, она знала, как деньги, заработанные трудом в провинциях, тратятся на праздники в Версале или на захватнические войны на границах Лорейна и Пикардии, как знатные люди Пуату держались около короля в то время, пока их поместья управлялись бесчестными управляющими, а армия отбирала у крестьян почти весь урожай. У гугенотов и у католиков, без различия.

Все это она знала. И слушала внимательно. Ветер становился все

резче. Она вздрогнула и откинула назад прядь волос, упавшую на лицо. Ла Вайолет подошел с плащом. Анжелика набросила его на плечи резким жестом. Затем подняла СБОЙ взор на Самуэля де ла Мориньера.

— Да, я помогу вам, — сказала она, — но ваша война будет жестокой и кровавой. Чего вы ожидаете добиться пением гимнов? Вы должны захватывать города, контролировать дороги, должны превратить всю провинцию в крепость. Необходимо закрыть все восточные границы с севера и юга, и поднять другие провинции: Нормандию, Бретань. Короля надо заставить говорить с вами, словно вы тоже король, и вынудить принять ваши условия.

Герцог был поражен страстностью ее речи. Он выпрямился, лицо его покраснело, глаза сверкали. Он не привык, чтобы женщина так говорила с ним. Но он сдержал себя, и сидел молча некоторое время, теребя конец длинной бороды. Он гонял скрытую силу этой женщины, которую раньше считал беспечным созданием, подобно всему прекрасному полу. Вспомнил, как его дядя говорил: «Женщина вдвойне сильнее мужчины, когда есть угроза городу». Даже когда они терпят поражение, женщины не признают себя побежденными.

Он глубоко вздохнул.

— Мадам, вы говорите верно. Вы правы в том, что это наш единственный путь. И если мы не примем его, нам надо сразу поднять руки. Но будьте терпеливы. Помогите нам. И в один прекрасный день все будет так, как вы говорите. Я вам это обещаю!

Глава 8

А потом новая волна преступлений прокатилась по провинции, и ненависть к красным драгунам разлилась, как тысяча ручейков. Все началось с того, что три драгуна были найдены повешенными на перекрестке дорог. На каждом трупе была табличка с надписью: «Поджигатель, грабитель, разрушитель». Их товарищи не отваживались снять трупы. Они висели на краю леса, а было известно, что протестанты прячутся там. Поэтому трупы оставались висеть, медленно раскачиваясь, как предупреждение тем, кто растаскивал провинцию. Лето украсило лес богатой зеленью, и тела казались еще более мертвыми среди этой красоты.

Монтадур, кипевший от гнева, хотел нанести решительный удар протестантам. Он пытал пойманных гугенотов, чтобы заставить их сказать, где прячется ла Мориньер. Потом, взяв с собой наиболее решительных людей, вступил в лес. После нескольких часов поисков их храбрость исчезла под действием тишины, темноты и густых зарослей.

Внезапный крик совы нарушил тишину.

— Это их сигнал, капитан, они здесь среди деревьев. Они собираются напасть на нас...

Драгуны отступили, со страхом глядя на темные кущи. Когда солдаты выбрались из леса, некоторые из них пали на колени и пообещали поставить свечку в ближайшей церкви.

Домой вернулись с пустыми руками. Вожди гугенотов были предупреждены.

Монтадур не мог даже подумать, что его узница имеет отношение к военным делам. Она, которой раньше даже не было видно, теперь приходила и беседовала с ним. Однажды он даже пригласил отобедать ее за одним столом. Капитан полагал, что маркиза скучает, и что его галантность начинает давать плоды. Аристократку не испугаешь драгунами. Монтадур почувствовал радость завоевателя и стал ощущать себя поэтом.

Если бы только не было здесь проклятых еретиков, которые портили столь приятную службу. Он написал господину де Мориласу, прося помощи в связи с тем, что не может одновременно сторожить маркизу дю Плесси и справляться с вылазками гугенотов. Ему в помощь был послан еще один полк, который разместился около Сен-Мейксента. Господин де Роне, лейтенант, прислал записку, что не может квартировать в городе,

потому что вооруженные гугеноты контролируют обе дороги и реку Серв и он может оказаться захваченным.

Монтадур снова выругался. Что он думает? Что протестанты не будут больше заниматься террором? Этот Роне не знает, о чем говорит: необходим визит туда самого Монтадура.

— Неужели вы хотите покинуть меня так скоро? — спросила Анжелика наилюбезнейшим образом.

Маркиза сидела лицом к капитану. Только что она принесла корзину ранних ягод и они с аппетитом ели их.

Монтадур решил для себя, что отряд де Роне необходимо передвинуть немного выше, ближе к Партеню. Сам он, достаточно делал, учитывая общее сопротивление жителей. Они вели себя одинаково, как гугеноты, так и католики. Имели в погребах кувшины, полные золотых монет, но легче от этого не становилось. Куда бы они не повернулись, они видели сверкающие глаза своих врагов: волков, солдат и сборщиков налогов.

Солдаты становились все более напуганными, так как часто, сжигая урожай гугенотов, они не могли удержать пламя, и огонь перекидывался на поля католиков. Ни один из крестьян не дал бы добровольно и зернышка для драгун. Они все произошли от одного корня, жители Пуату со своими арабскими глазами, размахивающие кулаками, когда вы поворачиваетесь к ним спиной.

— Посылайте этих нерадивых работников ко мне, — говорила Анжелика. — Я поговорю с ними хорошенько.

Поэтому в замок приходили и уходили многие посетители. Некоторые соседи Анжелики — католики, также заезжали к ней. Один из них, господин де Кройси, растолстевший еще больше, близкий ей по духу, с радостью выполнял приказы женщины, в которую столько лет был тайно влюблен. Господин и мадам Фейморан, Сен-Обин и Мазе тоже навещали Анжелику. Своеобразное общество образовалось среди ближайшей знати. Монтадур думал, что это очаровательно. Он написал господину де Мориласу, что мадам дю Плесси помогает ему установить взаимопонимание с населением.

Капитан находил, что ему делается труднее и труднее уезжать от этой женщины, с каждым днем относящейся к нему все благосклоннее. Анжелика, полностью восстановившая свою красоту, снова получала удовольствие, надевая элегантные платья. Она стала сама распоряжаться слугами.

Было ли зелье ведьмы причиной появления румянца на ее щеках и нового блеска в волосах? Ее тело наполнилось молодой силой, а душа

страстностью. Снова она чувствовала, как в ней растет упорство, как было всегда, когда ей приходилось решать трудные задачи. Под ее ногами двигалась земля, усиливался ветер, штормовые тучи закрывали голубизну неба.

Наступило лето. Было время сенокоса, и в то же время работы часто прерывались. Драгуны были заняты тем, что тащили женщин за волосы к мессе, а если они сопротивлялись, то жгли им пятки, находя в этом удовольствие. Но против грабителей выходили все новые крестьяне с вилами в руках.

Пламя восстания разгоралось.

Глава 9

Герцог де ла Мориньер держал связь с Анжеликой при помощи сокола, который теперь сидел на руке Вайолета, защищенной рукавицей из бычьей кожи.

Птица принесла записку. Встреча в эту ночь должна была состояться или в римских развалинах, или в пещере у ручья. Анжелика должна прийти одна. Требование не испугало ее, оно было ей даже интересно. Узнал бы Монтадур свою элегантную узницу, если бы увидел женщину, одетую в короткую юбку, обтрепанную снизу?

Анжелике нравилось ходить при слабом свете луны. Листья ореховых деревьев были похожи на мириады бриллиантов, а листья дубов отливали серебром.

Ни на секунду у нее не появилось страха, когда она бежала через лес, хотя там водились волки, и по слухам, даже медведи. Лес пугал маркизу меньше, чем человеческое общество, которое ранило ее сердце, и когда она шла по лесу, ей казалось, что она снова бредет через пустыню.

Однако на месте встречи радость покинула ее. Она стала оглядываться вокруг, нетерпеливо ища взглядом гугенотов. Женщина слышала их шаги, далеко доносящиеся в тишине. Она даже разбирала приглушенные голоса и могла видеть красные шапки среди деревьев.

Вначале герцог де ла Мориньер приходил с братьями, потом все чаще стал появляться один, что вызывало в Анжелике неприятное чувство.

Когда он был один, он не приносил с собой факела. Казалось, он способен видеть в темноте, и отлично знает все лесные тропинки. Он выходил из зарослей весь в черном, тяжелые сапоги стучали по сухой земле, в только бледная луна освещала место встречи. Анжелика испытывала волнение, которого сама не могла понять. Голос патриарха был очень зычным, а горящие глаза, казалось, проникали в самую глубину ее души. Было что-то в этом человеке, что отталкивало ее. Даже Муль Исмаил казался ей менее страшным. Он был ужасен в своем роде, но, как женщина, она его не боялась.

Муль Исмаил любил женщин и ему нравилось приручать их. Он был привержен их очарованию, красоте и желаниям. Маленькая рука при достаточном уме могла покорить льва пустыни.

Для герцога де ла Мориньера все женщины были или хороши, или плохи. Он еще в Версале был знаменит своими высказываниями против

кокетства и никогда не замечал, что его собственная жена безобразна. Овдовев, он повторно не женился. Возможно, одинокая жизнь, которую он вел в лесу, охотясь, помогала ему держать свой горячий темперамент под контролем. Он избегал женщин и удивлялся, что Создатель дал им место во вселенной.

Анжелика быстро поняла его взгляды, и они раздражали ее. Но она нуждалась в силе этого человека, если хотела противопоставить себя королю. Однако она не могла не чувствовать своей вины перед Богом и Святой Девой за то, что вступила в союз с гугенотом.

Их антагонизм выплеснулся однажды ночью, когда они крались по вершине холма к развалинам. Пастор из Ниорта, путешествующий морем, ожидал герцога, и Анжелика согласилась сопровождать священника на встречу. Луна ярко светила на небе, лес был безмолвен.

Вскоре они очутились около Нейльского аббатства. Анжелика едва сдерживала дыхание. Удивительно красива была картина, открывшаяся перед ними. Анжелику охватили воспоминания: ночь, что она провела в аббатстве, когда была девушкой, брат Жан, который избавил ее от сомнительного внимания брата Томаса. Он отвел ее в свою келью, где она была в безопасности. Он смотрел на нее, и его глаза были полны сияния.

— Твое имя Анжелика, Анжелика — дочь ангела, — и монах показывал ей шрамы на своем теле говоря: — Смотри! Смотри, что сатана сделал со мной!

Неистовство мистической ночи снова вернулось в ее сердце.

Герцог де ла Мориньер заговорил, и голос его был полон ненависти.

— В один из дней огонь Небес поразит эти стены и от них не останется камня на камне! И земля опустеет.

Анжелика двинулась к нему, полная негодования.

— Молчать, еретик! Еретик! Как я ненавижу вашу презренную секту!

Женский крик эхом вернулся обратно, и внезапно ее охватил ужас, сердце наполнилось бессилием и ненавистью. Герцог приблизился вплотную. Она слышала его дыхание. Он грубо взял ее за плечи, сдавив как металлическими обручами. Горло перехватило. Она пыталась вырваться, но не сумела. Он был в опасной близости, и она могла только оставаться неподвижной, вдыхая мужской запах воины и охоты.

— Что вы сказали?! — выдохнул он. — Вы нас ненавидите? Какая разница! Вы все равно будете продолжать помогать нам, — настаивал он, — вы не предадите нас?

— Я никогда никого не предавала — ответила маркиза гордо, сдерживая слезы. Ноги ее дрожали. Она боялась, что упадет в обморок, но

она заставила себя избавиться от руки, лежащей на ее плече, — Оставьте меня, — сказала она, — вы меня пугаете.

Пальцы разжались, он убрал руку.

Анжелика отпрянула назад, сердце ее гулко стучало. Она боялась его, но также она боялась себя, опасалась погрузиться в безмолвную темноту леса. Анжелике стало холодно и она плотно закуталась в плащ.

— Крестьяне! — кричал герцог. — Имеете ли вы хлеб и сыр?

Они сидели на каменных стульях за столом в одной из задымленных хижин, и жена хозяина поставила перед ними кувшин с молоком. Она принесла блюдо горячих бобов, поджаренных с беконом. Дети, полуголые, со сверкающими черными глазами, наблюдали с открытыми ртами за тем, как двое людей ели: чернобородый мужчина и женщина с золотыми волосами.

Анжелика бросала косые взгляды на герцога. Он чем-то напоминал ей Колена Потювеля с его широкими плечами, что привлекало ее в нем. Но Колен Потювель был человек утраченного рая, а этот был из ада, человек темноты.

— Он прошел прямо к дверям вашей спальни, — шептала маленькая служанка Бертиль, когда Анжелика вернулась в Плесси.

— Кого ты имеешь в виду?

— Гаргантюа. Он стучал и звал... Но вы не отвечали.

«На это была очень простая причина», — подумала она.

Капитан Монтадур явился и на следующую ночь. Он звал:

— Маркиза! Маркиза!

Его руки скользили по запертой двери, и она слышала скрип пуговиц мундира о дерево.

Анжелика слушала, приподнявшись на локтях. Стенания Монтадура у ее дверей ночью скорее забавляли, чем пугали.

Разумеется, это он должен был бояться. Нельзя отрицать, что за дверью была странная тишина, и он почти был готов поверить в истории, рассказываемые слугами, что их хозяйка превращается ночами в лань и убегает в лес.

Яблоки покраснели на деревьях, а три брата де ла Мориньер по-прежнему разъезжали по провинции. Передвижения протестантов приобрели непредвиденные размеры.

«Оставайтесь там, где находитесь, — писал де Морилас капитану Монтадуру. — Район, в котором вы пребываете, является оплотом сопротивления. Попытайтесь заполучить в свои руки вожаков». В постскриптуме он добавлял: «Непрестанно следите за персоной, которую

вы сторожите. Я замечаю, что сопротивление возрастает, и она может иметь к этому отношение!»

Сам правитель расположился во главе королевских войск на севере Пуату. Четыре протестантских деревни, где жители возмущались поведением заполнивших их солдат, были сожжены дотла. Людей, которых удалось поймать, повесили. Остальные пополнили ряды герцога де ла Мориньера. Женщин и детей собрали вместе и вывезли после опубликования эдикта. Он гласил: «Категорически запрещается оказывать помощь и гостеприимство женщинам — еретичкам деревень Нойретер, Пиррефит, Квинг и Арбес, давать им пищу, огонь и воду, оказывать другие человеческие услуги».

Отряды правителя направлялись в центральные районы Пуату, чтобы охотиться за бандами протестантов. Там они узнали, что братья ла Мориньер собрали значительные силы, они привлекли на помощь милицию Брешура.

Вступив в указанный город, губернатор обнаружил там совсем мало жителей. Господину де Мориласу немедленно сообщили, что маленькая армия ла Мориньеров побывала в Брешуре и разъезжала по опустевшим улицам с криками: «Город захвачен! Город захвачен!»

Господин де Морилас вынужден был признать, что в провинции начинается гражданская религиозная война. Он направился в Плесси посоветоваться с Монтадуrom.

Из лесных зарослей гугеноты наблюдали, как длинная серая колонна с блестящими пиками двигалась по римской дороге.

На следующий день отряды ушли, оставив Монтадуру только небольшое подкрепление. Недовольство местных жителей, даже католиков, которые отказывались давать солдатам хлеб и вино и встречали их градом камней, пугало правителя. Он не мог оставить отряды здесь, боясь вызвать более активное сопротивление. Он отвел своих солдат обратно и отбыл в Париж, чтобы обсудить с министром, какие меры следует предпринять.

Глава 10

Анжелика вскочила, как безумная рванувшись к зарослям, завернувшись в плащ и не обращая ни малейшего внимания на ветки, которые хлестали ее по лицу.

— Вы нарушили соглашение, — закричала она Самуэлю де ла Мориньеру, как только увидела его.

Он стоял возле Волшебного камня, весь в черном, олицетворяя по ее представлению дьявола. Чем больше она смотрела на него, тем злее становилась.

— Вы предатель. Вы обманули меня. Вы заключили союз с католиками, чтобы впоследствии более эффективно уничтожить их. Вы человек без чести.

Она замолчала, в ее голове было смятение, полная луна повисла над вершинами дубов, которые раскачивались перед ее глазами. Она вынуждена была прислониться к одному из них, чтобы не упасть.

— Вы ударили меня?

Жесткая усмешка появилась на губах патриарха.

— Так я угощаю слабых бесстыдных женщин. Никогда прежде женщины не отваживались говорить со мной в подобном тоне!

Чувство гордости Анжелики заставило ее потерять голову. Она нашла единственный способ поразить толстую шкуру фанатика.

— Женщины! Я не могу представить ни одну женщину, которая захотела бы заниматься любовью с дьяволом, подобным вам!

Она прикусила язык, когда увидела его реакцию. Он схватил ее за обе руки и начал трясти, крича:

— Заниматься любовью! Заниматься любовью! Кто говорит о любви? Гнусное лживое создание!

Он прижал ее к себе с безумной силой и горячее дыхание обожгло ее лицо. Теперь она поняла, почему боялась его. Она инстинктивно чувствовала, что он может убить, что она может умереть в его руках. Он способен задушить ее или перерезать горло. Это нетрудно сделать в глухом лесу, а надгробный камень уже стоит наготове.

Тем не менее, она отчаянно боролась, царапаясь о пряжку его пояса и пытаясь освободиться. Ее страх дал начало другому чувству, граничащему с примитивным желанием. Эротическое бешенство, которое исходило от мужчины, парализовало ее.

Она лежала на земле, из горла вырывалось хриплое дыхание, и глаза жмурились от яркого лунного света.

Движения стали бесцельными.

Она забыла, кто он, что он... Голова откинулась назад, и женщина почувствовала холод земли своей обнаженной спиной.

Но в момент, когда она почти теряла сознание, ее мозг, охваченный безумным видением, внезапно отринул галлюцинации, в которые поверг ее дьявол.

Анжелика издала дикий крик.

Одним усилием она вырвалась из железных объятий, вскочила на ноги и побежала среди деревьев.

Она бежала долго, подгоняемая собственным ужасом. Инстинкт вел ее по темным тропинкам, по которым она часто ходила в последние месяцы. Она не сбилась с пути. Снова и снова Анжелика останавливалась, чтобы прижаться головой к дереву. Она хотела обратить свою ненависть к лесу, который одинаково принимал псалмы гонимых гугенотов, преступления разбойников и вой волков.

Анжелика ощутила боль ребенка, брошенного близкими. Ночь казалась ей еще темнее, когда она достигла замка Плесси.

Дважды она издала крик совы, прижав руки к губам совсем механически, так как это стало привычным для нее. Слуги были на страже, и с верхушки башни донесся ответный крик.

Мальбрант стоял в подвале у входа в коридор со свечой в руке.

— Такая жизнь не может больше продолжаться, мадам, — сказал он. — Все эти хождения по ночам по лесу безумие. В следующий раз я пойду с вами.

Старый слуга, должно быть, заметил беспорядок в ее одежде и волосах, и следы слез на щеках, которые она не успела стереть. Анжелика выпрямилась, стараясь сохранить обычное выражение лица, и полезла в карман за носовым платком.

— Хорошо, ты пойдешь со мной в следующий раз, но скорее ла Вайолет, так как в лесу слишком сыро для тебя.

Они выбрались из подвала в притихший дом. Она заставила себя улыбнуться:

— Этот тип спит? — спросила она, указывая в направлении спальни капитана.

В своей комнате она сбросила порванную одежду и помылась. Она все еще чувствовала тиски рук вождя гугенотов и ощущала грубое тепло его рук на своей коже.

Анжелика взяла кувшин холодной воды и вылила на свое обнаженное тело. Потом надела купальный халат и причесала волосы.

Она все еще чувствовала себя ужасно несчастной. Мысль о том, что случилось этой ночью в лесу, никогда ее не оставит. Она напомнила ей тот горький случай, который ей пришлось пережить с безумным де Скренвилем.

«А я думала, что все худшее позади», — сказала она себе. Анжелика вернулась в спальню и поставила подсвечник перед зеркалом.

Подойдя ближе к зеркалу, она изучила свое лицо, те изменения, что произошли с ним за последние несколько недель. Щеки вернули былую округлость, глаза казались менее ввалившимися, а губы стали яркими и красными.

Все, что оставалось от прошлого, было скорее трагической тенью, и ее лицо снова было, как у молодой девушки.

Теперь она больше не фаворитка, она — королева.

«А что, если будет еще хуже?»

Как же ее новое лицо будет выглядеть под версальской косметикой?

Анжелика открыла дверь в туалетную и принялась за кремы и пудру, которые хранила в маленьких баночках. Вынула небольшую сандаловую шкатулку с изумрудами матери и механически ее открыла.

Она снова начала вспоминать различные эпизоды из своей жизни, полной приключений, и рассматривать лежащие перед ней сувениры: зубочистку, принадлежащую поэту, египетский кинжал Родогона, маленькое деревянное яйцо Кантора, ожерелья женщин дю Плесси-Бельер. Ее первое обручальное кольцо пропало, когда она жила во Дворе Чудес, украденное, как она подозревала, Николая, когда она спала.

Это была трудная дорога с солнечным светом и тенями, перемежающимися с тех пор, как она волей короля стала вдовой без имени и прав. Ей было тогда только двадцать лет. Позднее, после ее замужества с Филиппом и ее отъезда в Кандию, несколько лет она провела при Дворе. Да, если кто-то наблюдал за ней со стороны, мог запомнить ее, важную даму, торопящуюся с одного приема на другой. Но вспоминая интриги, в которые она была втянута, ловушки, подстерегавшие ее на каждом шагу, она не чувствовала сожаления по тем временам.

Разрыв с королем вверг ее в хаос темноты. Что же ей говорил в свое время Осман Фераджи?

— Сила, что создатель вложил в тебя, не позволит тебе остановиться, пока ты не найдешь место, которое тебя успокоит.

— Где же это будет, Осман-бей?

— Я не знаю. Но до того, как ты достигнешь его, ты будешь разрушать все, что лежит у тебя на пути, включая собственную жизнь.

Ей необходимо увидеться с Самуэлем де ла Мориньером снова. Она должна это сделать! Анжелика начала проклинать его в душе, все еще чувствуя, что опять будет побеждена его волей, когда будет находиться в его присутствии. Он был, по крайней мере, на двенадцать лет старше, еретик, без чувства юмора, мрачный и жестокий. Но мысль о нем преследовала ее, и Анжелика заглядывала в свое сердце в попытке понять, действительно ли он обладает сверхъестественной силой, которая так напугала ее. Когда она думала о конкретных вещах, которые произошли в течение их схватки, горло ее сжималось.

Анжелика нанесла на кончик пальца крем из одной баночки и начала втирать в виски. Зеркало, которое было так же чисто, как вода в лесном пруду, отражало свет ее волос. В слабом его сиянии виднелись неясные очертания, постепенно становящиеся более четкими. Это были усы капитана Монтадура.

Он бесшумно прокрался к ее двери, повернул ручку и, к своему удивлению, обнаружил, что дверь открылась. Чувство триумфа смешивалось со страхом, и он вступил в темноту спальни, освещенной единственной свечой. И увидел Анжелику, стоящую перед зеркалом.

Длинная ночная рубашка не скрывала совершенства ее фигуры. Волосы спадали на плечи, голова была слегка наклонена вперед, а пальцы втирали крем в щеки.

Он подкрался поближе. Анжелика повернулась, вскрикнув от удивления:

— Вы?

— Разве вы не были так добры, оставив дверь незапертой, моя красавица?

От него пахло потом, глаза почти вылезали из орбит, а на лице блуждала неприятная улыбка. Он был пьян, руки его дрожали.

— Разве вы и так не держали меня в стороне слишком долго, моя красавица? А теперь вы должны быть совсем доброй. Мы можем отлично провести время вместе, не правда ли?

Его речь была не самой лучшей, и он это знал. Но он не мог заставить свой язык произнести красивые слова, и его поведение было вульгарно. Он подумал, что будет лучше перейти прямо к делу, и схватил ее обеими руками. Анжелика была вне себя, когда почувствовала тяжесть его на себе, и отпрянула назад, опрокинув баночки с кремом, которые разбились на каменном полу.

Мужские руки хватали ее всюду. Мужские руки короля, наемных солдат, гугенота и многих других. Всегда мужские руки и мужские тела над нею...

Она схватила египетский кинжал Родогона и выставила его перед собой.

— Убирайтесь или я заколю вас, как свинью.

Капитан отступил на два шага назад, его глаза были круглыми от удивления.

— Что... как?.. — бормотал он. — Вы сделаете это?!

Его взгляд переходил со сверкающего лезвия кинжала на блестящие глаза женщины, которая его держала.

— О! Здесь какое-то недоразумение...

Потом он повернулся и увидел слуг, столпившихся у двери. Мальбрант стоял с обнаженным мечом, лакеи — один с ножом, другой с палкой, даже повар в своем белом колпаке с ножом для рубки мяса.

— Вам что-нибудь здесь нужно, капитан? — спросил слуга мрачным тоном.

Монтадур бросил взгляд на открытое окно, потом на дверь. Что, черт возьми, они здесь делают с такими жуткими взглядами?

— Убирайтесь! — закричал он.

— Мы выполняем приказы только нашей хозяйки! — иронически возразил Мальбрант.

Ла Вайолет спокойно подошел к окну и закрыл его. Теперь попытка Монтадура позвать на помощь была бесполезна. Он понял, что ничто не помешает им его убить. Его люди были вне замка, и их было только четверо, остальные отправились в деревню, где по слухам находилась банда протестантов.

Лоб вояки покрылся испариной. Он положил руку на шпагу, решив дорого продать свою жизнь.

— Выпустите его, — сказала Анжелика слугам и добавила с улыбкой: — Капитан Монтадур — мой гость. Если он будет вести себя, как подобает гостю, с ним ничего не случится под моим кровом!

Гаргантюа вышел из комнаты, полный подозрений. Он привел в замок своих людей, но больше не чувствовал себя в безопасности, в этой Богом забытой дыре. Гнездо бандитов под руководством опасной женщины!

Тишина нарушалась лишь стуком его полного ужаса сердца. Монтадур заложил дверь засовом на ночь.

Глава 11

Два изящных силуэта в черном виднелись на освещенном солнцем пороге.

— Флоримон! — воскликнула Анжелика.

Она повторила, как бы не веря себе:

— Флоримон! Отец де Лесдигю!

Они подошли к ней, улыбаясь. Флоримон опустился на одно колено и поцеловал руку матери. Священник сделал то же самое.

— Но почему? Кто? Как? Твой дядя сказал...

Вопросы срывались с ее губ один за другим. После сильного удивления она почувствовала себя совершенно разбитой.

Священник объяснил, что когда он услышал о возвращении мадам дю Плесси, то попросил разрешения у маршала де ла Форса уехать и, как только освободился, отправился в Пуату, а по пути заехал в монастырь в Клермоне, чтобы повидать Флоримона. Отец Раймонда де Сансе был только рад передать ему своего ученика, и они поехали вместе, так как племянник чуть было не был отослан в Пуату один.

— Но почему? Почему? — повторяла Анжелика. — Мой брат сказал, что...

Отец де Лесдигю в смущении опустил глаза.

— Я полагаю, что Флоримон не удовлетворял их и был исключен.

Взгляд Анжелики перешел с лица молодого священника на лицо сына. Она с трудом узнавала его. И в то же время это был без сомнения Флоримон. Мальчик красив, как женщина. Ему уже двенадцать! Скоро он достигнет ее плеча. Флоримон встряхнул длинными волосами, и Анжелика поняла, почему была так поражена, увидев его. Он все более и более походил на своего отца. Тот же профиль, такие же полные губы. Это было лицо Жоффрея де Пейрака, если не считать отсутствия шрамов. Волосы Флоримона были еще гуще, чем прежде.

Что случилось? Она не поцеловала его? Не прижала к своей груди! Но и он не потянулся к ней с распростертыми объятьями, как делал обычно.

— Вы оба пропылились, — заметила она. — Вам надо помыться с дороги.

— Да, разумеется, — ответил священник. — Мы заблудились и прошли, по крайней мере, двадцать миль в сторону. Около Чампденира нас остановила банда гугенотов, которым не понравилась моя ряса. Флоримон

смягчил их, упомянув ваше имя, и они позволили нам проехать. После этого мы наткнулись на разбойников. Те уже хотели нас ограбить. К счастью, у меня была шпага... Провинция оказалась беспокойным местом, мадам!

— Пойдемте что-нибудь перекусим, — сказала Анжелика, чувствуя, что отходит от шока.

Слуги были поблизости. Они обрадовались, что молодой хозяин, который вместе с братом, Кантором, так долго жил в Плесси, снова дома. Они быстро приготовили фрукты и сыр.

— Без сомнения, вы удивлены тем, что я ношу шпагу, — продолжал священник, — но господин де ла Форс не может видеть ни одного благородного человека без шпаги, даже если он священник. Он добился разрешения архиепископа Парижа на ношение шпаги священниками благородного происхождения.

Святой отец продолжал объяснять, поигрывая ложкой. Пока двое путешественников ели, Анжелика подошла к окну, чтобы прочитать письмо, которое отец де Сансе дал учителю ее сына. Оно касалось Флоримона. Он писал, что ребенок не добился успехов, несмотря на все их усилия. Он не расположен к учебе и это потому, что он лишен необходимой интеллигентности. Он неоднократно прятался от занятий или уходил к лошадям, когда надо было заниматься математикой. Его отношение к дисциплине было нетерпимым. Письмо кончалось на этом и не содержало никаких дальнейших объяснений.

Анжелика подумала: «Я знаю, что это значит».

Подняв глаза, она увидела, что деревья леса уже стали золотыми, а кусты кроваво-красными.

Пришла осень.

Все слова брата были только предлогом. Флоримон никогда бы не покинул монастыря иезуитов без разрешения короля. Она стремительно подошла к молодым людям.

— Вы должны уехать отсюда немедленно, — сказала она священнику. — И никогда не возвращаться. И не привозить сюда Флоримона.

Мальбрант вошел в комнату и быстро пресек протесты молодого священника.

— Ну, мой мальчик, что стало с вашей хорошей шпагой? Она у вас совсем затупилась. Но мы наточим ее вам... Я уверен, что вы скоро вернетесь.

— Мадам, — прошептал священник, — что вы говори те? Я могу быть вам полезен. Разве я не научу Флоримона латыни, а вашего младшего сына

писать? И я могу читать каждый день мессу в вашей церкви. Я могу выслушивать исповеди ваших слуг...

Было странно, что он так: мало понимает. Выражение его глаз выдавало его секрет. Ока видела в них слезы, которые он старался скрыть. Бель он думал, что Анжелика исчезла навсегда, а теперь он снова увидел ее живой и здоровой.

Разве он не видит, как она изменилась, что эта женщина отмечена немилостью короля?

— Читать мессы! Вы, должно быть, сошли с ума. Мой дом полон военных. Я — узница.

Она говорила тихим голосом, и лицо ее сделалось мрачным, когда она смотрела на молодого священника.

— Это еще одна причина, по которой я должен читать здесь мессы, — сказал он вежливо.

Он взял руку Анжелики, и его красивые глаза наполнились мольбой.

Она отвернулась, внезапно ослабевшая, и покачала головой несколько раз. Потом она закричала:

— Очень хорошо! Вы останетесь... и будете читать свои мессы, мой маленький священник. В конце концов, это может быть полезно для всех!

То был сезон возвращений домой.

Двумя днями позже Флико, который служил у вельможи, нанявшего его в Легорне, вернулся из Италии. Ему потребовалось шесть месяцев, чтобы совершить неблизкое путешествие на муле. Кожа его загорела, плечи стали шире.

— Почему ты не возвратился сразу в Париж? — спросила Анжелика.

— Я поехал туда, чтобы расспросить о вас, но когда мне сказали, что вы вернулись в поместье, я снова пустился в путь.

— Но почему ты не остался в Париже? — настаивала она. — Умный парень, вроде тебя, мог без трудностей найти там хорошую работу.

— Я предпочитаю служить вам, мадам.

— Но я не могу обещать тебе удачи здесь. Я на плохом счету у короля. Ты всегда принадлежал Парижу и там чувствовал себя как дома.

Он ведь был, в конечном счете, взят из Двора Чудес.

— Но куда мне идти, мадам, — спросил Флико. — Вы были единственной семьей, которой я служил. Вы были мне почти как мать и после того, как спасли меня от избиения, я отлично знаю, если вернусь в Понт-Неф, то снова стану срезать кошельки.

— Я надеялась, что ты избавился от этой вредной привычки.

— О, это другая история, — сказал Флико. — Парень, вроде меня,

имеет натренированные руки. В конце концов я выдержал экзамен с честью, иначе как бы я остался в живых во время путешествия? Когда мы были детьми во Дворе Чудес, там жил старик, отец Херлери, который говорил нам каждое утро: «Мне не нравится эта идея. Я не против выполнять определенную работу, но предпочитаю оставаться у вас на службе».

— Ну, если так, ты можешь оставаться, добро пожаловать, Флико. Ты и я много пережили вместе.

В тот же самый вечер еще один незнакомец подошел к воротам замка. Служанка сказала Анжелике, что какой-то мужчина хочет повидаться с ней, и что он от ее брата Гортрана. Она почувствовала, как румянец покидает ее щеки, и дважды переспросила имя. Мужчина был в кухне, стоя перед открытым коробом, соблазнял служанок лентами, иголками, картинками и лекарствами.

— Правильно ли я поняла, что вы будто бы пришли от моего брата Гортрана? — спросила Анжелика.

— Да, госпожа маркиза. Ваш брат, наш товарищ по мастерству, дал мне кое-что для вас, когда я начал свое путешествие по Франции. Он сказал: «Когда ты будешь проходить по Пуату, зайди в замок Плесси. Попроси встречи с хозяйкой замка и передай ей это от брата Гортрана».

— Как давно вы видели моего брата?

— Более года назад.

Ответ объяснил все. Рассказывая о путешествии по Бургундии и Провансу, долгой остановке на Пиренеях и на берегу голубого океана, он открыл кожаную сумку и достал холст, старательно завернутый в ткань.

Анжелика взяла подарок и велела слугам позаботиться о коробейнике, заверив его, что он может оставаться под ее кровом столько, сколько пожелает.

Оказавшись в своей комнате, она сняла ткань с холста и развернула его. То был замечательный портрет трех ее сыновей. Кантор стоял впереди с гитарой, одетый в зеленой. Художнику удалось передать выражение его глаз. «Я буду жить всегда», — как бы говорили они.

Флоримон был одет в красное. Его черные волосы образовывали волну с гаммой всех цветов. Шарль-Анри с кудряшками стоял посередине, совсем еще ребенок в белом платье, как ангелочек. Он держал Кантора и Флоримона за руки, и казалось, что они не чувствуют его прикосновения. Твердость их поз имела какое-то символическое значение. Чувствовалось, что художник хотел показать разницу между сыновьями графа де Пейрака и сыном маркиза дю Плесси, который был удивительно красив, но

несколько обособлен.

Ее сердце было переполнено чувством. Она долго вглядывалась в лицо ребенка.

«Я знаю, на кого он похож, — внезапно поняла она. — Он похож на мою сестру Мадлен».

Глядя на портрет, Анжелика подумала, что тучи пройдут стороной.

Произойдет нечто, чего она пока не может предвидеть.

Флоримон никогда не задавал ей никаких вопросов. Он принял без колебаний факт, что солдаты заполнили поместье, а их капитан жил в доме матери.

С той ночи, когда слуги Плесси напугали его, чувства Монтадура стали смесью бессильного гнева и черного страха. Он исчезал на несколько дней, оставляя замок под наблюдением своего лейтенанта, чтобы устраивать охоту на гугенотов. Но они прятались в лесах, а драгуны шли только по дорогам. Тогда Монтадур вешал первого попавшегося крестьянина, и нередко им оказывался католик.

Капитан часто пил. В такие минуты его темное лицо покрывалось потом, его охватывал приступ неконтролируемого гнева. Он начинал направо и налево размахивать шпагой. Его подчиненные прятались тогда. Он чувствовал на себе взгляды слуг, и иногда слышал смех маленького Шарля-Анри, когда Барба приносила его специально посмотреть на веселое зрелище. Тогда Монтадур начинал ругаться.

— Проклятая девчонка! — кричал он, глядя на верх лестницы, не способный одолеть даже одну ступеньку. — Я знаю, ты убегаешь ночами в лес, к мужчине, вот что...

Анжелика была недовольна. Откуда он знает, что она уходит в лес? Речь капитана заканчивалась бессвязным бормотанием, какими-то упоминаниями о колдовстве.

Однажды, когда напившись, вояка вел себя подобным образом, он почувствовал сильный толчок в спину и, повернувшись, увидел Флоримона, который без предупреждения ткнул своей шпагой в жирное тело капитана.

— Ваши замечания относятся к моей матери, месье? — спросил Флоримон. — Если это так, то прошу дать мне удовлетворение!

Монтадур выругался и попытался защитить себя от острия шпаги. Его глаза видели только черную надвигающуюся массу. Проклятый волчонок! Его рука был ранена и он уронил шпагу на пол. Капитан позвал на помощь своих людей, и Флоримон отступил.

Когда руку перевязали, Монтадур выругал солдат и решил ждать

подкрепления. Капитан был в критической ситуации, отрезан от господина де Гормана, а письма, которые он посылал господину де Мориласу, должно быть, перехватывались.

Если не считать этого случая, казалось, что Флоримон не совсем осознает ситуацию. Он проводил часы, фехтуя со старым слугой или своим учителем, охотился на птиц, брал Шарля-Анри на плечи и носил по коридорам. Было странно слышать их веселый смех, Флоримон сажал Шарля-Анри вместе с собой в седло лошади и ездил по окрестностям, совершенно игнорируя солдат, которые пытались его остановить, но пропускали, не зная, что должны делать с молодым благородным католиком.

Однажды Анжелика вошла в гостиную и увидела Флоримона в роли учителя, задающего вопросы Шарлю-Анри. Старший раскладывал различные вещества на тарелки, стоявшие перед ними, которые осторожно доставал из маленьких мешочков.

— Как называется это желтое вещество?

— Сера.

— А это серое?

— Кристаллы калия.

— Очень хорошо, мой мальчик. Я вижу, ты внимательный ученик. А тот черный порошок?

— Это угольный порошок, профильтрованный через шелк.

— Очень хорошо, но ты должен говорить «господин», когда обращаешься к своему учителю.

Однажды вечером, совсем поздно, около ступеней, ведущих к главному входу, раздался взрыв. Вспышка осветила лужайку. Солдаты расхватили алебарды:

— К оружию, быстро!

Монтадур в то время отсутствовал. Окна были распахнуты. Солдаты нашли Флоримона. Его руки и лицо были черным и от взрыва, который он произвел, а Шарль-Анри в ночной рубашке кричал в восторге от успеха своего «учителя».

Все начали смеяться, включая солдат. Анжелика хохотала так, как давно не смеялась. Смех облегчил ее сердце и вызвал слезы на глазах.

— Ах ты, маленький разбойник, — сказала Барба. — Когда ты рядом, тут нет покоя.

На следующий день раздался звук кларнета, это Флоримон играл на нем, как настоящий музыкант. Он и священник принесли Анжелике записку, привязанную к ноге птицы. Она покраснела и быстрым

движением ножа вскрыла письмо. Самуэль де ла Мориньер приглашал ее к Волшебному камню следующей ночью. Она сжала зубы. Как он осмеливается давать ей приказы? Он думает, что она рабыня? Она не пойдет! больше не будет помогать им... Она только тогда присоединится к ним, когда будет в стороне от патриарха, Но она не согласится встречаться с ним наедине, в лесу, где все так возбуждает — запах осени, туман, поднимающийся от реки. Нет, она никогда этого не сделает. Если он осмелился поднять на нее руку однажды, почему ей не поступить так же? Будет ли страх перед ним сильнее того странного влияния, которое она испытывала всей своей плотью после той ночи? Анжелика пыталась думать о других вещах, но и во сне она чувствовала его присутствие.

Пришла осень, а она так и не выполнила требования короля. Но эмиссары, которые должны были ее арестовать, были не в состоянии прорваться через кольцо огня и стали, которым патриарх уже окружил границы провинции. В саду, где играли ее дети, она была в безопасности, а крестьяне были готовы ко всему.

Флоримон и отец де Лесдигю следили за ней, куда бы она ни шла. Она чувствовала на себе вопросительные взгляды. Король знал, что делает, когда посылал сюда Флоримона.

«Дети только осложняют вашу жизнь. Если вы не любите их, они стоят на вашем пути. Если любите — они отбирают у вас часть ваших сил».

Ее сердце, испытавшее так много ударов, трепетало. Все ранило ее теперь, но силы, которые восстанавливались в ней, независимо от неприятностей, нарастали. Охотничий рог Исаака де Рамбурга звал ее через медно-цветное вечернее небо. Он звал: «Помогите!»

— Мадам, вы должны пойти, — сказал Ла Вайолет. — Женщины, женщины, из протестантских деревень... те, которые были выгнаны на дорогу без ничего несколько дней назад... Они нашли приют в замке господина Рамбурга. Если Монтадур узнает об этом, им придется уйти. Барон нуждается в вашем совете...

Анжелика через подземный коридор вышла в лес. Прячась за деревьями, она пробралась в сад, окружающий замок Рамбург. Во дворе она увидела усталых женщин, сидящих на голой земле, прижимая к себе маленьких детей. Их одежды были покрыты пылью и грязью. Они рассказывали баронессе о непрерывных блужданиях между католическими деревнями, где священники требовали от прихожан повиноваться эдикту и отказывать протестантам в хлебе и воде. Они питались турнепсом, который находили в полях ночами, и долгое время жили в лесу. Отряды солдат

появлялись отовсюду и гнали их. Женщины брели со своими детьми под беспощадным летним солнцем, среди грязи и дождя. В конце концов они решили добраться до Ла Рошели, древнего оплота протестантов, где бы им оказали помощь. Несколько дней они шли через земли, контролируемые отрядами Самуэля де ла Мориньера, и смогли отдохнуть на фермах протестантских братьев. Но фермы были бедны, еды стало не хватать, поэтому они были вынуждены уйти. Когда они достигли реки Вандеи, то встретили красных драгун Монтадура. В панике они бросились бежать с дороги в лес. Кто-то указал на замок Рамбурга, и они пошли туда.

Дети Рамбурга с открытыми ртами смотрели на пришельцев. Анжелика увидела Флоримона, стоявшего с Натаниэлем, старшим сыном Рамбурга. В возбуждении мать сердито сказала:

— Что ты здесь делаешь? Зачем ты вмешиваешься? Вмешиваешься в дела протестантов!

Флоримон улыбнулся. С тех пор, как он побывал в монастыре, он никогда не отвечал, когда его ругали.

Баронесса де Рамбург, на седьмом месяце девятой беременности, протягивала куски хлеба женщинам. Одна из ее дочерей помогала ей, неся корзину.

— Что нам делать, мадам? — спросила она Анжелику. — Мы не сможем держать здесь этих женщин и всех их накормить.

Барон де Рамбург пришел со своим охотничьим рогом, висевшим у него через плечо.

— Если мы отправим их обратно на дорогу, женщинам придет конец. Монтадур схватит всех прежде, чем они достигнут реки.

— Нет — сказала Анжелика, которая уже приняла решение. — Они должны пойти на аблетскую мельницу. Оттуда они смогут на лодках добраться до поместья господина де Абигне, где будут в безопасности. Если они успешно доберутся по воде, то смогут добраться до Ла Рошели. Им придется пройти всего две или три мили.

— Но как добраться до аблетской мельницы?

— Они пойдут через лес. Здесь всего два часа ходьбы.

Лица протестантов помрачнели.

— Кто же нас поведет?

Анжелика посмотрела на усталые лица.

— Я поведу вас.

Когда они вышли из-под деревьев, их ноги утонули в жидкой грязи. То было начало болот. Топи выглядели точно так же, как и зеленые поля, и можно было, идя по ним, провалиться в трясину. Анжелика взяла с собой

трех молодых лакеев, чтобы помочь управлять лодками. Знающие эти места, они отнеслись к задаче скептически.

— Не так все просто, маркиза. Около аблетской мельницы мельник контролирует реку, и каждый, кто хочет укрыться в болотах, должен платить ему. У него ключи от всех лодок. В соседних селах есть люди, которые делают крюк в несколько миль, чтобы обойти мельницу.

— У нас нет времени на обход. Я позабочусь о мельнице, — сказала Анжелика.

Они шли с зажженными факелами. Ночная темнота накрыла лес. Дети устали. Дорога казалась бесконечной. Когда люди достигли мельницы, было совсем темно. Туман поднимался над землей и окутывал сыростью.

Беженцы обошли мельницу слева и остановились. Женщины столпились вместе, чтобы было теплее. Дети кашляли.

— Оставайтесь здесь, — приказала Анжелика и отправилась к мельнице. Она быстро нашла пешеходный мостик у заводи.

Дверь была открыта. Мельник пересчитывал деньги при свете свечи. Это был человек с низким лбом, густые волосы доходили почти до бровей. Одет он был во все серое, как подобает людям его профессии. Шляпа надвинута до ушей. На ногах были красные чулки и стального цвета башмаки.

Анжелика окинула взглядом обстановку и улыбнулась при мысли, что здесь все осталось так же, как было в прошлом. Потом, шагнув вперед, сказала:

— Валентин, это я... Здравствуй.

Глава 12

Лодки прошли через длинный темный тоннель. Желтые круги фонарей освещали пространство. Помощник мэтра Валентина выкрикивал предупреждения остальным проводникам на местном диалекте. Женщины больше не пугались. У них появилась надежда на успех. Можно было даже слышать детский смех. Мир, которого они уже не помнили много дней, поселился в их сердцах. Разве не писал добрый король Генрих IV своей возлюбленной: «Вы можете быть здесь счастливы в мирное время и быть в безопасности во время войны». Ибо на что могли рассчитывать враги на этой территории? Даже посылая сюда солдат, Монтадур видел, что они возвращаются измученные, все в грязи. Драгуны были счастливы вернуться назад, зная, как легко утонуть в непролазных трясинах. Множество трупов осталось в мертвых водах под зеленым покрывалом, скрывающим топь.

...Мэтр Валентин встал, когда заговорила Анжелика. Товарищ, детских игр не выразил удивления при появлении маркизы. Она видела под тяжелыми чертами лица того молодого парня, который провожал юную де Сансе в королевство болот и испытывал муки ревности, когда слышал крики Николая: «Анжелика!» Пастух бежал по лугу с кнутом в руке, его собака прыгала рядом.

Анжелика и Валентин, спрятавшись за кустами, тихо смеялись, пока его шаги не замирали вдали.

Валентин не был говоруном, подобно Николаю. Он только краснел от гнева. Бог знает почему, но протестанты вызывали у него ненависть, Он и Анжелика ждали, пока дети гугенотов шли из школы, и бросали в них грязью. Они слышали их крики: «Спаси нас Бог от сатаны!»

Все эти воспоминания пронеслись в голове Анжелики при виде Валентина...

Валентин все еще не любил протестантов, но был не в силах отказаться от золотой монеты, данной ему маркизой дю Плесси. Он взял связку ключей и приказал женщинам и детям садиться в лодки.

Сильный бриз дул по воде. Передняя лодка достигла сухой земля. Луна поднялась над деревьями и осветила спящее поместье Абигне. Замок был построен на острове, волны постоянно бились о прибрежные скалы. Даже в это время года вода подступала прямо к большим каменным ступеням.

Залаяли собаки, навстречу вышли люди. Мадемуазель де Козоми, кузина старой маркизы, вышла вперед, держа подсвечник. Она выслушала рассказ Анжелики о несчастных женщинах, в основном, вдовах, которых та привела сюда в надежде, что им помогут добраться до Ла Рошели. Она удивилась, что Анжелика, будучи католичкой, занимается делами протестантов. Тем не менее, она пригласила ее в замок, пока крестьянок проводили на кухню.

Сжав губы, старая дева сообщила своей приятельнице, что господин де ла Мориньер находится в доме. И не хочет ли она увидеть его?

Сообщение смутило Анжелику. Она покраснела и сказала, что не хочет беспокоить герцога.

— Когда он пришел сюда, то бил весь покрыт кровью, — прошептала старая дева. — У него была схватка с драгунами Монтадура. Он не мог справиться с ними и был вынужден укрыться в болотах. Но его брат Хью схвачен королевскими солдатами. Господин де ла Мориньер сожалеет, что не смог связаться с вами.

— Ну, если он ранен...

— Позвольте мне сообщить ему.

Анжелика ждала, но когда услышала шаги патриарха, то поднялась и стала смотреть, как он спускается по лестнице.

Он подошел к ней. Глубокая ссадина шла через весь лоб. Рана, конечно, не смягчила его внешности. Он казался еще более громадным, тяжелым и более черным.

— Я приветствую вас, мадам, — герцог протянул руку. — Вы сохраняете наш союз?

Анжелика отвела взгляд. Она кивнула в сторону помещения для слуг. Через открытые двери было видно пламя и слышен разговор протестанток, теперь уже спокойный.

— Вы же видите.

Она никогда не думала, что то, что произошло у Волшебного камня, так парализует ее. Что она падет перед человеком, воля которого заставляет людей повиноваться. Никто не мог не подчиниться ему — ни его братья, ни жена, жены его братьев, дочери, племянники, слуги и солдаты. Вот что читала Анжелика на лице великого протестантского вождя, который вступил в борьбу с Людовиком Четырнадцатым.

Он не извинился перед нею. Возможно, она ранила его гордость, не ответив на его вопрос.

Наконец он нарушил молчание:

— Жители многих городов на нашей стороне. Мы разоружили

королевские гарнизоны и изгнали из городов. Отряды, которые господин де Морилас оставил на севере, теперь переведены на юг, и мы заняли их позиции в Гатине. Господин Горман и Монтадур с драгунами отрезаны, но еще не понимают свершившегося.

Анжелика посмотрела ему в лицо.

— Я этого не знала.

— Откуда вам знать? Вы молчали?

— В таком случае... — пробормотала она, словно говоря сама с собой, — король не может добраться до меня...

— В ближайшие несколько дней я покину болота и изгоню Монтадура с ваших земель.

— Я буду благодарна вам, господин де ла Мориньер!

— И простите меня?

Последние слова, должно быть, стоили ему почти сверхъестественных усилий, так как вены на его лбу набухли, а из раны просочилась кровь.

— Я не знаю, — ответила она, отводя взгляд, и направилась к двери, мягко говоря: — А теперь я должна вернуться в Плесси.

Он последовал за ней до порога и спустился по ступенькам. Когда она свернула на тропинку, ведущую к лодкам, он схватил ее резким движением.

— Я прошу вас, маркиза, посмотрите на меня.

— Будьте осторожны, — прошептала она, указывая на темноту, где мэтр Валентин ждал ее с лодками.

Мориньер толкнул ее к дереву, и прикрывшись ветвями, заключил маркизу в объятия.

Анжелика оттолкнула его. Любовный акт с патриархом был бы ужасным и необычным опытом. Но ее тело предало ее. Она ударила кулаками в плечи гугенота, не зная, отталкивает ли его от себя или прижимается к нему.

— Зачем, — выдохнула она, — зачем разрушать союз?

— Потому что я должен обладать вами!

— Ну, что вы за человек? — застонала она. — Я ничего больше не понимаю. Люди говорят: вы ненавидите женщин.

— Женщин? Ла. Но вы... В римских развалинах вы были Венерой. Я понял тогда... Ждать так долго, целую жизнь, чтобы осознать, что значит женская красота! Тот день... Солнце сияло на вас, на вашей коже и волосах. Тогда, внезапно, я прозрел. Женская красота. — Он немного отодвинулся от нее. — Я напугал вас? Женщины всегда боялись меня. Я скажу вам нечто, мадам! Что-то отталкивающее сидит глубоко во мне. Когда я входил

в комнату жены, она всплескивала руками и просила не трогать ее. Тем не менее, она знала супружеский долг и родила мне трех дочерей, но я вполне понимаю, что был ужасен ей в этом отношении. Почему?

Она знала. То была одна из причуд судьбы, что этот ярый протестант такой страстный любовник.

Мориньер был как громом поражен собственными откровениями с Анжеликой. Здесь открывалась другая сторона жизни, возможно, ему еще неизвестная. И поскольку маркиза казалась слабой и незащищенной, сила ее красоты поразила его. Несмотря на то, что он боялся ее взгляда, он отдавал ей приказы. Это была незримая битва чувств и эмоций, владеющих обоими. Они бросились друг к другу с сознанием того, что должны противостоять солдатам короля.

— Вы должны быть моей, — повторил он. — Я желаю вас...

Это очень напоминало то, как оказывал на нее давление король.

— Возможно, когда-нибудь... — выговорила она. — Не будьте откровенно грубым.

— Я не груб, — его голос почти дрожал, — не говорите так, как другие женщины, которые боятся меня. Я знаю: вы меня не боитесь и сделаю все, что вы попросите. Но не забудьте той ночи у Волшебного камня.

Когда она сидела на дне лодки, то почувствовала пустоту, словно только что принадлежала демоническому гиганту. Как это будет выглядеть, когда она согласится? Анжелика покачала головой, чтобы избавиться от неприятного видения.

В одну из ночей в лесу этот черный охотник придет, и она станет его добычей. Он положит ее на землю и прижмет своим крупным телом. Она будет биться в его руках, чувствовать колючую бороду, пока не наступит магический момент, когда ее плоть забудет неприязнь и ощутит страсть. Очевидно, она будет стонать и кричать...

Анжелика откинула голову назад, волосы ее были мокрыми, но дождь уже прекратился. Лодка оставляла черный след, медленно исчезающий в молочном тумане.

Луна, как огромный опал, бросала тусклый свет на деревья, и мэтр Валентин, стоя сзади с веслом в руках, был плохо виден.

Сильный запах гнили донесся с берега. Мельник не нуждался в освещении при поисках дороги в зарослях. Анжелика заговорила с ним, чтобы нарушить тишину, сгустившуюся вокруг них.

— Валентин, ты уже был знатоком болот, когда приглашал меня на рыбалку?

— Да, это так.

— Еще цел шалаш, где мы обычно варили свой улов?

— Да, цел.

Анжелика продолжала говорить, лишь бы не молчать.

— Однажды я упала в воду. Ты выудил меня, всю покрытую водорослями, а когда я вернулась в Монтелу, то была сильно наказана. Домашние запретили мне ходить на болота, а вскоре отправили в женский монастырь. С тех пор мы больше не виделись.

— Мы встречались еще на свадьбе Соулайра.

— Верно. — Она вспомнила. — На тебе был славный костюм. — Она засмеялась. — Ты стоял неподвижно, как столб, и не отважился танцевать.

Мысленно она увидела гумно, куда она пошла спать, устав от танцев. Валентин прокрался вслед за ней и стал щекотать соски ее груди своими грубыми руками. Этот крупный тугодумный парень был первым, кто проявил мужской интерес к маркизе Ангелов. Нежелательные воспоминания расстроили Анжелику.

— А потом, — голос мельника как бы последовал за ее мыслями, — г я заболел. Мой отец сказал: «Это отучит тебя ходить, куда не следует». Он поместил меня в лечебницу, которая была основана по вашей милости.

— Все из-за меня? — спросила Анжелика.

— Он был прав, не правда ли? Вы были феей.

Анжелика не ответила, она была смущена.

— Я поправился, но потребовалось много времени.

Позднее я так никогда и не женился. У меня была девушка-служанка, которая заботилась обо мне. После общения с феей нелегко оправиться. Страдает не столько тело, сколько душа.

Он замолчал, и только шум воды нарушал тишину.

— Мы уже подплываем, — бросил мужчина.

Лодка пристала к берегу. Запахи леса и земли окружили их.

— Не хотите ли зайти на мельницу и выпить стакан вина, госпожа маркиза?

— Нет, спасибо, Валентин, мне еще далеко идти.

Он проводил ее до опушки леса, держа свою шляпу в руках.

— Видите тот старый дуб? Гот самый, где Николая, пастух, привык ждать вас с корзинкой полной ягод.

Удивительно, как эхо его голоса могло растревожить ее сердце, которое знало так много взлетов и падений судьбы. Перед мысленным взором возник мальчик с черными кудряшками и горящими глазами, держащий в одной руке кнут, в другой — ягоды, и ожидающий девочку у

входа в ее владения: поля и леса.

Она отмахнулась от воспоминаний и сказала:

— А знаешь, что случилось с Николя? Он стал бандитом и был послан на королевские галеры. Знаешь, как умер? Он проявил неповиновение, и офицер толкнул его за борт.

Мэтр Валентин ничего не сказал, и она продолжала:

— Вы не удивлены, мэтр Валентин, что я так осведомлена о Николя, хотя прошло немало времени с тех пор, как он был здесь?

Мельник пожал плечами.

— О, нет, потому что вы можете видеть прошлое и будущее, не правда ли? Мы все знаем, кто вы, и знаем, откуда вы пришли!

Глава 13

В Плесси голос Монтадура заставлял раскачиваться стены. Анжелика услышала его крики из подвала.

«Наверное он заметил мое отсутствие», — подумала она, замерев на месте.

Потом осторожно прокралась в холл.

— Отрекитесь! Отрекитесь!

Жалкое создание низко склонилось, закрыв лицо руками, и выскочило из гостиной прямо к ногам Анжелики. То был бледный крестьянин с лицом, залитым кровью.

— Благородная маркиза, — застонал он, — вы всегда были добры к протестантам... Пощады! Пощады!

Она положила руку ему на голову, и он заплакал, уткнувшись ей в платье, как ребенок.

— Я убил многих из них, — ревел Монтадур, появившись в дверях, — И я искренно всех католиков, которые им помогают.

— Как может произойти подобная вещь в нашей провинции, — воскликнула Анжелика. — Отрекитесь! Отрекитесь! Любой может подумать, что он в Мекке. Вы не лучше чем фанатики-мавры, которые пытаются своих пленников-христиан.

Капитан пожал плечами. Его мало заботила судьба христианских пленников. Он едва ли знал об их существовании.

Анжелика понизила голос и заговорила со стоящим на коленях крестьянином на местном диалекте:

— Берите вилы и присоединяйтесь к отрядам ла Мориньера, каждый здоровый человек пусть следует за вами. Идите к пересечению трех дорог. Гам герцог обеспечит вас оружием и скажет, что делать. В ближайшие два дня, возможно, раньше, Монтадура выгонят из поместья. Приготовления уже сделаны.

— Раз это говорите вы, госпожа маркиза, — прошептал мужчина, и его глаза засияли надеждой. — Тогда я согласен, я подпишу для них отречение, чтобы они: оставили меня на некоторое время в покое, и буду в состоянии уйти. Это только на два дня и во имя служения Богу. Вряд ли он обвинит меня в этом. Я заставлю их заплатить за мученья!

Двумя днями позже, когда Монтадур и его люди выехали на патрулирование, оставив в замке на страже несколько солдат, на дорожке

показался всадник, склонившийся в седле. Весь израненный, драгун упал с лошади и смог только прокричать своим товарищам:

— Банды идут! — И тут же умер.

Среди дубов послышался звон оружия. Появились со шпагами в руках герцог де ла Мориньер и его брат Ланселот, за ними двигалась темная масса вооруженных крестьян. Солдаты бросились к мушкетам. Один из них выстрелил на ходу из пистолета в герцога, но промахнулся. Протестанты схватили солдат и забили до смерти. Их втащили на стены замка, который они осквернили, и герцог де ла Мориньер сбросил бездыханные тела к ногам Анжелики.

— Вы должны ехать к королю!

Молине держал маркизу за руки.

— Вы должны ехать к королю и выполнить свою миссию. Только вы одна можете остановить резню.

— Отпустите меня, мэтр Молине, — спокойно сказала Анжелика.

Она потерла свои поцарапанные руки. Тишина, воцарившаяся в заике, где больше не слышались ржанье лошадей и крики драгун, была необычной, но не приносила сердечного успокоения.

— У меня есть сведения, что отряды Ловайса, военного министра, — сказал управляющий, — находятся на пути в Пуату. Последствия мятежа будут ужасны. И когда герцог де ла Мориньер будет арестован и казнен, начнется расправа над протестантами. Что касается вас...

Анжелика продолжала молчать. Она сидела за письменным столом, вот уже который час прислушиваясь к падению отмирающих листьев.

— Банды де ла Мориньера будут рассеяны, — продолжал Молине. — Нет надежды на то, что восстанет вся Пуату. Католики позволят армии пройти, потому что будут напуганы и потому что не любят протестантов. И мы снова увидим ужасы религиозной войны. Урожай будет сожжен, дети подняты на пики. Провинция будет истекать кровью. Этого вы хотите, гордая женщина!

Она бросила на него сердитый взгляд, но не ответила.

— Да, вы хотите этого, — настаивал старик. — У вас был выбор, но вы предпочли последовать диктату своей натуры, которая стала примитивной. Вам легко было остановить ла Мориньера и этих фанатичных крестьян. Достаточно было только показаться перед ними, чтобы наполнить их рвением поклоняться вам.

— Разве это моя вина, если мужчины не могут видеть женщину, не испытывая похоти? Вы преувеличиваете, Молине. Я долго управляла здешними землями и жила здесь, особенно после смерти маршала,

совершенно не нарушая мира.

— В то время вы были придворной дамой, женщиной, не отличающейся от остальных. Вы не понимаете, что делаете сейчас, каков эффект одного лишь взгляда ваших глаз. После Востока вас окружает своего рода тайна... Я не знаю, но слышал рассказы, что вы были доброй феей. Говорят, что вас видели в разных местах одновременно, и где вы проходили, урожай был богаче. А теперь говорят, что вы бродите среди деревьев ночами, что вы вернулись обратно, чтобы защитить Пуату своей магической силой.

— Вы говорите точно так же, как и мельник Валентин.

— Теперь еще мельник! — выдохнул Молине. — Человек, который водил вас к Волшебному камню, когда вам было десять лет. Ваше очарование действует хорошо и сейчас! После мельника, кого вы вспомните следующим?

— Господин Молине, вы заходите слишком далеко, — гневно сказала Анжелика.

Но вместо того, чтобы впасть в гнев, как он ожидал, она подобралась, лицо стало мягче и на губах заиграла улыбка.

— Не пытайтесь разбудить во мне совесть, напоминая о моей дикой юности. Я была чистым ребенком, Молине, и вы это хорошо знаете. Вы продали меня графу де Пейраку девственницей и никогда не сомневались в том. О, Молине, я бы желала никогда не жить! Если бы только можно было вернуться к простым удовольствиям того счастливого времени, когда мое тело пребывало в мире. Но никто не может вернуть детства. Есть только земля, в которую можно вернуться. Наши танцы у Волшебного камня, когда луна светила между деревьями, — все это было совершенно невинно и красиво. Но позднее я уже не могла пойти прежним путем, не встречаясь с кровью, смертью и похотью, Сошла ли я с ума? Я думаю, моя душа защитит меня.

— Женская душа. Она служит тому, что покровительствует ей, но не тем, кто приводит к беспорядку. Послушайте, дитя мое...

— Я не ваше дитя.

— Да, в своем роде... Вы должны поехать к королю и тогда вернется мир.

— Вы, протестант, просите меня предать народ одной с вами веры, которому я обещала поддержку?

— Это не предательство, а спасение. Вы на своей родине и не можете сосчитать трупы повешенных в провинции. Женщины плачут от стыда после изнасилований с садистской жестокостью. Детей бросают в огонь, во

многих местах потерян урожай. Жестокость нарастает, потому что солдаты боятся. Когда придёт подкрепление, они расплатятся за свой страх. Наказание будет более ужасным, ведь остальная часть королевства не узнает ничего, как и сам король. Единственными свидетельствами кровопролития будут имена казнённых, поданные ему за завтраком. Вы одна можете их спасти. Вы можете говорить с королем, он вас послушает. И поверит вам и только вам одной. Потому что несмотря на ваши неблагоприятные поступки, он к вам привязан. Вы можете стать всемогущей. И получить от него все, чего захотите. — Он наклонился. — Вы можете добиться, что Монтадура повесят, а Мориласа сместят. И мир вернется в провинцию, справедливость восторжествует.

— Молине, — простонала она, — ужасно то, что вы мне предлагаете.

Она посмотрела на него так, как много лет назад, когда он уговаривал ее выйти замуж за неизвестного вельможу, чтобы спасти семью.

— Вы можете быть всемогущей, — повторил он. — Подумайте о часах, которые последуют после вашего прощения. Слово короля... вы хорошо знаете, что оно не бросается на ветер...

«Пустяки, мое невозможное, незабываемое дитя...»

В полуосвященном Версале после ночи, в которой его губы заглушили ее крики протеста, король склоняется над ней.

Она еще спит. О, как хорошо она знала то пресловутое чувство спокойствия. От его прикосновений она наполовину просыпается, поворачивается на бок, бессознательно принимая сексуальную позу, и внезапно широко открыв глаза, видит его и начинает бороться в то время, как он тихо повторяет ей:

— Анжелика... вот мы и вместе... чудесно...

Маркиза с горечью тряхнула головой.

— Ужасно, — простонала она. — Это все равно, что умереть, потерять все надежды.

Ей казалось, что она уже пережила постыдную сцену. Потом она увидела Османа Фераджи, пытавшегося уговорить ее отдаться Муль Исмаилу. Но она не покорилась и тогда царедворцы устроили истязание рабов.

Везде, во всех странах, были хозяева-тираны и непокорные люди, которые смеялись над своими тюремщиками.

За окнами замка начало темнеть. Она услышала крики Флоримона и Шарля-Анри, бегущих под дождем.

Молине подошел к ее бюро, взял лист бумаги и перо и положил их перед Анжеликой.

— Напишите... Напишите королю. Я выеду вечером и возьму письмо с собой.

— Что я скажу ему?

— Правду. Что вы приедете и принесете ему свое покаяние, что вы не можете поверить, что бесчинства совершаются в провинции по его приказу, что вы не поедете в Версаль, пока драгуны де Мориласа не будут убраны из района, а отряды, возглавляемые военным министром, не отведены назад. Но вы совершите покаяние на условиях, изложенных его величеством, ибо вы уверовали в его справедливость, доброту и терпение...

Она начала лихорадочно писать и скоро описала свое отношение к зверствам в Пуату, рассказала о всех жестокостях, которые имели место, как пьяный офицер мучил людей под ее крышей. Она упомянула Монтадура, де Мориласа, де Солигнаса по именам, сообщила детали теперешнего положения с королевскими отрядами, рассказала о нарастающей нищете крестьян, просила милосердия к ним. Пока она писала, лицо короля стояло перед ее глазами, мрачное и внимательное, в тишине его кабинета среди ночи.

— Он не может хотеть такого, — сказала она Молине.

— Он может просто не знать всего. Обращение протестантов очень дорого его сердцу, как искупление его собственных грехов. Он закрыл глаза и уши. Вы заставите его открыть их.

Когда она закончила, то почувствовала себя усталой, но успокоенной. Молине промокнул письмо и запечатал его.

Анжелика видела, как он шел к себе домой. Она перестала понимать, где находится. Было что-то необычное в тишине полей. Ветер доносил запах пожара.

— Еще больше урожая сгорит в огне, — сказал Молине, усаживаясь на коня. — Люди Монтадура вернулись и сжигают все на своем пути. Ланселот де ла Мориньер сдерживает их, но если его люди не выдержат... Патриарх выехал навстречу отрядам военного министра.

— Сможете ли вы проехать, Молине?

— Я возьму с собой оружие, — сказал он.

Старый слуга сопровождал мэтра, взобравшись на мула. Они отъехали.

Флоримон скакал на одной ноге перед замком, пиная другой ногой камни. Он подскочил к Анжелике и объявил ей с возбужденным лицом, словно сообщая хорошую весть:

— Мама, теперь мы должны уехать отсюда!

— Уехать? Куда?

— Далеко, — сказал мальчик, указывая на горизонт, в другую страну. — Мы не можем оставаться здесь. Солдаты могут вернуться, и мы не сможем защитить себя. Я осматривал старую пушку, но это только игрушка. Из нее нельзя стрелять даже малыми ядрами. Я пробовал выстрелить из нее, но чуть не убил себя. Так что нам необходимо уехать.

— Что это тебе на ум взбрело? Откуда у тебя появилась такая мысль?

— О, я просто пользовался своими глазами, только и всего, — сказал мальчик. — Война только начинается, так я думаю.

— Ты боишься войны?

Он покраснел, а она прочла в его глазах удивление.

— Я не боюсь сражаться, если ты это имеешь в виду, мама. Но я не знаю, с кем нам сражаться: против протестантов, потому что они не повинуются королю и не меняют свою веру, или против солдат короля, которые оскорбляют нас в нашем собственном доме? Я просто не могу разобраться. Это нехорошая война. Вот почему я хочу уехать.

Он никогда так много не говорил с ней с тех пор, как приехал домой. Она даже думала, что его ничто не занимает.

— Не беспокойся, Флоримон, — сказала она. — Я думаю, что все будет хорошо. Послушай, — ей было трудно говорить это, — хотел бы ты вернуться ко Двору?

— О, нет! Только не туда! — сказал мальчик. — Очень много людей заискивали передо мной, потому что ты нравилась королю. А теперь они меня ненавидят, потому что он не любит тебя. Я всем этим сыт. Я скорее уехал бы куда-нибудь подальше. Во всяком случае, тут я скучаю. Мне здесь не нравится. Единственный, кого я люблю, это Шарль-Анри.

— А как относительно меня? — спросила она, стараясь контролировать свой голос.

Он снова повернулся к ней спиной.

«Бог знает, как я боролась за сыновей и отдавала всю себя ради них. Сегодня снова я должна жертвовать собой».

Не говоря ни слова, она пошла по ступенькам к входу. Письмо, которое она написала королю, стоило ей нервов.

«Удивительно, как дети ускользают у меня между пальцами, — подумала она, — ты думаешь, что знаешь их и что завоевала их любовь. Но все идет, забывается».

До отъезда Анжелики в Марокко, Флоримон никогда не вел себя так, но теперь он достиг возраста, когда дети начинают думать о своем будущем. И если знакомство Анжелики с исламом произвело на нее такое глубокое впечатление, почему же год, проведенный у иезуитов, не мог так

сильно изменить Флоримона.

Она услышала, как Флоримон догоняет ее. Мальчик взял ее за руку и повторил:

— Мама, мы должны ехать!

— Но куда ты хочешь, чтобы мы уехали, детка?

— Есть много мест, куда мы можем поехать. Я обсудил все с Натаниэлем. Я возьму Шарля-Анри.

— Натаниэль де Рамбург?

— Да, он мой друг. Мы вместе играли, когда я жил в Плесси до того, как мы поехали ко Двору.

— Ты никогда не говорил мне этого.

Он поднял брови. Было много вещей, которые он ей никогда не рассказывал.

— Если ты не хочешь ехать, то это плохо. Но я возьму с собой Шарля-Анри.

— Не мели чепухи, Флоримон. Шарль-Анри не может покинуть поместье. Он его наследник. Замок, земли, леса будут принадлежать ему, когда он вырастет.

— А что я? Что получу я?

Анжелика посмотрела на сына, сердце ее сжалось.

— Ты не имеешь ничего, мой гордый мальчик!

— Я ничего не имею?

Его тон был растерянным. Каждая секунда молчания матери добавляла веса, вердикта, о котором он подозревал.

— Ты получишь деньги, которые я вложила в коммерцию.

— Но мое имя, мои поместья, мое собственное наследство — где они?

— Ты очень хорошо знаешь... — начала она.

Флоримон отвернулся.

— Вот единственная причина, почему я хочу уехать.

Она положила руки ему на плечи, они вошли в замок.

«Я поеду к королю, — подумала она. — Я пойду по большой галерее, одетая во все черное, под безжалостными взглядами его окружения. Я встану на колени. Я отдамся королю... но верну твои титулы и. твое наследство. Я ошибаюсь, сынок, пытаюсь сохранить свою свободу как женщина. Другого пути нет».

Она прижала его к себе. Он смущенно посмотрел на нее, а потом впервые после возвращения они улыбнулись Друг другу с любовью.

— Пойдем, поиграем в шахматы!

Это было большим удовольствием для Флоримона. Они сели у окна за

большую шахматную доску, которую король Генрих II подарил одному из маркизов дю Плесси. Фигуры были вырезаны из слоновой кости. Флоримон сжал губы от напряжения мысли.

Анжелика выглянула в сад и посмотрела на экзотические деревья, которые драгуны использовали на дрова.

Ее жизнь похожа на такой же разрушенный парк. Она не добилась успеха в наведении порядка в ней. Стоя рядом с сыном, маркиза поняла все трудности одинокой женщины, когда ее некому защитить. В прошлом она чувствовала себя способной идти своим путем и только теперь поняла размер человеческих бед.

Сейчас покориться королю — акт худший, чем самоубийство. Это предательство по отношению к человеку, которого она не могла забыть.

— Твой ход, мама, — сказал Флоримон, — и если ты последуешь моему совету, то пойдешь королевой.

Анжелика улыбнулась и пошла королевой. Флоримон сделал ход и поднял глаза.

— Я знаю, что это не твоя вина, — сказал он мягким голосом, который появился у него после монастыря. — Нелегко оказаться снова среди людей, которые желают тебе зла, потому что ты красива. Но я думаю, мы должны уехать, пока не стало слишком поздно.

— Это не так просто, дорогой мой, как ты говоришь. Куда мы можем уехать. Я только вернулась из долгого путешествия, Флоримон. Я была в ужасной опасности и вернулась, так и не найдя того, что искала.

— А я найду, — с большим убеждением воскликнул Флоримон.

— Не будь таким самоуверенным!

— Я больше не узнаю тебя, — сказал он. — Тот ли ты человек, которого я вел через тоннель, когда ты решила идти искать моего отца?

Анжелика рассмеялась.

— Ох, Флоримон, мне нравится твое настроение! Ты прав, осуждая меня, но ты видишь...

— Если бы я знал все это, я бы поехал с тобой вместо того, чтобы быть заключенным в монастыре. Вдвоем мы могли добиться успеха.

Она представила жестокость марокканцев, мальчиков-рабов, покупаемых и продаваемых, кастрируемых, штормы и сражения, бесконечные продажи и покупки человеческой плоти. Слава Богу, что она не взяла с собой Флоримона. Как часто она осуждала себя за то, что доверила Кантора герцогу де Вивону, отправившемуся сражаться с турками.

— Ты понятия не имеешь о трудностях и опасностях подобного

путешествия. Ты еще слишком молод. Нужно иметь еду на каждый день, крышу, под которой можно спать, свежих лошадей, и Бог знает, что еще. За все надо платить много денег.

— У меня в сумке полно сбережений.

— Сейчас? А что будет, когда она опустеет? Люди жестоки, Флоримон. Они никогда не дают ничего даром, помни это.

— Верно, — сказал Флоримон. — Я понял. Я не возьму с собой Шарля-Анри, потому что он слишком мал перед лицом всех трудностей и, во всяком случае, у него есть наследство. Я не подумал об этом. Но я поеду и найду моего отца и Кантора. Я знаю, где они.

Анжелика замерла.

— Что ты говоришь?!

— Да, знаю, потому, что видел их во сне прошлой ночью. Они в стране, где полная радуга. Это странная страна. Везде тучи набегают одна на другую, соединяясь, они принимают странную форму. Среди этого цветного тумана я увидел своего отца. Я не видел его ясно, но понимал, что это он. Я пытался подойти к нему и внезапно увидел, что мои ноги в воде. Это было море. Я никогда не видел моря, но убежден, что это оно. Волны становились все выше и выше. В конце концов, я увидел гигантскую волну, на верху которой находился Кантор, который смеялся и кричал мне: «Приходи и присоединяйся к нам, Флоримон. Ты не представляешь, как тут весело!»

Анжелика оттолкнула стул и встала. Ледяной пот струился по ее спине. Слова Флоримона подтвердили ее догадку, что два существа, которых она любила, мертвы. Они бродят теперь в стране теней.

— Остановись, — пробормотала она, — ты заставляешь меня предчувствовать беду.

Она прошла в свою комнату и села за письменный стол, обхватив голову руками.

Вскоре ручка двери осторожно повернулась, и Флоримон проскользнул в комнату.

— Я думаю, мама, что это было не Средиземное море. Я узнал точно от иезуитов. Это западный океан, который мы называем Атлантическим. Он ведет к Вест-Индии. Воз можно, там...

— Флоримон, — сказала она, ее терпение лопнуло. — Я прошу тебя, мы поговорим обо всем позже, а сейчас оставь меня одну.

Мальчик ушел, хлопнув за собой дверь.

Несколько секунд Анжелика не знала, что делать, как сдержать слезы. Потом открыла ящик стола и достала письмо короля, которое не хотела

читать.

«Мое незабываемое дитя, не слушайте больше подсказок вашего сердца. Возвращайтесь ко мне, Анжелика. Вы просите моего прощения через отца Коломбрези. Я хотел бы, чтобы вы просили это своими собственными устами. Вы опасная женщина, Анжелика. В вас противоборствует много сил.. Хотите вы приехать и вложить ваши руки в мои? Одинокий король ждет вас. Все ваши прегрешения будут забыты, и я не позволю никому обижать вас. Вам нечего бояться, ибо я знаю, что вы можете быть честным другом так же, как и честным врагом...»

Он продолжал в том же духе, и сна была благодарна, что он не пытался поймать ее в ловушку. Король писал:

«Вы будете моей возлюбленной, и я теперь понимаю все в вашем конкретном деле. Я поверил вашему здравому смыслу, поверьте же вы моему. Говорите мне и я буду вас слушать. Повинуйтесь мне, и я буду повиноваться вам!»

Она закрыла глаза. Флоримон интересовался главной дорогой. Анжелика почувствовала жалость к нему и спустилась вниз, чтобы успокоить его. Она скажет ему о короле, который вернет ему титулы, и он снова приобретет высокое положение.

Но когда она вышла в сад, Флоримон исчез. Она увидела только Шарля-Анри, который стоял у пруда в белой рубашке.

Что-то в поведении трех лебедей, плывущих вдоль берега, встревожило ее. Было известно, что эти птицы могут утащить в воду ребенка. Анжелика заторопилась к нему и взяла его за руку.

— Не стой близко к воде, дорогой. Лебеди в плохом настроении.

— Разве? — спросил он. — Они такие красивые, такие белые...

Его маленькая рука лежала в ее руке. Он шел рядом с ней, не поднимая глаз. Она всегда думала, что все его взгляды перешли к нему от Флоримона, но Гортран был прав. В его лице она увидела какие-то черты Кантора.

«Да, ты и мой сын, — подумала она, — мой дорогой малыш!»

Анжелика прижала ребенка к груди. Она подумала о Канторе, которого ласкала так мало и который теперь был мертв. Жизнь прошла в жестоких интригах, и у нее больше не было времени стать хорошей матерью! Она любила играть с Флоримоном и Кантором, когда они были еще бедны и жили в бедном доме. Но теперь она часто прогоняла Шарля-Анри и это было плохо, ибо она не могла забыть свою любовь к Филиппу. Это была не такая любовь, как к первому мужу, но все же любовь.

Анжелика поцеловала сына несколько раз.

— Я очень люблю тебя, мой дорогой.

Его губы приоткрылись в удивленной улыбке.

Среди деревьев появился Флоримон и подскакал к ним на одной ноге...

— Знаете, что мы сделаем завтра, мальчики? — сказала Анжелика. — Мы нарядимся завтра в старье и отправимся ловить рыбу.

— Браво! Брависсимо! — закричал Флоримон, которого Флико учил итальянскому языку.

Глава 14

То был изумительный день, в котором исчезли все горести настоящего и угрозы будущего. Лес встретил их золотыми цветами листьев. Отовсюду лился солнечный свет, отраженный от вековых дубов. Орехи падали на землю под деревьями. Шарль-Анри вопил от радости, видя их в таком количестве, и рассовывал по карманам. Только что скажет Барба? По указанию Анжелики она одела его так, словно он отправлялся гулять в сад Тюильри. Вначале он с опаской смотрел на нарядную одежду, но скоро на ней появились зеленые пятна. И видя, что Анжелика не ругает его, он стал взбираться на деревья, с которых открывался вид, на окрестности. И все это благодаря матери! Не зря он каждый вечер так подолгу смотрел на ее портрет.

Флико и отец Лесдигю были с ними. Анжелика чувствовала определенную гордость от того, что Флоримон и молодые люди следили за ней с нескрываемым обожанием, когда она вела их по лесу и открывала секреты природы. Способности маркизы были новы для этих людей. Вскоре они были охвачены возбуждением рыбной ловли.

Пересекая лужайку, они встретили Мелузину. Старуха-ведьма собирала траву, копаясь пальцами в земле. Она была опоясана связками желтых листьев и, когда дул ветер, они колыхались, словно живые.

Анжелика позвала ее:

— Мелузина! Идите сюда!

Ведьма выпрямилась и следила за тем, как они подходят, но вместо того, чтобы успокоиться при виде знакомой женщины, ее лицо исказилось от ужаса, и она закрыла его руками.

— Уходите! Уходите! Ваше материнство проклято!

Потом она исчезла среди ветвей. Тем временем пошел дождь, и они нашли укрытие около Волшебного камня. В углублении под камнем земля была покрыта сосновыми иголками.

Пока они сидели в укрытии, Флоримон рассказывал, что это напоминает ему его подземные экспедиции.

— Мне нравится бывать под землей, — сказал он. — Я люблю узнавать секреты земли. Все горы движутся, но мы не видим этого. Однажды в монастыре я спустился в подвал и прорыл тоннель. Можно было увидеть лицо горы.

Мальчик начал рассказывать фантастическую историю, полную

латинских терминов и химических формул, о минералах, из которых он хотел делать взрывчатые вещества.

— Бог знает, как много реторт я уничтожил в лаборатории монастыря. Я имел много неприятностей, мама, но уверяю тебя, я изготовил совершенную взрывчатку, которая может произвести переворот в науке. Я объясню тебе. Я считаю, что ты единственный человек, который может это понять.

— А иезуиты считали его недостаточно образованным, — сказала Анжелика священнику. — Удивительно, как он мог иметь у них такую репутацию?

— Особенности Флоримона и способности не укладываются в классические рамки.

— Если они не способны помочь развить о, это является хорошей причиной для их подавления? Я пошлю тебя учиться в Италию, — сказала она Флоримону. — На побережье Средиземного моря ты сможешь изучить последние достижения науки. Арабские ученые, в особенности, могут дать тебе то, что ты ищешь, «Химия» арабское слово. И ты сможешь много узнать о китайских секретах.

Первый раз она рассказала им кое-что о своих путешествиях.

Шарль-Анри отдышал, прислонившись к ней, и на его лице было написано блаженство. Дождь стучал по листьям, а порывы ветра были подобны звукам моря.

Анжелика начала говорить о своем неповиновении королю.

— Его величество запретил мне покидать Париж, и вы знаете, как я сбежала. Теперь все снова будет хорошо. Король простит меня. Он просит меня вернуться ко Двору. Я послала Молине с письмом к нему. Скоро солдаты, которые оскорбляли и угрожали нам, будут наказаны, и мы снова заживем в мире.

Флоримон слушал ее очень внимательно.

— Значит, ты больше не в опасности? И Шарль-Анри тоже?

— Нет, уверяю тебя, — ответила Анжелика, пытаясь подавить тяжесть сердца. Она должна вернуть своим сыновьям то, на что они имели право.

— Я так рад, — сказал он со вздохом облегчения.

— Ты не хочешь больше уезжать?

— О, нет, раз ты сказала, что все будет в порядке.

Они вернулись в замок очень поздно. Барба уже начала тревожиться. Осень — опасное время года: в лесу рыскало много волков. А посмотрите на одежду Шарля-Анри! Бедный малыш засыпает прямо на ногах! В такой час он привык быть в постели.

— Успокойся, — сказала Анжелика. — Твой любимец наелся диких ягод и провел изумительные часы. А для сна еще достаточно времени. Ночь еще не кончилась.

Нет, ночь еще не кончилась, ужасная ночь в Плесси.

Глава 15

Когда Анжелика уже почти разделась, ей показалось, что к замку кто-то скачет на лошади. Она замерла и прислушалась. Потом, завязав пояс халата, спустилась в холл, открыла одно из окон и выглянула наружу. Стук копыт раздавался все ближе и ближе, но узнать всадника она не могла.

— Кто это может быть? — заинтересовалась маркиза.

Анжелика закрыла окно, подумала секунду, потом пошла на половику слуг, где могла найти кого-нибудь, но затем свернула к комнате Флоримона. Она слегка приоткрыла дверь.

— Ты спишь?

В обычный день перед тем, как идти спать, он пожелал бы ей спокойной ночи и его глаза сияли бы.

— О, мама, что за чудесный день! Как я люблю тебя!

И он прижал бы свою голову к ее плечу. Его волосы пахли осенними деревьями, и она бы засмеялась и поцеловала его в щеку.

— Спи спокойно, мой мальчик. Ты увидишь, все будет хорошо...

Она вошла в комнату и приблизилась к кровати. Постель была нетронута, подушка не смята. Анжелика огляделась вокруг.

Она не увидела ни одежды, ни шпаги и направилась в соседнюю комнату, где спал отец Лесдигю.

— Где Флоримон?

Молодой человек смотрел на нее недоуменно, наполовину проснувшись.

— Но... он в своей комнате!

— Нет, его там нет. Быстро вставайте, мы должны его найти!

Они разбудили и Лина Пейрака и его жену, которые храпели в маленькой комнате около кухни. Те тоже ничего не видели и не слышали.

Анжелика набросила на плечи плащ и последовала за наспех одетыми слугами к конюшне. Маленький грум сидел перед лампой и щелкал орехи.

— Кто дал тебе это? — спросила Анжелика, предполагая недоброе.

— Господин Флоримон.

— Ты помогал ему седлать лошадь? Он уехал?

— Да, моя госпожа.

— Идиот! — закричала она и ударила мальчишку по лицу. — Отец Лесдигю, быстро берите свою лошадь и ловите его!

Священник был без сапог и плаща. Он побежал в замок в то время, как

Анжелика торопила грума седлать вторую лошадь. Пока он делал это, она побежала к дороге, пытаясь услышать стук копыт, но ветер доносил только шорох падающих листьев и больше ничего.

— Флоримон! Флоримон! — звала мать.

Крик замер в ночи, деревья были глухи к ее зову.

— Быстро поезжайте, как можно быстрее, — попросила Анжелика священника, едва он появился. — Когда вы выедете из парка, приложите ухо к земле, чтобы узнать, в какую сторону он скачет.

Она стояла одна, неподвижно, неспособная думать ни о чем, кроме Флоримона.

Вдалеке раздался звук рога де Рамбурга. Он нарастал, глубокий и ясный в тишине ночи, и повторялся снова и снова. Эхо повторяло его многократно.

Кровь Анжелики похолодела. Она подумала о Флоримоне. Возможно, он поехал встретиться со своим другом Натаниэлем.

Всадник, приближения которого Анжелика не слышала, въехал в круг света, отбрасываемого большим фонарем, стоящим у входа. Это был священник.

— Драгуны! — закричал он.

— Вы нашли Флоримона?

— Нет, солдаты меня не пропустили, и я повернул обратно. Их очень много? Во главе — Монтадур, и они повернули к Рамбургу.

Анжелика поняла, что случилось. Драгуны короля прорвались сквозь тонкую цепь протестантских отрядов. Они снова заняли территорию, которую знали лучше, чем другие, так как помнили, какая опасность подстерегает их в лесу и на болотах.

— Мы должны ехать туда, — сказала Анжелика. — Рамбурги нуждаются в помощи.

Она все еще думала о Флоримоне, чьи детские фантазии привели его в растревоженное осиное гнездо.

Сопровождаемая молодым священником, она поднялась на холм, откуда просматривался замок протестанта. Среди деревьев был виден свет. На полпути они встретили, группу всадников. Это были мадам де Рамбург, ее дети и служанки.

— Мадам дю Плесси, мы хотим укрыться в вашем доме. Драгуны окружили замок с горящими факелами. Они обезумели от выпивки. Боюсь, они подожгут дом.

— Флоримон с Натаниэлем?

— Флоримон? Откуда я знаю? Я не знаю, где Натаниэль. — Она

повернулась к детям. — Где Натаниэль? Где Ребекка? Иосиф, я думала, ты держишь ее за руку?

— Я держу руку Сары.

— Тогда она должна быть там. Возвращаемся.

Несчастливая женщина всплеснула руками.

— Езжайте к моему дому, — сказала Анжелика. — Отец де Лесдигю проводит вас. Я поеду туда и посмотрю, что случилось.

Анжелика добралась до вершины холма и тихо остановилась, невидимая снизу. Драгуны были уже внутри Дома, там раздавались крики людей, подвергаемых пытке.

Анжелика прокралась вдоль левого крыла замка держась в тени. Внезапно она наткнулась на тело мертвого человека. Это был барон де Рамбург с охотничьим рогом, висящим через плечо. Она склонилась над ним и увидела, что его тело проткнуто копьем.

Раздался топот бегущих ног. Анжелика затаилась под прикрытием деревьев. Драгуны неслись, подобно красным дьяволам. Поставив свои длинные копья к стене, они кричали с диким восторгом:

— На пики, на пики!

Из окна над ними выбросили маленькое создание, похожее на куклу. Это была Ребекка!

Анжелика закрыла лицо руками.

Пораженная ужасом, она вернулась в Плесси.

— Вы нашли Ребекку? — спросила мадам де Рамбург. — И барона?

Анжелика как бы прикрылась стальным панцирем.

— Они укрылись в лесу. Мы должны сделать то же. Быстро надевайте плащ и берите еду. Где Барба? Пойдите разбудите ее и велите одеть Шарля-Анри.

— Мадам, — сказал Ла Вайолет, — посмотрите туда.

Он указал на яркие огни, движущиеся по направлению к ним. Это были факелы драгунов.

— Они движутся сюда... через сады Рамбурга!

— Они уже здесь! — крикнул молодой слуга.

В конце длинной дорожки показался букет огней. Драгуны подъехали к замку, не проявляя торопливости. Можно было слышать только их голоса, перекликающиеся между собой.

— Заходите в дом и проверьте все двери и окна, — сказала Анжелика.

Она сама проверила решетку на парадной двери. Многие из окон имели железные решетки, только два окна по обе стороны от входа не были защищены.

— Все берите оружие и становитесь к этим окнам!

Отец де Лесдигю поднял шпагу. Мальбрант вернулся, неся мушкеты и пистолеты.

— Откуда это все взялось?

— Я решил собрать кое-какое оружие, учитывая беспорядки в районе.

— О, спасибо, Мальбрант, спасибо!

Мальбрант начал раздавать мушкеты парням. Он даже служанкам дал пистолеты.

— Если вы не можете стрелять, то всегда можете взять пистолет за дуло и дать рукояткой по голове.

Мадам де Рамбург, которая была в гостиной со своими детьми, смотрела на Анжелику с ужасом, застывшим в темных глазах.

— Что случилось с маленькой Ребеккой и моим мужем? Вы что-нибудь знаете, мадам?

— Пожалуйста, мадам, прошу вас, успокойтесь. Помогите мне уложить детей, чтобы они могли немного отдохнуть. Мы должны позаботиться, чтобы они не впали в панику.

Баронесса де Рамбург упала на колени.

— Дети, вы должны молиться. Я знаю теперь. Это день, о котором Бог сказал: «Я откажусь от моих последователей и отдам их в руки врагов!»

— Мадам, драгуны!

Слуги возбужденно смотрели через окна. Они увидели на террасе Монтадура, только его высокая лошадь могла нести такого крупного седока. Капитан казался даже больше и массивнее, чем раньше. На скулах недельная щетина, которая делала его лицо еще безобразнее.

Позади него стояла группа конных и пеших солдат, вооруженных мушкетами и алебардами. Казалось, они раздумывают, что им предпринять.

— Открывайте! — кричал Монтадур. — Или я выло маю дверь!

Никто не пошевелился. Со стороны замка Рамбурга подъехала еще группа солдат. Все говорили, что это тот дом, откуда их изгнали менее недели тому назад, когда ла Мориньер убил четверых их товарищей.

Капитан обратился к двум солдатам, которые принесли огромное бревно. Первые же удары бревна по двери сотрясли замок. Один из детей Рамбургов начал плакать, его успокоила гнать, отвлекая молитвой.

— Мальбрант, — прошептала Анжелика.

Каретник медленно поднял мушкет и сунул ствол в открытое окно. Раздался выстрел, и первый драгун скатился вниз по ступенькам. Второй выстрел, и другой упал.

Драгуны взвыли от ярости. Трое солдат с мушкетами двинулись вперед и начали бить в дверь прикладами.

Мальбрант перезарядил мушкет. Ла Вайолет выстрелил из другого окна два раза. Двое солдат упали, третьего прикончил Мальбрант.

— Отойдите, вы, идиоты! — закричал Монтадур. — Вы хотите, чтобы они перебили нас по одному?

Солдаты отступили, как испуганные волки. Когда они оказались в безопасности, Монтадур расположил в ряд своих мушкетеров. Раздался залп. На пол посыпались осколки стекол. Ла Вайолет, который вовремя не отскочил, был ранен. Отец де Лесдигю поднял мушкет, выпавший из его рук, и занял его место. Командир драгунов решил послать еще несколько человек атаковать двери, которые уже стоили жизни пятерым из них.

Анжелика наклонилась над Ла Вайолетом. Она взяла его за плечи и оттащила в угол холла. Он был ранен.

Молодая женщина сбегала на кухню за бинтом и коньяком. Она удивилась, увидев Аурэль, жену повара, сидящую перед огнем и едящую за содержимым котла.

— Что вы варите? Суп?

— Госпожа маркиза, я кипячу волю, чтобы лить на них, как это делалось в старые добрые времена.

Но замок Плесси не был приспособлен для того, чтобы отражать нападение.

Ауэрь внезапно прислушалась.

— Они пытаются взломать кухонную дверь!

Она оказалась права. Солдаты обошли дом и пытались взломать тяжелые деревянные двери кухни. Один из слуг вскарабкался к фрамуге, чтобы выглянуть наружу, но ничего не увидел.

— Поднимитесь на второй этаж, — сказала Анжелика трем парням, у которых были пистолеты, — и стреляйте в них через окна.

Анжелика вернулась к Ла Вайолету. Холл был наполнен дымом, который разъедал глаза. Когда она склонилась к раненому, то увидела, что уже ничем не сможет ему помочь. Он умирал.

— Госпожа маркиза, — прошептал он, — я хотел сказать вам... самое прекрасное воспоминание... когда я держал вас в своих руках.

— О чем вы говорите, мой бедный мальчик? «Он бредит», — подумала она.

— Но я держал вас в руках, когда маршал послал меня похитить вас. Я держал вас в своих руках, я даже сдавил ваше горло, чтобы добиться того, что я сделал. Потом я нес вас и смотрел на вас, и это наиболее прекрасное

воспоминание всей моей жизни, ибо такой красивой женщины... как вы...

Его голос начал слабеть. Последние слова были произнесены шепотом, придав им оттенок секретности. Теперь он еле дышал. Она взяла его руку.

— Я прощаю вам то, что вы сделали в ту ночь. Позвать отца Лесдигю, чтобы дать вам отпущение грехов?

— Нет, нет, я хочу умереть в собственных молитвах.

«Конечно, он же протестант. Я забыла. — Она положила руку ему на лоб, — Бедняга! Теперь уходи... Может быть, Бог успокоит тебя».

Ла Вайолет умер. Другой слуга был тоже ранен и лежал в углу, издавая стоны. Лицо Мальбранта было черно от порохового дыма. Молодые слуги носили оружие с одного этажа на другой.

«Мы должны остановить это», — подумала Анжелика. Она поднялась наверх, к открытому окну.

— Капитан Монтадур!

Ее ясный голос звенел в ночи.

Капитан драгунов отступил назад, чтобы лучше ее видеть. Он смотрел на нее со смесью страха и триумфа. Маркиза была здесь! Попалась в ловушку! Он сможет ей отомстить!

— Капитан, какое право вы имеете атаковать дом — католика? Я буду жаловаться королю.

— Ваш дом католика — убежище гугенотов! Вы отдадите нам волчицу-еретичку и ее потомство, а мы оставим вас и ваших сыновей в покое.

— Стоит ли терять время, воюя с женщинами и детьми! Лучше охотьтесь за людьми ла Мориньера!

— Вашего сообщника! — закричал Монтадур. — Вы думаете, я ничего не знаю? Вы предали нас и продали душу дьяволу, вы — ведьма! Я все время воевал за нашу веру, а вы бегали в лес продавать нас бандитам. Я заставил одного из ваших парней говорить...

— Я уже обратилась к королю, — закричала Анжелика так же громко, как Монтадур. — И господин де Морилас также будет извещен о вашем бесчестном поведении. В интригах между знатью всегда страдают подчиненные, знайте это!

Монтадур заколебался. В том, что она сказала, была правда. Сражаясь, он не думал, что получит одобрение за свои действия в Пуату. Но его отряды нуждались в убийствах, чтобы доказать свою силу. И у него никогда не будет больше возможности овладеть этой женщиной, образ которой мучил его многие месяцы и которая играла с ним, как кошка с

мышью. С ним, Монтадуром! Потом будет видно! Но сначала он получит ее, заставит ее кричать, просить пощады!

— Выкурите эту суку, — крикнул он, взмахнув рукой.

Она отступила. У нее не было ничего для сделки с ним. В воздухе появился запах дыма, но не от выстрелов. Раздался испуганный голос Аурэль:

— Они разжигают огонь у дверей!

Полусонная Барба заглянула в открытую дверь:

— Что происходит, мадам? Вы разбудили ребенка!

— Драгуны пришли за нашей шкурой. Быстро одень Шарля-Анри, заверни его в одеяло и иди в подвал. Я посмотрю, можно ли пройти...

Подземный тоннель! Это была последняя надежда. Они могут вывести всех детей и женщин этим путем, и должны молить Бога, чтобы на их пути не оказалось драгунов.

Она бросилась в подвал, но остановилась между винными бочками. За дверь слышался глухой гул голосов. Они нашли тоннель или же человек, которого они пытали, выдал им его.

Анжелика стояла ошеломленная, со свечой в руке, и следила, как деревянная дверь начала поддаваться ударам, словно целая армия навалилась на нее.

Анжелика вернулась в дом и задвинула засовы на двери, ведущей в подвал.

— Стой здесь, — сказала она Лину Пойраксу, — и бей по голове каждого, кто вылезает из подвала.

— Огонь, огонь! — кричала Аурэль.

Солдаты положили солому к входу, тяжелые деревянные двери были охвачены дымом. Парни со второго этажа спустились вниз, они уже не могли видеть нападающих.

Слуги смотрели на Анжелику, и их охватывал страх.

— Госпожа! Что мы будем делать?

Кто-то произнес:

— Мы должны пойти за помощью.

— Какой помощью? — закричала Анжелика.

Они слышали голоса.

— Возьми нас на небеса. Боже. Мы служили тебе этот последний день.

Это слуги-гугеноты пели вместе с детьми Рамбурга. Волосы Анжелики встали дыбом.

— Нет, нет, нет... — повторяла она.

Она снова поднялась по лестнице на самый верх, но темнота ночи не

позволила ей ничего разглядеть.

— Какая помощь? — снова закричала она.

Она даже не знала, где находятся отряды ла Мориньера.

Внутри замка раздался взрыв. Она подумала, что упала стена, но это был только, рокот, вырвавшийся из уст несчастных людей, когда появился первый драгун.

Анжелика снова спустилась вниз и посмотрела через перила. Нижний этаж был ареной ужасной битвы. Везде раздавались пронзительные крики. Крики слуг, борющихся за свои жизни, крики испуганных женщин, крики детей, схваченных жестокими руками, стоны солдат, облитых кипятком Аурэль, и голос молящейся баронессы де Рамбург, стоящей на коленях посреди гостиной.

Мальбрант схватил за ножку тяжелый стул и сбивал с ног каждого, кто приближался к нему. Крики женщин, которых насиловали, крики боли, крики умирающих. Анжелика увидела, как вверх бежит драгун, неся одного из детей Рамбурга. «На пики его!» Анжелика побежала ему навстречу, схватив мушкет. Подняв тяжелое оружие, она нажала на курок. Солдат упал, на его лице появилась черная дыра. Она перегнулась через перила и стреляла в красные мундиры до тех пор, пока кто-то сзади не схватил ее руки и не сдавил их.

Ее глаза успели увидеть еще три картины. Она увидела Барбу, пробежавшую мимо с Шарлем-Анри на руках. Увидела Бертиль, свою горничную, лицо которой было в слезах, она была в кольце трех бесстыдно расстегивающихся солдат. Анжелика увидела окно, открытое в ночь, через которое выбрасывали тела. Потом она потеряла представление о том, что происходит вокруг. Она никогда не ощущала такой животной паники, даже когда была прикована цепью для пыток.

Но в эту ночь Анжелика не почувствовала ничего, кроме депрессии и желания избежать того, что случилось с ней. Чем больше она вырывалась, тем больше ее охватывала паника. Она поняла, насколько она беспомощна. Она вспомнила, как вельможи в «Красной Маске» бросили ее на стол, чтобы изнасиловать. Но тогда ей на помощь пришла собака Сорбонна.

Сегодня никто не придет ей на помощь! Дьяволы отомстят сегодня этой женщине, которая так часто убегала из устроенных ими ловушек. Они подобрались к ней со всех сторон, с дьявольскими масками и волосатыми руками. Сегодня они уничтожат ее. Она так часто проходила через пламя греха, не обжигаясь, но теперь они опозорят ее, и она уподобится остальным. Никогда больше она не будет гордиться своим очарованием.

Противные лица склонялись к ее губам, не давая кричать. Железные

пальцы двигались по ее телу, разрывая платье на куски.

Ее тело было распростерто на полу, кто-то руками прижал ее локти. Ее плоть принадлежала им. Непристойные крики звучали в ушах, она чувствовала удушье, как тонущая в глубокой черной воде, в то время, как они скотски удовлетворяли свое желание.

Это было хуже кинжала убийцы! Ее тело больше не принадлежало ей, а стало объектом позора. Невыносимая боль пронзила ее, поглощая, до того темного мучительного момента, когда она потеряла сознание.

Глава 16

Анжелика пришла в сознание. Она лежала на каменном полу, щека была поцарапана о его неровности. Низкий туман с запахом дыма расстилался над ней. Она посмотрела на синие пятна на руках. Память вернулась к ней, Анжелика попыталась встать, и издала стон. Она встала на колени, опираясь на обе руки. Волосы упали на исцарапанное лицо.

Ах! Ты думала, что избавилась от демонов, слишком красивая женщина?! Но демоны поймали тебя там, где ты считала себя в полной безопасности, в твоём собственном доме, на глазах твоих людей. Тебя ждут еще более горькие часы. Ты не можешь надеяться подняться от стыда свой взор. Ты навсегда запомнишь эту незаживающую рану прошлой ночи, гордая Анжелика!

Женщина, качаясь, поднялась на ноги, держась за стену. Она уже никогда не будет той женщиной, которая боролась, которая надеялась, которая решала все новые и новые задачи. Руки механически обернули остатки разорванного платья вокруг тела. При воспоминании о том, что случилось она издала стон. Собственное тело было ей противно.

Вокруг лежали трупы, включая и драгунов в красных мундирах. Она не видела что они мертвы. Мысль, что один из них может проснуться, заставила ее поторопиться к лестнице. Она начала спускаться вниз на качающихся ногах. И увидела Барбу, лежащую на ступеньках с ребенком в руках.

Шарль-Анри спал в руках мертвой женщины. Волна радости заставила Анжелику задрожать. Она склонилась над ним, неспособная поверить своим глазам. Это было чудом! Он спал, как может спать только ребенок в центре разрушенного мира, его длинные кудри закрывали щеку, губы приоткрылись в улыбке.

— Проснись, — сказала она мягко, — проснись, маленький Шарль-Анри!

Но он не просыпался. Она осторожно потрясла его, чтобы заставить открыть глаза. Его головка откинулась назад, и она увидела на шее рану, через которую ушла жизнь.

С трудом Анжелика разжала руки мертвой женщины и прижала ребенка к своей груди. Чувство его веса, казалось, придало ей силы.

Она прошла между трупами вниз и вышла в сад.

Солнце начало подниматься над поверхностью озера. Анжелика шла,

не чувствуя ничего, кроме боли в теле и веса ребенка. Она смотрела на него и замечала его неподвижность, бледность щек, белых, как его рубашка, которая была на нем...

— Мой ангел... пойдём... Я унесу тебя далеко, мы пойдём вместе... я буду играть с тобой...

Бедный малыш!

Несколько крестьян, кравших по главной аллее, завидев ее, вышли ей навстречу.

Они взяли из ее рук ребенка и повели к дому Молине. Он был разграблен, но драгуны его не подожгли. Она отказалась идти в дом, они принесли ей немного коньяка, и маркиза выпила его, не говоря ни слова.

Весь район, все крестьяне покинули ближайшие фермы и пришли в Плесси. Их глаза были прикованы к дыму, который поднимался над деревьями. Все правое крыло и кухня сгорели. Огонь погас, никто не знал, почему. Это спасло выживших от сожжения заживо. Мальбрант тоже был жив. Он уцелел чудом, защищенный мебелью, за которую упал. Там же оказались три женщины-служанки, которые пострадали от зверств солдат. Они плакали, пряча лица в ладонях.

— Пойдемте, пойдёмте, — сказала старая женщина, увлекая их в сад. — Какая женщина не проходит через мельницу хоть раз в жизни? Вы живы, а это главное. Остальное скоро забудется. Только так нужно смотреть на случившееся.

Через некоторое время появился Флико. Ему удалось сбежать и спрятаться в лесу.

Чья-то раненая голова склонилась к коленям Анжелики, его плечи тряслись от рыданий. Это был отец Лесдигю, лоб его был обвязан окровавленной повязкой.

— Ох, мадам, мадам, это ужасно. Они оглушили меня, и я был не в состоянии защитить вас и бедного ребенка...

Анжелика оттолкнула его с внезапным ужасом.

— Не трогайте меня, не трогайте меня... — потом отрешенно спросила: — Где Флоримон?

— Не знаю. Среди погибших у Рамбурга его не нашли, Натаниэля тоже.

Она не слышала его, снова впад в беспамятство. Мысленно она видела Флоримона, играющего с Шарлем-Анри в то время, как Гортран рисовал их портрет.

— Бедная госпожа сошла с ума, — прошептала одна из женщин, наблюдавших за ней.

— Нет, она молится, она читает молитву.

— Что за шум со стороны парка? — очнувшись, спросила Анжелика.

— Это звон лопат могильщиков, мадам. Они готовят погребение.

— Я пойду туда.

Она пошла, поддерживаемая священником. На краю леса, около ворот, уже выкопали несколько могил и сложили в них трупы. Последним уложили Лина Пойракса и его жену Аурэль из-за их внушительной комплекции.

— Мы положили молодого маркиза там, — сказал один из могильщиков, указывая на маленькую могилку в стороне от других. Могила была уже убрана цветами.

Человек добавил тихо, словно извиняясь перед Анжеликой: — Мы сделали, что могли сделать быстро. Позднее мы перенесем его в церковь Плесси с почестями. Но сейчас церковь сгорела...

— Послушайте, — сказала Анжелика, — послушайте меня.

Ее голос стал сильнее, начал вибрировать от эмоций.

— Слушайте меня, крестьяне, — сказала она, — слушайте. Солдаты убили последнего из дю Плесси-Бельеров, наследника поместья. Кончился род. Они убили его, они убили вашего господина. Все кончено. Не будет больше маркиза дю Плесси.

Крестьяне издали пронзительные крики, женщины заплакали.

— Это солдаты короля совершили преступление. Отряды наемников уничтожили ваш урожай, терроризировали всю провинцию. Люди, которые могут только вешать и жечь. Иноземцы едят наш хлеб и убивают наших детей. Позволите ли вы продолжаться этим преступлениям? Мы достаточно терпели людей, действующих именем короля. Сам король должен их повесить. Но мы проследим за исполнением приговора сами. Крестьяне, вы не позволите им покинуть провинцию, не правда ли? Вы должны взять оружие и отомстить за своего господина!

Весь следующий день они преследовали драгунов Монтадура. Следы отряда было легко обнаружить, и к концу дня преследователи испытали радость, поняв, что драгуны не могут переправиться через реку и повернули назад. Знали ли они, что их преследуют? Возможно, нет. Пьяная солдатня продолжала уничтожать деревни и молчаливая страна начала терять терпение.

Наступила ночь и взошла луна. Крестьяне подкрались к стоянке драгунов. Инстинкт подсказывал им, что конец охоты близок. Ковер опавших листьев заглушал шаги.

Карета Анжелики стала. Она дала сигнал остановиться. На поле, белом

при свете луны, спали драгуны, уставшие как от пьяных оргий, так и от долгого марша. Часовые сидели у костра, от которого к небу поднимался столб дыма.

Мартин Дженет, один из фермеров, возглавлявший крестьян, оценил взглядом ситуацию. Распоряжения были отданы шепотом на местном диалекте. Скоро криком совы был подан сигнал, ему ответил такой же крик.

Часовой настороженно поднял голову, потом снова задремал.

С четырех сторон бесшумно к биваку двинулись тени. Не слышно было ни звука. Солдаты на мгновение пробудились ото сна, чтобы заснуть навеки.

На следующий день лейтенант Жено прибыл в провинцию с шестьюдесятью солдатами, чтобы присоединиться к Монтадуру. После долгих поисков он нашел их на поле с перерезанными глотками. Работа была выполнена серпами и ножами. Монтадура узнали только по толстому животу. Его голова исчезла.

Впоследствии это поле стали называть «Поле драгунов». И ничего кроме ежевики, здесь не росло...

Так начался Большой мятеж Пуату.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ОНОРИНА

Глава 1

Это случилось позже, когда король отстранил господина де Мориласа от должности правителя провинции и поместил его в Бавилль.

Письмо Анжелики, доставленное Молине королю, как только он прибыл в Версаль, пришло слишком поздно.

Пока король посылал за Ловайсом, своего рода сообщником Мориласа, чтобы узнать точно, что случилось, и отдать приказы, Пуату был охвачен огнем.

Никто и не подозревал, что поводом для жестокого взрыва явилось убийство маленького мальчика с золотистыми кудряшками. Извне ситуация казалась очень неблагоприятной, и долгое время протестантов обвиняли в сожжении замка Плесси и в исчезновении маркизы и ее сыновей. Легче всею случившееся можно было объяснить кознями еретиков. Но первые отряды, попытавшиеся вступить в Гатин, к удивлению встретили сопротивление католиков под предводительством Гордона де ла Ланди, чье древнее имя было не в почете при Дворе.

Тем временем южнее Бакаджа усилилось влияние Самуэля де ла Мориньера с гугенотами.

Королевские отряды были отброшены от линии, тянувшейся от Лодюна до Ниора, пока зимний холод не упал на обнаженные деревья. Началась партизанская война, ужасная по своей жестокости. Крестьяне были подобны теням. Создавалось впечатление, что местность наполнена людьми, которых вы никогда не видите. Страна казалась пустынной. Откуда такая волна ненависти? Против кого она направлена? Был ли то король, его отряды или сборщики налогов? За что сражались жители провинции? Было ли это религиозным фанатизмом или местным патриотизмом? Из-за чего крестьяне и дворяне провинции были внезапно охвачены безумием? Чего они пытались достичь?

На королевском совете стало привычным для придворных поднимать руки к небу и высказывать различные предположения. Но ни один не отважился высказать вслух истину. Ни один не признавался, даже себе, что все это противостояние является последним усилием раненого в лесу зверя, ни более и не менее, как смертельная обида людей, которые отказываются быть рабами.

Зима в Пуату началась с голода. Попытки господина де Мориласа обратиться к крестьянам не дали результата. Для экономии на территории

провинции ввели натуральные налоги, но урожай собрали скудный, а на фермах протестантов он был сожжен солдатней.

Небо было безоблачным, а солнце горячим, засушливое лето лишило людей всякой надежды на урожай. Засуха уничтожила посевы, и начался голод.

Мало-помалу люди поняли ту роль, которую играла некая женщина в пылающем огне ненависти, и теперь ей удалось объединить католиков и протестантов, знать и крестьян, а также жителей небольших городов.

Кое-кто при Дворе смеялся над легендами, которые ходили об этой женщине.

Другие верили в них! Дни Фронды, когда красивые женщины играли такую значительную роль, были не так уж далеки, и никто во Франции не забыл, что однажды женщина по имени Жанна, рожденная в хижине, вела уже солдат на битву. А эта женщина не была крестьянкой, ибо дворяне подчинялись ей.

Со стен было снято оружие. Мушкетеры и алебарды, старинные пистолеты, и обоюдоострые мечи. Были здесь даже охотничьи луки и стрелы, надежное орудие в руках человека, спрятавшегося среди дубов, у дороги. Солдаты короля скоро пожалели, что на них нет металлических лат, как в старину.

Говорили, что женщина была молода и красива, имела большое влияние на лидеров партизан. Она ездила на лошади, одетая в костюм для верховой езды и темный плащ, высокий ворот скрывал ее светлые волосы.

Анжелика навещала каждый замок, каждый большой дом в провинции. Она приходила к самым гордым людям и легко находила с ними общий язык. У многих дворян были сыновья при Дворе, некоторые были бедны. Анжелика открывала им имена людей, присоединившихся к мятежу.

Дворяне собирали своих крестьян во дворах замков или на открытых площадках. И когда она появлялась перед ними, гордая, в черном плаще, сидя на лошади или стоя наверху каменных ступеней, и начинала говорить мягким ясным голосом, который разносился далеко в морозном воздухе, эти простые люди слушали ее с возрастающим вниманием.

Анжелика просто и доступно раскрывала вещи, о которых они говорили долгие годы между собой. Она напоминала им про ужасные 1662 и 1663 годы, когда они были вынуждены есть траву и кору деревьев, солому с крыш домов. Она напоминала им о детях, которые умирали, об их уходе в города. То были годы, когда Николя и другие голодные крестьяне уходили в Париж, подобно волкам. Бедствие было в год, когда в Париже

проходил большой карнавал, когда король, его брат и принцы появлялись на людях, украшенные драгоценностями.

На следующий год, когда крестьяне зализывали свои раны, Кольбер ввел налог в двух видах: один, известный, как «кастрюльный», другой, как «соляной и на скот».

Анжелика беседовала о вещах, которые были предметом горестей всех французских земледельцев. Когда она говорила им об этом, крестьяне впервые видели возможность избавиться от непосильных налогов.

Анжелика говорила им:

— Местные вельможи ваши истинные хозяева. Когда голодаете вы, голодают и они. Часто они не платят «десятину». И делают это для защиты вас от жадных рук.

— Это правда... она права, — шептали крестьяне.

— Следуйте за ними, пришло время положить конец произволу и бедности.

Маркиза приводила много фактов: роскошь, которую видела при дворе короля, плату чиновникам, богатства крупных финансистов, все, что принуждает парламент требовать все больше и больше денег от крестьян.

Все они брались за оружие — люди с громкими и с менее известными именами.

Города, подобные Парфени, Монтерри и Лярош, которые пытались укрыться за стенами, тоже были вынуждены вооружиться. Существовало много людей среднего класса, которые также были настроены против короля. Анжелика знала, как расшевелить их словами о деньгах и делах. Они начинали понимать, что ничто не защитит их от беззаконий солдат короля, если они не присоединятся к своим братьям из Бакаджа.

Это был преимущественно протестантский район, а также район добычи соли, место частых столкновений между населением и короной. Дельцы контрабандной торговли солью побуждали торговцев присоединяться к ним. Взамен соли в Пуату поступала пища, доставляемая на побережье, Бог знает каким путем уходящая в глубь провинции по малым рекам, втайне от властей. За пищу платили хорошие деньги. Купец из Фонтена начинал понимать простой факт, что его золото будет бесполезным, если они все умрут с голода.

Вся Франция следила за событиями в Пуату. Высший свет ждал конца холодов, чтобы войти в провинцию и подсчитать умерших. Но люди в Пуату не умирали.

В течение этих морозных месяцев Анжелика нигде надолго не останавливалась. Она жила там, где жили крестьяне, снова шла к тем, кто в

ней нуждался. Она сидела у камина в замке или у фермерского очага, или в лавчонке городского купца. Она говорила с разными людьми, и утверждалась в мысли, что зерна готовы дать всходы. Чувствовалось: что-то скоро произойдет!

Но лучше всего она чувствовала себя на узких тропинках, по которым ехала.

Барон де Кройси был одним из ее постоянных спутников. Это к нему она пришла просить помощи сразу после той трагической ночи. С тех пор крупный полный мужчина сопровождал ее всюду.

Все протестанты из поместья Анжелики присоединились к отрядам ла Мориньера. Остальные под командой Мартина Джанета образовали своего рода свободный отряд. Каждый жил в своем доме, но все были готовы собраться вместе вооруженными при первой же необходимости.

Уцелевшие в Плесси остались с Анжеликой. Грум Алан, Камилл, старый Антон, Флико, парижанин, который не знал, что делать среди лесов, и Мальбрант, довольный, что снова вовлечен в военную кампанию.

Отец де Лесдигю не покидал ее с самого начала. Каждый раз, когда он терял Анжелику из вида, он спешил снова увидеть ее. Он был напуган тем, что стояло за этим холодным лицом с замершим взглядом, и терзался мыслями, что она может попытаться покончить с собой.

После дневной скачки Анжелика иногда впадала в глубокое молчание, во время которого все казались ей виновными перед ней. Она сидела перед огнем в большом зале со стенами, увешанными оружием. Это было чем-то привычным еще с детства. За пределами дома завывал ветер, стуча ставнями. Часто слышался другой звук: размеренные шаги де ла Мориньера. Он шагал взад и вперед, и его высокая тень колыхалась в языках пламени. Время от времени он останавливался и смотрел на Анжелику. Эта женщина была будто заморожена и нуждалась в тепле. Он снова начинал шагать, как зверь в клетке. Герцог мог видеть ее лицо, но мысли ее были далеко, и тонкая фигура священника постоянно находилась рядом с ней. Сердце Мориньера испытывало бессильный гнев. Но не только присутствие молодого священника тревожило его.

Барьер, который стоял между ним и этой женщиной, которую он желал с каждым днем с все возрастающей страстью, был другого рода и более непреодолим, чем присутствие пажа с глазами молодой девушки. Герцог мог отбросить священника в сторону одной рукой, если бы не было других препятствий его любви. Он не мог ничего сделать даже всей силой своей любви. С этого момента она потеряна для него навсегда.

Когда он услышал о нападении на замок Плесси, он ускоренным

маршем вернулся в провинцию. Несколько дней он искал исчезнувшую маркизу и наконец нашел ее. Гнев Самуэля де ла Мориньера против совершенного солдатами Монтадура смешивался с неизвестным ему ранее чувством — горем. Мысль о том, что эта женщина была изнасилована, делала его безумным. Пока он искал ее, то несколько раз чуть не бросился на шпагу, чтобы избежать мучений, от которых страдали его душа и тело. Он не был в состоянии даже взывать к Богу.

Однажды вечером, когда герцог сидел на ступеньках под затянутым тучами небом, этот жестокий человек почувствовал, как кровотоцит его сердце и слезы текут по щекам. Он был влюблен. Лицо Анжелики привело его к открытию! Он был влюблен.

Когда он нашел ее, то чуть не упал на колени, целуя край ее платья. Она выглядела спокойной, но черные круги под глазами скрывали тайну. Он был поражен ее раненой красотой и той страстью, которую она зажгла в нем.

Как только они остались наедине, он хотел взять ее на руки. Она побелела, ужас застыл на ее лице.

— Не подходите ко мне, не подходите!

Ее страх сделал его безумным. Он хотел целовать ее губы, оскверненные другими, хотел удалить с нее все следы скверны, очистить ее.

Безотчетная ярость, вызванная любовью и ревностью, желанием обладать ею, наполнила его существо, и игнорируя ее мольбы, он прижал ее к себе. Когда же он увидел ее в конвульсиях, побелевшую, с закрытыми глазами, его ярость исчезла. Она была без сознания. Окаменев, он положил ее на пол.

Отец де Лесдигю вбежал в комнату.

— Негодяй! Как вы осмелились к ней притронуться!

Герцог отдернул свои волосатые руки.

— Как вы смеете? Как вы не понимаете? Она не может вынести ничего подобного. Она не допускает, чтобы мужчина касался ее! Вы негодяй!

Потребовался почти час, чтобы привести маркизу в сознание.

Анжелика и герцог де ла Мориньер еще встречались случайно в домах своих последователей во время военных действий. Были вечера, когда их хозяева оставляли гугенота наедине с этой католичкой. Тогда наступало молчание, и так проходили долгие часы.

Через некоторое время, в феврале Анжелика оказалась неподалеку от Плесси. Она не хотела видеть руины своего старого дома, поэтому

остановилась в доме де Кройси. Толстый барон был добр и благожелателен. За последние четыре месяца он стал более активен, чем всю предшествующую жизнь. Он чувствовал себя доверенным другом Анжелики, к которому она могла обратиться, что бы ни случилось. И действительно, она не чувствовала себя обеспокоенной в его присутствии. Три брата де ла Мориньера и другие вожди мятежа собирались здесь, чтобы обсудить ситуацию. Они предвидели, что весной солдаты короля начнут генеральное наступление на всех фронтах. На севере людей было мало. Могут они рассчитывать на бретонцев, которые являются бретонцами наполовину, раз живут на этой стороне Луары?

Вскоре после того произошла поблизости жестокая схватка — результат вылазки королевской армии, но это было лишь начало. Они знали, что Анжелика находится в данном районе. За ее голову была установлена награда, хотя никто не знал, где она. «Поле драгунов» было рядом и это вызывало ярость солдат. Анжелика была почти окружена. Но ее спас Валентин, мельник, у которого она с раненым де Лесдигю нашла укрытие. Чтобы уберечь ее от вражеских происков, Валентин увез ее в болота, где их никто бы не смог преследовать.

Глава 2

Анжелика провела несколько недель в хижине Валентина, которая несмотря на свое местоположение среди воды и почерневшую крышу, была вполне комфортабельна. Специальный слой соломы и мха внутри стен полностью поглощал влагу и не пропускал холод. Внутри было тепло и сухо, а когда в печи горел огонь, атмосфера становилась достаточно приятной, чтобы забыть окружающий болотный ландшафт.

Домик состоял только из одной комнаты с низким потолком, наполовину конюшни, наполовину лавки, отсюда был слышен звон колокольчиков на лодке Валентина, который доставлял припасы, молоко и сыр. Здесь же был каменный бассейн для купания, склад, где находились полки с хлебом и бочонки с красным вином. Мебель представляла собой странную смесь. Кровать была весьма примитивной, состоящей из низкой сетки на ножках. Висела здесь и икона Святой Девы под стеклом, украшенная золотой отделкой. Анжелика, которая видела эту икону и раньше, теперь не могла смотреть на нее без необъяснимого странного чувства, что она вернулась в прошлое. Анжелика смотрела на нее, открыв рот, как она это делала в детстве.

Здесь женщина не должна была прятаться, как это было на твердой земле. Выбраться отсюда она должна будет только весной, когда начнется наступление. Ее присутствие поддержит боевой дух ее сторонников.

Валентин снабжал и новостями. В провинции было спокойно, несмотря на военное положение. Отряды были еще разобщены, продолжалась борьба с голодом. — Но благодаря восстанию те небольшие резервы, которые оставались не изымались сборщиками налогов и не реквизировались солдатами, и провинция могла жить. Люди были благодарны за это. «Все идет лучше, когда позволяешь событиям идти своим чередом». Но толкнет ли это людей на то, чтобы защитить свою свободу? Да, они все готовы к борьбе.

Валентин приезжал почти ежедневно. Что он делал в остальное время? Возвращался ли на свою мельницу? Охотился или рыбачил? Иногда он приезжал с полными корзинами рыбы и сетками дичи.

Обитатели хижины говорили мало. Священник был болен и большую часть времени спал. В результате лечения рана в боку заживала, но его часто лихорадило. Он стал подобен тени среди двух других теней, погруженных в свои мысли. Все трое были очень разными: красивая,

трагическая женщина, медленно думающий мельник и маленький священник, привыкший к придворной жизни, бледный и дрожащий. Все трое оказались заперты среди тишины, в центре болот.

Анжелика спала на кровати, накрытой толстой овечьей шкурой. Ее сон был глубоким и без сновидений — что-то совсем для нее новое. Испытания, через которые она прошла, казалось, не оставили на ней следа. Когда она просыпалась, она слышала шум дождя на болотах. И это умиротворяло ее.

Когда оставался Валентин, она ночью видела его, сидящим в деревянном кресле. Глаза его были открыты и отблески огня играли на лице. Иногда в его очах появлялся блеск. У Анжелики было впечатление, что он смотрит на нее. Она закрывала глаза и засыпала.

Валентин был для нее не более, чем знакомым из прошлого. Он поддерживал огонь в очаге, доил козу, наливал молоко в кувшин, варил суп и жарил рыбу. Иногда привозил ей корзину пирожных из сыра. Анжелика с жадностью набрасывалась на них. И тогда улыбка появлялась в глазах мужчины, следившего, как ее зубы, вонзались в пирожное. Она смущалась, выходила из комнаты, чтобы избавиться от его взгляда.

Когда они пришли на островок на болотах, стояла середина зимы и земля еще была мерзлой. Морские птицы периодически появлялись на своих гнездах. Высокие тополя, завезенные из Дании Генрихом IV, изменили приморский пейзаж. Стоя у хижины, Анжелика смотрела вдаль. Она думала о Флоримоне, Шарле-Анри и Канторе, трех потерянных маленьких существах, держащих друг друга за руки. Она закричала, взмахнув руками.

— Мои сыновья... мои сыновья!

Анжелика снова и снова звала сыновей, ее голос замирал вдали до тех пор, пока не прибежал отец де Лесдигю, осторожно не взял ее за руку и не отвел в дом.

— Вы принесли в жертву своих детей, — сказал он тихим голосом, — ужасная глупая женщина! Вам никогда не нужно было покидать Версаль, уезжать на Восток. Вы должны были примириться с королем. Вы должны были лечь в постель короля...

Она снова начала плакать, призывая сыновей и умоляя их простить ее.

Это случилось ранней весной, которая окрасила все вокруг в зеленый цвет, снова зацвели водяные лилии, распространяя сильный запах.

Анжелика вспомнила, как няня говорила ей, когда она была ребенком:

— В болотах живут плохие люди, которые не платят налоги ни королю, ни епископу.

Стоял март, но было необычно тепло.

— Похоже на то, что зима не задержится, — сказала Анжелика Валентину вечером. — Добрые духи на нашей стороне. Я начинаю думать о нашем возвращении.

Мельник поставил на стол кувшин красного вина и тарелки с едой. Когда обед был закончен, отец де Лесдигю пошел спать на чердак. Анжелика и Валентин пили вино, сидя перед, огнем. Валентин наполнил свой бокал и стал шумно пить. Она посмотрела на него так, словно видела его впервые, и с удивлением заметила сильную мускулистую спину под фланелевым кафтаном и его кожаные ботинки с металлическими пряжками. Не купец, но и не крестьянин. Это был мэтр Валентин, мельник из Аблета, который всегда жил там.

Он посмотрел на Анжелику поверх бокала. Глаза его стали стальными.

— Вы думаете об отъезде?

Он говорил на местном диалекте, и она ответила ему так же.

— Да, я должна узнать, что там делается. Приходит лето и скоро начнется война.

Он выпил второй бокал, потом третий, тяжело дыша.

Недовольная его взглядом, она протянула свой бокал.

— Поставь на стол.

Валентин подчинился, но, вернувшись, снова уставился на нее. Его лицо было красным и за полураскрытыми губами она видела белые зубы.

Анжелика почувствовала усталость, оттолкнулась руками от стула и пробормотала:

— Думается, мне пора в постель.

Он шагнул к ней.

— Я положил свежей соломы, чтобы сделать постель мягче.

Он подошел к ней, взял ее за руку и посмотрел на нее с непонятым блеском в глазах.

— Пойдемте на сеновал вместе со мной.

Анжелика выдернула руку, словно ее обожгло огнем.

— Что с тобой происходит? Ты с ума сошел?

Она смотрела на него уничтожающим взглядом. Отвращение, которое она чувствовала к нему — отвращение ко всем мужчинам, — препятствовало ей защищаться, как она умела. Ее сердце гулко забилося в груди. Если он дотронется до нее, она лишится сознания, как это было в случае с герцогом де ла Мориньером. Анжелика, вспомнив, содрогнулась. Ужасный спазм, который сжал ее в тот день, воспоминание о той ужасной ночи в Плесси вызывали у нее желание выть. Она увидела в глазах

мельника блеск, который испугал ее.

— Не трогай меня, Валентин.

Тот стоял над нею с отвисшей нижней губой.

— Почему не я? — сказал он с вызовом. — Я люблю вас... я всю жизнь отдал ради любви к вам. Я достаточно долго ждал этого часа. Думал, что это невозможно, но теперь знаю, что вы будете моей.

«Точно такой, как Николя! — подумала она с ужасом. — Точно такой, как Николя!»

— Я не свожу с вас глаз с тех пор, как вы здесь. Я наблюдал, как вы толстеете, подобно беременной овце. Тогда я почувствовал почти радость, потому что понял, что вы не фея, и я могу иметь вас, и вы не напустите на меня чары.

Она слушала его, не понимая, что он имеет в виду, в то время, как он продолжал говорить на диалекте Пуату, хрипло, но мягко:

— Иди ко мне, моя прелестница, пойдём со мной на сеновал.

Он подошел к ней вплотную и прижал ее к себе. Его руки обняли ее плечи.

Анжелике удалось сохранить самообладание и она ударила его по лицу кулаком изо всех сил.

— Убери свои руки, смерд!

Валентин отпрянул при этом оскорблении. Он снова был мельником, человеком, выброшенным из деревни за свой горячий характер.

— Как в прошлый раз, — проговорил он, — как в тот раз в амбаре ночью. Вы не изменились, но на этот раз я не боюсь. Сегодня вы будете моей.

Он сказал последние слова с ужасной решимостью. Потом, тяжело ступая, подошел к столу и наполнил бокал.

— У меня много времени, но запомните, что никто не оскорблял мэтра Валентина безнаказанно. Вы ранили меня в самое сердце и заплатите за это!

Она поняла, что должна успокоить безумца.

— Не поймите меня неправильно, мэтр Валентин, — сказала она прерывающимся голосом. — Я не презираю вас. Но будь вы даже самым королем, я не была бы вашей. Я не могу мужчине позволить дотронуться до меня. Это как болезнь. Попытайтесь понять мое положение.

— Это неправда. Вы лжете. Многим другим вы позволяли дотронуться до вас, и вам это нравилось. Он должен был тронуть вас, тот парень, который вложил ребенка в ваш живот.

— Какого ребенка? — спросила она, глядя на него непонимающе. Он

на секунду оторопел и буквально отпрянул назад.

— Что вы делаете из меня дурака? Гот, которого вы носите. Это факт, и это убедило меня в том, что вы не фея. Говорят, что феи не могут носить детей от человека. Настоящие феи не имеют детей.

— Какой ребенок? — повторила она хрипло.

— Вы не можете сказать, что вы не знаете, — заметил мельник, и его голос доносился как бы издалека. — Уже добрые пять или шесть месяцев, как вы его носите.

Пять или шесть месяцев! Но это невозможно. После Колена Потювеля она не была близка ни с кем. Она не отдавалась никакому мужчине.

Пять или шесть месяцев. Осень! Красная ночь в Плесси, выстрелы, кровь, огонь, плач детей, стоны женщин, отвратительный спектакль с драгунами, расстегивающими брюки... Борьба и боль, безумное унижение, а теперь, пять месяцев спустя — ужасная правда.

Она издала сильный, вырвавшийся из самого сердца, крик:

— Нет! Нет! Только не это!

В течение месяцев, когда она скакала по Пуату, её мозг был подчинен только одной цели, она забыла о себе, она ничего не замечала. Она не хотела думать о своем теле и не беспокоилась о нарушениях обычного цикла, который она объяснила своим шоком, и который был бы ей помехой в поездках.

Теперь она вспомнила, и все стало очевидным. Ужасная беременность развивалась. Она раздвигала ее платье, несмотря на корсет. Фигура лишилась привычной стройности. Валентин, кажется, разгадал ее состояние. Глубокое молчанке нарушалось только всплесками рыб в спокойной воде.

— Ну и какая разница? — резюмировал мельник, — Вы стали еще более привлекательной!

Он снова подошел к ней. Анжелика оттолкнула его руки и отскочила в темный угол комнаты, неспособная даже закричать. Ему удалось схватить ее и заключить в объятия.

В тот же момент раздался сильный удар в дверь, деревянный засов отскочил, и высокая фигура Самуэля де ла Мориньера показалась на пороге хижины. Он заглянул внутрь и закричал, увидев эту пару.

Он был охвачен страхом после исчезновения Анжелики. Ему сказали, что она стала узницей проклятого мельника, который держит ее на болоте. Это было не совсем правдой, но мельник-папист был соперником опасным. Почему женщина благородного происхождения последовала за ним? Почему она не возвращается? Неспособный ждать более и не сказав

никому ничего, он взял проводника, который провел его по болотам.

Он явился и нашел ее в жестоких руках этого идиота.

— Я перережу тебе глотку, наглый смерд, — прорычал он, выхватывая кинжал.

Валентину едва удалось избежать удара. Он согнулся и проскользнул в другой конец комнаты. Его лицо исказила ярость.

— Вы не получите ее, — заявил он хриплым голосом. — Она моя.

— Грязная свинья, я вырву твои кишки!

Мельник был так же высок и силен, как и протестантский вельможа, но безоружен. Валентин стал прятаться за столом, не сводя глаз с вновь прибывшего, который дрожал от ревности и искал способ перерезать ему горло. Огонь в очаге погас, и углы комнаты погрузились в темноту.

Валентин пытался добраться до топора с длинной ручкой, спрятанного за ящиком.

Анжелика бросилась к лестнице, ведущей на чердак, склонилась над молодым священником и стала трясти его.

— Отец! Они дерутся... Они дерутся из-за меня.

Полусонный молодой человек смущенно смотрел на нее.

— Не бойтесь ничего, мадам, я здесь.

Внизу раздался удар и тяжелый звук падающего тела.

— Послушайте...

— Ничего не бойтесь, — повторил он.

Священник схватил свою шпагу, которая лежала рядом с ним, и соскользнул по лестнице вслед за Анжеликой. Они увидели вождя гугенотов, лежащего лицом вниз, по его волосам текла кровь.

Стоя у стола, Валентин пил вино. Окровавленный топор валялся рядом с ним. Его глаза были безумны.

Глава 3

Мельник увидел Анжелику и поставил кувшин с удовлетворенным видом.

— Чтобы завоевать принцессу, всегда нужно биться с драконом, — сказал он. — Дракон пришел, и я убил его. Дело сделано! Теперь я владею вами. Вы от меня никуда не денетесь.

Он двинулся к ней, пьяный не только от вина, но и от жестокости и желания. В одно мгновение молодой священник оказался рядом с Анжеликой и поднял шпагу.

— Назад, мельник! — спокойно скомандовал он.

— Уйди с моей дороги, святой отец, — прорычал Валентин. — Это не твое дело. Ты невиновен. Уйди в сторону.

— Оставьте женщину в покое.

— Она принадлежит мне.

— Она не принадлежит никому, кроме Бога. Уходите, покиньте этот дом. Не рискуйте потерять свою душу.

— Хватит церемоний, святой отец. Пропустите меня.

— Во имя Христа и Святой Девы, призываю вас уйти.

— Я раздавлю вас как орех...

— Не пытайтесь идти вперед, мельник, — сказал священник. — Не пытайтесь, я остановлю вас.

Валентин двинулся на него.

Анжелика закрыла лицо руками.

Мельник качнулся назад, руки его упали вниз. Он опустился на колени. И сразу же начал стонать:

— Дайте мне прощение, святой отец! Дайте мне прощение! Я умираю! Я не хочу уходить на Небо грешником! Спасите меня...

Его нечеловеческие крики наполнили хижину. Затем они стали слабее, и скоро стоны стали прерываться бормотанием священника, читающего молитвы.

Вскоре наступила тишина.

Анжелика была не в состоянии двигаться. Священник завернул оба трупа в холст, оттащил их немного от хижины и столкнул в воду.

Когда он вернулся, молодая женщина все еще не двигалась. Святой отец осторожно закрыл дверь, подошел к очагу, подбросил дров. Огонь запыхал с новой силой. Он подошел к Анжелике и взял ее за руку.

— Садитесь и согрейтесь, мадам, — сказал он тихим голосом.

Когда она села перед огнем, он добавил:

— Человек, который привез герцога, убежал. Я слышал звук его весел, он — католик, и не расскажет ничего.

Она сильно задрожала.

— Ужасно, ужасно...

— Да, это так... эти, двое мертвы.

— Нет, ужасно не это, а то, что он сказал мне вначале. — Она со страхом смотрела на священника. — Он сказал, что у меня будет ребенок.

Молодой человек наклонил голову и покраснел.

Анжелика яростно потрясла его за плечо.

— Вы знали и ничего мне не говорили.

— Но, мадам, — пробормотал он. — Я думал...

— Какой я была душой! Как могла я так долго этого не понимать!

Она действительно чувствовала, что сходит с ума. Отец де Лесдигю попытался взять ее за руку, но Анжелика оттолкнула его, так как уловила слабое движение внутри себя. Это было хуже, чем быть съеденной живьем диким зверем.

Она хотела броситься в болото, но священник просил и уговаривал ее, слезы стояли у него на глазах.

Наконец Анжелика успокоилась, и черты лица ее стали такими же, как и в прошлые дни. Священник возбужденно следил за ней, боясь, что женщина придет к непоправимому решению, но она заставила себя улыбнуться.

— Идите спать, молодой человек, — сказала Анжелика, — вы должны отдохнуть.

Она погладила его черные волосы, его славные глаза выражали печаль и обожание.

— Каждое ваше страдание — мученье для меня, мадам.

— Я знаю, мой дорогой.

Анжелика прижала его к своей груди, ибо он был чист и любил ее, и то была единственная радость, которая осталась у нее в этом мире.

— Мой бедный ангел... идите спать.

Он поцеловал ее руку и ушел, но был так возбужден, что она долго слышала его шаги, перед тем как он упал на свою постель.

Она оставалась неподвижной, как статуя, еще несколько часов, а при первых лучах рассвета накинула плат и бесшумно выскользнула из хижины. Лодка мельника стояла здесь. Анжелика отвязала ее и, взяв весло, направила лодку в зеленую воду канала. Еще не совсем рассвело. Лодка

двигалась среди стаи диких птиц, кричавших при ее приближении.

Анжелика подумала о молодом священнике. Он проснется и будет кричать ей вслед. Но не сможет догнать ее или помешать ей осуществить то, что она задумала. Около хижины остался ялик. Он сможет использовать его, чтобы вернуться к людям.

На горизонте вошло солнце и туман рассеялся. Стало теплее. Анжелика двигалась по каналу и к полудню добралась до берега.

Глава 4

— Мелузина, ты должна выполнить мою просьбу или я прокляну тебя!

Анжелика положила пальцы на костлявое плечо старухи. Ведьма и маркиза стояли лицом к лицу, их глаза сверкали. Они были похожи на две ужасные гарпии, и каждый, кто увидел бы их в полутьме леса, ужаснулся.

— Мое проклятие сильнее твоего, — прошептала Мелузина.

— Нет, это не так, если я умру, я буду сильнее тебя. Я точно умру, если ты откажешься дать мне снадобье. Я проткну себе живот, чтобы убить его.

— Очень хорошо, — сказала ведьма, внезапно сдаваясь. — Позволь мне уйти. — Она передернула своей израненной спиной под покрывающей ее мешковиной, прошла к очагу, подозрительно посмотрела на кипящую воду, потом, приняв решение, начала бросать туда разные травы и листья.

— Что я могу сказать... Я думала о тебе. Слишком поздно. Ты уже на шестом месяце. Если ты выпьешь это снадобье, ты можешь умереть.

— Об этом я не беспокоюсь. Я должна избавиться от беременности.

— Ты упряма, как мул... О, хорошо, ты умрешь, но это будет не моя вина. Ты не придешь с того света и не будешь меня тревожить.

— Обещаю.

— Для меня будет плохо, если ты умрешь, — пробормотала ведьма, — так как тебе был предназначен долгий век. Ты сильна и здорова. Возможно, ты и выдержишь. Когда выпьешь снадобье, иди и ложись около Волшебного камня. Это безопасное место. Духи тебе помогут.

Снадобье было готово только к ночи. Мелузина наполнила деревянный кувшин чертой, жидкостью и протянула Анжелике, которая решительно выпила все до последней капли. На вкус напиток был не очень противен. Анжелика издала вздох надежды, несмотря на страх перед мучениями, которые ее ожидали. Но зато потом она будет свободной. Ужас должен быть побежден. Она должна найти в себе мужество перенести мучения. Она повернулась, чтобы идти к Волшебному камню. Ведьма прочла непонятные заклинания и сунула ей в руку какие-то порошки.

— Если боль будет невыносима, прими один или два. Они облегчат страдания. А, когда ребенок родится, оставь его тело на камне друидов и накрой чем-нибудь...

Анжелика брела по тропинке, где уже росла молодая трава сквозь мертвые листья. Ее тонкие стебли были достаточно сильны, чтобы

пробиваться через перегной. Все было зеленым благодаря наступившей весне. Все благоухало. Она добралась до вершины холма, где находился Волшебный камень. Ноги разворошили постель из сухих листьев. Она почувствовала знакомый запах дуба. Женщина легла на камень, теплый от лучей солнца, которое было уже по-летнему жарким. Тело еще не реагировало на снадобье. Она скрестила руки на груди и лежала под кебом, на котором мерцала одна-единственная звезда.

Она приходила сюда ребенком плясать с местными парнями и девушками. Они пели запрещенные песни, чтобы заставить появиться фей и гоблинов. Она представляла, что слышит их ясные голоса и слабый топот каблучков. Потом они кричали в возбуждении:

— Я вижу духа! Он карабкается на дуб!

— Это была мышь!

— Нет, дух!

Наступила ночь и исчез последний луч света. Над деревьями поднялась луна, сначала красная, потом золотая, и наконец она засветилась серебром.

Анжелика прижалась к серому камню. Боль, разрывающая ее тело, не давала передышки.

— Это должно кончиться! — говорила она себе.

Но боль не прекращалась. Ее виски покрылись потом, свет луны ранил глаза. Лука, казалось, двигалась по небу очень медленно.

В конце концов, Анжелика закричала в агонии, и ветви над ней приняли вид пылающего спектра. Тог черный тип — бандит Николая, вторым был Валентин в своей неизменной шляпе, третьим — черный бородатый гугенот. Его глаза горели, как две свечи.

На этот раз она видела духов, скользящих по деревьям вверх и вниз с большой скоростью. Она дрожала в лихорадке. Когда нестерпимая боль охватила ее, она вспомнила о порошках, которые дала ведьма, и проглотила один из них, и вскоре боль немного утихла. Она казалась какой-то далекой, хотя и была здесь. Анжелика стала быстро глотать порошок, словно боялась, что боль вернется с былой жестокостью. Потом несчастная медленно погрузилась в сон, напоминающий смерть.

Когда она проснулась, лес больше не был страшным. На ветке дерева пела птица, виднелось розовеющее небо.

— Все кончено, — подумала Анжелика, — и я свободна.

Находясь в прострации, она сначала не двигалась. Наконец села. Тело казалось невероятно тяжелым. Она сидела, опираясь на руки, и оглядывалась вокруг. Все было знакомо. Мысли были тяжелыми,

несчастливыми.

— Я освободилась. Я свободна.

Но не было видно и следа ночных событий.

Анжелика медленно подняла свою одежду, но вдруг почувствовала что-то, чего не могла понять.

— Что случилось?

На этот вопрос она получила ответ легкой пульсацией внутри себя, и поняла, что произошло.

— Ничего не случилось! Как ужасно! Как ужасно!

Значит, счастье изменило ей. Ее охватило безумие. Она вскочила на ноги, побежала к пещере Мелузины и в гневе чуть не задушила ее.

— Дай мне еще снадобья.

Ведьме пришлось воспользоваться своей силой, чтобы вырваться.

— Зачем ты хочешь изгнать из себя ребенка, когда видно, что с тобой случилось. Подожди еще три месяца, подожди, тогда и придет время. Ребенок покинет твое тело, хочешь ты того или нет. И без смертельной угрозы, как это было сегодня. Ты можешь придти сюда, и я тебе помогу... После ты сможешь делать все, что захочешь. Можешь сбросить его в пропасть, сжечь или оставить на чьем-то пороге в городе...

Анжелика почти не слышала ее.

— Я не могу ждать больше, — рыдала женщина.

Но она уже знала, что ведьма права.

Маркиза покинула лес и решила присоединиться к двум братьям герцога де ла Мориньера. Она нашла их в замке Рокей близ Брессюра и сказала им, что патриарх мертв, они должны продолжать его дело. Им было трудно расспрашивать об обстоятельствах смерти Великого вождя протестантов. Манеры Анжелики вызвали уважение. Теперь беременность была очевидна, и она не пыталась скрыть ее. Но было в графине нечто, что обрывало вопросы. Братья де ла Мориньер окружили ее заботой. Они думали, что маркиза носит ребенка Самуэля де ла Мориньера.

Она снова нашла отца де Лесдигю. Они никогда не вспоминали о происшедшем, и молодой священник вновь стал ее сопровождать.

С наступлением весны природа и люди ожили, казалось, с одинаковой силой. Наступило время битвы.

Неутомимая женщина скакала по провинции со своими постоянными спутниками.

Они говорили, что с ее появлением партизаны — уверились в своей победе.

В июле Анжелика захотела вернуться в Нейль, где и исчезла на

несколько дней.

Ее спутники и слуги, глядя на нее, сначала спрашивали друг друга, что с ней случилось. Но потом они замолчали, когда одинаковая мысль пронеслась в их головах, и они поняли, почему сна покидала отряд.

Повстанцы ждали ее возвращения, сидя вокруг огня. Она вернулась бледная, но с тем же магическим взглядом зеленых глаз. И никто не отважился смотреть на ее опавший живот.

Люди не покидали места стоянки, когда маркиза ушла. Она должна найти их без труда. Но они бессильны ей помочь! Они ничего не могут сделать, чтобы облегчить ее боль. Они были мужчинами, а она — женщиной. Она была красива, горда и благородна, но страдала от своего женского естества. Они не решались думать о ней, одинокой в лесу, и испытывали стыд за то, что они мужчины.

Глава 5

Анжелика скакала галопом как безумная к опушке леса в Нейле. Она оставила коня на небольшой ферме, где жила женщина, воспитавшая ее. Анжелика задыхалась, но шла через лес все ускоряя шаги. Под прикрытием деревьев она чувствовала себя лучше, но ей еще надо было пройти очень много. Страх сжимал ее сердце. Казалось, она никогда не дойдет до тропы, ведущей к убежищу Мелузины, и она ввалилась в пещеру, как раненый зверь.

Старая ведьма подхватила ее и уложила на постель из трав, пригладила волосы, мягко, словно была матерью Анжелики.

Ведьма дала ей успокаивающее питье и накрыла одеялом. Ребенок родился очень быстро. Анжелика села, чтобы посмотреть на ужасное существо, рожденное в грехе. Она все время думала, что будет урод. Ребенок, рожденный в таких условиях, не может быть здоровым. Она закричала в ужасе:

— О, Мелузина, посмотри... он чудовище... У него нет половых органов...

Ведьма бросила испуганный взгляд из-под седых волос.

— Ну, нет! Это крошечная девочка!

Анжелика легла на постель с непроизвольным хихиканьем.

— О, как я глупа, я никогда не думала об этом. Крошечная девочка! Дочь! Я никогда не думала об этом. Я не привыкла к такой мысли... у меня были только мальчики, да, три мальчика. Дочь! Ох, это слишком славно!

Смех перешел в плач, которым потряс ее как шторм.

Почти сразу после родов она погрузилась в глубокий сон, и ее волшебные волосы, обрамляющие лицо, придавали ей невинность.

Проснувшись, она почувствовала умиротворение, которое принес ей сон. Это был мир для тела, но не для души.

Опершись на локоть, она смотрела на вход в пещеру, и вдруг увидела удивительную картину: лосиха с лосенком стояла там на ковре из зелени. Она, должно быть, была частым гостем в пещере ведьмы, так как спокойно переносила близость человека.

Анжелика затаила дыхание и следила долго за ними, а когда грациозное животное удалилось, со вздохом снова улеглась. Было так спокойно у Мелузины. И она поняла, почему именно женщина, зачастую травмированная, может придти в лес и стать лесной ведьмой.

К вечеру маркиза проснулась от другого шума и сразу же села! То был тонкий сдавленный крик, но это не был крик животного.

— Она голодна! — сказала ведьма, подходя к задней части пещеры и поднимая что-то. Она вернулась со свертком, из которого доносился писк.

Анжелика смотрела на ведьму с диким непониманием.

— Что? Она жива! Но мне показалось, что она не кричала при рождении.

— Вы правы! Но теперь-то она кричит. Она голодна.

И Мелузина поднесла ребенка.

Все существо Анжелики протестовало, глаза сверкали.

— Нет, — закричала она. — Она получила мою кровь, но никогда не получит молока. Мое молоко для маленьких вельмож, а не для ребенка от пьяных солдат. Убери ее, Мелузина! Убери с моих глаз! Дай ей немного воды, чего-нибудь, что ее успокоит, но не приноси ко мне. Завтра увезу ее в город.

В течение ночи Анжелику посещали воспоминания. Она дремала и разговаривала во сне, вспоминая о том, как жила в Плесси, о ночи, когда драгуны прижали ее к земле и убили младшего сына. Она вспоминала о том, что видела, бродя по разграбленному дому, прижав к груди мертвого ребенка. Это были видения из тех, что никогда не забываются.

— Да, да, я помню, — бормотала ведьма, сидящая у огня. — Когда я встретила тебя осенью, я видела знак, смерти над ребенком со светлыми волосами.

На следующий день Анжелика встала. Она была возбуждена до предела. Ребенок выводил ее из себя своим беспрестанным криком.

Маркиза надела ботинки, повязала волосы черной сатиновой косынкой и набросила на плечи плащ.

— Дайте ее мне, — сказала она твердым голосом.

Мелузина протянула ей девочку с багровым от крика лицом, завернутую в красную пеленку. Анжелика взяла сверток и пошла к выходу.

Мелузина побежала за ней.

— Послушай, дочь моя, послушайся моего совета!

Она держала Анжелику за руку.

— Нет, — ответила Анжелика — я не сделаю этого.

— Она рождена со знаком. Посмотри.

Она показала Анжелике коричневое пятно в форме звезды на плече ребенка.

— Дети, рожденные с таким знаком, находятся под защитой небес.

Анжелика, сжав губы, оттолкнула колдунью. Мелузина снова

вцепилась в нее.

— Я могу сказать тебе название этого знака. Это знак Нептуна.

— Нептуна?

— Море! — сказала ведьма, ее глаза горели странным фосфорическим светом.

Молодая женщина пожалала плечами и вырвалась из рук ведьмы.

Несмотря на слабость, она без труда достигла вершины холма. Пройдя через поляну Волшебного камня, она вышла из леса. Дорога на Фонтейн пересекала тропу неподалеку от леса.

После двух часов ходьбы Анжелика остановилась отдохнуть в хижине сапожника. Она вспотела, и была еще очень слаба. Возможно, сапожник и узнал ее, но это не имело значения, потому что он был глухонемым и жил здесь со своим сыном, тоже глухонемым.

Анжелика попросила кувшин молока и хлеба. Намочила кусочек хлеба в молоке и сунула в рот ребенку, который сразу перестал плакать. Сама тоже выпила молока, но с большим усилием. После недолгого отдыха она снова вышла на дорогу. Легкая карета догнала ее, и женщина попросила возницу подвезти. Он не ехал в Фонтейн, но обещал высадить ее в двух лье от города.

В конце путешествия заплакал ребенок.

— Дайте ему грудь, — сказал крестьянин, потревоженный криком.

— У меня нет молока, — коротко ответила она.

Возница высадил ее там, где обещал, и кнутом указал направление.

Фонтейн удерживался повстанцами. И хотя Анжелика надеялась, что никто не узнает ее в наряде женщины крестьянки, все же она решила ждать ночи, чтобы войти в город.

Ребенок был ей в тягость. Она с трудом передвигалась. Нервы были на пределе. Она не могла больше выносить плач и готова была оборвать чужую жизнь, которая ее мучила. Анжелика даже остановилась, испуганная своим настроением.

— Я должна молиться, — сказала она себе.

Но молиться маркиза не смогла. Бог покинул ее, и она с ужасом думала, не возненавидел ли он ее.

Анжелика вновь направилась к городу. На окраине она заколебалась, стала ходить взад и вперед, как лесное животное, испуганное шумом.

Когда она увидела часовых у закрытых ворот, она проскользнула в город, через двери Пшеничной башни. Горожане еще занимались делами и ходили по узким улочкам. Было хорошо дышать весенним воздухом, которым был будто наградой после стольких бед. Люди, казалось, не

торопились входить в дома, и приветствовали друг друга перед своими лавками.

Анжелика знала, что Совет Гвардейцев располагался в Пиллор-парке, недалеко от ратуши. Там было много покинутых детей, для них организовывались гражданские центры. Детский дом в Фонтейне был одноэтажным зданием, фасад которого был украшен деревянными фигурами. Анжелика не отважилась приблизиться к нему и пошла прочь, провожаемая взглядами горожан, слышавших плач ребенка. Она бродила по ближайшим аллеям, ожидая, когда опустеют улицы и станет темнее. Маркиза обнаружила то, что искала — стол для брошенных детей.

Небольшой стол был расположен на темной стороне улицы, куда мало кто заходил, чтобы несчастные женщины не испытывали стыда, оставляя детей. Единственный свет исходил от маленькой лампы, стоявшей рядом со статуей Иисуса. На столе находилась небольшая корзина. Маркиза положила ребенка в нее, затем потянула за цепочку звонка.

Отступив на другую сторону улицы, Анжелика спряталась в тени. Она качалась, как лист на ветру. Ей казалось, что крик ребенка разбудит все окрестности.

Наконец, что-то загремело за дверью. Стол начал двигаться, и скоро крик новорожденной прекратился. Анжелика прислонилась к стене. Она была в состоянии коллапса. Но одновременно с ужасным горем женщина испытала надежду. Ее мысли вернулись на несколько лет назад. В тот период жизни, что был связан с Двором Чудес, атмосферу которого, как она себе поклялась, она никогда больше не испытает. Не бросает ли ее жизнь из одного ужасного положения в другое?

Анжелика тихими шагами покинула улицу, заставляя себя держать высоко голову. Она должна была избавиться от чувства, которое испытывает женщина, страдающая от собственных грехов. Она должна уйти с этих улиц и избавиться от анонимности, которая висела над ней здесь.

И маркиза с гордостью произнесла:

— Ты — Анжелика дю Плесси Бельер, ты — женщина, которая возглавляет целую провинцию в мятеже против короля Франции!

Глава 6

Церковь Святого Оноре, построенная для удобства путешественников, была темна, как пещера, ее фасад был украшен длиннобородыми статуями, скрывающимися под ветвями деревьев.

Здесь Анжелика и собрала вождей повстанцев, чтобы согласовать планы летней кампании. Ей удалось убедить католиков и протестантов пренебречь разногласиями ради высокой цели. Победа может быть достигнута только при их единстве.

Они провели три дня на гатинских высотах, зажигая костры вокруг церкви и засыпая под дубами.

Святой Оноре был благородным человеком тринадцатого столетия, убитым разбойниками. Он родился в Берру, а встретил смерть в Пуату. Эти провинции долго спорили между собой из-за его мощей. Пуату добился успеха, сохранив голову святого.

Мужчины обычно приходили сюда и погружали свое оружие в проточную воду.

Анжелика тоже подошла к воде, чтобы охладить горячий лоб. Ее мучила лихорадка, придававшая ее глазам необычную яркость. Несмотря на снадобья ведьмы, она очень медленно оправлялась после рождения ребенка.

Как только Анжелика вернулась из Фонтейна, она хотела отправиться в Гатин. Ей надо было забыть то, что случилось, но природа напоминала ей, что Бог создал ее с телом Евы.

Особенно она страдала ночью. Во время сна возбуждение воины покидало ее, и она начинала слышать крики новорожденного ребенка.

Однажды ночью к ней явился Святой Оноре.

— Что ты сделала с ребенком? — спросил он. — Иди и найди его до того, как он умрет!

Анжелика проснулась, вся горя. Святой Оноре был на месте, над дверью церкви. Было холодно, но она вся вспотела. Тело болело. Она встала, чтобы напиться и освежиться.

— Когда у меня пропадет молоко, я перестану думать о ней, — сказала она себе.

Утром звон колокола объявил о приближении кареты. До этого времени здесь никто не проезжал, за исключением всадника, купца, который был напуган пустынностью места, я пронесся галопом мимо,

когда заметил какое-то движение среди деревьев.

Повстанцы спрятались среди деревьев, но следы их лагеря были слишком очевидны, и Анжелика послала Мартина Джанета и нескольких крестьян остановить карету, когда та достигнет вершины холма. Все были наготове, так как подозрительно относились к путешествующим по провинции. Те могли сообщить королевским отрядам об их передвижениях.

Из остановленной кареты был слышен хохот и она направилась туда, чтобы узнать, в чем дело.

Это был старый шарабан, в который была впряжена такая же старая лошадь. Возница, беззубый старик, так сильно дрожал от страха, что не мог сказать ни слова.

В карете находились три толстые потные женщины и младенцы, завернутые в грязные тряпки.

— Пожалуйста, не причиняйте нам зла, господа, — умоляли женщины.

— Куда вы едете?

— Мы едем в Портеню, нам сказали, что там находятся солдаты. Мы напугались и поехали по окружной дороге. Если бы мы знали...

— Откуда вы?

— Из Фонтейна.

Увидев Анжелику, самая толстая из них объяснила:

— Мы нянечки из детского дома в Фонтейне. Нам велено доставить младенцев в Пойти, потому что там условия лучше для их содержания. Мы добропорядочные люди, клянусь вам, мадам...

— Разрешите им проехать, — сказал Мальбрант. — У них мы не можем ничего взять, кроме их молока, да и того у них не так уж много.

— Ну, вы и скажете, добрый господин, — воскликнула кормилица. — Малютки не знают, что это такое, их у нас двадцать. Мы вынуждены кормить их вот этим.

И она показала на бутылку со смесью воды и вина.

— Не в упрек тому, кто никогда долго не путешествовал, вот эта не выдержала. Мы остановимся в ближайшей деревне и отдадим ее приходскому священнику для погребения.

Она держала в руках что-то, похожее на кролика, завернутого в красную тряпку.

— Вы только посмотрите на это, добрые господа.

Все отвернулись.

— Вы можете ехать. Но держите рты закрытыми, когда встретитесь с

солдатами. Не говорите ничего о том, что видели в горах.

— Старик, хлестни ее! — закричал Мальбрант, ударив старую лошадь по спине.

— Нет, подождите!

Кровь отхлынула от лица Анжелики, когда женщина сказала: «Мы из Фонтейна». Она знала, почему Святой Оноре появился перед ней этой ночью. Но она была словно парализована, и все ее движения были тяжелы, как ночной кошмар.

Тем не менее, она наклонилась и подняла ребенка, которого показывала кормилица, завернутого в красную тряпку.

— Теперь поезжайте.

— Что вы хотите делать с этим ребенком, моя красавица? Разве я не сказала вам, что она почти мертва?

— Поезжайте, — повторила Анжелика, глядя на них так свирепо, что те умолкли.

Анжелика отошла в сторону. Около холма она села на камень.

На ее плечо легла рука. Два темных глаза, грустных и мрачных, встретились с ее глазами. Отец де Лесдигию последовал за ней. Он стоял перед, ней, выражая ей свою симпатию. Он пытался прочесть что-то в ее глазах.

— Это ваш ребенок, не так ли?

Она чуть заметно кивнула.

— Вы уверены?

— Я узнала ее по родимому пятну на плече и по красной тряпке, в которую она завернута.

— До того, как оставить ее, вы ее крестили?

— Нет.

— Крестили ли ее в детском доме? Это большая беспечность, мадам.

— Она уже умерла.

— Пока нет. Как вы хотите ее назвать?

— Святой Оноре приходил ко мне во сне... Какая разница, как ее назвать?

Он посмотрел на ребенка.

— Святой Оноре вернул ее вам. Мы назовем ее Онориной.

Он сунул руку в источник, намочил ее и окропил водой лоб ребенка, бормоча слова молитвы. И так как эти слова были адресованы бедному созданию, рожденному в грехе, они поразили Анжелику с огромной силой.

— Будь светом, Онорина, в этом темном мире, в который ты пришла, чтобы жить. Пусть твои глаза будут открыты всему, что хорошо и красиво.

— Нет, нет, — закричала она. — Я ей не мать. Вы не можете требовать этого от меня.

Анжелика смотрела на отца де Лесдигю, наклонившегося к ней, и прочла осуждение в его чистом взгляде.

— Вы не должны губить жизнь, данную Создателем.

— Не просите меня об этом.

— Только вы можете ее спасти. Вы ее мать.

— Нет, только не это.

Она увидела собственную печаль, отраженную в темных глазах священника.

— О, Боже, — закричала она. — Боже, почему ты сотворил этот мир?

Священник побежал вниз к церкви, и она видела, как он, прижавшись лбом к двери, громко молился.

Ребенок неподвижно лежал на руках Анжелики, и она поднесла его к груди.

Глава 7

Когда они вышли из ущелья, лошади бродили среди деревьев. Сухие листья наполняли все вокруг шуршанием, и они отбрасывали их, проходя. Ясное голубое небо сияло сквозь голые ветки. Последние листья медленно падали вниз.

Анжелика подняла один из них, летящий вниз, как падающая звезда, и мечтательно осмотрела совершенство его форм. Наступила осень. Приближалась зима. Тепло уходило вместе с солнцем, тут нельзя было ошибиться. Уже ощущался резкий северный ветер в далеком тумане, укрывающем золотым покрытием дорогу наступающему ноябрю.

Анжелика посмотрела на отца де Лесдигю, который скакал рядом с ней, и пожала плечами.

— Вы когда-нибудь видели что-нибудь нелепее, святой отец? Командир армии развешивает пеленки, а армейский капеллан нянчит ребенка?

Молодой человек засмеялся и посмотрел на нее с теплотой в глазах.

— Ну и что? Это не мешает вам вести своих солдат к победе, мадам. Каждый может подумать, что этот ребенок приносит нам счастье.

Он с гордостью посмотрел на Онорину, которая спала, согнувшись в его руке, завернутая в черный плащ. Это было единственное укрытие, которое знала Онорина. Передняя лука седла и руки людей, которые передавали ее от одного к другому, пока не наступало время передать ее матери, чтобы накормить. Своим молоком Анжелика вернула малышке жизнь, а ее забота сделала все остальное. Однако каждый раз, когда она ее кормила, она испытывала горькие переживания, словно совершала жестокое жертвоприношение.

Поэтому она доверяла своим сподвижникам это маленькое существо, которое судьба не позволила ей оставить. Онорина испытала галоп всех лошадей, начиная от отца де Лесдигю, Мальбранта, Флико и старого Антонио. Даже толстый барон де Кройси брал ее на свои широкие удобные колени, но независимо от того, на чьих коленях она была, с наступлением ночи она начинала плакать, и смолкала только тогда, когда Анжелика брала ее на руки, и тогда она была вынуждена прижимать ребенка к себе.

— Как нелепо, — снова сказала она. — Удивляюсь, как я смогла командовать объединенными повстанцами при этих обстоятельствах.

— Ваше влияние на всех очень сильно, мадам. И наш успех только

усиливает его.

Лицо Анжелики стало мрачным.

— Успех? Победа? Мы не должны поздравлять себя с нею слишком поспешно. Ничего еще не ясно. Королевская армия не смогла прорваться в Пуату, но мы все еще в состоянии войны. А теперь наступает зима. Большая часть наших земель осталась незасеянной, и урожай не будет достаточным. Голод вызовет недовольство, на это рассчитывает король.

— Дайте им понять, если мы продержимся до следующего лета, то победим. Король не может держать в осаде всю провинцию. Вся экономика страны нарушена. Он должен будет пойти на переговоры или уничтожить нас. У нас много лесов, которые нас укроют. Солдаты не отваживаются в них вступать.

— Вы говорите, как стратег, мой маленький аббат, и вы убедили меня совершенно. Что бы сказали ваши епископы, если бы вас услышали?

— Они должны помнить, что во мне кровь старого Лесдигю, знатного гугенота из Дофине, который так долго противостоял королю в свое время. Хотя моя семья изменила религию, мое имя не раз вызывало подозрение у моих учителей в семинарии. И возможно, они не так уж сильно ошибались!

Он счастливо засмеялся. Ветер трепал его кудри. Плащ, украшенная серебром шляпа, одежда священника были покрыты пылью и носили следы непогоды.

Его лошадь, напуганная крышей из ветвей деревьев, устремилась вперед. Анжелика секунду следила за священником, потом последовала за ним.

— Святой отец, — сказала она, — вы не должны оставаться здесь со мной. С моей стороны было ошибкой вовлечь вас в дела, не подходящие вам ни по одежде, ни по сану. Возвращайтесь к своим. Епископ Конденава наставник, он вас любит. И добьется для вас высокого положения при Дворе. Или возвращайтесь к господину де ла Форсу. Никто не знает, что вы были со мной. Но вы ничего не должны о нас говорить.

Молодой, человек потерял выдержку, так сильна была его реакция.

— Вы отсылаете меня, мадам?

— Нет, мое дитя. И вы знаете это. Но жизнь, которую мы ведем, преступна в глазах закона, а ваше место не в кругу отверженных.

— Почему же нет? — сказал он тихо, — Мадам, если вы беспокоитесь, думая только о моем положении, я должен уверить вас, что если бы даже моя жизнь пошла по-другому, я все равно был бы здесь. Я чувствую... Я знаю, что вы правы. Я жил при Дворе. И когда я думаю о прошлом, мое сердце говорит, что вы правы.

Пальцы Анжелики погрузились в гриву лошади.

— Не пытайтесь искать оправдания моим действиям, — резко сказала она. — Для меня нет прощения. Я несчастная женщина, которую все ненавидят. И я не вижу конца своим бедам...

Он посмотрел на нее, глаза его расширились от тревоги.

— Вы не боитесь проклятия?

— Эти слова для меня ничего не значат. Я знаю только одно: если бы мое сердце не пылало огромной ненавистью, я не могла бы жить. Мысль о битвах с нашими врагами — единственное, что дает мне силы выносить все и даже находить в этом какое-то удовольствие.

Видя печаль в его глазах, она продолжала:

— Зачем оплакивать мою судьбу, святой отец? Дело в том, что покрытые панелями гостиные Версаля меня не устраивают. Я всегда была привержена к сельской жизни, любила прогулки босиком. Когда я была ребенком, мой брат Гортран — тот, которого повесил король, — нарисовал меня одетой как атаманшу разбойников. Он всегда как бы имел второе зрение. Я уже провела какое-то время среди воров и нищих в Париже. Вы никогда не слышали, как наш Флико рассказывает о временах, когда я встречалась с Великим Керзом, королем нищих? Я бродила по всем дорогам, по всем тропинкам. Я знала все виды тюрем. Я ползла на руках и коленях, моя плоть страдала, одетая в лохмотья. Это моя судьба, и я не люблю иметь крышу над головой. Теперь я знаю, ничто меня не спасет. Не расстраивайтесь, мой маленький аббат. И оставьте меня, — добавила она почти неслышно. — Я приношу несчастье тем, кто меня любит.

Он не ответил. Анжелика увидела, как его длинные ресницы внезапно опустились, губы задрожали.

Лошади продолжали свой путь по каменистой тропе через дикие холмы.

Замок Гордона де ла Гранджа с его четырьмя угловатыми башнями показался вдали.

Путешественникам не было нужды сообщать о своей прибытии специальным сигналом. В уединенном доме, затерянном в глубине Бокаджа, засада исключалась.

Здесь можно было забыть о войне, жестоких боях на полянах, опасных ловушках на узких дорогах. Деревни, лежащие вдоль границ провинции, были покинуты. Крестьяне проводили лето, держа одну руку на плуге, вторую — на мушкете. В конце сентября полк королевской армии прорвался в центр провинции, уничтожая все на своем пути. Местные жители, казалось, испарились при появлении солдат. Им удалось найти

очень мало людей, чтобы повесить, но они сожгли все, что видели: деревушки, города и урожай. Даже до Версаля дошел слух, что напуганные мятежники были деморализованы, когда где-то в районе Паусаджа отряд, казалось, испарился в воздухе. Никто больше о нем не слышал. Вся территория была очищена от солдат.

Немногие уцелевшие, которым удалось достичь Луары и перебраться через нее, рассказывали с ужасом, как смерть настигала солдат там, где они меньше всего этого ожидали. Часто они получали нож в спину, не успев издать ни единого звука. Они все были напуганы, несмотря на оружие и приказы офицеров. Земля Пуату изгнала их, одного за другим.

Таково было общее положение. После этих событий обе армии и высшее командование заняли позицию ожидания. Так как наступила зима, было бесполезно заставлять солдат предпринимать дальнейшие вылазки. И все вернулись на свои зимние квартиры.

Анжелика провела в замке де ла Гранджа три месяца. Там она встречалась со многими вождями мятежа и мерами городов, которые приезжали к ней, чтобы поделиться своими горестями. Все жили на голодном пайке. При парализованной торговле люди начали голодать. К счастью, зима была не слишком суровой.

В марте Анжелика снова начала свои поездки по провинции. Она перестала кормить грудью ребенка и хотела оставить его в замке. Добрая служанка согласилась взять девочку под свою опеку, но отец де Лесдигию убеждал Анжелику не оставлять ребенка.

— Не оставляйте ее, мадам. Если она не будет с вами, то умрет.

— Я вернусь сюда позже и заберу ее, когда положение...

— Нет, — сказал он, глядя ей прямо в глаза, — вы за ней не вернетесь.

— Что это за жизнь для ребенка — скакать по холмам и долинам?

— Это ее устраивает, вы с ней, и вы ее мать.

Он сам завернул Онорину в теплое одеяло и поднял на лошадь прижимая к себе.

Именно в это время смутное предположение стало проскальзывать в мозгу Анжелики, когда она смотрела на свою дочь. Страх перед невысказанной угрозой, ужас подозрений становились все определеннее.

Они были в опасном районе, где периодически совершались рейды людьми короля. Чтобы не попасть в их засады, Анжелика и ее спутники проводили каждую ночь в пещерах, которые прорезали холмы северской долины. Крестьянки из близлежащих деревень имели привычку встречаться там каждый вечер. Там всегда было тепло и не надо было разжигать огонь. После вечерней еды они заходили туда с факелами в

руках и грелись.

Они показали Анжелике наиболее удобные естественные комнаты, и маленькая группа отдыхала там, защищенная от резкого холода весенних ночей.

Слабый свет, исходящий от маленькой лампы, сделанной примитивно, освещал пещеру.

Анжелика наблюдала, как девочка ползала по земле. Ей было уже десять месяцев, и она казалась здоровой. Может, это свет лампы придавал ее волосам медный оттенок? Ее глаза были узкими и темными. Полные маленькие щечки, казалось, полностью скрывали глаза и их выражение, — выражение, которое казалось Анжелике знакомым. Оно напоминало ей другое лицо, вернее, его карикатуру.

Анжелика откинулась назад так резко, что головой ударилась о стену пещеры.

— Монтадур! Его свинячье лицо!

Ненависть, которую матери испытывают к своим незаконнорожденным детям, часто бывает следствием ненависти, питаемой к их отцам. Анжелике казалось, что лучше знать имя преступника, чем если бы он остался неизвестным. Она бы любила ребенка Колена Потювеля. Но мысль о том, что она, Анжелика, разделяет ответственность за это человеческое существо с пьяным солдатом самого низкого пошиба, вызывала в ней ужасные переживания. Она никогда не примирится с этим. Жизнь не что иное, как полная ненависти комедия, направляемая слепым и изощренным Богом.

Отец де Лесдигю подбежал к ней, услышав ее крик.

— Уберите ее, — сказала Анжелика, задыхаясь. — Уберите с глаз моих. Я могу ее убить.

В полночь пещера огласилась плачем Онорины. Анжелика вскочила с постели.

— Естественно, они забыли дать ей кусочек папоротника.

Онорина никогда не засыпала без листка папоротника в руке. Это была ее любимая игрушка.

Анжелика не могла больше вынести этого. Она вышла в главную комнату, где спали священник, барон и слуги. С видом мученицы она взяла ребенка, который немедленно перестал плакать, и унесла в свою комнату. Естественно, малышка была мокрой и холодной, из ее носа текло. Анжелика перепеленала ее, завернула в шерстяной платок и вышла из пещеры в лес, чтобы найти лист папоротника.

Онорина высунула ручку из пеленки и схватила лист. Успокоенная,

она сунула палец в рот и посмотрела на Анжелику уголками маленьких глаз с глубоким удовлетворением.

— Ты меня знаешь, — казалось, говорил взгляд. — И я знаю, когда я с тобой.

— Да, я узнаю тебя, — пробормотала Анжелика. — И мы ничего не можем сделать с этим, не так ли?

Опираясь на локоть, она смотрела на ребенка с добрым вниманием.

Нет прошлого и нет будущего.

Земля молчала. Воображение рисовало в мозгу картины, успокаивая ее их осторожными тенями.

— Ты ничье дитя, бедная лесная девочка... только маленькая лесная девочка. Красные волосы, как осенние листья, черные глаза, белая кожа. Ты порождение леса, дух. Ты ничей ребенок. Давай спи, спи в мире!

Глава 8

Отец де Лесдигю вышел из чаши, в руках его были ягоды.

— Кое-что приятное для тебя, Онорина.

Та поковыляла к нему. Девочка уже отметила свой первый день рождения летом, когда солдаты короля стояли постами вокруг. Анжелика и ее спутники нашли укрытие на маленьком ферме.

Они попали в мышеловку и были почти окружены, когда им помогли протестанты во главе с Хью де ла Мориньером вырваться из окружения. Анжелика вышла из дома, переступая через мертвые тела. Онорина кашляла от дыма. Ее жизнь неразрывно была связана с запахом пороха, гулом взрывов, видом крови и пота, бегством на галопирующих лошадях темными ночами в лесах.

Она сделала свои первые шаги в Партеню, когда тревожный колокол звонил на городской башне. Нападающие были разбиты и отброшены, но маленький город был безжизнен. Анжелика не могла найти Онорину в комнате, где ее оставила на стуле. Девочка оказалась на улице. Так Анжелика узнала, что ребенок может ходить и даже спускаться по ступенькам.

Она услышала ее первое слово в день, когда Ланселот де ла Мориньер был убит в жестокой битве вблизи Мачкола. И первое слово Онорины поразило Анжелику прямо в сердце, как пуля из мушкета.

Она нашла куклу и сказала:

— Кровь.

Ребенок сморщил маленький носик и скривился, как это делали раненые, и гордо повторила:

— Кровь... кровь, — и указала на пол.

Это было вечером, и Анжелика подумала, что она сходит с ума.

Она ослабела во время жестоких летних сражений, и страх начал гнездиться в ней. Король не отступал из Пуату, и все были в смятении. Хью де ла Мориньер без братьев был подобен телу без головы. Он никогда не мог думать сам. Ланселот убедил его помочь Анжелике, а теперь его не было. Пуританская гордость мешала Хью подчиниться женщине. И не было больше Самуэля, чтобы обуздать эту гордость. Окончание лета сделало возможным избежать полного поражения. Высшее командование, встретившись с жестоким сопротивлением, вынуждено было, подсчитать свои потери. Король был доволен, позволив повстанцам ослабить себя,

выйдя из подчинения женщине. Его министры хотели победить повстанцев превосходящими силами, возглавляемыми самим королем. Они считали, что репрессии должны быть настолько кровавыми, чтобы дать наглядный пример другим провинциям. Они не забыли тот факт, что Аквитания, Прованс и Бретань находятся в брожении, и нельзя было быть уверенным в покорности таких провинций, как Пикардия и Росильон.

Анжелика не знала об этих колебаниях и неопределенностях. Она могла только предполагать, что происходит, но без точных доказательств ей было трудно удерживать свои ослабленные отряды. Она была одинока в убеждении, что у них нет выбора между сопротивлением и покорностью. Поэтому после летних сражений она вместе с де ла Гранджем и его людьми укрылась в мервентском лесу. Они разбили свой лагерь глубоко в сердце столетнего леса, который простирался севернее Нейля, где набирались сил и залечивали раны.

Отец де Лесдигю был занят разведением огня, чтобы сварить грибы, найденный им для Онорины. Он положил пистолет, с которым теперь почти не расставался, на траву и наказал ребенку не трогать его. Девочка сделала жест, доказывающий, что она знает о всеобщем уважении к этой вещи, которая изрыгает дым и пламя.

Анжелика сидела, следя за ними, на камне в нескольких метрах от них.

Святой отец был одет в грубую шерстяную куртку. Он больше не носил одежду священника, и ворот его рубашки был расстегнут. Золотой крест висел на шее на узкой ленте. Анжелика превратила этого хорошо одетого учителя в лесного бродягу! В нем не было ничего от юноши, который был в Версале. Его плечи стали шире, придавая его худощавой фигуре большую привлекательность. Он больше не выглядел деликатным. Единственное, что осталось неизменным, так это выражение глаз. Сколько же ему лет? Двадцать? Двадцать два?

Она внезапно позвала его, и священник подошел с обычной поспешностью и довольным видом, что напоминало ей о прошлом, когда она была дома, окруженная большим штатом слуг.

— Мадам?

— Святой отец, я просила вас уйти много раз, Сейчас вы должны сделать это. За нами охотятся, и я не знаю, какие еще беды ожидают нас впереди. Возвращайтесь в свой круг... Прошу вас, сделайте это для меня. Я не хочу нести ответственность за ваше падение.

Как и в прошлый раз, когда она касалась этого вопроса, он побледнел и поднес руку к сердцу.

— Но почему? Это совершенно невозможно, мадам. Я не смогу жить вдали от вас, если мы расстанемся!

— Почему?

Он страстно посмотрел на нее. И выражение лица сказало больше, чем любые слова. Она, со своей стороны, не стала продолжать этот разговор, а только заплакала и расстроено отвернулась.

— Нет, дорогое мое дитя, — она почти умоляла, — Нет, вы не должны... я...

Он оборвал ее:

— Я знаю, кто вы. Вы женщина, которую я обожаю, женщина, которую я люблю с такой страстью, что могу теперь понять мужчину, забывающего о Боге ради женских губ.

— Вы не должны говорить подобных вещей!

Она взмахнула рукой в его направлении, и он схватил эту руку. Анжелика не отважилась отнять ее, так она была удивлена свежестью и силой его пожатия.

— Позвольте мне... только однажды... признаться вам, — сказал он дрожащим голосом. — Вы наполнили мою жизнь событиями, которым я не мог противостоять. Ваш вид всегда наполнял меня радостью и каждое слово, которое вы произносили...

— Но вы знаете все мои недостатки...

— Они только делают вас дороже для меня, потому что они делают вас слабее и женственней. Ах! Как бы я хотел заключить вас в объятия и спасти от всех ваших врагов и от себя самого. Защитить вас изо всех моих сил...

Эти слова вырывались из него с резкостью юности. Впервые за много месяцев она почувствовала запах жизни со всей ее силой, которая хотела вырвать ее из оцепенения.

Она знала, что он привык по вечерам уходить в лес и падать на колени в молитве. Но как долго его сердце может делить любовь к Богу, в которой он поклялся, с любовью к несчастной женщине?

Анжелика не находила слов. Она убрала руку и запахнула плащ, дрожа.

— Вы не должны бояться меня, — вежливо сказал он. — Я бы презирал вас, мадам, если бы вы бросили на меня взгляд. Если бы вы подали лишь один знак, я бы покинул вас. Пожалуйста, не делайте таких попыток. Я ваш покорный слуга. Я знаю, что барьер между нами непреодолим.

— Ваше признание?

— Нет... вы сами. Я имею в виду тот ужас, который вы испытываете к мужчинам и их притязаниям с тех пор... я не буду одним из них...

— Остановитесь... Вы не понимаете, что говорите.

— О, нет, понимаю.

Его лицо выглядело твердым.

— Я знаю. Они уничтожили вас своей жестокостью. И болезнь вашего ума заразила ваше тело. Если бы это было не так, я упал бы на колени перед вами и умолял бы вас любить меня. Я слишком долго следовал за вами вдоль дорог и лесов, чтобы я мог жить без вашего присутствия и без воздуха, которым вы дышите. Если бы вы не стали такой неуязвимой, все могло бы быть иначе. — Он помолчал. — Но все на так, — продолжал он мягко, — так даже лучше. Благодаря барьеру между нами я остаюсь на стороне Бога. Я никогда не буду вашим любовником. Это пустая мечта. Но, по крайней мере, я спасу вас.

Его глаза сияли знакомым идеализмом.

— Я спасу вас и сделаю для вас больше, чем все мужчины, которые держали вас в объятьях. Я верну вам то, что вы потеряли: душу, сердце, женственность — все, что они отняли у вас. В тот момент я был бессилён, но я умру за вас, и только тогда, когда я увижу свет Бога, я получу силу, чтобы спасти вас. В день, когда я умру... О, смерть, приди скорее!

Он поднес руки к сердцу.

— О смерть, приди скорее! Тогда я буду в состоянии сделать ее свободной!

Они не слышали совиного крика. Внезапно всадник, одетый в красный мундир, влетел в ущелье. За ним двигались всадники в такой же форме.

Анжелика бросилась к Онорине. Священник схватил мушкет и прикрыл ее бегство с ребенком на руках.

Офицер первым обнаружил лагерь повстанцев.

— Они здесь, — закричал он. — Мы наткнулись на логово бандитов. За ними, мои солдаты!

Солдаты поскакали к склону ущелья. Анжелика и ее спутники затаили дыхание, следя за их приближением.

— Они приближаются...

— Подождите минутку. Подпустим поближе.

Когда солдаты достигли уступа, где гора была почти отвесной, Анжелика закричала:

— Камни, валуны!

Гул наполнил темное ущелье. Громадные камни, целые куски скалы покатались вниз, сталкиваемые крестьянами. Камни катились на солдат,

калеча им лица и грудь, сбивая с ног.

Крестьяне навалились плечами на громадный круглый гранитный камень, висящий над ущельем. Камень медленно сдвинулся, покатился вниз все быстрее и быстрее. Упав на дно ущелья, он, как бабочек, раздавил стоящих у подножия драгун.

Солдаты отступили, унося раненых и бросив убитых.

Солнце еще бросало свои лучи на мундиры солдат. Анжелика следила за ними из-за деревьев. Она узнала офицера. Это был господин де Бриен, один из тех, кто в давние времена в Версале был так галантен с ней. Увидев его, она поняла, как далеко ушла от тех дней в Версале и какая пропасть — еще большая, чем ущелье, — отделяет ее от того мира.

Она наклонилась вперед и закричала:

— Приветствую вас, господин де Бриен. Поспешите к его величеству и скажите, что «Безделица» хочет, чтобы он добрым словом помянул ее!

Когда королю передали ее слова, он побледнел, заперся в своем кабинете и оставался там несколько часов, закрыв лицо руками.

Потом он послал за военным министром и приказал сделать все, чтобы уничтожить мятежников Пуату до следующей весны.

Глава 9

Среди полков короля, посланных в Пуату в 1673 году, был и Первый Аверонский полк под командованием господина де Риома, и пять наиболее известных отрядов из Арденн. Король достаточно слышал о сильном страхе солдат перед засадами в лесах Пуату. Люди, которых он посылал сейчас, были выходцами из Аверни и Арденн, выросшие среди лесов, и привыкли с раннего детства охотиться в темноте среди деревьев на диких медведей и волков, находили пути через непроходимые чащи. Они были сыновьями сапожников и лесорубов. На них не было красных мундиров драгун, они были в черных стальных шлемах и в высоких сапогах, доходящих до бедер. Они привезли с собой охотничьих собак.

Удары их больших барабанов звучали протяжно и громко среди полей. Вместе с ними в Пуату пришел террор.

Три тысячи пеших солдат, пятнадцать сотен кавалерии и две тысячи вспомогательных войск. С ними были пушки для осады городов.

Король сказал: «До весны!»

Зима не должна была остановить войну.

К весне не капитулировала только одна область. Это была территория между болота ми, там, где мятеж начался и собрались последние его участники.

Это была трудная весна. Холодная погода все продолжалась и даже в конце марта на замерзшей земле не было никаких признаков таяния.

Анжелика смотрела в узкое окно фермерского дома, ожидая возвращения Флико. Он вошел, тонкий и подвижный. Ни голод, ни холод, ни жизнь преследуемого животного не могли лишить его привычного юмора.

— Я вступил с ними в контакт, — сообщил он. — Они думали, что вы или убиты, или схвачены. Я рассказал им, как вам удалось избежать смерти. Они собираются прийти посмотреть на вас! Нет сомнения, что мы были преданы и проданы! Теперь везде предатели!

Он посмотрел краем глаза на женщину-крестьянку и ее старого свекра, сидящих перед огнем, потом потер рукавом покрасневший нос и тихо продолжал:

— Я видел священника, Мальбранта, господина барона и Мартина Джанета. Они все согласны, чтобы мы покинули страну. Говорят, что война превратилась в охоту на людей, вернее, охоту на женщину. Они

охотятся за вами, госпожа маркиза. Они объявили награду за вашу голову и уверены, что найдется кто-нибудь, кто продаст вас за пять тысяч ливров. Люди напуганы и голодны. Поэтому они так и решили. Вечером мы должны встретиться с Лентерном и, когда мы соберемся все вместе, то уйдем в болота, а там на побережье. Они пока не захватили Понс-де-Палуд, и это поможет нам добраться до убежища или найти корабль.

— Найти корабль, — повторила Анжелика.

Эти слова, казалось, избавили ее от сомнений. За время холодной зимы она медленно теряла весь смысл борьбы, которую они вели. Единственной их целью стало спасение себя, и они брели с места на место, чтобы остаться в живых, когда наступала очередная ночь. Не оставалось ничего, кроме побега.

— Я не говорил им, чтобы они встретили нас здесь, прошептал Флико, — потому что я не доверяю здешним людям. Они знают, кто вы, и подобно остальным, обвиняют вас во всех своих несчастьях.

Двое крестьян бросали темные взгляды в их сторону. Анжелика не отважилась подойти к огню со своей дочерью, так как она чувствовала, как относятся к ней эти несчастные.

Муж женщины был убит в борьбе против короля. Солдаты лишили их всего, чем они владели. Их хлеб, скот, зерно они увезли с собой, захватив и ее старшую дочь. Никто не знал, что теперь с нею стало.

Из задней части комнаты, где стояла большая кровать, выглядывали четыре маленьких бледных лица из-под рваных покрывал. Дети были вынуждены целый день оставаться в кровати, чтобы сохранить в себе тепло и не чувствовать так сильно голод.

Через некоторое время старик сказал своей невестке, взяв топор, что пойдет набрать немного дров.

— Я не удивлюсь, если он пошел за солдатами, — тихо проговорил Флико. — Возможно, нам лучше уйти прямо сейчас.

Анжелика была такого же мнения. По неизвестным причинам женщина пыталась их удержать. Анжелика коротко попрощалась с ней. Не спрашивая, она взяла немного хлеба и сыра для Онорины. Женщина начала ее оскорблять.

— Чтоб вы пропали! Чтоб вы пропали! И мы, наконец, избавимся от вас. Вы сделали уже немало неприятностей для моей семьи, вы и ваше отродье. С тех пор, как вы здесь, я не слышу шуршания домовых в стенах. Если гоблины покинули дом, что тогда будет с нами?

Исчезновение ее гоблинов производило на нее больше впечатления, чем все ужасы, через которые прошла несчастная семья.

Анжелика села на мула, настолько гигантского, что он почти не мог идти. Флико вел его на поводу. Они проходили через сожженные деревни с трупами, свисающими с деревьев на площадях.

Наступила ночь, когда они достигли Лантери. Он светился. Это были большие камни с лампами, стоящими на пьедесталах со ступеньками. Маяк был построен на перекрестке трех дорог, чтобы вести путешественников в ночное время, которые в темноте могли потерять дорогу. Несмотря на недостаток топлива, трудолюбивые руки поддерживали огонь. Углежог, который жил поблизости, приходил сюда каждый вечер и зажигал лампы.

Анжелика присела на каменные ступени.

— Здесь никого нет, — сказала она. — Мы можем хорошо отдохнуть, просидев здесь несколько часов.

Флико, возьми мула и поезжай искать остальных. Скажи им, чтобы поторопились, и найди постоянный двор, где мы могли бы провести ночь. Флико вышел, и стук копыт мула долго еще слышался в ночной тишине. Деревья, окаменевшие от мороза, трещали, словно стекло, разбивающееся на мелкие осколки. Усиливающийся холод пронизывал ее насквозь. Анжелика чувствовала, как холод собирается в костях. Дыхание превращалось в густой туман перед ней. Хотя Онорина была закутана в плащ, на ее щеках появилась изморозь. При слабом свете лампы Анжелика видела глаза ребенка, черные и широко открытые, вглядывающиеся в ночь. Руки Анжелики были больше не в состоянии сохранять тепло в ребенке. Ее тонкие ручонки, сжимающие кусок хлеба с сыром, были красными от холода. Анжелика вспомнила слова крестьянки. «Выродок». Губы Анжелики задрожали от гнева.

«Какое им дело, этим землекопателям? Это мое дело, и только я сама могу об этом говорить!»

Она снова прижала ребенка к себе. И насторожилась, надеясь услышать далекий стук копыт. Ее внимание привлек треск веток.

— Кто там? — спросила она.

Она старалась не думать о том, кто это двигается. Внезапно раздался протяжный вой, сердце ее ушло в пятки. Волки! Она должна была предвидеть, что они могут появиться!

В течение последних нескольких месяцев они несколько раз подвергались нападению диких животных. Стаи волков, не боясь, преследовали движущиеся отряды. Они окружали их стоянки, и люди были вынуждены бросать в них горящие ветки.

Света лампы было недостаточно, чтобы напугать их. Анжелика вытаскивала из-за пояса пистолет. Она могла отпугнуть их, но ненадолго.

Анжелика вспомнила про хижину углежога. Нужно добраться туда до того, как волки подберутся слишком близко и пока не рассветет. Она собралась в путь, зная, что волки идут за ней.

Теперь, когда Анжелика оборачивалась, то видела их сверкающие глаза. Не останавливаясь, она наклонилась, подобрала несколько камней и бросила их в волков, которые подошли очень близко. Главное — она не должна упасть. У нее появилась надежда, когда она увидела красный огонек в окне. Она знала, что там была хижина. Нужно стучать в дверь до тех пор, пока глухой хозяин не услышит ее. Анжелика дала ему понять, что ее преследуют волки, но он забаррикадировался в доме. Чтобы умиловить бедного дьявола, чьи глаза вызывали в ней ужас, она протянула ему золотую монету, последнюю из тех, что дал ей барон де Кройси. Углежог взял монету в руки и осмотрел ее, потом спрятал себе в пояс.

Анжелика вошла и села. Здесь, по крайней мере, тепло. Сын хозяина подбросил в огонь дров, и Анжелика поднесла Онорину к огню. Она стала растирать ее ножки, пока кровообращение не восстановилось. Ребенок, который теперь выглядел лучше, стал есть сыр в то время, как Анжелика прислушивалась, надеясь услышать мушкетные выстрелы своих товарищей, когда те придут на место встречи. Она тогда выйдет из хижины и выстрелит из пистолета. Но она ничего не слышала, и улеглась с Онориной на кровать, которую указал ей хозяин. Матрац на ней был очень удобный. Она отказалась от одеяла, но взяла овечью шкуру.

Анжелика почувствовала себя спокойно и даже поспала несколько часов, перестав думать о своем прошлом и о том, что может произойти в ее короткой, но драматичной жизни. Женщину определенно ждали беды и неприятности. Она решила жить вне закона и бросила все, что имела. Разве ее первый муж не заплатил так дорого именно за такое преступление? Вместо того, чтобы извлечь из этого урок, она восстала против закона и порядка. Ее борьба стала ее второй натурой и Анжелика ушла из мира людей в мир животных, которые ежедневно боролись за свое существование и которых подстерегали тысячи опасностей.

Где-то в середине ночи она проснулась и увидела углежога, стоящего около узкого окна. Она подошла к нему и увидела волков, сгрудившихся вокруг хижины.

Анжелика снова легла рядом с Онориной. Осторожно убрала рыжие кудряшки с лица девочки и взгляделась в ее мирно спящее лицо. Бой волков вызвал в ее сердце какое-то щемящее чувство, и она сказала себе: «Это — начало конца».

Утром все окрестности оказались покрытыми снегом. Он закрыл все проблески приближающейся весны. Земля отказалась вернуться к жизни.

Анжелика обшарила всю хижину в поисках куска бумаги и пера. В конце концов, она взяла кусок фанеры и написала на ней углем. Ей потребовалось немало терпения, чтобы объяснить сыну фермера, где находится усадьба Файта и как он должен добраться туда.

Наконец молодой человек вышел под снег, неся послание Анжелики, сообщающее отцу де Лесдигю, где они находятся.

Он не возвращался до следующего дня. Знаками он дал понять, что видел одного из ее компаньонов, который назначил ей встречу около Волшебного камня.

Почему они не приехали сюда за ними? Почему священник не передал записку? Так как у нее не было другого способа связаться с ними, она решила идти к камню. Весьма вероятно, что она найдет их там, уже ждущих ее. Поэтому она вышла из хижины, сожалея, что на ней не мужской костюм.

Она решила пройти лесную тропинку как можно быстрее, хотя понимала, что Онорина замедлит ее движение. Анжелика положила девочку под дерево, где густые ветви образовали сухое пространство, и привязала ее к стволу шарфом, сказав ей, чтобы она ждала, и все будет хорошо. Священник и Флико скоро придут и отвяжут ее. Онорина привыкла к таким вещам. Она часто ждала в арьергарде, пока остальные сражались или ходили в разведку.

Анжелика шла к камню с большим трудом, несколько раз проваливаясь в снег. Когда она достигла вершины холма, то увидела слева тени людей, и, думая, что это ее товарищи, уже было стала звать их, когда крик замер у нее на губах.

Среди деревьев ходили солдаты. Они еще не видели ее и двигались по опушке леса.

Пораженная ужасом, Анжелика ждала, пока они не исчезли, потом снова начали двигаться. Откуда появились солдаты в этом глухом лесу? Кого они искали?

Теперь она очень медленно шла к Волшебному камню, Анжелика задыхалась от возбуждения. На краю поляны она поняла, что пришла слишком поздно: на дубах она увидела повешенных. Первым, кого она узнала, был Флико...

Бедный Флико! Только день назад он был полон жизни! Она не смогла изменить его судьбу: он был рожден, чтобы быть повешенным, и его повесили!

Потом она узнала и всех остальных: отца де Лесдигю, Мальбранта, Мартина Джанета, слугу Алайна, барона де Кройси. Все ее друзья были здесь... и она чуть не сказала им:

— Вы все здесь... Мои последние друзья!

Она прислонилась к дереву.

— Будь ты проклят, король Франции — с ненавистью прошептала она,
— Будь проклят!

Так она стояла, не способная поверить своим глазам. В какую ловушку она попала? Кто сказал солдатам, что она здесь? Кто их предал? Нет сомнений, что это сделал тот, кто принес сообщение.

В безысходной надежде, что кто-то еще жив и ей удастся вернуть его к жизни, она обошла камень и подошла к отцу де Лесдигю. Она перерезала веревку, и его тело упало на землю. Несмотря на холод, он был еще теплый. Анжелика склонилась над ним и попыталась услышать биение сердца, хоть какой-то след жизни. Но смерть свершила свою работу. Анжелика прижалась к нему и поцеловала в губы.

— О, мой дорогой ангел-хранитель! Мое милое дитя! Ты умер... умер для меня. Что теперь со мной будет...

Она смотрела в его прекрасные глаза, в которых застыл невидящий взгляд. Она осторожно закрыла их.

Тонкий крик раздался в морозном воздухе. Онорина!

Анжелика очнулась от оцепенения, которое охватило ее. Она должна спасти ребенка.

Онорина была все там же под деревом. Она не кричала, но ее маленький носик был красен, как малина. Она махала своими ручонками, чтобы показать, как она рада приходу матери.

Анжелика отвязала ее и взяла на руки. В этот момент она почувствовала, что кто-то следит за ней. Она обернулась и увидела солдата, смотрящего на нее.

Когда Анжелика бросилась бежать, человек закричал. Она достигла вершины холма и бросилась под прикрытие деревьев. Она побежала, переходя с одной тропинки на другую. Тяжелая юбка мешала бежать, но она старалась двигаться как можно быстрее.

Вдалеке она слышала лай собак. Лай собак приближался, она уже различала крики солдат. Должно быть они держали собак на поводках. На мокром снегу следы женщины были хорошо видны. Она пыталась сбить собак со следа, петляя как зверь.

Наступила ночь. Темнеющее небо, казалось, приближается к земле вместе с темнотой. Анжелика почувствовала прикосновение снежинок.

Они начали падать все сильнее, засыпая ее следы.

Преследователи, кажется, сбились с ее следа. Она больше не слышала лая собак. Она двигалась по мертвому миру, наполненному только падающим снегом. Ее потное лицо было парализовано холодом. Несколько раз она останавливаясь на минутку у дерева. Наконец она . остановилась надолго. Анжелика не понимала, где она находится. Снег медленно засыпал ее. Она должна присесть хоть на минутку. Но тогда она никогда не поднимется.

Девочка прижалась к ней.

— Не бойся, — сказала Анжелика очень мягко, с тру дом двигая губами, — Не бойся, я знаю лес.

Снова послышался лай! Собаки не отставали. Анжелика поднялась. Только сейчас она осознала, что находится на краю обрыва.

Пока она стояла совершенно неподвижно, то услышала звук колокола. Его ритмичный звон показался Анжелике замечательной музыкой.

Обезумев от надежды, она начала осторожно спускаться по склону, и скоро перед ней открылись стены нейльского аббатства. Она дернула за цепочку.

Чья-то рука открыла окошко в двери и голос произнес:

— Во имя Бога! Что я могу сделать для вас?

— Я заблудилась в лесу с ребенком. Пожалуйста, дайте мне убежище.

— Мы не пускаем женщин в аббатство. Пройдите еще шагов пятьдесят влево и вы найдете гостиницу, где о вас позаботятся.

— Нет. За мной гонятся солдаты. Я должна найти защиту за вашими стенами.

— Идите в гостиницу, — повторил голос.

Он собрался закрыть окошко, но она быстро сказала:

— Я сестра вашего монаха Альберта де Сансе де Монтелу. Ради любви к Богу, впустите меня...

Она почувствовала секундное колебание. Потом услышала звук отодвигаемого засова. Анжелика ввалилась через полуоткрытую дверь, вся покрытая снегом.

Два монаха с белыми волосами с жалостью смотрели на нее.

— Закройте дверь, — попросила она. — Закройте и не открывайте, когда будут стучать солдаты.

Они сделали то, что она просила, и только тогда Анжелика начала дышать спокойно, когда большое бревно вошло в свое гнездо, запирая дверь.

— Мы слышали, что вы сестра монаха нашего аббатства, Альберта де

Сансе, — сказал один из монахов.

— Да.

— Подождите здесь, — сказал монах, показывая на прихожую, где горела толстая свеча в медном подсвечнике. Здесь было не теплее, чем снаружи.

Зубы Анжелики стучали, она дрожала. И почти не чувствовала рук, которые держали дрожащую Онорину.

Наконец она увидела двух монахов, идущих к ней. Один из них нес лампу. Они вошли в прихожую и витали перед ней. Младший из них склонился к ее лицу.

— Да, это она, — сказал он наконец, — это действительно моя сестра, Анжелика де Сансе.

— Альберт, — прошептала Анжелика.

Глава 10

Раздался резкий звонок дверного колокола, и привратник доложил, что отряд вооруженных людей требует настоятеля аббатства.

— Не впускайте их, — воскликнула Анжелика, — это будет моим концом. Они пришли за мной.

— Мятежница Пуату, — пробормотал Альберт.

Анжелика недовольно взглянула на него. Она уже так привыкла к бесчеловечности, что не воспринимала этих монахов иначе, чем врагов. Ее выдадут властям.

Она упала на колени, ее глаза поднялись к холодному лицу аббата, губы двигались в старой молитве средних веков, которая останавливала жестоких людей.

— Убежища! Убежища!

Он сказал ей, чтобы она успокоилась, и пошел к сторожке, подобно призраку в своей белой одежде.

Вскоре аббат вернулся. Он отослал солдат в гостиницу. Они слишком устали, преследуя Анжелику в глубоком снегу, чтобы штурмовать прочно построенное аббатство, которое пережило много войн. Они охотно ушли в гостиницу, так как привратник сказал им, что у трактирщика есть несколько бочек хорошего вина, которое нелегко найти в эти трудные дни.

Тишина снова воцарилась в монастырских стенах. Анжелика все еще стояла на коленях. Альберт склонился и взял у нее дрожащее маленькое создание с темными глазами, блестящими, как у дикого зверя.

— Поднимайтесь, мадам.

Аббат простер над ней свою руку, тонкую, но необычно сильную. Она встала.

— У нас мало места, чтобы принять вас, мадам. Здесь только два помещения, которые я могу предложить вам: кухня, где вы получите еду, и коровник, где вы можете поспать.

Лицо Анжелики, все еще одеревеневшее от холода, смягчилось при упоминании об этих помещениях.

— Идите с миром, — сказал аббат. — Брат покажет вам дорогу.

У большого кухонного огня ее тяжелое платье оттаяло и стало мокрым. Анжелика потерла маленькие замерзшие ножки Онорины и дала ей горячего молока. Потом она раздела девочку и завернула в теплое

одеяло. Монахи в черных одеждах молча обслуживали ее. Единственный звук, который раздавался, был стук их каблуков и потрескивание огня, куда подбросили две большие охапки дров. Одежда Анжелики вскоре высохла, но она слишком устала, чтобы есть.

Женщина упала на матрац и немедленно заснула, словно потеряла сознание. Руки Альберта осторожно уложили Онорину на ложе из свежей соломы. Он принес еще одеяло и накрыл им спящую сестру.

Снег продолжал идти, образуя белое одеяло над аббатством, над тихим лесом, одевая белые саваны на тела людей, повешенных у Волшебного камня.

Глава 11

Анжелика проснулась среди ночи. Звенел колокол, и коровы, стоявшие в стойлах, замычали и задвигались.

Она пошарила руками и наткнулась на что-то теплое. Ей потребовалась секунда, чтобы понять, что это лоб Онорины. Она сняла лампу с крюка и при ее желтом свете склонилась над ребенком. Анжелика увидела красное лицо, дыхание было частым и хриплым.

Три дня она не отходила от постели больного ребенка. Брат-лекарь часто посещал ее. У него были белые волосы, а глаза имели тот же цвет, что и травы, которые он собирал в лесу.

— Если она умрет, — в ярости сказала Анжелика, — я своими руками передавлю солдат, которые нас преследовали в лесу.

— Ладно, ладно, будет лучше, если вы помолитесь Святой Деве. Она была матерью, как и вы, — сказал он вежливо.

Однажды утром она проснулась и нашла Онорину сидящей и играющей с колечком. Она с радостью позвала монаха, который доил коров.

— Брат Ансельм! Идите посмотрите! Я надеюсь, что болезнь отступила.

Толстый брат Ансельм и два молодых послушника, которые были с ним, подошли к Онорине. Ребенок похудел, вокруг глаз были темные круги, но девочка была веселой и с удовольствием выпила предложенное ей молоко.

— Маленькое христианское дитя не покинет нас, — сказал брат Ансельм, и, повернувшись к Анжелике, добавил: — Благодарите Бога, неразумная женщина! Я не заметил, чтобы вы молились с тех пор, как пришли сюда.

Альберт де Сансе пришел навестить сестру, неся маленький красный кожаный ящичек, украшенный золотом. Было странно видеть, что одежда монаха больше устраивает ее брата, чем тот костюм, который он носил прежде. Она видела, что его бледное узкое лицо кажется значительно из-за выбритой тонзуры на голове.

— Ты помнишь, что я всегда говорил: «Анжелика, в один прекрасный день я получу нейльское аббатство». И теперь я осуществил свое желание.

Глядя на его высокую худую фигуру, в которой мало что осталось от фаворита брата короля, она сказала:

— Я бы выразилась иначе — нейльское аббатство получило тебя.

Они не обсуждали событий, которые так изменили судьбу молодого человека, его сердце страдало после похорон Гортрана. Когда Альберт был мальчишкой, он часто приходил в аббатство заниматься латынью. В часы занятий аббатство вошло в его сердце. Он стал стучаться в ворота аббатства, и они открылись для него.

— Ты сделаешь некоторые необычные открытия на чердаке аббатства, — сказал он Анжелике. — Мы подумали о том, что тебе будут нужны кое-какие вещи, и решили дать их тебе.

Кожаный ящичек содержал туалетный набор, отделанный золотом.

Когда Анжелика осталась одна, она причесала свои длинные волосы, глядя в круглое зеркало, держа его в одной руке, расческу — в другой. Онорина тоже получила свою долю удовольствий. Анжелика дала ей маленькую расческу, отделанную золотом.

Кем была мадам де Ришвиль, таинственная и утонченная, оставившая эти вещи в этих стенах?

Прежний аббат, чьи голубые глаза однажды увидели графиню де Ришвиль, был эпикуром и не очень строг в соблюдении правил аббатства.

Его преемник имел репутацию твердого и бескомпромиссного человека.

Анжелика не просила принять ее, пока не пришла его поблагодарить. Она снова выглядела как человек, и аббат увидел, что она не очень похожа на ту нищенку, которую он поднимал с полу.

Ее одежда была далеко не в лучшем состоянии, хотя она и постирала и погладила ее, но ниспадающие на плечи волосы были ее украшением. Стоя перед зеркалом, она изучала себя с большим вниманием. Ей было только тридцать три года, но она видела, что придет время, когда ее красивое лицо, еще носящее всю грацию юности, будет обрамлено сединой. Возраст накладывал свою ледяную руку и на нее.

Пройдя по коридору, поднявшись по лестнице, она очутилась в другой открытой галерее. Через одну из арок она увидела двор, где брат Ансельм набирал воду из бака с Онориной на плечах.

Коридоры были пусты. Шум ее шагов напомнил ей время, когда она по-детски смотрела на мадам де Ришвиль, одетую в черную мантию.

Аббат ждал ее в библиотеке. Редкие издания первопечатников, тысячи книг всех форматов и толщины заполняли комнату.

Святой отец, сидел на готическом троне и его неподвижность еще более усиливалась живостью его глаз. Волосы были еще черными, но кожа покрывалась морщинами. Она склонилась перед ним, затем поднялась и села

на стул, который был приготовлен для нее.

— Святой отец, я должна поблагодарить вас за то, что вы приняли меня. Если бы те солдаты схватили меня, я бы пропала.

Он быстро кивнул:

— Знаю. За вашу голову назначена награда. Вы мятежница Пуату.

Что-то в том, как он это сказал, заставило Анжелику отпрянуть.

— Я могу это понять так, что вы осуждаете меня? — спросила она гордо. — По какому праву? Что вы можете знать, закрытые в монастыре, о причинах, заставивших женщину взять оружие, чтобы защитить свою свободу?

— Я знаю достаточно, — сказал он, — чтобы видеть сатанинский огонь в ваших глазах..

Она саркастически засмеялась.

— Только такую чепуху я и могла услышать в этом месте. Что еще вы мне скажете?

— Есть ли в вашем сердце другое чувство, кроме ненависти?

Она молчала, и он продолжил:

— Сатана — это ненависть. Сатана — это тот, кто больше не понимает любовь. Это другое лицо, противоположное любви. Вы использовали силу своей красоты на мужчин, чтобы склонить их к ненависти, преступлению и мятежу! У вас остается ваше имя — Анжелика — Маркиза Ангелов!

Именно сейчас она узнала его.

— Брат Джон! Брат Джон! Да, это вы! Это вы!

Он кивнул, ничего не говоря. Он представил себе маленькую девочку с яркими волосами, образующими нимб вокруг головы, невинные, как у ребенка, глаза, но уже сияющие, как у женщины.

— Бедное дитя, — пробормотал он, — что с вами стало?

Что-то в его словах задело сердце Анжелики.

— Я была унижена, — проговорила она. — Если бы вы только знали, как много в жизни унижали меня.

Он отвернулся к противоположной стене.

В ту ночь она не могла заснуть. Слабый звон колокола отмечал темные часы ночи. Держа перед собой лампы, монахи прошли в церковь.

«Молитесь, монахи, молитесь, — думала она. — Ваши молитвы нужны, как тьма над спящей землей».

Когда она закрывала глаза, ей казалось, что она слышит движение крови по венам. Анжелика тронула маленькую руку спящей Онорины. Ребенок был ее единственной защитой от ужасов нескончаемой ночи. Только под утро ей удалось уснуть.

Они снова попросили аббата принять ее.

— Что стало бы со мной, если бы не моя ненависть? — спросила она его. — Если бы я не ненавидела, я бы умерла с горя. Только дух мести сохраняет мне жизнь и разум. Вы должны поверить мне.

— Я в этом не сомневаюсь. Бывают в жизни случаи, когда мы можем жить только благодаря какой-то духовной субстанции, дающей нам силы, превышающие наши собственные. Человеческий дух — слабая штука. В счастье он справляется сам, но в горе ищет поддержку или Бога, или дьявола.

— Вы никогда не испытывали нужды в тех чувствах, которые поддерживают меня.

— Я никогда не сомневался в силе Люцифера. Для этого я слишком хорошо его знаю.

— О, вы не понимаете, что происходит на этой земле.

Она ходила взад и вперед перед ним, очаровательное создание с волосами, ниспадающими до плеч, сознавая, что производит впечатление. Аббат, неподвижный, как статуя, следил за ней и ироническая улыбка застыла на его губах.

— Вы защищаете себя от поклонения дьяволу, дочь моя. Менее опытные глаза были бы повергнуты вами в слезы. Говорите, объясните мне ваши мотивы.

Для нее было больно говорить после такого долгого молчания. Слова задерживались у нее на губах, а предложения прерывались, словно они исходили непосредственно из ее сердца. Они были так беспорядочны: король, Колен Потювель и господин де Брейгель, нищие Парижа, ее неродившийся ребенок, протестанты, коррупция и налоги... Что он мог уловить из ее несвязной речи. Время от времени она отбрасывала назад волосы, падающие на лицо. Она не могла остановиться. Изредка она опускала руки на подлокотники его трона и наклонялась к нему, желая убедить его в правдивости сказанного.

— Вы обвиняете меня за кровь, пролитую по моему приказу, но разве кровь, пролитая во имя Бога, менее красна или менее преступна?

Он встретил ее гнев с каменным лицом, его глаза внезапно потеряли свой живой блеск.

— Да, я знаю, что вы думаете, — продолжала она. — Кровь протестантских детей, брошенных на пики, конечно, оправдана, похоть короля законна, страдания людей справедливы. Они должны страдать, потому что родились бедными. Повинуйся сильным и сокрушай слабых — таков закон.

Он поднялся и заметил, что пора отдыхать. Она следила, как аббат шел по коридору. Он ничего не понял.

Тем не менее, Анжелика лучше спала в эту ночь. Когда она проснулась, то почувствовала, что большой груз упал с ее плеч.

Аббат послал за ней. Она приветствовала возможность скрестить с ним шпаги. Анжелика вошла с поклоном и была встречена смехом.

— Вы выглядите так, словно приготовились к осуждению, мадам. Разве я такой страшный, что мятежница Пуату приготовилась встретить меня во всеоружии?

— Не называйте больше меня так, — сказала она.

— Я думал, вы гордитесь этим именем.

— Я ни о чем не жалею, — сказала она, — и никогда не буду сожалеть о том, что сделала.

— Но вы напуганы.

Анжелика прикусила губу.

— Я чувствую, что вы ничего не поняли, святой отец.

— Может быть и так, но я чувствую ваше внутреннее неудовлетворение. Я вижу черный нимб вокруг вас.

— Неужели моя аура так темна, святой отец?

— Загляните в свое сердце. Что вы боитесь там увидеть?

Она уставилась на него. Его глаза были такими ясными, что она не могла отвести взгляда.

— Освободите себя, — сказал он, — иначе вы никогда не сможете жить снова.

— Жить снова? Но зачем жить снова? Я не хочу снова жить.

Она почти кричала, руки были прижаты к груди.

— Что вы думаете, я буду делать с жизнью? Вам не понять этого, но я была бы рада умереть.

— Это ложь. Вы не можете желать смерти.

— О, я желаю ее, уверяю вас.

— Это реакция на вашу усталость. Но желание смерти приходит только к тем, кто добился успеха в жизни. В жизни слабость это еще не смерть.

Анжелика подумала об отце де Лесдигю, о его молодом лице. Она подумала о Колене Потювеле, который так часто попадал в руки палачей, о том, что она сама испытала, привязанная к столбу под жесткими взглядами Муль Исмаила. В то время она была готова умереть, но не сейчас.

— Вы правы, — сказала она с внезапной горечью. — Я не могу умереть сейчас, это бы означало, что моя жизнь была ненужной.

Он засмеялся.

— Мне нравится этот взрыв любви к жизни. Да, мадам, вы должны жить. Что за смысл умереть в неудачах!

Она боялась поднять на него глаза.

— Вы следите за мной, как зверь следит за своей жертвой, — сказала она.

— Я хотел бы видеть, как вы освобождаетесь, чтобы жить снова.

— Но от чего освобождаться? — закричала она.

— Похоронить то, что мешает вам жить, и быть в хорошем настроении.

— Я никогда не смогу простить...

— Это не то, о чем я вас прошу.

Он мог видеть, как учащенно она дышит, и как отразился гнев на ее красивом лице.

— Послушайте, брат Джон — Вы слышали о «Поле драгунов»?

Он кивнул.

— Это я приказала их уничтожить.

— Я знаю.

— И это еще не все. Они привезли мне голову Монтадура, и ее вид доставил мне большое удовольствие. Я чувствовала себя так, словно умыла руки в крови.

Монах закрыл глаза.

— С той ночи я сама себя боялась, — прошептала Анжелика, — и старалась не заглядывать себе в душу.

— Хотели бы вы это забыть?

— От всего сердца. — Она смотрела на него с надеждой.

— Вы сомневаетесь, что ваши грехи могут быть отпущены?

— Бог знает все. Какое имеет значение, если я признаюсь в них вам?

— Бог знает все, но без признания даже он не может отпустить вам ваши грехи. Это вопрос человеческой свободы.

Он победил ее. После исповеди она почувствовала облегчение.

— Будет ли кровь отмыта с моих рук?

— Это вопрос возвращения к жизни, а не о возвращении к прошлому. В течение ряда лет у вас не было ничего, кроме ненависти. В будущем не будет ничего, кроме любви. Это цена вашего искупления.

Она улыбнулась.

— Это меня вовсе не устраивает. Моя борьба еще не закончена.

— Я имею в виду ваше настроение.

Он задал ей много вопросов об исламе. Ее впечатления от обычаев мусульман его очень интересовали, и она не скрывала своего восхищения ими и ностальгию, которую она испытывала при этих воспоминаниях.

Они просматривали большие тома, содержащие историю арабов и заповеди Мухамеда, изложенные отцами церкви. Анжелика никогда не забудет этих часов, проведенных с аббатом, когда тот переворачивал страницы своими тонкими, почти женскими, длинными пальцами.

Однажды после полудня, ожидая его, она обратила внимание на зеленые глаза ангела, который показался ей знакомым. Лицо этого ангела повторялось на рисунках несколько раз.

— Кто иллюстрировал эти тома? — спросила она, когда пришел аббат.

Он посмотрел на рисунок и улыбнулся.

— Как я мог забыть ребенка, который приходил ночью, и странную поэзию, исходившую от него? Свежесть, красота, жажда жизни — все эти сокровища были в нем и сияли в его глазах. Я думал, Бог должен был послать ее в монастырь, чтобы напомнить о красоте, красоте Его творений.

— А теперь я стара и некрасива.

Аббат засмеялся.

— Как вам в голову пришла такая чепуха? Как мог такой красивый рот отважиться произнести такие горькие слова? Вы так молоды! О, как вы молоды! — повторил он. Его глаза сияли. — Вы сохранили свое обаяние, это похоже на чудо. Вы многое пережили, верно, но ваша жизнь еще впереди, уверяю вас.

— Мои волосы начинают седеть.

— Вы становитесь еще более привлекательной, — сказал он дрожащим голосом.

В первый раз за много месяцев она стала ощущать себя женщиной, когда он остановил на ней взгляд. Она почувствовала нежность своего тела. Ее фигура пополнила, плечи стали сильнее, но она сохранила стройность, а глаза стали еще ярче.

— Ваши попытки ободрить меня безуспешны, — сказала она, качая головой. — Вы не можете понять, что я могу выглядеть достаточно привлекательно, но внутренне чувствую себя постаревшей.

— Потребуется не один день, чтобы излечиться от серьезной болезни.

Он прошел к своему креслу и задумчиво посмотрел на нее.

— Но выздоровление идет. Как отличается сегодняшний день от того вечера, когда вы пришли сюда с ребенком! Успокойтесь. Вернитесь к свету, а не к тьме, и вы почувствуете себя лучше душой и телом.

Она удивилась.

— Телом? Я не ослышалась?

— Вы боитесь и ненавидите мужчин. Вы должны преодолеть это. Только тогда вы излечите свою душу, ибо вы созданы для любви.

На секунду Анжелика замерла, потом рассердилась.

— О чем вы говорите? Что вы знаете о пытках, которые испытывают женщины от мужской похоти?

Он улыбнулся ее горячности.

— Почему вы улыбаетесь?

— Потому что, чем больше я смотрю на вас, тем больше представляю спящей в объятиях мужчины.

Его воображение одновременно и обеспокоило и успокоило ее.

— Я не употребил множественного числа, — продолжал он. — Я сказал «мужчины». Вы слишком сексуальны, чтобы жить без любви.

С большой печалью она подумала:

«Я его знаю. Он дал мне все, в чем я нуждаюсь, но они вырвали его из моих объятий».

— Вы должны обратить свой взгляд к будущему. Вы должны быть готовы встретить мужчину и узнать его. Разве намерены вы носить стыд грехов в своей душе? Нет! Тогда отбросьте гордость своего тела. Это менее важно. Не разжигайте память о его стыде. После зимы всегда приходит весна. Плоть и кровь обновляются.

— Это нелегко, — сказала она. — Заметно, что я не та, которая...

— Глупое создание. Вы должны забыть о том, что вас ранит. Смотрите, сияет солнце впервые за многие дни. Возьмите вашего ребенка за руку и погуляйте по саду.

Она была не совсем уверена в том будущем, которое он ей нарисовал. Кто же тот человек, который сможет ее покорить снова? Раны были слишком глубоки. Когда она думала об инстинкте, который привел ее в нейльское аббатство, то была готова признать, что ей хочется кричать. Аббат говорил с терпением птицелова, но его личное обаяние тоже сыграло свою роль. Да, он был прав. Она была еще очень во многом женщиной.

— Что случилось со мной здесь, в аббатстве? — спрашивала она. — Я временами чувствую, что парю в воздухе.

— Вы одна из тех женщин, которые нуждаются в борьбе, чтобы вести активный образ жизни и оставаться молодой и красивой. Да, уверяю вас, что дело в этом. Вы можете представить себя за работой с иглой, и находить при этом удовольствие от жизни?

— Я просто не знаю этого. Иногда я склонна думать, что создана для

домашней жизни, — любимый муж, дети вокруг стола, для которых я пеку пирожные. Каждая женщина хранит в каком-то уголке своего сердца такое видение, даже если она сойдет с тропы респектабельности. И как всякая женщина, я также увлекалась вещами, которые приносят удовольствие: драгоценности, красивые платья, обожание мужчин. Но мне не довелось долго видеть это, я определенно была несчастлива. Меня это не устраивало. С другой стороны, мне нравилось быть военным вождем. Вы можете сказать, что женщина не должна допускать кровопролития, это противоречит ее натуре, но я люблю войну; и я бы сказала неправду, если бы отрицала это. Приключения, сражения, ощущение победы — все это вместе увеличивает мои силы. И даже страх и неприятности — они тоже меня устраивают. Я страдала в течение последних двух лет, но я никогда не скучала.

— Свобода от скуки действительно прерогатива счастья для людей, особенно для женщин.

— Вы не шокированы тем, что я сказала? Как вы объясняете это?

— Человеческое существо способно на многое. Есть время для всего, время для каждой цели под небесами: время родиться и время умереть, время убивать и время лечить, время плакать и время смеяться, время скорбеть и время танцевать, время молчать и время говорить, время любить и время ненавидеть....

— Кто это сказал?

— Одна из главных частей Библии, Экклесиаст.

— Значит ли это, что в моем мятеже есть что-то, кроме ненависти?

— Да, разумеется.

Лицо Анжелики просияло.

— Ваше прощение приносит мне больше удовольствия, чем ваша суровость. Вы были так суровы ко мне вначале.

— Я хотел напугать вас, чтобы вывести вас из состояния депрессии. Я хотел заставить вас говорить. Мне приятно думать, что я добился успеха.

— Он помолчал. — Вам надо идти в другое место, — сказал он наконец.

— Вы имеете в виду, что я должна умереть? — воскликнула она, внезапно испугавшись.

— Нет, нет, вовсе не это, дорогая душа. Вы полны жизни. Я имел в виду, что вы должны покинуть эту часть страны, где установлена награда за вашу голову. Вы не устраиваете обитателей этих мест, вы слишком близки к природе. Вы больше похожи на первую женщину, созданную Богом, которая сорвала запретный плод в Эдеме. Вы должны куда-нибудь уехать.

— Да, но куда?

— Я не знаю... туда, где вы сможете создать новый мир, более земной, более удобный...

Он поднял глаза к окну.

— Снег сошел, сияет солнце. Пришла весна. Вы это заметили? Я навел справки. Солдаты покинули этот район. Здесь сейчас спокойно. У вас не будет трудностей через болота достигнуть Марсея, а оттуда на побережье. У вас остались люди, которые присоединятся к вам?

— Вы имеете в виду, что я должна уйти отсюда?

— Да, пришло время.

Она представила беспокойный мир за стенами аббатства, увидела себя в одиночестве со своим незаконнорожденным ребенком на руках.

Она опустила перед ним на колени.

— Вы гоните меня. Здесь я себя чувствую как дома. Это убежище Бога.

— Весь мир — убежище Бога для тех, кто верит в его милосердие.

Она закрыла глаза и из них потекли слезы. Он увидел черный нимб вокруг ее головы. Она еще не избежала опасности, но он знал, что победа будет за ней. Это было его долгом — направить ее ко всем штормам мира.

Он вытянул руки, и она почувствовала их мягкое прикосновение к ее волосам.

— Мужайтесь, дорогая душа, и да поможет вам Бог.

На следующий день привратник пришел проводить ее. Он оседлал для нее мула, как она просила. Анжелика должна оставить его в Марселе и с монахами отправить обратно. Он нагрузил мула двумя одеялами и двумя корзинками с провизией. Анжелика аккуратно обернула голову дочери шарфом. Если она не могла скрыть цвет своих глаз, так, но крайней мере, ока спрячет цвет волос дочери. Она хорошо знала, что описание их примет было хорошо известно среди населения, там говорилось, что надо искать женщину с зелеными глазами, несущую девочку с рыжими волосами. Несчастье было в том, что они обе были очень приметны.

Секунду она колебалась, уже держа руку на шее мула. Не поговорить ли ей еще раз с аббатом и братом?

Привратник покачал головой. Неделя началась и монастырь молился.

Более чем обычная тишина повисла над аббатством. Вновь что-то было вырвано из сердца Анжелики. Она села в седло, взяла Онорину на руки и выехала за ворота.

Когда она взбиралась по тропинке, ведущей к лесу, звук закрываемых

ворот достиг ее ушей, и почти сразу же раздались три удара колокола.

Так много дверей закрывалось перед ней прежде, чем она могла вернуться. Каждый раз возможность уйти в сторону исчезала — и скоро осталась только одна свободная тропинка — ее собственная тропинка. Что это была за тропа? Она еще не знала.

Снова и в последний раз она пересекла лес. Анжелика не отваживалась выходить на большие дороги в дневное время. Через лес, а потом через болота она достигнет майлезайского аббатства без помех.

Когда она достигла Волшебного камня, солнце было высоко в небе. Оно светило прямо в долину, и сердце Анжелики наполнилось ненавистью.

Две недели назад на этом самом месте она пробиралась по глубокому снегу. Сегодня долина была покрыта зеленым вельветом. Поток, который она пересекала по льду, теперь шумел среди камней.

Глаза Анжелики помутнели от слез, когда она смотрела на деревья, на которых были повешены ее друзья.

После необычно долгой и суровой зимы трава и цветы росли быстрее, чем обычно.

Отец де Лесдигю, нейльский аббат! Эти два архангела вырвали ее из пропасти, в которую она провалилась. Эти два чистых человека, служители церкви, изгнали из нее дьявольские воспоминания.

Она подумала, что именно так все и должно было быть, чтобы она жила и видела этот день!

Глава 12

На следующий день она достигла аббатства, построенного на острове, в окружении воды и деревьев. Среди ночи здесь можно было слышать волны, омывающие стены аббатства с двенадцатого столетия. Монахи вели здесь сонную жизнь, занимаясь рыбной ловлей, соблюдая традиции, описанные Рабле в его «Гаргантюа и Пантагрюэле», написанном в этих стенах. Это сильно отличалось от атмосферы Нейля. Монахи были напуганы протестантами. В этой части страны до самого побережья большинство населения было протестантами.

Анжелика имела с собой письмо от аббата Нейля, и приор монастыря со вздохом дал ей проводника, чтобы проводить до Саблес де Олан.

Она несла Онорину на спине, идя по тропинке, состоящей из смеси песка и грязи. Шел дождь, и воздух имел странный запах. Анжелика остановилась, чтобы нарвать немного орехов для Онорины, и стала раскалывать их зубами.

Неожиданно до нее донесся звук, идущий с той стороны, куда она шла. Звук нарастал. Анжелика двинулась вперед и скоро увидела море.

Это было не Средиземное море, все синее и золотое, это был океан, глубокий Атлантический океан.

Он увеличивался, серый, синий и зеленый, сливаясь с горизонтом. Когда Анжелика подошла ближе, она увидела берег, который был покрыт серебряной сетью прудов.

Это здесь Анжелика должна была встретиться с Понсом де Полюдом, протестантом, занимающимся контрабандой соли, одним из первых повстанцев. Но Понс де Полюд за день до этого был схвачен и казнен по двойному обвинению: за контрабанду и мятеж против короля.

Остатки его банды еще находились там, прячась в лесах, растущих вдоль берега. Анжелика сторговалась с ними о наеме корабля, идущего в Бретань. Там она сможет спрятаться на некоторое время. Главной трудностью было проскочить мимо патрулей.

Приморский народ не продавал друзей властям ради получения выгоды для себя. Анжелика ощущала беспокойство при мысли, что находится среди протестантов, которые знают, насколько она сейчас беспомощна. Оставалось только одно: она должна как можно скорее попасть на корабль! Только море могло дать ей чувство свободы и

безопасности.

На третий день несколько человек, одетых в лохмотья, прибежали в лес, крича, что приближается караван купцов. Он шел из Мараны и вез вино. Банда стала вооружаться рапирами, шпагами и копьями. У них не было пороха для мушкетов.

— Пожалуйста, не делайте этого, я прошу вас, — сказала Анжелика. — Вы навлечете на себя гнев всей береговой охраны. Если они начнут обыскивать лес...

— Мы должны жить, — заявил главарь банды.

Они уже слышали из-за деревьев колокольчики мулов и скрип колес. Потом раздались крики и звон оружия.

Анжелика не знала, куда податься. Но было ясно, что она должна остановить этих людей от разбоя, который приведет солдат и таможенников к местам, где они прячутся. Но она знала их слишком мало и не имела на них никакого влияния. Она даже не говорила на их диалекте. Анжелика привязала Онорину к дереву и побежала к сражающимся. Если только они смогут прийти к какому-нибудь соглашению с купцами...

Но купцы, вместо того, чтобы потерять — головы от страха, настроились защищать себя изо всех сил. У них были пистолеты, и они использовали их под прикрытием своих телег. Дорога уже была покрыта ранеными.

Анжелика побежала к главарю банды.

— Отпустите, — просила она его.

— Уже слишком поздно. Мы захватили их добро, и должны захватить и их, чтобы они не смогли говорить.

Он двинулся к одной из повозок. Раздался выстрел, и он упал на землю. После этого в рядах бандитов началась паника. Четыре купца, поняв, что главарь выбыл из борьбы, вышли из укрытия и с энергией, которую трудно было ожидать от купцов, набросились на бандитов. Анжелика получила жестокий удар в затылок. Она успела посмотреть на человека, который ее ударил. Он был одет во все черное — без сомнения, это были протестанты — у него были светлые глаза, в которых была не ненависть, а осуждение. Второй удар в висок лишил ее сознания.

Когда она пришла в себя, ей привиделось, что Флоримон и Кантор похищены, и она вместе с Ла Полак гонится за похитителями по грязной дороге, ведущей в Шарантон. Она открыла глаза. Она была в тюрьме, одна, на постели из соломы.

Анжелика была так потрясена, что ничего не ощущала. У нее не хватило сил, чтобы повернуть этих контрабандистов побороть свое

несчастье. Через несколько часов она могла быть в море и плыть к берегам Бретани. Она не знала, где она находится. Она не спрашивала себя, узнала она или нет и какие обвинения выдвинуты против нее. Сильно болела шея, она была усталой и разбитой. Анжелика лежала в состоянии прострации, но внезапно ужасная мысль пронеслась у нее в мозгу, и она вскочила. Онорина!

Что случилось с ребенком после битвы? Анжелика оставила ее, привязанной к дереву. Видели ли ее, убегая, бандиты? Проявят ли они о ней заботу? Что если ребенок все еще оставался один в лесу? Поляна находилась в стороне от дороги и было маловероятно, что кто-то услышит ее плач.

Анжелика покрылась холодным потом. За решетками окна виднелся закат.

Анжелика стала стучать в дверь, но никто не приходил. Она подошла к окну и взялась за решетку. Шум волн подсказал, ей, что она находится недалеко от моря. Она снова начала кричать, но бесполезно. Наступила ночь, не неся ничего хорошего для узницы.

Слабый звук извне заставил ее подбежать к окну. Это был звук шагов.

— Из любви к Богу, пожалуйста, остановитесь, куда бы вы ни шли. Послушайте меня, — закричала Анжелика.

Шаги смолкли.

— Из любви к Богу, — повторила она. — Послушайте мою мольбу.

Никто не отвечал, но человек не двигался.

— Моя маленькая девочка осталась в лесу, — продолжала она. — Это будет ее концом, если никто не отвяжет ее. Она умрет от холода и голода. Ее съедят лисицы. Куда бы вы ни шли, проявите к ней жалость. Она недалеко от дороги, где купцы отбивались от разбойников.

Шаги возобновились. Прохожий пошел своей дорогой. Слышал ли он дикие крики, исходящие из дыры в стене тюрьмы? Какая-то сумасшедшая, — подумал, наверное, он. — У них в тюрьме всякие женщины!

Она очнулась от сна, во время которого слышала крики ребенка, и обнаружила перед собой двух вооруженных охранников, которые грубо приказали ей следовать за ними.

Анжелика поднялась по спиральной каменной лестнице, пока не пришла к подвальной комнате, стены которой были изъедены солью.

В задней части комнаты сидел судья в длинном черном одеянии. Он оживленно разговаривал с одним из купцов, тем, который оглушил Анжелику. Они спокойно беседовали, и не удосужились прервать беседу, когда охранники ввели Анжелику. Те бросили Анжелику перед палачом и

начали расстегивать ее платье.

Анжелика стала бороться и кричать, но сильные руки держали ее, и она услышала, как рвется ее платье. Перед ее глазами мелькнуло раскаленное железо и стало приближаться все ближе и ближе...

Она почувствовала дикую боль, ее ноздри уловили запах горелого тела. Она так хотела освободиться от державших ее рук, что ничего не почувствовала. Только когда они отпустили ее, она почувствовала ужасную рану на плече.

Ожог посылал волны боли в мозг. Анжелика еще стояла на коленях, издавая тихие стоны. Палач убирал свое орудие пытки. На конце длинной рукоятки был виден цветок лилии, уже потемневший от употребления.

Судья и купец продолжали разговор.

— Я не разделяю вашего пессимизма, — говорил судья. — Мы еще в хорошем положении, и неправда, что король хочет изгнать протестантов из королевства. Ведь нас так много. Здесь так мало католиков, что из четырех судей три протестанта. И так как единственный судья католик постоянно занимается охотой, именно нам приходится судить католиков.

— Но, что относительно Пуату? Я уверяю вас, что видел там вещи, которые заставляют меня задумываться...

— Неприятности в Пуату? Прямая провокация, я знаю. Наши братья позволили себе последовать за амбициями сильных вельмож, подобных дела Мориньерам!

Судья спустился с возвышения и подошел к Анжелике, которая оставалась на коленях.

— Ну, моя девочка, я надеюсь, ты получила урок из того, что с тобой случилось. Женщина быстро теряет свою репутацию, бегая среди деревьев с ворами и разбойниками. С настоящего времени ты всегда будешь носить на себе знак королевского правосудия. На тебе выжжена лилия. Каждый будет знать, что ты была в руках палача и что тебе нельзя доверять. Я надеюсь, что это сделает тебя более осторожной.

Она опустила глаза вниз. Раз она не узнана, она не хотела давать им возможности разглядеть себя.

Анжелика чувствовала глубокий ожог на теле, знак, отметивший ее как преступницу. Она гопала в разряд сомнительных женщин: проституток, преступниц, воровок!

Но не это беспокоило ее. Ей нужно выйти из этой тюрьмы и узнать, что случилось с Онориной.

Судья продолжал свою речь:

— Я не собираюсь оставлять тебя в этих стенах. Но я ответственен за

твое будущее и помещу тебя в такое место, где у тебя не будет возможности вернуться на дьявольский путь. Я помещу тебя в семью, которая будет тебе примером. Мэтр Габриэль Берне, которого ты видишь здесь, сказал мне, что он ищет служанку. Он возьмет тебя на службу. Встань, оденься и иди с ним.

Анжелика не нуждалась в повторении приказа.

На узкой улице женщины торговали дарами моря. Анжелика смотрела, появится ли возможность сбежать от купца, благодаря которому она получила свободу. Мэтр Габриэль Берне, видимо, читал ее мысли, так как крепко держал ее за руку. Она вспомнила, какая у него сильная рука и как он владел копьем.

Когда они пришли в гостиницу, он показал ей комнату.

— Завтра мы уезжаем. Я живу в Ла Рошели, но мне по дороге надо повидать покупателей. Так что дома мы будем только вечером. Я должен спросить тебя, согласна ли ты быть служанкой в моем доме, так как я дал обещание судье, что ты не сделаешь попытки вернуться к беспорядочной жизни.

Он ждал ее ответа. Анжелика должна дать ему свои заверения. Но глядя в его открытые честные глаза, она не смогла соврать и выпалила:

— Не рассчитывайте на это. Ничто не заставит меня остаться с вами.

— Даже это?

Он указал на кровать, которая была довольно высокой. Она не поняла.

— Иди и посмотри, — сказал он.

Казалось, он над ней смеется.

Она сделала два шага вперед и замерла. На подушке она увидела прядь рыжих волос. Там лежала Онорина, прижав палец во рту, и крепко спала.

Анжелика подумала, что ей это снится. Она бросила взгляд на мэтра Габриэля. Потом опустила глаза и посмотрела на его сапоги.

— Значит, это были вы! — выдохнула она.

— Да, это был я. Я проходил мимо вечером по двору тюрьмы, чтобы повидаться с судьей, когда голос заставил меня остановиться. Женский голос умолял спасти ребенка. Я сел на лошадь и, хотя мне не хотелось видеть место, где на нас напали, я все же поехал. К счастью, я добрался туда до наступления темноты и нашел ребенка под деревом. Она, должно быть, уснула после долгого плача. Но девочка не очень замерзла. Я завернул ее в свой плащ и привез сюда, отдал служанке и попросил позаботиться о ней.

Анжелике казалось, что она никогда не слышала более восхитительной речи. С этого момента жизнь снова показалась легкой. Всякое чудо было возможно после того, что случилось. Люди были добры, мир стал чудесным местом...

— Да спасет вас Бог, — сказала она, и голос ее прервался от волнения. — Мэтр Габриэль, я никогда не забуду того, что вы сделали для меня и моей дочери. Вы можете рассчитывать на мою благодарность. Я готова служить вам.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ПРОТЕСТАНТЫ ЛА РОШЕЛИ

Глава 1

Уже наступила ночь, когда легкая повозка мэтра Габриэля Берне прибыла в Ла Рошель. Ярко-голубое небо было еще светлым, но на всех перекрестках уже горели фонари. Город производил впечатление чистоты и порядка. Здесь не было пьяных. Несмотря на поздний час, люди еще бродили по улицам.

Мэтр Габриэль сделал первую остановку у открытых ворот.

— Здесь мои склады. Они примыкают к докам. Но я предпочитаю разгружать грузы в стороне от любопытных глаз.

Он пропустил мулов, и две повозки въехали во двор, отдал распоряжения слугам, которые выбежали ему навстречу, потом вернулся к Анжелике. Некоторое время они ехали вдоль улицы.

— Мы живем в очень спокойном месте, — объяснил Берне, довольный возвращением домой. — И всего в не скольких шагах от залива...

Он хотел объяснить еще что-то, но, свернув за угол, они увидели яркий свет и услышали шумные голоса.

— Это в моем дворе, — сказал мэтр Габриэль. — Что там происходит? — Тем не менее, он спокойно вышел из повозки. — Следуй за мной с дочерью. Нет причин оставаться на улице, — сказал он, видя, что Анжелика колеблется.

У нее были веские причины не идти за ним, так как во дворе находилось несколько полицейских, но чтобы не обращать на себя внимания, она заставила себя пойти за своим новым хозяином.

Полицейские преградили им путь.

— Никаких посетителей. Нам приказано избегать всяких сборищ.

— Я не посетитель, я хозяин этого дома.

— О, понимаю. Тогда проходите.

Пройдя через двор, мэтр Габриэль поднялся на несколько ступенек и вошел в длинный низкий коридор, увешанный картинами. Над столом горела люстра с шестью рожками.

С лестницы сбежал мальчик, перепрыгивая через ступеньки.

— Быстрее, отец. Паписты пытаются склонить дядю к мессе.

— Ему восемьдесят шесть лет и он не может идти. Это шутка, — сказал мэтр Габриэль.

На верхней площадке лестницы появился мужчина в коричневом бархате. Он с важностью двинулся к ним.

— Мой дорогой Берне, я очень рад снова видеть вас дома. Я ужасно расстроен, что ворвался в ваш дом в ваше отсутствие, но обстоятельства были особыми...

— Лейтенант, вы оказали мне честь вашим визитом, — сказал купец, низко кланяясь, — но могу я попросить объяснений?

— Вы знаете, что недавно был декрет, и мы должны контролировать, чтобы все умирающие мужчины или женщины, являющиеся членами реформаторской церкви, принимали причастие католических священников, чтобы они могли покинуть этот мир чистыми от ереси, которая может мешать им в загробной жизни. Капуцин, отец Джермени, слышавший о вашем дяде, господине Лазарусе Берне, находящемся на пороге смерти, посчитал своим долгом прислать священника из ближайшего прихода с полицией в соответствии с законом.

Этим господам был оказан очень недружелюбный прием вашими женщинами — вы же знаете, что такое женщины, мой добрый друг! — и они оказались не в состоянии выполнить свою миссию. Зная, как я был дружен с вами, полицейские послали за мной, чтобы немного успокоить дам, и я сделал это, так как ваш бедный дядя, до того как умереть...

— Он умер?

— Умрет через несколько секунд. Ваш дядя, как я сказал, наконец был тронут просьбами и согласился причаститься.

Внезапно раздался истерический крик маленькой девочки.

— Только не это! В доме наших предков!

Королевский лейтенант схватил тонкую маленькую фигурку и зажал ей рот.

— Мэтр Берне, это ваша дочь? — спросил он кисло. И тут же выпустил девочку. — Она укусила меня, маленькая дрянь!

— Уходите! — раздался резкий крик.

Маленькая старушка, которая мчалась по коридору, как ведьма, начала швырять вещи. Анжелика поняла, что это луковицы, которые попались под руку старой гугенотке. Слуги-мужчины столпились в прихожей.

Один мэтр Габриэль оставался невозмутимым. Он велел дочери придержать язык.

Тем временем лейтенант махнул рукой через окно. Солдаты стали подниматься по ступенькам. Их прибытие успокоило волнение, любопытство заставило всех столпиться у входа в спальню.

Анжелика смогла увидеть голову старика на подушке. Казалось, он издал последний вздох, если уже не умер.

— Сын мой, я возвращаю вас к вашему Иисусу Христу, — сказал

священник.

Эти слова произвели магический эффект.

Старик открыл один глаз и поднял голову на длинной шее.

— Я не верю, что это в ваших силах.

— Но секунду назад вы согласились...

— Я этого не говорил.

— Мы не смогли дать другого объяснения движениям ваших губ.

— Я мучился от жажды, только и всего. Но не забывайте, господин кюре, что я прожил всю свою жизнь в Ла Рошели, и я не стану отказываться от религии, в которую верят двадцать три тысячи жителей моего города из двадцати восьми.

— Вы богохульствуете!

— Может быть, но меня это устраивает.

— Вы умираете.

— Не от долгой беседы. — Он попросил слабым голосом, в котором звучала веселая нотка: — Принесите мне стакан хорошего вина.

Слуги засмеялись. Капуцин сердито призвал к молчанию. Эти еретики должны получить урок. Тюрьма научит их, по крайней мере, соблюдать приличия.

В этот момент Анжелика учуяла запах горелого, что дало ей повод уйти на кухню.

Это была высокая теплая, хорошо обставленная комната. Анжелика положила Онорину в кресло около огня, подняла крышку одного из горшков и обнаружила там артишоки, которые уже начали подгорать. Она пришла как раз вовремя, чтобы спасти их.

Она добавила немного воды в горшок, потом стала готовить для еды длинный обеденный стол.

Рано или поздно спор закончится, и тогда ей как служанке надо иметь готовый обед.

Она все еще была под впечатлением фантастического спектакля, которым было отмечено их прибытие. Дом протестантов был, возможно, не идеальным местом для укрытия, но купец отнесся к ней с добротой. Он не подозревал, кто она. Преследователи потеряли ее след, никто не догадается, что она служанка в доме купца-гугенота в Ла Рошели.

— Это ваша служанка? — спросил лейтенант.

— Да, ваша честь.

— Она тоже протестантка?

— Да, разумеется.

— А что относительно ребенка? Ее дочери? Во всяком случае, она

должна быть приведена в лоно католической церкви.

Анжелика старательно держалась спиной к двери, занимаясь приготовлением пищи. Сердце ее учащенно билось. Она слышала ответ мэтра Габриэля о том, что он только недавно принял эту служанку, не выяснив все о ней и ее ребенке.

— А что касается вашей дочери, господин Берне? Сколько ей лет?

— Двенадцать.

— Да, разумеется. Это возраст, когда она может сделать выбор, к какой церкви она хочет принадлежать.

— Я думаю, моя дочь уже сделала свой выбор, — проговорил мэтр Габриэль. — Вы имели возможность убедиться в этом минуту назад.

— Мой дорогой друг, — сухо сказал королевский лейтенант, — я очень сожалею, что вижу, как вы реагируете на мои инструкции. Я должен дать вам один совет: отрекитесь. Сделайте это сейчас, пока не слишком поздно. Вы избавите себя от многих бед.

Анжелике показалось, что лейтенанту приятно слушать звук своего голоса. Наконец, этот голос замер на ступенях. Вскоре после этого были закрыты ворота, и члены семьи появились один за другим на кухне и остановились около стола. Старуха, которая швыряла луковицы, подошла к очагу и издала вздох облегчения, обнаружив, что пицца, о которой она забыла, не пострадала.

— Спасибо, дорогая, — прошептала она Анжелике. — Если бы не ты, хозяин отругал меня.

Старая женщина, Ребекка, поставила на стол главное блюдо и встала во главе стола в то время, как пастор Бьюкар произнес короткую молитву. Потом все сели. Анжелика осталась стоять у огня. Мэтр Габриэль позвал ее.

— Госпожа Анжелика, идите сюда и садитесь. Наши слуги всегда ведут себя, как члены нашей семьи. Ваш ребенок тоже окажет нам честь своим присутствием. Дом с невинным младенцем охраняется Богом. Мы поставим ей стул с правой стороны стола.

Мальчик, Мартьяль, вскочил и вскоре вернулся с высоким стулом, который был поставлен слева от младшего ребенка, семилетнего мальша, Анжелика посадила на него Онорину и села среди собравшихся.

При свете свечей девочка осмотрела присутствующих. Ее глаза остановились на пасторе Бьюкаре, который сидел на другом конце стола, и она улыбнулась ему самой приветливой улыбкой.

— Боже, как она красива! — воскликнула молодая Абигайль, дочь пастора.

— Разве она не мила? — сказала Северина.

— Ее волосы похожи на медь, — заметил Мартьяль.

Они весело смеялись, а Онорина изучала пастора обожающим взглядом. Он попросил обслужить ее первой.

— В этом доме мы обходимся с детьми, как с короля ми. Их любит наш Бог.

— Святой отец, — сказала Северина, ее голос дрожал, — что вы будете делать, если они принудят Лазаруса принять причастие? Что вы будете делать?

— Никто не может быть принужден принять причастие, моя девочка. Даже паписты понимают это.

— Но если они все же это сделают, что ты предпримешь? Убьешь их?

Ее глаза были черные, а лицо белое, как мел. Это придавало ей вид маленькой старушки.

— Жестокость, дочь моя... — начал мэтр Габриэль.

Она сморщила уголки губ в гримасе.

— Естественно, ты их отпустишь. И наш дом будет опозорен.

— Дети не судьи в таких делах, — загремел мэтр Габриэль с внезапным гневом.

Он выглядел мирным человеком, всякий мог принять его за человека добродушного. Но несмотря на внешнюю мягкость, это было далеко от истины. При внимательном изучении Анжелика убедилась, что люди Ла Рошели тверды как сталь. Она вспомнила удар, который он нанес ей на дороге. Это был человек, рожденный сидеть за столом с яствами, хотя и был вполне счастлив, закусывая, хлебом и овощами, как добрый король Генрих, который долго жил в Ла Рошели до того, как пришел к мессе в Париже.

Когда семья перешла в другую комнату читать Библию, Анжелика осталась одна со старой служанкой.

— Я действительно не знаю, понравилась ли тебе еда, — сказала Анжелика, — но моя дочь плохо ела. Даже в лесу она ела больше, чем здесь. А эта семья кажется мне довольно состоятельной.

— Что за ерунду ты говоришь? — воскликнула старуха. — Народ в Ла Рошели богаче всех в королевстве. Пойди и посмотри на наши склады на берегу залива. Они переполнены добрым вином, солью и продуктами.

— Тогда почему на обед один сыр?

— О, я вижу, ты не из этих краев! Когда ты поживешь здесь подольше, то станешь делить селедку на четверых. Ты бы видела отца мэтра Габриэля! Что за славный человек он был! Ему можно было предложить на

обед камни и он бы этого не заметил! Единственное, к чему он был привержен, это вино. У нас в погребках лучшее шаратонское вино.

Пока она говорила, Анжелика убрала тарелки со стола и начала их мыть в котле с теплой водой. Анжелика была голодна. Ее била дрожь, словно она была больна. Ожог на плече еще болел. Каждое движение, сделанное ею, напоминало о случившемся, о ее страхе. Все произошло так быстро, что она еще чувствовала, как тень этих событий висит над ней.

Анжелика взяла Онорину на руки. Казалось, это все, что нужно девочке. Возможно, ей и понравились эти протестанты, которые желали иметь только самое необходимое для жизни и мало беспокоились об остальной. Как они улыбались ребенку! Должна ли она остаться под этой крышей или уйти! И какой тогда путь ей избрать?

— Здесь немного сыра и хлеба, — сказала старуха, ставя блюдо на край стола.

— Но если твой хозяин...

— Они ничего не скажут, особенно когда речь идет о ребенке. Я их знаю. Позже мы уложим девочку здесь на кровати.

Старуха показала Анжелике высокую кровать, стоящую в алькове кухни.

— Разве не ты здесь спишь?

— Нет, у меня постель в чулане. Я сплю там, чтобы избежать воров.

Когда Анжелика дала ребенку столько еды, сколько она могла съесть, и уложила ее спать, то вернулась к огню. И почувствовала, что не может заснуть. Она захотела удержать старую Ребекку, понимая, что старуха много знает и может много рассказать полезного для будущей жизни.

— Садись, моя красавица, — сказала Ребекка, указывая на стул напротив себя. — Давай съедим немного крабов и запьем вином. Это заставит тебя почувствовать себя лучше.

Краб, которого она достала из кастрюли, еле уместился на тарелке. Ребекка переломила его пополам и половину протянула Анжелике.

— Делай, как я, держи нож: вот так. И не оставляй ничего, кроме костей.

Мясо краба отличалось от всего, что растет на земле, и имело вкус моря.

— Попробуй это вино. — Она внимательно прислушалась. — Только бы не зашла сюда госпожа Анна!

Но дом был тих. После пения псалмов все ушли спать. Лампа горела у кровати старухи. Внизу мэтр Габриэль занимался подсчетами.

— Нет, ты определенно не из этих мест, — продолжала старуха. — Ты

не из Бретани?

— Нет, я из Пуату, — сказала Анжелика и немедленно пожалела о сказанном.

— Там были страшные дела, — заметила старуха. — Расскажи о них немного.

Ее глаза светились любопытством.

— О, я знаю, что там было, — продолжала она, видя, что Анжелика молчит. — Ты видела слишком много, чтобы отважиться говорить. Ты похожа на Жанну и Маделину, кузин булочника, или толстую Сару, которые почти сошли с ума от увиденного. Не смотри на меня так. Я не скажу ничего. И продолжай есть. Войны и осады, почему они должны миновать тебя? Для этого нет причин. У нас говорят так: «Когда приходят отряды солдат, девушки теряют свою девственность». Я пережила осаду, трое моих детей умерли от голода. Я расскажу тебе об этом...

Анжелика, шокированная таким взглядом на вещи, подумала:

«Да, но я была маркизой дю Плесси».

Но вслух она сказала, удивляясь своим словам:

— Я держала своего ребенка на руках после того, как они перерезали ему горло.

— Я понимаю, моя дорогая, что ты чувствовала. Когда теряешь ребенка, то переходишь в другой мир. Ты больше не любишь людей. Я похоронила троих детей во время осады, пережила осаду, я уже говорила тебе об этом. Мне тогда было двадцать пять, и у меня было три сына. Старшему было семь лет. Он умер первым. Я думала, он спит, и не хотела его будить, думая, что во сне он меньше будет чувствовать голод. Но к вечеру, когда он не проснулся, я начала понимать, что случилось. Он был мертв еще утром. Мертв от истощения!

— Но почему ты не попыталась покинуть город? — спросила Анжелика. — Ты не могла сделать этого?

— Вокруг города были солдаты Ришелье. И не мне дано было решать — сдавать город или нет. Каждый день мы надеялись на прибытие англичан. Каждый день мы надеялись, что произойдет что-то, хотя никто не знал, что. Солдаты умирали от голода прямо на стенах. Мой муж от истощения не мог держать алебарду и однажды не вернулся домой, я поняла, что случилось. Он упал мертвым на стене, и его похоронили в общей могиле. Они не хотели скидывать трупы со стен, чтобы люди короля не увидели, что скоро в гарнизоне никого не останется. Голод — вот то, чего нельзя описать тому, кто его не испытал. Они не могли этого понять. Каждый раз ты выходишь на улицу, на что-то надеясь... Ты оглядываешься

по сторонам, ищешь траву между камнями... Но ничего не находишь и с каждым днем чувствуешь себя все хуже.

— Но почему вам нельзя было покинуть город?

— За укреплениями нас ожидали солдаты короля. Они вешали мужчин и делали, что хотели, с женщинами. А что касается детей... Откуда было знать, что случится с ними в руках солдат? Во всяком случае, мы не смогли покинуть город. Было многое, чего мы не могли делать. Бог знает почему. Мы только могли умереть вместе с городом. Я не помню, когда умер мой второй ребенок. Я помню только, что когда делегация положила к ногам короля Людовика ключи от Ла Рошели, у меня остался в живых один ребенок. Все кричали: «Выходите к воротам... берите хлеб с телег». Я бежала вместе со всеми, но мне только казалось, что я бегу, я плелась, как и все остальные. Мы выглядели, как привидения. Я посмотрела на своего младшенького и сказала: «Все-таки все кончено, делегаты пошли сдаваться королю. Они вступят в город и появится хлеб! И у меня остался еще один ребенок. Еще несколько дней, и ты бы осталась матерью с пустыми руками». Но никогда не знаешь, что произойдет.

— Нет, невозможно, — сказала Анжелика, с ужасом глядя в глаза старухи, забыв, что осада произошла сорок лет назад.

— Ну, допивай вино вместо того, чтобы дать ему нагреться. Его надо пить холодным. Ну, а у ворот стояли солдаты вокруг больших куч хлеба. Солдаты, когда ты не воюешь против них, тоже могут быть человечными, как и мы... Я даже видела, как некоторые плакали, глядя на нас. Ну, я ела и ела, и то же делал и мой мальчик. А потом внезапно он упал мертвым... Он съел слишком много и слишком быстро. Все, что я могла сделать, это похоронить его вместе с остальными. А что, ты думаешь, я сделала после этого? Я обезумела, более или менее обезумела. Ну вот, моя девочка, это единственный урок, который мы можем из этого извлечь.

Она остановилась на секунду, и послышался стук ножа о кости краба.

— Что меня удержало вначале, — продолжала она, — это пища. Видя то, чего мы так долго не имели, я испытывала своего рода удовлетворение, я забыла про свои беды. Потом меня успокоило море. Я взбиралась на утесы и долго стояла там. Море было здесь и никто не мог его забрать. А потом меня полюбил мужчина. Он был папистом. Их теперь много в Ла Рошели. Но этот знал, как говорить с женщиной, и именно этого я и ожидала от него. Мы могли пожениться, но было много шума. Я должна была сменить религию, но я не собиралась этого делать. Он уехал в Сен-Мало, к своей семье и своей собственности. Я никогда больше его не видела. Он оставил меня с ребенком, мальчиком... О, я начала жить снова.

Дети дают нам силу.

Когда Ребекка закончила рассказ, она встала и прислушалась.

— Нет, это море. Оно становится сердитым... Давай посмотрим.

Позади алькова, где стояла кровать, находилось окно. Она отодвинула запоры и открыла его. Сразу же ворвался сильный порыв ветра, неся запах моря и соли. Волны, бившиеся в дамбу, производили такой шум, что нужно было кричать, чтобы быть услышанным.

Слева виднелись очертания башни, на которой горел маяк. Он указывал путь кораблям между островами. Они увидели солдата с алебардой. Он шел лицом к ветру, спина его была согнута. После обхода он спустился по спиральной лестнице в караульное помещение.

Между домом мэтра Габриэля и валом была только узкая дорожка. Ребекка объяснила Анжелике, что знает всех солдат, которые день и ночь несут службу на башне маяка. Когда она сидит у окошка, а они проходят мимо, то останавливаются поговорить. Она первой узнает, что происходит в порту, так как маяк дает сигнал о прибытии кораблей, везущих соль и вино из Голландии, Испании, Англии или Америки. О каждом корабле, военном или торговом, прибывшем из-за границы или принадлежащем Ла Рошели. Как только на горизонте появляется силуэт судна, дозорный прижимает к губам трубу. Когда корабль вступает в порт, звучит портовый колокол, и таможенники, купцы и владельцы кораблей спешат в порт. Жизнь в Ла Рошели никогда не бывает скучной из-за всех кораблей, которые приходят со всех концов света.

В давние дни о прибытии кораблей давали сигнал с башни Святого Николая, но теперь башня частично разрушена, и эта честь передана башне маяка.

Ребекка закрыла окно на засовы. Снова наступила тишина, особенно контрастная с шумом шторма. Анжелика провела языком по губам и почувствовала привкус соли.

Она заметила, что проснулась Онорина. Сидя на кровати, она слушала шум моря. Анжелика снова уложила ее и укрыла потеплее. Она вспомнила, что Онорина несет на себе знак Нептуна.

Семилетний мальчик сидел у основания лестницы, ведущей на второй этаж. Спрятавшись в тени, он, должно быть, подслушивал рассказ старухи.

Старуха подошла к нему и покачала головой.

— Этот парень отнял жизнь у своей матери, когда появился на свет. Он не получил много любви... — Она двинулась по ступенькам, бормоча про себя: — Страдающие сироты, мучающиеся матери — вот что

происходит, и это скоро не кончится, это я вам говорю.

Она исчезла в темноте.

— Ты должен идти в постель, — сказала Анжелика мальчику.

Он молчал. Лицо у него было болезненным, из носа текло.

— Тебя как зовут? — спросила она. ...

Он не ответил и начал подниматься по лестнице, держась за стену. Он был похож на напуганную крысу. Когда мальчик уже почти достиг второго этажа, она поняла, что он попросил свечу, и побежала за ним.

— Подожди, дорогой, ты же можешь упасть.

Она взяла его за руку, маленькую и холодную, и ее сердце забилося сильнее. Это напоминало ей жест, которого она не делала уже давно.

Он стал подниматься, а она последовала за ним.

Он казался маленьким, маленькой таинственной тенью, держащейся за ее руку.

— Ты здесь спишь?

Он кивнул, глядя на нее, словно не веря, что она здесь. В углублении для него была устроена своеобразная кровать. Соломенный матрац, видимо, взбивался не очень часто, одеяло было тонковато для этого времени года. Зимой под ним было холодно, как на улице. Луна светила через круглое окошко, освещая бледное лицо ребенка и набор старинной мебели. Напротив кровати было даже большое зеркало.

— Тебе здесь нравится? — спросила Анжелика. — Тебе здесь не холодно, ты не боишься? Тебе не слышатся иногда шорохи?

Она поймала его испуганный взгляд.

«Конечно, это крысы, — подумала Анжелика, — и он их боится».

Она начала раздевать мальчика. Тонкие плечи под ее руками напомнили ей Флоримона, когда тот был маленьким. Такие же сжатые губы были у Кантора, который так же мало говорил. Задумчивый взгляд был таким же, как у Шарля-Анри, когда он мечтал о матери.

Мальчик, казалось, был удивлен, что кто-то помогает ему раздеться. Он захотел сам снять одежду, а затем аккуратно положил на стул. Он казался еще тоньше в своей белой длинной рубашке.

— Ребенок умирает от голода.

Анжелика взяла его на руки и прижала к себе. Неожиданно слезы потекли у нее из глаз. Она никогда не была образцовой матерью, сказала она себе. Она защищала своих детей от холода и голода, как делают животные, потому что они были маленькими, но она никогда не шутила с ними, не ласкала их. Она только тогда поняла нити, связующие их с ней, когда они были так жестоко оторваны от нее. Открытая рана еще

кровоточила, напоминая о вещах, которые могли быть и которые она потеряла.

— О, мои сыновья, мои сыновья. — Они родились слишком рано. Они были помехой в ее жизни. Она периодически занималась ими, так как это отвлекало ее от собственных бед. Женщина должна почувствовать себя женщиной до того, как стать матерью.

Она уложила мальчика в постель и улыбнулась на случай, если ее слезы обеспокоили его. Поцеловав его и пожелав спокойной ночи, она спустилась вниз.

В кухне у кровати она сняла верхнюю одежду, потом старательно причесалась. Теперь она больше не хотела уходить отсюда. Дом на валу у моря обещал ей защиту.

Глава 2

На следующий день мадам Анна с определенной важностью и несколькими назидательными сливами вручила ей Библию в черном переплете.

— Я заметила, моя девочка, что ты не присоединилась вчера в наших молитвам. Без сомнения, ты не захочешь, чтобы росли твои грехи. Это книга книг, в которой все женщины могут найти для себя успокоение.

Когда Анжелика осталась одна, она осмотрела Библию, потом отправилась искать мэтра Габриэля. Служащий сказал, что он в нижнем этаже склада, в комнате, где он хранит свои книги.

Пройдя через двор и спустившись вниз по ступенькам, она прошла две или три большие комнаты, где купец хранил наиболее ценные товары, включая шаратонское вино и коньяк. Он был одним из крупнейших поставщиков коньяка в Голландию и Англию. Так случилось, что английский капитан собирался уходить после заключения сделки. Запах коньяка стоял в воздухе. Перед ним стояли два стакана, из которых они пили.

Английский капитан прошел мимо нее, но приподнял перед Анжеликой шляпу и произнес комплимент о привлекательной жене мэтра Габриэля. Последний, не поднимая головы от книги, сказал по-английски:

— Это не жена, а моя служанка...

— О! — произнес англичанин, бросив на нее оценивающий взгляд.

Анжелика, которая не знала английского, не поняла, что было сказано, и не делала попытки понять. Она была слишком напугана реакцией, которая могла последовать после ее признания.

— Мэтр Габриэль, — сказала она, собрав все свое мужество, — я должна прояснить недоразумение. Надо было сделать это раньше. Я не протестантка, как вы и ваша семья, я — католичка.

Купец уставился на нее и казался очень растерянным.

— Но тогда почему вы позволили заклеить себя лилией? — закричал он. — Вы должны были сказать, что вы — католичка. Вы бы избежали этой ужасной судьбы. Закон совершенно ясен в этом пункте: любая протестантская женщина, виновная в воровстве, должна быть заклеена лилией и выпорота. Благодаря тому, что судья был членом моей церкви, мне удалось избавить вас от порки. Но он не мог просто отпустить вас, так как вас поймали с компанией опасных воров. Знаете ли

вы, что трое из них были повешены, а остальные сосланы на галеры?

— Я не знала этого. Бедняги!

— Разве эта новость не взволновала вас? Они, в конце концов, были вашими компаньонами.

— Я их едва знала.

Мэтр Габриэль всплеснул руками и посадил большую чернильную кляксу.

— Почему же вы не объяснили этого вовремя, глупая девчонка!

Он аккуратно промокнул кляксу и вытер перо.

— Когда девушка-католичка заклеена лилией, это знак того, что она совершила какое-то ужасное преступление, что она убийца, проститутка или воровка. Если вы будете обнаружены, есть риск, что вас поместят в тюрьму или отправят в Канаду как «падшую женщину». Почему вы не сказали ничего, пока не было слишком поздно? — Он внимательно посмотрел на нее. — Возможно, вы не хотели, чтобы они задавали вам много вопросов?

— Да, вы правы, мэтр Габриэль. В тот момент я не думала ни о чем, кроме моей дочери. Я не знала, что вы уже спасли ее. Я позволила им делать со мной, что они хотели, не полностью сознавая, что случилось. А теперь уже поздно, клеймо останется до конца моих дней. Но только вы знаете об этом, мэтр Габриэль, и если вы не выдадите меня...

— Я уже принял вас в свой дом. Никто не будет делать попыток причинить вам вред, пока вы будете оставаться под моей крышей. Это древний закон гостеприимства.

— Значит, вы не отошлете меня?

— Почему я должен вас отсылать?

— Я сделаю все, что смогу, мэтр Габриэль, но... я должна сказать прямо сейчас...

— Я знаю, что вы собираетесь мне сказать, — ответил он. — Что вы не собираетесь менять веру. Но это не мешает вам читать Библию. Открывайте ее каждый день — любая страница важна. Каждый раз, когда вы это делаете, вы находите ответ на любой вопрос. Когда вы будете читать, то вспомните о забытых землях и ваше сердце успокоится.

Он снова протянул ей Библию.

Южное солнце заливало светом двор. В центре двора росла пальма. Около стены стояла скамейки, рядом клумба с крупными цветами. В другом углу двора находился фонтан. Звук плещущей воды придавал двору экзотический вид. И весь этот дом был отгорожен от опасностей внешнего мира высокими стенами.

Анжелика собралась идти убирать стаканы, которые остались на столе.

— Мэтр Габриэль, мне неприятно снова беспокоить вас, но скажите, мадам Анна ответственна за ведение хозяйства? Это к ней я должна обращаться за приказаниями?

— Моя тетя никогда не была способна вести хозяйство, — заявил он. — Когда она начинает распоряжаться по дому, дела идут плохо.

— Тогда кто же все организует?

— А почему не вы? — сказал он. — Вы кажетесь мне способной женщиной. Все, чего я хочу, — чтобы была какая-то еда в горшках и не было бы пыли на мебели. Приходите ко мне за деньгами, когда нужно что-нибудь купить. Вот вам для начала.

Он протянул ей кошелек. Подобно многим мужчинам, он, очевидно, избегал домашних дел. Он задержал ее.

— Только будьте внимательны. Я должен получать детальные отчеты. Вы умеете писать и считать?

— Да, — ответила Анжелика.

Наступил вечер. Анжелика накормила всех домашних овощным супом с беконом, рыбой с салатом и яблочным пирогом. Все сияло. Она почистила медные кастрюли, вытерла красивую мебель, заставила улыбнуться маленького Лорье, рассказав ему сказку о Золушке. Хотя она устала, но чувствовала себя спокойно и поняла, что снова вернулась к жизни. Мысль, что она может попасть в западню короля, стала менее важной, чем уверенность, что мальчик хорошо спал ночью.

Анжелика несколько раз поднималась к нему на чердак. Она рассказывала ему сказки, чтобы успокоить его, но каждый раз поднимаясь и надеясь, что он спит, она заставляла его сидящим на матрасе и смотрящим на свое отражение в зеркале.

Когда в четвертый раз она застала его в такой позе, она не выдержала. Слишком долго ребенок спал урывками, вскакивая от грызни крыс, думая о вещах, которые не был способен понять. О псалмах, которые здесь пели, и о словах, которые произносили люди, глядя на него: «Этот ребенок стоил жизни своей матери».

Каждая ночь становилась для него бесконечной, когда он лежал здесь в знакомом окружении, не зная, почему так происходит, не зная теплоты других людей. Только когда начинало светать, он засыпал, но ненадолго, потому что тетя Анна будила всех в пять утра.

Анжелика открыла комод, достала две простыни и пошла в маленькую комнату, которую недавно заметила. Кажется, здесь никто не спал. Лорье

может хорошо спать в этой комнате. Кухня была рядом, кашель дяди Лазаруса будет напоминать, что кто-то есть поблизости, и он сможет слышать тиканье больших часов в гостиной.

Приготовив постель, она чуть приоткрыла красивые шелковые шторы. Это был датский шелк. Анжелика могла оценить ценность всего в доне, возможно, даже лучше самих хозяев.

Возвращаясь на кухню, она заметила, что дверь комнаты мэтра Габриэля открылась.

— Что вам здесь надо, мадам Анжелика? Я вам должен напомнить, что уже полночь.

Его вежливый тон не скрыл определенного раздражения. Когда мэтр Берне заканчивал свои подсчеты и шел в свою комнату, он любил, чтобы все в доме спали.

— Извините, мэтр Габриэль, я учту ваше замечание и постараюсь не нарушать порядок, но я хотела приготовить эту пустую комнату для маленького Лорье, которому неудобно на чердаке.

Она скорее почувствовала, чем увидела всплеск гнева в серых глазах купца.

— Эта комната не должна быть потревожена. Она принадлежала моей жене до того, как она умерла.

Анжелика повернулась к нему лицом. Он был явно расстроен, и она вежливо сказала:

— Я поняла. Но не могу найти другой комнаты, пригодной для мальчика.

Мэтр Габриэль, казалось, искал ответа на трудный вопрос.

— Почему вы хотите поместить его сюда?

— Его кровать на чердаке. Он боится там всего и не может спать. Я думаю, если поместить его сюда, он будет счастлив.

— Что за чушь! Он должен там привыкнуть. Я тоже спал на чердаке, когда был маленьким.

— И не боялись крыс?

— Да, боялся. Но привык к ним.

— Ну, а он не может привыкнуть. Каждую ночь он спит плохо, или очень мало, или совсем не спит. Это одна из причин, почему он такой худой.

— Он никогда не жаловался.

— Дети редко жалуются, особенно когда никто не обращает на них внимания, — холодно сказала Анжелика.

— Мальчик должен быть мужественным. Вы рассуждаете как

женщина.

— Не как женщина, а как мать... — сказала она, глядя ему в глаза.

— Я поклялся, что никто не будет здесь спать, моя жена испустила здесь последний вздох.

— Мэтр Габриэль, не думаете ли вы, что она сама была бы довольна, увидев ребенка здесь?

Купец вздохнул.

— О, не знаю... Вы переворачиваете весь дом. Я думал, мальчик спит со своим старшим братом. Но верно, чердак... Должен сказать, что воспоминания о нем у меня неприятные. Хорошо, делайте, как считаете нужным.

Анжелика хорошо знала дорогу и не нуждалась в свече. Она поднялась туда уже в пятый раз.

— Я перенесу тебя, — сказала она Лорье, который все еще сидел на матраце.

— Куда вы меня поместите?

— Туда, где тебе будет удобно. Около твоего отца.

Она аккуратно снесла его по лестнице. Лорье был поражен теплотой и близостью отца и так удивился, что не мог не говорить.

— Я буду здесь спать? Каждую ночь?

— Да, твой отец думает, что теперь тебе нужна большая кровать.

— О, спасибо, папа.

Анжелика пошла гасить свет. Когда она вернулась, мальчик уже спал. На его лице было выражение невинности.

Мэтр Габриэль стоял у изголовья кровати и следил за ребенком, погруженный в свои мысли. Анжелика наклонилась и осторожно накрыла мальчика, затем посмотрела на купца.

— Не сердитесь на меня. Я не могла видеть его несчастным.

— Не беспокойтесь, мадам Анжелика. Я думаю, что все хорошо. — И добавил после некоторого колебания: — И это еще не все. Вечером я осуждал себя, что не все сделал для вас. Я должен был дать вам часть платы авансом.

— Вы не обязаны, мэтр Габриэль. Я знаю, что служанка должна проработать месяц до получения своего жалованья.

— Но вы прибыли сюда абсолютно ни с чем. И в Библии сказано: «Ты не должен держать нанятых слуг в бедности и нужде. Вот что я решил вам дать».

Он протянул ей кошелек, который вытащил из кармана.

— Я никогда не забуду вашей доброты, мэтр Габриэль.

Когда она спустилась к себе, то начала понимать, что внезапное взаимопонимание, возникшее между нею и купцом, не случайно. Теперь она убедилась, что где-то встречала его прежде. Где? Когда? Когда это было, когда он склонялся над ней со спокойной открытой улыбкой, которая иногда оживляла его холодное лицо?

Глава 3

Долгое время ее беспокоила мысль, что она встречала мэтра Габриэля прежде, потом она забыла об этом.

Вечерами, когда тетя Анна и гости после молитвы расходились по своим комнатам, мэтр Габриэль позволял себе получить простое удовольствие, он поднимался в свою комнату, извлекал одну из датских папирос, старательно набивал табаком, потом спускался на кухню, чтобы прикурить.

После этого он прислонялся к дверному проему и следил полузакрытыми глазами за большой комнатой, куда входили и откуда уходили слуги, дети и две кошки. В такие вечера дети знали, что он в хорошем настроении, задавали ему вопросы и рассказывали о своих делах. Теперь Лорье тоже присоединялся к ним. Он изменился, взгляд стал резче, и он мог постоять за себя, когда Мартьяль делал саркастические замечания.

Однажды вечером, когда Анжелика посадила его на колени и легко провела рукой по волосам, она заметила, что купец смотрит на них сквозь сизый дым. Она решила определить его вопрос, который увидела в его глазах.

— Вы думаете, что я его балую? Но посмотрите, насколько он стал здоровее. Его щеки приобрели румянец. Дети нуждаются во внимании, мэтр Габриэль, также как цветы нуждаются в воде...

— Я не буду отрицать того, что вы говорите, мадам Анжелика. Я понял, что ваша забота сделала славного ребенка из маленького заморыша, на которого, я признаюсь, было неприятно смотреть. Я признаюсь в своей несправедливости. И я лучше сужу о хорошем коньяке или канадских мехах, чем о том, в чем нуждается ребенок. Что занимает меня, так это то, с какой любовью вы относитесь к нему и как мало внимания проявляете к своему собственному ребенку. Конечно, вы заботитесь о ней, но я никогда не видел, чтобы вы целовали ее или даже улыбались ей.

— Что? Это правда? — воскликнула Анжелика, покраснев до корней волос.

И она в смятении посмотрела на Онорину, которая сидела за столом перед тарелкой. Они оставили ее сидеть одну, потому что она медленно ела. С, некоторых пор она проводила часы за своей едой, глядя в пространство с ложкой в руке. Анжелика объясняла это плохим аппетитом. Могла ли она думать, что Онорина страдает от недостатка внимания? Что

за мысли бродили в ее головке? В глазах часто появлялся гнев, что расстраивало Анжелику. Она сама теряла терпение, а Онорина говорила:

— Мама плохая.

Тогда Анжелика укладывала ее в постель или передавала Ребекке. Она привязалась к Лорье, так как в нем видела своих маленьких мальчиков, своих настоящих детей. Онорина еще не стала для нее настоящей — дочерью.

«Мэтр Габриэль прав, — думала она. — Моя дочь... Я признала ее присутствие в своей жизни, но не могу заставить себя полюбить ее. Он просто не знает! Это значит просить меня о невозможной вещи. Если бы он знал, то понял...»

— Вы проявляете заботу о моем сыне, а я о вашей дочери, — сказал мэтр Габриэль, улыбаясь. — Я никогда не забуду, как она спала одна под деревом и как протянула ко мне свои ручонки, когда я разбудил ее.

Анжелика покраснела. Она, казалось, настолько расстроилась, что мэтр Габриэль ругал себя за свои слова. Он ушел, вероятно, вспомнив, что должен что-то сделать. Лорье пошел за ним. Каждый вечер мэтр Берне разрешал ему ходить среди товаров, хранящихся на складе.

Анжелика осталась с Онориной одна. У нее появилось чувство, что весь курс ее дальнейшей жизни будет зависеть от того, что она скажет или сделает. Было странно, что причиной этого была маленькая Онорина. Анжелика подумала о своей сестре Гортензии. Хотя она была безобразна, но всегда вела себя как принцесса. Онорина, сидящая на высоком стуле, вызвала это забытое воспоминание, Она так же держала голову. Онорина, будучи ребенком маленьким и худым, все же имела наследственные черты. Анжелика обнаружила, что эти воспоминания ей приятны. Ока протянула Онорине руки.

— Иди сюда!

Онорина очнулась от своих мыслей, задумчиво посмотрела на мать, потом рот ее растянулся до ушей в улыбке.

— Нет! — сказала она, прячась под стол.

— Иди сюда!

— Нет.

Анжелике пришлось идти за нею и извлекать из-под, стола, что оказалось довольно трудным делом.

Она возбужденно смотрела в лицо девочки.

— Ты красноволосая, но ты привлекательная... мое дитя! Нравится мне это или нет, но я произвела тебя на свет. И более того, ты здесь! Ты связана со мной тем ужасом, который я испытала, узнав, что ты внутри

меня. И тем не менее, мы — мать и дочь. О, моя любимая!

Анжелика прижалась губами к щеке ребенка. Запах девочки напомнил ей запах леса, по которому они скитались в течение этих необычных лет мятежа в Пуату. Несмотря на все трудности и беды этих лет, Онорина была здесь. Это она лежала на руках отца де Лесдигю, это она звала Анжелику в зимнем лесу и отвлекала ее от вида поляны с повешенными.

Анжелика очнулась от своих мыслей. Она была в кухне мэтра Габриэля в Ла Рошели и сидела перед гаснущим огнем с Онориной на руках, прижимая ребенка к себе.

— Жизнь моя!

Флюиды любви, так долго прокливаемые ею, прорвались сквозь панцирь ее ненависти.

— Я никогда не знала, что так сильно люблю тебя. И почему я не должна любить тебя?

Почему? Ее мозг искал причину, но не находил кроме того, что от ее прошлой жизни ничего не осталось. Весь мир теперь сосредоточился в круглом личике Онорины, ее дочери, ее счастливой улыбки при виде матери.

Как быстро все забывается!

Тело хранит воспоминания дольше. Анжелика иногда в ночном кошмаре слышала звук трубы барона Рамбурга и невольно чувствовала свои запястья и колени, распятые жестокими руками, прижимающими ее к земле.

Но когда она просыпалась, то могла видеть свет маяка, отражение которого плясало на противоположной стене. Онорина спала у нее под боком. Анжелика долго смотрела на нее и чувствовала успокоение от единственного сокровища, которое у нее осталось.

— Спи, дорогое сердечко, спи, мое дитя, моя жизнь... Твоя мать здесь. Не пугайся больше.

С того момента, как Северина узнала, что Анжелика была паписткой, она избегала ее с ужасом на лице.

— Эта девушка послана сюда шпионить за нами, я в этом уверена! — заявила она шепотом. Тетя Анна соглашалась с ней.

— Ты права, мое бедное дитя. Будем молиться, чтобы Бог спас нас от ее махинаций.

«Что за пара фанатиков!» — думала Анжелика.

Северина следила за ней, куда бы она не пошла. Она вела себя очень напряженно все время, именно поэтому Анжелика узнала, что женщины

испытывают к ней подозрения.

— Если бы ты была при Дворе, Северина, — заметила она однажды, — ты бы знала, что только плохо воспитанный человек становится на пути, как кукла, не двигаясь. Ты должна научиться двигаться грациозно.

— Двор это место проклятия, — сказала Северина, отворачиваясь.

Анжелика разразилась взрывом смеха. Девочка покраснела и в гневе удалилась.

Но у нее были свои слабости. Подобно всем девочкам ее возраста, она очень любила играть с младенцами и ей нравилось кормить Онорину, помогать ей одеваться, брать ее на руки.

— Оставь меня! Оставь меня! — кричала Онорина со свирепым взглядом.

Анжелика жалела Северину, которая уходила расстроенной. Но было трудно убедить Онорину получше относиться к девочке.

Онорина была очень придирчива в своих привязанностях. Она очень хорошо относилась к Лорье, мэтр Габриэль был предметом ее обожания. Пастор Бьюкар продолжал ощущать ее привязанность. Но ее идолом был Мартьяль. Он носил ее маленькую коробочку, содержащую все ее сокровища — пуговицы, осколки стекла, камешки и куриные перья. Когда Анжелика видела ее с этим ящичком, она вспоминала небольшую шкатулку с материнскими изумрудами, в которой хранила сувениры, собранные в течение своей бурной жизни.

Отношение Онорины к женщинам было более избирательным. Ребекка и все женщины пожилого возраста вызывали у нее улыбку, к женщинам среднего возраста она относилась нейтрально. Все менялось, когда дело касалось молодых девушек. Онорина их не терпела и однажды чуть не выцарапала глаза трехлетней Рут, дочери мэтра Каррера, адвоката.

Она часто издавала странный крик, который Анжелика начала замечать. Это означало, что Онорина хочет видеть море. На берегу весь мир исчезал для нее, кроме волн. Анжелика следовала за ней по берегу и обменивалась несколькими словами с часовыми.

За валом море закрывало высокое скалистое пространство с островками чистой воды между скалами. Здесь бродили мальчишки, среди которых часто находился Мартьяль. Он бродил там чаще, чем необходимо, забывая про уроки. Мартьяль основательно побаивался своего отца. Он хорошо учился, но предпочитал бродить с друзьями, среди которых были два старших сына адвоката, Жан и Томас, и Жозеф, сын доктора.

Мэтр Габриэль очень печалился, что парень нарушает дисциплину в школе. Поэтому он решил послать старшего сына в Голландию. Там он, по

крайней мере, научится, как вести дела.

Анжелика переживала при мысли об этом отъезде. Мартьяль во многом напоминал ей Флоримона. Скрывая свои чувства за беззаботной улыбкой, он обнаружил, что мир, в котором он живет, не принадлежит ему больше. Это ужасное открытие заставило Флоримона оставить мать и искать такой уголок на земле, где он сам, без помощи родителей, смог бы чего-нибудь достигнуть.

Мартьяль также однажды убежит, как многие молодые люди, которые связаны слепотой своих родителей.

Они сидели в тот день наверху скалы. И были так увлечены, что не слышали, как Анжелика подошла к ним. Ветер раздувал их длинные волосы. Мартьяль читал хорошо поставленным голосом:

— На американских островах никогда не бывает холодно. Лед там неизвестен и это похоже на чудо, если его там увидеть. Там нет четырех времен года, как в Европе, а только два. В течение одного из них, с апреля до ноября, обычно идут дожди, другое засушливо. Тем не менее, земля постоянно зелена и почти всегда покрыта цветами и фруктами.

— А вино они покупают здесь? — сказал парень с волосами соломенного цвета. — Что за польза нам ехать в страну, в которой нет вина?

— Там есть вино, — с триумфом сказал Мартьяль. — Послушайте, что написано дальше. «Виноград очень хорошо растет на этих островах, и кроме диких сортов винограда, которые имеют огромные гроздья, во многих местах культивируются сорта винограда, подобные французским, только урожай здесь собирается два раза в год».

Урок географии продолжился описанием хлебного дерева и кокосовых орехов, содержащих очень вкусное молоко.

— И какого цвета кожа у людей на этих островах? Они краснокожие и расцветивают свои тела, как это делается в Новой Франции?

Мартьяль просмотрел страницы небольшой книги и сказал, что не нашел об этом никакой информации, и тут все повернулись к Анжелике, которая сидела около них с Онориной на коленях.

— Вы знаете, какого цвета жители этих островов, мадам Анжелика?

— Я думаю, черные, — ответила Анжелика, — так как туда завозятся рабы из Африки уже долгое время.

— Но жители Карибских островов не черные, — возразил Томас Каррера, любивший слушать моряков в порту.

Мартьяль прервал спор:

— Мы спросим пастора Рошфора, когда увидим.

— Вы говорите, пастора Рошфора? Знаменитого путешественника, который написал книгу об американских островах?

— Ее я и читаю своим друзьям. Посмотрите!

Он показал ей новенькую книгу и добавил, понизив голос:

— У кого найдут эту книгу, тот рискует штрафом в пятьдесят монет и может попасть в тюрьму, потому что эта книга вызывает желание уехать. Мы должны быть осторожны.

Анжелика просмотрела книгу с наивными иллюстрациями, изображающими деревья и животных тех далеких земель.

Перед ее глазами из прошлого возникла картина посещения Монтелу пастором Рошфором, когда ей было около десяти лет.

Этот темный, военного вида всадник завернул к ним в бурю, подобную концу света. Он рассказывал о незнакомых и странных вещах, о краснокожих людях с перьями в волосах, о девственных лесах с доисторическими животными.

Но в то время — это было более двадцати лет назад — она не испытывала странного чувства от его внешности и экзотических вещей, о которых он рассказывал. Он пришел, как посланник судьбы, зовущий вдаль.

Ее старший брат Жозе услышал этот зов, пришедший с другого конца света, и оставил семью и родину, и никто не знал, что с ним случилось.

— Но пастор Рошфор, должно быть, уже умер? — сказала она.

— О, нет. Он очень стар, но еще путешествует. — Мальчик продолжал более спокойно: — В настоящий момент он в Ла Рошели. Никто не должен знать, где он прячется, ибо он будет немедленно арестован. Вы хотели бы повидать его, мадам Анжелика?

И когда она кивнула, он сунул ей что-то в руку. Это был грубо сделанный диск, на котором был изображен крест.

— С этим знаком вы сможете пройти на собрание, которое состоится около кургана в Жовексе, — объяснил Мартьяль. — Там вы увидите и услышите пастора Рошфора. Он будет выступать, для этого и проводится собрание. Там будет более десяти тысяч человек...

Глава 4

Юноша преувеличивал, когда сказал, что на собрании будет десять тысяч человек.

Многие остались дома из-за страха и сухого ветра, который дул из пустыни. Когда Анжелика пришла туда, там было несколько тысяч человек.

Они выбрали для сбора соляные копи, так как это было заброшенное место, отгороженное двумя скалами и незаметное с дороги, ведущей, к Ла Рошели. Шум моря заглушался звучащими голосами.

Мартьяль настоял, что будет сопровождать Анжелику, гордый тем, что «завербовал» ее. Она приехала с ним в телеге местного пекаря, сын которого Анастасиус был другом Мартьяля. Тетя Анна и Северина, которые приехали на другой телеге с торговцем бумагой, его женой и дочерью, бросили тревожный взгляд, заметив «папистку». Они подошли к мэтру Габриэлю, который приехал верхом на лошади, и стали ему говорить, как опасно ее присутствие здесь. Купец пожал плечами. Толпа сдвинулась и они исчезли из виду.

Все эти преследуемые люди были одеты в темные одежды. Один из крупнейших судовладельцев Ла Рошели Маниголь чувствовал себя весьма неловко в цветном вельветовом костюме. Он держал за руку своего сына Джереми. За ним шел слуга негр Сирики, которым он очень гордился.

Господин Каррера, адвокат, был здесь со своей семьей. По шпагам можно было узнать нескольких дворян. Они стояли отдельной группой и беседовали.

— Дорогу! Дорогу для госпожи Роше!

Несколько лакеев внесли кресло в передний ряд, и старая дама прошла на свое место, опираясь на палку.

Теперь пространство было заполнено, но все совершалось в образцовом порядке. Многие сидели прямо на земле. Более состоятельные принесли с собой подстилки. В стороне стояли лошади, мулы и ослы, охраняемые мальчишками, которые хотели быть полезными. Эти же мальчишки были и дозорными, чтобы предупредить собравшихся, если появятся драгуны короля.

В воздухе раздался гимн и был подхвачен всей толпой.

Три человека, одетые в черное, в больших круглых шляпах, вышли в центр, где стояли столы. Одним был пастор Бьюкар. Анжелика

внимательно смотрела на старшего в этой группе. Несмотря на седые волосы, она узнала «человека в черном», легендарного путешественника из ее детства. Его удивительная жизнь с опасностями, которые он встречал в своих путешествиях, сохранили его тело очень прямым.

Третий пастор был толст и краснолиц, с очень острым взглядом. Он заговорил первым — сильным голосом, который был хорошо всем слышен.

— Братья мои, с большой радостью я снова поднимаю свой голос среди вас. Моя личность не важна, я только слуга Бога, но я выполняю важную задачу...

Из его слов Анжелика гоняла, что это пастор Тавени, который возглавляет церковный совет протестантов в Ла Рошели. Он только недавно был освобожден из тюрьмы, где пробыл шесть месяцев.

— Некоторые из вас приходят ко мне и спрашивают: «Почему мы не беремся за оружие, как это делали наши деды»? Этот вопрос многие из вас задают себе, призывая к ненависти, которая не всегда мудра. Я выскажу вам свое мнение: я не сторонник жестокости. Я помню героизм наших отцов, которые перенесли ужасы осады 1628 года, но разве они стали сильнее? Вовсе нет! К концу осады в Ла Рошели почти не осталось гугенотов, и наши ряды поубавились с тех пор.

Пастор Тавени говорил долго. Он призывал надеяться на национальный синод, который соберется в следующем году. Он примет обращение, которое вручат королю. В конце он призвал к спокойствию и сел.

Старая герцогиня де Роше несколько раз проявляла нетерпение в течение этого долгого выступления. Она стучала палкой о землю и вертела головой. Но она понимала, что слишком стара, чтобы быть главой мятежа, поэтому она тяжело вздыхала и сдерживала себя.

Среди толпы рос ропот. Поднялся крестьянин, держа обеими руками шляпу.

— Я из Жаранса. Королевские драгуны пришли в нашу деревню и предали нашу церковь огню. Они забрали мои окорока и хлеб, моих двух коров, осла и мою жену. Поэтому временами я думаю, что если бы я взял топор и убил некоторых из них, то чувствовал бы себя сейчас намного лучше!

Несчастный крестьянин осмотрелся по сторонам в поисках понимания.

— Моя жена, они тащили ее по дороге за волосы... то, что они сделали с ней, я не забуду никогда. Потом они сбросили ее со скалы.

Его голос замер, сдавливаемый спазмами.

Заговорил пастор Рошфор. Он напомнил об исходе евреев из Египта. Они достигли земли Ханаанской. Они достигли бы ее раньше, если бы не колебались.

— Братья мои, поняли ли вы значение этой легенды? Если бы евреи остались в Египте, они закончили бы тем, что стали молиться богам Египта. Эта опасность угрожает и нам. Вы недавно спрашивали, не надо ли братья за оружие в свою защиту. Я предлагаю другую возможность: уезжайте! Новые девственные земли ждут вас. Там ваши души будут свободны, и вы будете жить в почете...

Его слова потонули в шуме толпы, ознаменовавшем конец собрания. Предложение пастора Рошфора не вызвало большого интереса.

Собрание закончилось голосованием. Какой же путь должны выбрать ларошельцы в будущем? Голосование проводил пастор Тавени.

— Кто за вооруженное сопротивление?

Никто не откликнулся.

— Кто хочет уехать?

— Я! Я! — закричала группа юношей, сидящих в переднем ряду.

— Я! — закричал Мартьяль, сидящий у ног Анжелики.

Протесты их родителей заглушили крики парней.

— Господин пастор, — сказал Мартьяль, поворачиваясь к знаменитому путешественнику. — Вы оказали нам большую честь, придя поговорить с нами, но пусть вас не удивляет, что так мало людей согласны эмигрировать. — Он приложил руку к сердцу. — Ла Рошель — наша цитадель. Город, основанный нашими предками, за который они умирали. Никто из нас не может его оставить.

— Неужели лучше покориться? — закричал старый пастор дрожащим голосом.

— Об этом нет и речи. Ла Рошель принадлежит гугенотам и всегда будет им принадлежать. Нельзя изменить душу города.

Раздались аплодисменты.

— Что они могут с нами сделать? — говорили люди. — У нас есть деньги! Да, это очевидно, без нас все замрет здесь.

Анжелика смотрела на серый океан, плещущийся среди песчаных дюн.

В нескольких метрах от нее пастор Рошфор тоже смотрел на океан. Она слышала его бормотание.

— У них есть глаза, но они не видят. У них есть уши, но они не слышат.

Страх, который на некоторое время покинул сердце Анжелики,

вернулся.

«Я должна уходить». Берег был небезопасен. Если бы она была одна, она могла бы рисковать, но у нее есть Онорина. Мысль о том, что королевские драгуны могут когда-нибудь добраться до Онорины и со смехом бросить ее на пики, привела мать в ужас.

Она быстро пошла по дороге, обратно к дочери...

Начался дождь. Ее нагнал всадник и повернулся в седле. Это был мэтр Габриэль.

— Хотите поехать со мной, госпожа Анжелика?

— Нет, — услышала она свой голос. — Я только ваша служанка, мэтр Габриэль. Люди будут говорить...

— Верно, мы здесь не на окраине Парижа, не на Шаратонской дороге.

Пелена была сброшена. Перед ней был Ла Полак. Ее ноги приросли к месту.

Как и сейчас, тогда ее сердце было полно страха за ребенка: был похищен Кантор. За ними на лошадях погнались несколько мужчин, и с одним из них она возвращалась в Париж. Это был молодой протестант, отец которого был купцом в Ла Рошели.

— Теперь вы узнали меня? — спросил купец.

— Да, вы всадник, который пришел мне на помощь в один из зимних вечеров много лет назад.

Она стояла под дождем и перед ее глазами встали две картины, которые разделяли двенадцать лет. Они были так похожи, и между ними стояли богатство и почет при французском Дворе.

«Значит, — сказала она себе, — тебе пришлось дважды пройти этот путь, чтобы понять, что для тебя нет места в этой стране, что ты должна уехать... уехать за моря».

Она с радостью подумала: «К счастью, он знает меня только в несчастье».

Он должен помнить ее как бедную нищенку с окраины, и он снова нашел ее среди разбойников. Две встречи с ней вряд ли могли вызвать к женщине доверие. Теплота, которую он проявил к ней, пригласив под свой кров, была еще более поразительна.

— Почему вы сделали это? — вымолвила она. — Я имею в виду, откуда у вас появилось ко мне такое доверие, что вы открыли свои двери для меня?

Он понял ее мысли.

— Я поверил в важность определенных деталей, — ответил он. — Лицо, которое я увидел однажды в зимний вечер, это лицо поразило меня

и, когда прошли годы, я понял, что это больше, чем простое воспоминание, что эта встреча была своего рода предупреждением — знаком судьбы. Его эхо умерло вдали, но что-то случилось, и я вспомнил об этом предупреждении. Когда я узнал вас во время того нападения, я понял, что судьба организовала нашу встречу. Я почувствовал, что мой долг сделать все, чтобы выволить вас из тюрьмы, пока не было слишком поздно. Я воспользовался отсутствием судьи-католика...

— Думаю, я поняла, — сказала Анжелика. — Когда-нибудь я спасу вас, вас и вашу семью, как вы спасли меня...

Глава 5

Кто-то тронул ее за плечо и сказал:

— Француженка.

Анжелика обернулась. Мужчина остановился и смотрел на нее с открытым ртом. Он был одет в богатый костюм и ботинки с красными носками.

— Француженка! — повторил он. — Француженка с зелеными глазами!

Анжелике хотелось убежать и одновременно ей хотелось узнать побольше. Импульсивно она подошла ближе. Мужчина напоминал испуганного скворца.

— Ошибки быть не может. Это вы. Но... разве вы не были маркизой? А потом в Кандии все говорили, что вы были... и я думал, что вы были... Я видел объявления с вашими приметами. Что за дьявол! Что вы делаете здесь в таком виде?

Теперь она узнала его, особенно, по согнутой спине.

— Господин Рочат. Вы ли это? Значит, вы решились оставить левантийские колонии, как хотели сделать?

— А вы сбежали от Муль Исмаила? Были слухи, что он замучил вас до смерти.

— Нет, как видите, я здесь.

— Я рад этому.

— Я тоже. О, дорогой господин Рочат, что за удовольствие видеть вас снова.

— Я разделяю это удовольствие, моя дорогая госпожа.

Они энергично пожали друг другу руки. Никогда Анжелика не думала, что ей будет так приятно снова увидеть этого маленького колониального чиновника.

Рочат, дав выход своим чувствам, воскликнул:

— Ах! Наконец! Кто-то говорил мне, что в этих северных портах нет ни души, ни цвета. Я абсолютно доволен. — Он снова пожал ей руку, потом его лицо нахмурилось. — Но... вы не маркиза?

— Ш-ш-ш! — сказала она. — Давайте найдем место, где мы сможем поговорить, и я все вам объясню, — прошептала Анжелика.

Рочат сделал гримасу и сказал, что знает место в Ла Рошели, где можно выпить настоящий турецкий кофе. Конечно, это была таверна

«Новая Франция», где им подали кофе. В нем не было ничего общего с кофе эфиопских плантаций, который они пили на Востоке. Тем не менее, они сидели в таверне, которая к счастью была пуста в этот час. Сидя в углу, у окна, Рочат не стал пить этот кофе.

— Честно говоря, я не рекомендую вам его. Это смесь воды с зернами, и это они называют кофе.

Они стали пить местное шаратонское вино, известное в этой части страны. Хозяин поставил перед ними блюдо с дарами моря.

— Это единственная стоящая вещь в этом месте, — заметил Рочат. — Как удивительно все! Где галеры с Мальты, банды христианских пиратов, маленькие ослики с корзинами апельсинов, и Симон Дансат с красной бородой!

— Разве вы не говорили, что похоронили себя заживо на Востоке? Вы же не думали ни о чем больше, как о возвращении в Старый Свет.

— Верно. Я молил землю и небо вернуть меня во Францию, а теперь снова молю землю и небо, чтобы вернуться обратно на Восток. Париж! Какая скука! Около Старой Башни есть небольшая таверна, где можно получить настоящий кофе и где можно встретить несколько мальтийских рыцарей и турок. Я послан сюда, чтобы нарушить монополию протестантов в деле страхования. Я использовал возможность, пока находился здесь, поговорить с несколькими купцами. Эти люди из Ла Рошели везде имеют связи. Один из них снова отправляет меня на Крит. Я уезжаю в четверг.

— А что с королевской службой?

Жест Рочата был обреченным.

— Ну, что можно сделать! Приходит время, когда человек начинает понимать, что служа государству, он морально опускается. Я всегда имел склонность к торговле. Когда я зарабатываю деньги, я чувствую себя лучше. Заработаю побольше, увезу семью...

Анжелика была рада, что он уезжает. Она могла говорить более открыто.

— Господин, вы должны обещать, что никогда не расскажете того, что я вам открою.

Она подтвердила, что она действительно маркиза дю Плесси. Когда она вернулась во Францию, то скрестила шпагу с королем, который был сердит на нее за нарушение его приказа остаться в Париже. Она попала в беду, осталась без су в кармане и вынуждена вести скромную жизнь.

— Какой стыд! Какой стыд! — сказал Рочат. — На Востоке вам не дали бы пасть так низко. — Внезапно он наклонился вперед. — Вы знаете,

он покинул Средиземное море?

— Кто?

— Этого можно было бы и не спрашивать. Рескатор, конечно! — И так как она не отреагировала на его слова, он повторил с определенным нажимом: — Рескатор! Пират в маске, который купил вас за тридцать пять тысяч пиастров как рабыню на Крите. Можно подумать, что вы забыли все, что с вами случилось!

Румянец снова вернулся ей на лицо. Как глупо так реагировать на одно лишь имя!

— Он покинул Средиземное море? — спросила она. — А ведь он там был самым сильным человеком. Кто-нибудь знает, почему он это сделал?

— Люди говорят, что из-за вас.

— Из-за меня? — Она почувствовала смущение снова, и ее сердце забилось быстрее. — Разве он считает, что выглядит глупцом из-за моего побега, и не может больше выносить насмешек своих приятелей-пиратов?

— Нет, не это. Хотя с момента, когда он узнал о вашем побеге, он был очень жесток со своей марокканской стражей. Он чуть не повесил их всех. Но, в конце концов, он отослал их обратно к Муль Исмаилу, сказав, что они просто не способные ни на что собаки. Думаю, что этих дьяволов повесили. Вы можете гордиться количеством крови и слез, пролитых из-за вас на Востоке, мадам. И наконец вы здесь в Ла Рошели!

— Но почему из-за меня? — снова спросила Анжелика.

— Это связано с Меццо-Морте, его злейшим врагом. Вы помните Меццо-Морте, адмирала Алжира?

— Лучше бы мне его забыть, раз он тоже держал меня в неволе.

— Ну, Меццо-Морте заявил, что из-за вас он должен освободить Средиземное море от Рескатора. Он послал посыльного на Крит. Но прежде я должен рассказать вам кое-что еще. Вскоре после вашего побега, через два или три дня, Рескатор послал за мной.

— За вами?

— Да, за мной. Разве я такая уж жалкая фигура, что не могу иметь дело с важными принцами пиратов? Я уже имел счастье видеть его величество, спасая вас. Это был один из самых веселых людей, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться, но должен признаться, что на этот раз его настроение было очень мрачным. Достаточно плохо себя чувствуешь, когда видишь перед собой маску и свирепый взгляд через два отверстия в ней. Он принимал меня в своем дворце в Милосе. Что за удивительный дом, полный редких вещей! Херес был великолепен, когда мы сидели у огня, так как был ужасный шторм в то время. Ни один корабль

не выходил в море. Рескатор слышал, что я вас знаю. Он задавал мне много вопросов о вас...

— Обо мне?

— О ком же еще? Если мужчина платит тридцать пять тысяч пиастров за рабыню, он не может веселиться, когда она от него сбегает! Я сказал ему все, что знал о вас, что вы были благородной французской дамой по рождению, фавориткой Людовика XIV, очень богатой, и о том, что я обнаружил вас в руках де Скренвиля, который был моим студентом в школе восточных языков в Константинополе. В конце я даже сказал ему, что молил небеса и землю, чтоб вас купили рыцари Мальты. Вы должны согласиться, что я сделал все, что мог, дорогая моя! Более того, получив пятьсот ливров, которые вы послали мне с Мальты, мы на Крите знали, что вы не погибли во время шторма, как все считали.

Рочат выпил немного вина.

— Хм! Полагаю, вы не будете сердиться на меня за то, что я посчитал правильным рассказать об этом Рескатору. Он человек, перед которым я имею определенные обязательства... Деньги для него ничто. И в конце концов, он был вашим хозяином, и справедливо дать возможность хозяину получить свою собственность обратно. Почему вы улыбаетесь? Вы считаете меня более восточным человеком, чем я на самом деле? Так или иначе, я все рассказал ему. Но когда он собирался послать корабль на Мальту, прибыло послание от Меццо-Морте... Почему вы так внезапно расстроились?

— Если бы вы знали Меццо-Морте и его репутацию, то должны бы были предположить, что у меня не было причин вспоминать его с удовольствием, — ответила Анжелика.

— Таким образом Рескатор уехал в Алжир. Мы никогда не слышали, что там случилось. Просочились только незначительные детали. Как будто Меццо-Морте предпринял своего рода шантаж: или Рескатор никогда не узнает, что случилось с вами, или Меццо-Морте сообщит ему, где вы прячетесь, взамен на обещание никогда не плавать по Средиземному морю. Многие считали, что это безумие — громадную власть и богатство Рескатор отдает за обыкновенную рабыню, как бы красива она ни была. Но Меццо-Морте знал, на что идет.

— Он согласился? — выдохнула Анжелика.

— Да!

Бывший колониальный чиновник посмотрел вдаль мечтательным взглядом.

— Чистое безумие. Никто этого не понял. Мы только предполагали,

что вы обожгли его любовью. Кто знает?

Анжелика слушала, затаив дыхание.

— А потом?

— Потом? Что еще можно сказать? Без сомнения, Меццо-Морте проинформировал его, что продал вас султану Марокко, и Рескатор узнал, что тот замучил вас до смерти. Другие говорили, что вы сбежали, но умерли где-то по дороге. Теперь я вижу, что слухи были неверны, раз вы живы! И вы находитесь во Франции! — Его глаза сверкали, — Какой изумительный рассказ я передам, когда приеду в Кандию. Никто не мог предположить, что рассказ будет таким. Женщина сбегает из гарема Муль Исмаила, рабыня достигает христианских берегов после побега. Я единственный человек, который был свидетелем этого. Я видел вас!

— Но, господин Рочат, разве вы не клялись в сохранении тайны?

Он помрачнел на секунду, потом сказал, что не будет упоминать Ла Рошели и никаких имен.

— Итак, — заключил он, — Рескатор покинул Средиземное море. Хотя он и не сумел вернуть вас, он держит слово, данное Меццо-Морте. Честь встречается даже среди воров. Но прежде чем уехать, он вызвал Меццо-Морте на дуэль. Адмирал вынужден был спрятаться в центре Сахары, чтобы отсидеться, пока противник не отступит, пока Рескатор не пройдет мимо Гибралтарских столбов. Он ушел в Атлантический океан и никто не знает, что с ним стало.

Анжелика встала.

— Господин Рочат, я должна вас покинуть. Могу я быть уверена, что вы не предадите меня, не будете говорить о нашей встрече никому, по крайней мере, пока вы во Франции и в Ла Рошели?

— Даю вам слово, — обещал он. — Во всяком случае, с кем я здесь могу говорить? Люди здесь холодны, как лед...

Он поцеловал ей руку. Он не был больше чиновником. Новая жизнь открывалась перед ним.

— Милая пленница с зелеными глазами, пусть Бог держит вас в стороне от печальной судьбы. Знаете, что я желаю вам? Я желаю, чтобы Рескатор бросил якорь в Ла Рошели и снова захватил вас.

Анжелика могла поцеловать его за эти слова, но запротестовала.

— Избави Боже! Боюсь, что он может потребовать слишком высокую плату за те беды, которые я ему принесла. Он должен ругать меня до сих пор.

Она пошла домой короткой дорогой, вдоль вала. Они могут удивиться,

что ее так долго нет. Еще не был сварен суп для ужина. Солнце уже почти зашло, и ее руки замерзли, так как она вышла без плаща. Море казалось серым, волны медленно наплывали на берег.

Анжелика смотрела в сторону горизонта. «Он отплыл в Атлантику».

Не безумна ли она, мечтая, как молодая девушка, ожидающая таинственного принца из-за моря, который все для нее сделает?

Она напомнила себе, что была женщиной без иллюзий, знающей, что такое жизнь. Она была ранена открытием о жестокости мужчин.

Но женское воображение никогда не останавливается — до самой смерти. Ее любовь ко всему, что удивительно и странно, умрет только тогда, когда умрет она сама.

«Магическая легенда, поразившая меня», — подумала Анжелика.

Она так задумалась, что наткнулась на солдата, который преградил ей путь. Это был Ансельм Камюзо.

— Вы на моей территории, мадам, и должны меня поцеловать.

— Пожалуйста, господин Камюзо, — произнесла Анжелика тихо, но твердо.

— Когда королева говорит «пожалуйста», что может сделать бедный солдат, кроме как уступить дорогу?

Он отступил в сторону и дал ей пройти. Опершись на алебарду, он смотрел ей вслед.

Глава 6

Однажды утром дядя Лазарус был найден мертвым с умиротворенным выражением на лице. Мадам Анна и Абигайль уложили его на белые простыни. Уже прибыл пастор Бьюкар со своим племянником. Явился купец, торгующий бумагой. Начали собираться соседи.

Вскоре раздался звонок у ворот. Анжелика спустилась во двор и впустила мужчину в черной одежде, представившегося как господин Бомар, президент королевского комитета по религии и помощник господина Николаса де Бордагне.

Анжелика слышала об этом господине. Она прикусила губу и не была удивлена, увидев его в сопровождении четырех вооруженных людей.

С горестным выражением лица, соответствующим обстановке, Бомар стал подниматься по ступенькам, сопровождаемый помощником и одним из солдат.

При их прибытии стоявшие на коленях вокруг умершего встали.

Господин Бомар развернул листок и начал читать резким голосом:

— Так как господин Берне Лазарус после беседы шестнадцатого мая снова впал в ересь и отказался принять причастие, являя собой опасный пример, то он объявлен преступником. В наказание его труп палач протащит по всем улицам города, а потом сбросит на городскую свалку. Его имущество в сумме трех тысяч ливров будет изъято в казну короля и сто ливров будет израсходовано на нужды узников тюрьмы.

Мэтр Габриэль прервал Бомара. Он был очень бледен. Он встал между Бомаром и кроватью, на которой лежал покойник, единственный, сохранивший выражение иронии на лице.

— Господин де Бордагне не мог принять такого решения. Он сам был, свидетелем отказа моего дяди, и я предлагаю пойти и позвать его.

Бомар свернул листок с гримасой на лице.

— Как хотите, — сказал он, очень уверенный в себе. — Идите и зовите его! Но я останусь здесь. У меня достаточно времени. А он выполняет важную, миссию, заставившую его выехать из города.

Мэтр Габриэль перебил его.

— Кто хочет пойти и привести господина де Бордагне? — спросил он.

— Я останусь здесь с моими людьми, — сказал Бомар с саркастической улыбкой.

— Тогда пойду я, — сказала Анжелика.

Она уже набросила на плечи плащ и побежала к лестнице.

— Доброй вам ночи! — съехидничал Бомар.

Анжелика шла через город очень быстро. Когда она подошла к дому Бордагне, ей сказали, что он в суде. Она направилась туда и после долгих бесплодных расспросов узнала, что он пошел навестить больного судовладельца Маниголя.

Анжелика бросилась туда. Она не могла не думать, о том, что происходит в доме во время ее отсутствия. Что значил сарказм Бомара?! И она оставила там Онорину! Что за риск! Она уже видела себя стоящей у пустого дома, а всех его обитателей — в тюрьме или Бог знает где...

Она была полумертва от возбуждения, когда добралась до дома Маниголя.

Господин де Бордагне обедал с семьей Маниголя, сидя под портретами всей династии судовладельца Ла Рошели. В комнате стоял аппетитный запах жидкого шоколада, который раб Сирики наливал из кувшина. Гора экзотических фруктов, ананасов и грейпфрутов, смешивалась с виноградом. Анжелика не стала разглядывать эту красоту, а сразу же обратилась к королевскому лейтенанту.

— Господин лейтенант, прошу вас, пойдите побыстрее. Мэтр Габриэль хочет, чтобы вы пришли к нему. Вы его единственная надежда.

Господин де Бордагне вежливо встал, важный от своего значения. Анжелика раздурманилась от бега, ее глаза сверкали, грудь часто поднималась под одеждой. Ее тревога, ее возбуждение, изумрудные прекрасные глаза вряд ли могли не тронуть любого мужчину, имеющего слабость к прекрасному полу. И Николас де Бордагне, без сомнения, принадлежал к этой категории.

— Мадам, успокойтесь и объясните мне все. Не бойтесь. Я не знаю вас, но тем не менее, выслушаю ваш рассказ с максимально возможным вниманием и благожелательностью.

Анжелика, поняв, как невежлива она была по отношению к господину Маниголю и его жене, принесла им извинения. Потом в нескольких словах рассказала, что происходит в доме мэтра Габриэля. Она задержала дыхание и заплакала.

— Ну, ну, успокойтесь! — повторил господин де Бордагне. — Почему женщина дошла до такого отчаяния? — сказал он, обращаясь к Маниголю. — Не из-за чего поднимать такой шум!

— Это свойственно господину Берне, втянуть себя в неприятности, — заметила мадам Маниголь кислым тоном.

— Но, моя дорогая Сара, он не может позволить им тащить своего

дядю по улицам, — возразил судовладелец.

Она всплеснула руками.

— Девушки, одевайтесь в черное и оденьте Джереми в черный костюм. Мы должны пойти в ложу бедного Лазаруса и молитвой проводить его в последний путь.

— Да, ты права. Никто мне не сказал, что он умер, — расстроено заметил Маниголь.

— Я пойду вперед, — сказал господин де Бордагне. — Дама так торопилась, что нельзя заставлять ждать ее дольше.

Он подсадил Анжелику в свою карету, стоящую в ожидании с двумя солдатами охраны.

— О, я надеюсь, мы приедем не слишком поздно, — прошептала Анжелика. — Велите им ехать быстрее.

— Мое дорогое дитя, как вы возбуждены! Я, не колеблясь, могу утверждать, что вы не уроженка Ла Рошели.

— Нет, а откуда вы знаете?

— Потому что вы не привыкли к таким вещам, которые часто случаются в нашем городе. Я иногда делаю поблажки людям. Тс, кто слишком привержен к своим дьявольским путям, должны быть наказаны. Но я должен признать, что хотя Лазарус Берне и вел себя глупо восемьдесят лет, он не совершил непростительного греха, отрицая истинную веру...

— Вы не позволите тащить его по грязи?

Королевский лейтенант начал смеяться, показав под усами ряд сильных белых зубов.

— И вы отзовете Бомара?

Его лицо немного нахмурилось.

— Я не всегда согласен с ним в методах... Однако, простите меня, это очень странно, но у меня такое чувство, что я видел вас прежде, но забыл вайе имя.

— Я служанка мэтра Габриэля.

Внезапно он вспомнил.

— Да, это так! Я видел вас у мэтра Берне, когда капуцин приходил обращать бедного Лазаруса, когда он был на пороге смерти. Мэтр Габриэль только что прибыл домой и вы были с ним... — Он добавил: — У вас был ребенок, который по закону должен быть приведен в католическую веру.

— Я помню ваши слова, что моя дочь, возможно, незаконная, — сказала Анжелика. Она решила, чтобы избежать дальнейших расспросов, выложить карты на стол. — Ну, это верно.

Господин де Бордагне подскочил от такой откровенности.

— Простите меня, если я задел вас, но этой мой трудный долг в этом городе. Я должен знать вероисповедание каждого жителя.

— Вам нет нужды беспокоиться об этом, так как моя дочь уже католичка, как и я сама!

Господин де Бордагне как раз говорил себе, что эта молодая женщина должна быть обращена в католическую веру.

— Это все объясняет — я это подозревал. Но почему вы работаете у людей той веры? Это очень серьезное дело.

Анжелика уже подумала об ответе. Идея пришла ей в голову из-за замечаний Северины.

— Господин лейтенант, — сказала она, опустив глаза, — моя жизнь не всегда была образцовой, как вы уже могли понять из моего признания. Но мне повезло приехать к очень религиозной даме, чье имя я не хочу называть, но которая живет здесь, и она дала мне понять, что я должна искупить свой грех, и подсказала, как это сделать. Так я пошла служить в семью Берне, чьего обращения в католичество надеюсь добиться.

— Вы можете рассчитывать на меня.

Он стал перебирать в уме, какая дама могла послать девушку в качестве шпионки в дом Берне. Может быть, мадам де Бертвиль? Или мадам де Арменти? Но это хранилось в тайне.

Анжелика выглянула в окно. Вид вала вызвал у нее страх.

— За это время люди могут убить друг друга. А я оставила там свою дочь...

— Ну, ну, не драматизируйте обстановку!

Она обрадовалась, когда они оказались у ворот дома. Мужчина поклялся, что будет всегда оказывать ей защиту. Он вежливо помог ей выйти из кареты. Теперь он знал, что она была служанкой, которую он вряд ли склонит к благосклонности. Более того, он не должен встречаться с женщиной, которая ела хлеб в протестантском доме, чье упрямство он надеялся когда-нибудь сломить.

Один взгляд на это очаровательное создание сказал ему, что грех, в котором она созналась, он готов простить.

Когда они вошли во двор, он взял ее за руку. Анжелика почти не заметила этого. Во всяком случае, она нуждалась в поддержке, так как нош с трудом несли ее.

— Все будет в порядке, — сказал лейтенант.

В вестибюле нижнего этажа находились четыре солдата, палач и господин Бомар, которые пили вино, поданное старой Ребеккой. Бомар

стоял немного в стороне от остальных: люди его звания не должны компрометировать себя общением с обыкновенными солдатами.

Он встал, когда увидел своего начальника, поклонился ему, но не выказал других признаков подобострастия.

— Послушайте это! — сказал он, глядя на лестницу.

Тихий печальный псалом об успокоении души доносился из комнаты Лазаруса Берне.

— Видите! — повторил де Бордагне Анжелике. — Что я вам говорил? Мы здесь все обеспеченный народ в Ла Рошели.

Королевский лейтенант обратился к президенту королевской комиссии по религии:

— Я очень боюсь, что в этой операции произошло недоразумение, господин Бомар. Мы не можем обвинить Лазаруса Берне в отказе от веры, так как он никогда не был обращен.

— Вы сказали мне, что я волен делать все, что захочу, — запротестовал Бомар.

— Да, я говорил, но я настаивал, чтобы все соответствовало закону во всех деталях. Малейшая ошибка в таком деликатном деле может поставить нас в трудное положение. Протестанты очень злы и готовы уничтожить нас при малейших неверных действиях.

— Вы слишком сильно беспокоитесь об этих негодях, которые являются не чем иным, как отступниками от истинной веры.

Во время этой беседы появился господин Маниголь с семьей, держа за руку своего сына Джереми.

Королевский лейтенант пошел за ним наверх вместе с Бомаром, чьи губы изогнулись в усмешке.

Господин де Бордагне обратился к собравшимся, сообщил им, что произошло недоразумение, и даже заверил мэтра Берне, что ничего не будет сделано, чтобы помешать похоронам.

Инцидент бил исчерпан.

Но все чуть не началось снова, когда маленькая фигурка в зеленом чепце подскочила к господину де Бордагне и Бомару:

— Вы грязный... Вы очень грязный. Я убью вас!

Это была Онорина, которую все забыли и которая решила вмешаться. Она направилась прямо к человеку, который внес сумятицу в семью. Он был злым гением, он был человеком, издевавшимся над горестным собранием. Его нужно выгнать. Ей потребовалось некоторое время, чтобы взять палку на кухне. Бомар едва почувствовал удары, которые наносили ему маленькие ручки двухлетнего ребенка. Господин де Бордагне узнал

дочь Анжелики и весело рассмеялся:

— Ах, что за замечательный ребенок!

— Вот как вы называете ее, — отпрянул Бомар. — Вы позволяете еретикам оскорблять меня?

— Снова ошибка, мой дорогой друг. Этот ребенок принадлежит к нашей святой матери-церкви. — Он сделал знак. — Пойдемте, мэтр Бомар, я должен поговорить с вами о вещах, которые не усмотрели ваши глаза.

Анжелика уже схватила свою дочь за руку, Лорье за другую, и они утащили ее на кухню. Онорина подняла ужасный шум. Она думала, что слишком долго была спокойной в течение дня, когда никто ее не замечал. Она вылила целый кувшин молока, чтобы накормить любимую кошку. Она пролила полгоршка джема. Чтобы она ни делала, они продолжали петь, тогда она пошла посмотреть на них поближе и почувствовала сильную неприязнь к Бомару, тут же решив уничтожить его.

— Я хочу убить его, — повторила она.

Анжелика, удерживая ее, заметила, что дочь по уши вымазана джемом. В свою очередь, Лорье испугался гнева отца и теперь выглядел таким жалким, как в прежние времена. Анжелика налила большую кастрюлю воды и поставила на огонь. Всех нужно было купать.

Вошла Северина вместе с мадам Анной. Она сказала возбужденно:

— Что же это, тетя Анна? Они могли тащить его по всем перекресткам города...

— Да, моя девочка. Сброд мог бы оскорблять его и забрасывать грязью...

— Вы думаете, полезно так описывать то, чего не произошло? — резко спросила Анжелика.

Внезапно Северина побледнела и сползла со стула. Анжелика едва успела подхватить ее и унесла девочку в ее комнату. Она сняла с нее туфли и уложила в постель. Руки Северины были холодны как лед.

Анжелика вернулась на кухню и сняла с огня воду, которая почти кипела.

Тетя Анна сказала, что ее удивляет поведение Северины.

— А я удивлена вашим поведением, — ответила Анжелика. — Вы же женщина, в конце концов, и должны понимать, что Северине только двенадцать лет и девочка нуждается во внимании, так необходимом этому возрасту.

Тетя Анна была шокирована этим заявлением. Не было сомнений, что эта папистка имеет минимальное представление о жизни.

Анжелика подложила Северине еще одну подушку и велела держать руки в горячей воде, пока ей не станет лучше. Она принесла с собой бутылочку духов и несколько белых лент, которые она купила.

Сев на край кровати, она разделила длинные волосы девочки на две части и заплела две косички вместе с лентами.

— Так ты сможешь лучше отдохнуть.

Она налила несколько капель духов в чашку с водой и натерла Северине лоб и виски. Северина не мешала ей.

— Тетя Анна будет недовольна, — прошептала она.

— Почему?

— Она никогда не болеет. Она говорит, что мы должны умерщвлять свою плоть.

— Перестань! Наша плоть и так умрет, без наших усилий, — засмеялась Анжелика.

Лицо Северины, лежавшей на подушке, внезапно изменилось. Глаза у нее были черные, как ночь. Северина была тверда, более тверда, чем ее братья, но и она не избежит многого, свойственного ее полу. Однажды она тоже будет лежать в объятиях мужчины, она тоже будет Призывать любовь.

Анжелика говорила с ней вежливо и уверенно, как когда-то говорила с ней мать. Румянец начал возвращаться на ее щеки, глаза начали метать молнии. Она всегда ненавидела то, что была девочкой, одна среди братьев, Мартьяля она обожала, а Лорье презирала.

— Я не хочу быть женщиной, — заявила она страстно. — Это ужасно.

— Что за чушь! Я тоже женщина, но я же выгляжу нормально.

— О, это не одно и то же, — возразила Северина. — Начать с того, что вы всегда смеетесь... И вы красивая.

— Но ты тоже будешь очень привлекательной.

— О, нет, скорее не буду. Тетя Анна говорит, что красота женщин заставляет мужчин совершать грехи, что неуютно Богу.

Снова Анжелика начала смеяться.

— Поверь мне, мужчины впадают в грех, когда этого хотят.

— Вы говорите опасные вещи, — сказала Северина, и ее голос был похож на голос тети Анны.

Потом она зевнула и глаза ее закрылись.

Анжелика укрыла ее и ушла. Ей было приятно видеть, что девочка улыбается, как счастливый ребенок, точно так же, как и Лорье во время сна.

Глава 7

Несколько дней спустя Мартьяль среди ночи пробрался на датский корабль, но корабль был остановлен и осмотрен королевским судном около острова Ре, и молодой пассажир был арестован, привезен обратно на землю, где помещен в форт Людовика.

Новость произвела потрясающий эффект.

Сын мэтра Габриэля в тюрьме! Одна из богатейших семей в Ла Рошели!

Мэтр Габриэль немедленно пошел встретиться с господином де Бордагне, который в то утро отсутствовал. Ему удалось повидаться с Бомаром, после чего он пошел к Маниголю. День прошел в беседе с этим человеком и в надежде, что следующая беседа может быть успешной. Габриэль Берне вернулся домой вечером усталый и бледный. Анжелика отважилась сказать ему, что она поспорила со сборщиком налогов, который явился, чтобы получить вторую часть налога с Берне как протестантского купца.

Мэтр Берне рассказал, что он видел Николаса де Бордагне, но тот отказался что-либо сделать. Он заявил, что попытка покинуть королевство наказуема. Господин де Бордагне сказал, что ему нужно время, чтобы рассмотреть дело, учитывая высокое социальное положение мальчика. Он сказал, что ситуация очень неприятна.

Протестанты провели ужасный вечер. Страх и стыд мучил их. Господин Габриэль объяснил им, что протестантские дети, арестованные при подобных обстоятельствах, отправлялись в неизвестном направлении, и был слух, что они становятся рабами на королевских галерах. Самые здоровые из них не выдерживают там больше года...

Два дня мэтр Габриэль полностью посвятил этому делу, пытаясь освободить своего сына, или, по крайней мере, увидеть его.

На третий день Северина, которая пошла в дом старой девы по соседству на урок музыки, не вернулась домой к обеду. Мэтру Берне сказали, что его дочь арестована за оскорбление властей» и помещена в монастырь урсулинок.

Анжелика не спала всю ночь. На следующее утро она решила оставить Лорье и Онорину на старую Ребекку и отправилась в здание суда. Твердым голосом она попросила встречи с королевским лейтенантом, господином де Бордагне.

Его лицо засветилось, когда он ее увидел. Он тайно надеялся на ее приход и сказал ей об этом.

— Вас послал ваш хозяин? Я должен сказать вам, что это очень серьезное дело и ничего нельзя сделать.

— Нет, он ничего не знает. Я пришла сама.

— Я доволен. Я ожидал подобного от вас. Учитывая то, что события происходили так быстро, хорошо, что вы пришли ко мне с докладом. Вы считаете, что мэтр Берне скоро сдастся?

— Сдастся?

— Я имею в виду, переменит веру. Должен признаться, что я нахожу эту идею отличной. У меня есть список имен, который я составил после года терпеливых наблюдений. Я знаю, что как только мне удастся обратить этих людей, гугеноты Ла Рошели будут побеждены.

В комнате было очень жарко. Камин пылал. Щеки Анжелики быстро размяклились, и господин де Бордагне подумал, что есть надежда на быстрый успех.

— Снимите плащ. Здесь тепло.

Он помог Анжелике снять тяжелый плащ. Она автоматически приняла его помощь, ее мозг был полностью занят новой идеей, которая возникла у нее. В голове у нее была речь, она собиралась упасть перед лейтенантом на колени. Но теперь она поняла, что это будет самой худшей линией поведения, так как он принимал ее за сообщника.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал лейтенант.

Она подчинилась и села очень прямо. Она все еще была погружена в свои мысли и не замечала, что Бор дате пожирает ее глазами. «Она определенно очень мила», — подумал он. Когда он впервые увидел ее в потрепанной одежде, он принял ее за ту, кем она и была: за служанку, но через секунду или две он был не в состоянии воспринимать ее иначе как даму. Она источала такую спокойную уверенность в себе, движения и речь были так легки, она безусловно обладала природным шармом, что, без сомнения, еще более усиливало ее необычайную красоту.

В этой женщине было что-то таинственное! Он стоял перед ней так, что мог видеть, благодаря низкому вырезу ее белой ситцевой кофты, начало ее изумительных грудей, чьи изгибы были не полностью скрыты одеждой.

Ее грудь и твердая золотистая шея придавали ей здоровый вид, и все ее черты имели благородство, когда она была погружена в свои мысли. Господин де Бордагне не мог отвести глаз от ее плеч, горя желанием

прижаться к ним губами. В горле у него пересохло, он не знал, куда деть руки.

Анжелика внезапно ощутила затянувшееся молчание и посмотрела на него, Она быстро опустила глаза, увидев во взоре мужчины обожание.

— Нет, прошу вас, не опускайте глаза, — попросил он. — Они такого редкого цвета, такие сияющие, что их можно принять за изумруды! Прятать их — преступление.

— Я с радостью сменила бы их цвет на другой, — сказала Анжелика. — Они не приносят мне ничего, кроме бед.

— Вы не любите комплиментов? Все женщины их обожают.

— Откровенно говоря, я не люблю. Но я благодарна вам за них, господин де Бордагне.

Королевский лейтенант решил не торопить событий, поэтому вернулся к столу, сел и попытался немного отвлечься.

— Может ли быть, что эти протестанты так замучили вас, что вы расстраиваетесь, когда я говорю, что обожаю вашу красоту? Это так же нормально, как и любоваться цветами.

— Но мы не знаем, что думают об этом цветы, — с улыбкой ответила Анжелика. — Что вы намерены делать с детьми мэтра Габриэля?

— О, да! Верно, что же это я!

Дело о детях Берне не давало ему спать три дня, а теперь, казалось, было им забыто. Никогда женщина не оказывала на него такого сильного влияния. Он вспомнил, как ему было приятно, когда он отвозил ее домой в своей карете. В ближайшие дни, когда у него будет поменьше работы, он должен что-то сделать с этой красивой служанкой. Но она не должна заметить, что он настолько возбужден ею, что с трудом сдерживает себя. Это его беспокоило... Он знал, что мужчина никогда не получает второй возможности встретить такую женщину, которая может увлечь его так сильно. К несчастью, он был так занят работой, он должен проявить твердость к этим протестантам, чтобы доказать своим коллегам, что он не проявляет слабости к гугенотам. Ах! Люди не знают, как им жить дальше! Он хочет добиться успеха, поэтому должен собраться с мыслями.

— О чем мы говорили? — сказал он.

— Вы избрали моего хозяина как одного из тех, кого обязательно надо обратить.

— Правда! — воскликнул господин де Бордагне. — Он один из худших! Он остается в тени, но это еще хуже, чем выступление на площадях. Он помогает пасторам и Бог знает, что еще. Вы должны были заметить подозрительность его приездов и отъездов.

— Я вижу, как мэтр Берне делает свои подсчеты и читает Библию, — сказала Анжелика. — В нем нет ничего подозрительного.

Сейчас, говоря это, перед собой она видела целую серию видений: неизвестные люди, мелькавшие в доме мэтра Берне, беседы шепотом с пастором Бьюкаром и торговцем бумагой, шаги среди ночи. К счастью, королевский лейтенант был поражен ее уверениями.

— Вы удивляете меня. Или, возможно, вы не слишком внимательно следите за ним.

Он протянул руку к толстой папке.

— Здесь у меня рапорты, не оставляющие сомнений в опасности его действий. Я не раз беседовал с ним, и, казалось, он слушал меня дружелюбно и с пониманием. Но я жестоко разочарован побегом его сына.

— Молодой Мартьяль должен ехать в Голландию торговать.

— Как вы наивны! Его отец отсылает его, так как понимает, что парень почти готов обратиться в истинную веру, и он хочет помочь ему избежать этого.

— Да, я это слышала, — сказала Анжелика, чувствуя, что факты против нее. — Но я думаю, вы позволите вас переубедить. Я живу в этой семье много месяцев и могу заверить вас, что мэтр Берне хочет только, чтобы его сын получил образование. Вы не должны забывать, что протестанты хорошие путешественники.

— Слишком хорошие, — холодно ответил лейтенант. — Эти привычки им лучше забыть. По крайней мере, в этом случае закон вполне ясен.

— Я думала, вы более приятный человек.

Королевский чиновник казался встревоженным.

— Что вы имеете в виду? Я избегаю жестокости и...

— Мне кажется, что эта работа плохо влияет на вашу натуру, которая, как мне кажется, особенно привержена к здоровым удовольствиям.

Он с готовностью рассмеялся, чувствуя волнение в сердце. Она была не так проста, как он это представлял.

— Не будем заблуждаться, — сказал он. — Как всякий добрый христианин, я хочу заработать себе дорогу в рай, но должен признать, что эта работа привлекает меня и своей материальной стороной. В настоящее время кратчайший путь продвигаться на королевской службе — это проявить себя в делах церкви. С другой стороны, я уважаю господина Берне и хотел бы помочь ему. Но он не хочет поступать разумно.

— В каком отношении?

— Он не хочет понять, что мы можем доверять только католической

семье. Слишком много вреда уже нанесено юным душам его сыновей.

— А зачем тогда арестовали его дочь Северину?

— Потому что для нее пришло время решать, какую веру она изберет.

— Это решение зависит от власти отца в семье, которая является основой общества в нашей стране.

— Что пользы, если эта власть вредна? У меня есть рапорт...

Он взял другую папку, но остановился, не открыв ее.

— Но... вы заступаетесь за них, — сказал он, подозрительно глядя на нее.

Анжелика была очень на себя сердита. Она допустила ошибку, позволив своим собственным взглядам стать слишком очевидными. Она чувствовала себя неуютно в этой ситуации. Раньше она могла лгать более уверенно. Возможно, потому что не принимала вещи близко к сердцу.

Она должна любой ценой поправить дело.

— Я не заступаюсь за них, но придерживаюсь такой позиции, чтобы доказать вам, что я знаю, что происходит в этой семье. И я нахожу, что вы действуете так, как подсказывают вам ваши «рапорты», не спрашивая даже меня.

— Потому что вы ничего не говорите! Я надеялся получить от вас много интересного, но мои надежды не оправдались.

— Не было ничего интересного, о чем можно было бы информировать вас.

— И вы позволили Мартьялю покинуть страну, не предупредив меня об их планах, которых вы не могли не знать.

— Он не собирался бежать из страны. Он хотел путешествовать.

— Они затянули пеленой ваши глаза.

— Почему вы прямо мне не говорите, что я дура?

Господин де Бордагне, видя, что она встает, чтобы уйти, быстро обошел стол, чтобы остановить ее.

— Давайте не раздражаться из-за подобной чепухи! Вы не поняли меня. Я ужасно сожалею...

Он положил руки ей на плечи, желая усадить ее обратно. Он почувствовал ее мягкую плоть, ее деликатные духи сводили его с ума. Анжелика не имела никаких иллюзий относительно тех чувств, которые она вызывала в нем. Это заставило ее почувствовать себя неприятно, но она сказала себе, что ее долг — сделать попытку освободить детей и вести себя дипломатично.

— Да, вы обидели меня.

— Мне так стыдно, — заверил он.

— Потому что я честно верила, что вы никогда не будете добиваться от мэтра Берне того, что вы желаете, такими способами. Я начала узнавать его хорошо и вижу, что он хочет только разбогатеть больше и что он с большим вниманием выслушал бы ваши аргументы, если бы чувствовал вашу благожелательность.

— Вы действительно так думаете?

— Возможно!

Королевский лейтенант снова расслабился. Он с трудом сохранял спокойствие, стоя около нее и глядя на эту изумительную шею. Он не видел ничего лучшего, как поверить ей.

— Но я не могу вернуть ему детей, — простонал он. — Это исключено. Во всякой случае, я должен вам сказать, что проклятый Бомар следит за всем этим делом. Теперь, когда дети арестованы, я не могу отозвать дело.

— Что вы собираетесь сделать с ними?

— Мальчик будет передан в руки иезуитов, а девочка — в монастырь.

«Значит, мы никогда не увидим их снова», — подумала Анжелика.

— Я могу предложить вам, господин де Бордагне, другой план. Мэтр Берне вряд ли будет возражать против него. У него есть сестра, которая обращена в католичество. Она замужем за офицером королевского флота и живет на острове Ре.

— Вы совершенно правы, это мадам Демурье.

— Дети могут быть отправлены к ней. Я уверена, что так делают часто. Когда протестантский ребенок уходит из-под надзора родителей, ищут их ближайших родственников-католиков и делают их ответственными за их образование. Это и человечно, и разумно.

— Как я сам не подумал об этом! — воскликнул королевский лейтенант. — Как вы сказали, это отличное решение. Даже Бомар не сможет возразить против этого, а мэтр Берне, в свою очередь, будет мне благодарен. Вы изумительны. Вы так же умны, как красивы.

— А вы еще сомневались в этом.

— Как я могу получить ваше прощение?

Бордагне действовал, повинувшись импульсу. Он обнял Анжелику за талию и прижал губы к ее шее, чьи изгибы он не упускал из вида во время всего разговора.

Анжелика вскочила, словно ее обожгло. Она вырвалась так внезапно, что несчастный мужчина расстроено посмотрел на нее.

— Вы действительно находите меня таким неприятным?

Его губы дрожали. Хотя поцелуй был таким коротким, он было

достаточным, чтобы подтвердить его предположения. Он никогда не знал более возбуждающей женщины. «Проклятье, — подумал он, — неужели она такая же упрямая, как эти еретики? Таково уж мое счастье!»

Глава 8

Анжелика прислонилась к столу, думая, что же последует дальше. В конце концов, он был привлекателен, его руки были деликатными, а губы — опытными. Она не забывала, что она была служанкой, а он представлял здесь короля и, с точки зрения статуса, был наиболее важным человеком в городе.

К счастью, он не был самонадеян. На секунду он воспринял реакцию Анжелики как болезненный удар судьбы. Она поняла, что надо его успокоить.

— Я не считаю вас неприятным, — сказала она. — Наоборот, должна признаться, что я нахожу, вас очень привлекательным... Но... как я могу? Я обещала своей патронессе... даме, имя которой не должна упоминать... что буду избегать своих прежних грехов.

— Проклятье этим старухам! — закричал Николас де Бордагне. — Я уверен, что она страшнее, чем семь смертных грехов. Она не может понять, что такая красивая женщина, как вы, не может вести жизнь монахини.

— Предположим, что я хочу вести такую жизнь по собственной воле. Ваше ли дело толкать меня на грех?

Господин де Бордагне издал глубокий вздох. Дело оказалось гораздо более трудным, чем он предполагал. Он решил проиграть с веселой миной.

— По-моему, это естественно для нормального мужчины, который оказался в вашей компании, — весело сказал он. — Вы достаточно умны и опытны, я уверен, чтобы понять и простить меня. — Он протянул ей обе руки. — Давайте забудем об этом, мадам Анжелика, и снова будем друзьями.

У нее было огромное желание отвергнуть его предложение. Он поцеловал кончики ее пальцев очень нежно, и она почувствовала смущение от того, что ее руки огрубели от домашней работы.

Она позволила ему набросить ей на плечи плащ и проводить до двери.

— Мадам Анжелика, пожалуйста, помните, что я ваш друг и всегда буду готов помочь вам, независимо от того, что случится.

Его шарм покорила ее. Уже прошло так много времени с тех пор, как к ней так относились, и на секунду в ней проснулись воспоминания. Так много мужчин кланялись ей с таким же страстным взглядом. Она знала их желания: они всегда были одни и те же.

Как хорошо она знала эти волнующие взгляды, этот дрожащий тон.

Анжелика не думала, что на нее когда-нибудь снова произведет впечатление эта игра. Это было мучением для нее и в то же время привлекало, как воспоминание о знакомой стране.

Щеки горели и голос почти дрожал от возбуждения, когда она покидала лейтенанта, который был одновременно и доволен, и расстроен ее поведением.

Она шла домой, даже не замечая укоризненных взглядов посетителей, которые ждали приема. Скамьи были почти пусты, так как многие устали ждать и ушли обедать. Сильный ветер развеивал ее плащ, она с трудом преодолевала его. Небо было необычно синим.

Анжелика шла, вспоминая детали разговора, который только что состоялся. Она чувствовала, что ей удалось выполнить намеченный план.

Прошло много времени с тех пор, как она одурманила наркотиками персидского посла Бахтияра Бея и привезла его к ногам Людовика XIV. Это была часть высокой женской стратегии. И все без малейшего урона для ее добродетели! В то время как сегодня она вызывала жалость. Другого слова для этого не подберешь. Этот мужчина, от которого она надеялась добиться так много, был оставлен ею ни с чем. Она почти потеряла однажды его хорошее отношение, когда вела себя подобно девушке из монастырской школы. В ее возрасте это определенно нелепо! В прежние дни она покорила бы его улыбкой или острым словом...

Анжелика, неизвестная служанка, бедно одетая и идущая по улицам Ла Рошели, подумала на секунду о той блистательной женщине, которой она недавно была, когда успешно использовала оружие своего пола. Мало-помалу она снова возвращала свою силу. Но, подумала она, есть одна вещь, которой не будет никогда. Нет мужчины на земле, который смог бы совершить с ней это чудо. Ни один мужчина не вызовет в ней былой улады любви, не заставит ее ощущать трепет прикосновения одного тела к другому.

«Это может совершить волшебник», — внезапно подумала она. И ее глаза непроизвольно повернулись к морю, где не было видно ни одного корабля.

Глава 9

Господин де Бордагне сдержал свое слово. И Анжелика испытала удовлетворение от того, что он поспешил воспользоваться ее советом. На следующий же день Мартьяль и Северина были отосланы в дом их тетки на остров Ре.

Анжелика никогда не была на короткой ноге с младшими в семействе. Ее домашняя работа не оставляла для этого времени. Ей приходилось мыть фонтан во дворе, который был очень большим. Онорину она брала с собой. Однажды утром, когда она закончила уборку и складывала тряпки в корзину, она заметила, что Онорина играет с каким-то блестящим предметом.

— Дай мне посмотреть, — сказала она.

Онорина, чей опыт подсказывал, что надо быть осторожной, спрятала игрушку за спину, но Анжелика успела заметить красивую погремушку из золота с костяной ручкой. Это была настоящая гемма.

— Где ты нашла эту погремушку? Онорина, ты не должна брать вещей, которые тебе не принадлежат.

— Мне ее дал славный мужчина, — ответила девочка.

— Какой славный мужчина?

— Оттуда, — сказала Онорина, указывая на дальний конец площади.

Анжелика хотела избежать сцены, которая закончится шлепками, поэтому она отступилась, сказав себе, что заберет ее, когда они вернутся домой. Она взяла одной рукой корзину, второй взяла Онорину за руку и пошла к дому.

По безлюдной узкой дорожке к ней направлялся человек с лицом, закрытым фалдой его плаща. Она чуть вскрикнула, но успокоилась, узнав королевского лейтенанта.

— О! Вы меня напугали!

— Я ужасно сожалею. Я пошел сюда без эскорта и со всех точек зрения для меня будет лучше оставаться неузнанным.

— Вот славный мужчина, — сказала Онорина.

— Да, я хотел сообщить вам, что я дал вашему — милому ребенку подарок.

Онорина смотрела на него. Ее глаза горели обожанием. Маленькая, но уже женщина, она была рада получить золотую погремушку.

— Я не могу принять ее, — сказала Анжелика, — она слишком

дорогая. Я должна вернуть ее вам!

— О, мадам, как вы принципиальны! — вздохнул он. — Я мечтаю о вас днем и ночью, надеясь увидеть радость на вашем лице. Но не успеваю я этого увидеть, как между нами возникает препятствие. Могу я пройтись с вами? Я оставил свою лошадь, привязав ее далеко отсюда.

Они медленно пошли. Снова господин де Бордагне почувствовал, что эта женщина обладает странной привлекательностью. Пока он мечтал о ней на расстоянии, он оставался спокойным влюбленным, но когда он оказывался рядом с ней лицом к лицу, он терял над собой контроль. Возможно, это было не совсем нормально, но это был факт, который он признал. Он чувствовал, что готов упасть перед ней на колени...

У нее были слишком красивые руки для служанки, хотя и покрасневшие от холодной воды, рот королевы.

— Простите меня, лейтенант. Вы большой человек, а я бедная, одинокая, незащищенная женщина. Вам могут не понравиться мои слова, но вы не должны ничего ожидать от меня. Это исключено.

— Но почему? — проговорил он. — Вы дали мне понять, что я вам не неприятен. Вы сомневаетесь в моем благородстве? Вы можете, конечно, изменить свое теперешнее низкое положение. Если вы захотите, у вас будет удобный дом, где вы одна будете хозяйкой. Вы можете иметь слуг, карету и лошадей. Вы можете иметь все. Все нужды ваши и вашего ребенка будут удовлетворены.

— Остановитесь! — приказала она. — Это исключено.

Он увлек ее в подъезд дома, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Может, вы считаете меня безумцем, но я должен сказать вам правду. Никогда ни одна женщина не привлекала меня так, как вы. Мне тридцать восемь лет и моя жизнь, я признаюсь, была не очень добродетельной, у меня было много приключений, я не горжусь ими. Но с тех пор, как я встретил вас, я понял, что что-то случилось со мной. Я не знаю, какой особенной силой вы обладаете, но я начал думать, что до того, как я узнал вас, я не знал ничего. Только вас одну я могу любить...

«Если бы он только знал, сколько других губ говорили аналогичные слова до него, — подумала она. — Король...»

Выражение его лица посуровело, глаза потемнели, когда он внимательно посмотрел на нее. Он подумал, какие волосы она прятала под платком. Была ли она блондинкой, брюнеткой или рыжей, как ее дочь?

Он был в таком состоянии, что если бы не Онорина, которая пристально смотрела на них, он схватил бы ее в объятия...

— Пойдемте, — сказала она, вежливо отталкивая его в сторону. —

Действительно, вы, должно быть, безумны, и я не верю ни единому вашему слову. Вы знали женщин более привлекательных, чем я, и я думаю, что вы пытаетесь воспользоваться моей простотой.

Николас де Бордагне последовал за нею со смертельным холодом в сердце, хорошо понимая, как безумны его заявления. Его любовь к ней была достаточно сильна, чтобы лишить его ума, заставить идти на компромисс, разрушить его карьеру. Когда он посмотрел на маленькую девочку, державшую мать за руку, другая мысль пришла ему в голову.

— Клянусь, если вы будете иметь от меня ребенка, я признаю его и сделаю все для его воспитания.

Анжелика отскочила. Ему было трудно придумать другое обещание, которое вызвало бы в ней такую ярость. Он понял свою ошибку.

— Я полный дурак, — вздохнул он.

Когда они подошли к дому Берне Анжелика поставила корзину и достала ключ.

Королевский лейтенант следил за каждым ее движением с болью в сердце.

— Ваше совершенство делает меня безумным. Если бы я только притворялся, я с радостью отказался бы от этого, но это истинное. Послушайте, я верю... Да, я верю, что готов жениться на вас.

Она воскликнула:

— Но... конечно, вы уже женаты!

— Нет, фактически, я не женат. В этом вы ошибаетесь. Я не делаю секрета, что многие богатые наследницы шли мне в руки, но я всегда вовремя убегал и хотел жить холостяком до конца моих дней. Но из-за вас я начал думать о женитьбе. — Он низко поклонился ей. — Мадам Анжелика, согласны ли вы оказать мне честь и взять меня себе в мужа?

Она не могла отказать ему без риска грубо оскорбить его. Она сказала, что никогда не надеялась на такую честь, но уверена, что не позднее, чем он достигнет своего дома, он поймет безумность своего предложения, которое она не способна принять. Барьер, разделяющий их, не так легко устранить.

— Вы должны понять, господин де Бордагне... Мне очень трудно объяснить причину отказа. Я много страдала в течение своей жизни от мужчин. Их жестокость ранила меня и лишила прелестей любовь. Я их боюсь и не могу больше находить их приятными.

— И это все? — закричал он счастливо, — Но вы, глупая малышка, зачем боитесь меня? Я обращаюсь с женщинами галантно. Я не грузчик, а кавалер, моя милая дама, и прошу вас полюбить меня... Поверьте мне, я

оправдаю ваше доверие и заставлю вас иначе думать о любви.

Анжелика уже открыла дверь. Онорина вошла, и она подняла свою корзину. Она хотела, чтобы разговор на этом закончился.

— Обещайте мне, что вы обдумаете мое предложение, — сказал королевский лейтенант.

— Благодарю вас, я подумаю об этом.

— Могу я спросить вас, какого цвета ваши волосы? — спросил он.

— Белые, — ответила она, захлопнув дверь перед его носом.

Мэтр Берне дал Анжелике записку, чтобы она отнесла ее к судовладельцу, Жану Маниголю. Она шла домой по узкой аллее вдоль вала, когда заметила двух человек, преследующих ее.

В тот момент она была глубоко погружена в свои мысли и могла не заметить их. Но на пустынной аллее она услышала звук шагов.

Она бросила взгляд через плечо и увидела двух мужчин, на которых ей вовсе не хотелось смотреть. Это были не моряки и не докеры. На них были вполне элегантные бюргерские костюмы, которые, тем не менее, составляли контраст с плохо выбритыми лицами.

«Полиция», — подумала она, предвидя опасность. Она пошла быстрее. Сразу же звук шагов приблизился, и один из мужчин закричал:

— Эй, красавица, не убегай!

Она побежала еще быстрее, но они уже нагнали ее и бежали с обеих сторон. Один схватил ее за руку.

— Господа, будьте добры, оставьте меня, — сказала она, вырывая руку.

— Но почему? Мы можем ненадолго составить вам компанию.

Их грязные улыбки заставили ее испугаться. Если она даст им пощечину, она рискует привлечь к себе внимание. Если это молодые повесы из богатых семей, возможно, они признают, что им не повезло. Но она почему-то боялась, что эта хорошая одежда прикрывает что-то более страшное.

Ее глаза осмотрели фасады домов с закрытыми окнами в поисках помощи. Но было послеобеденное время, а в Ла Рошели, как и во всех южных городах, привыкли закрывать ставни на отдых после еды. В это время года солнце было очень жарким, и люди испытывали неудобства во время сиесты. Не было никого ни у окна, ни у ступенек своих домов. К счастью, Анжелика поняла, что она уже недалеко от дома мэтра Берне.

Она знала, что мэтр Берне был дома, и там она сможет избавиться от этого неприятного эскорта. Купец будет знать, как поставить наглецов на

место.

Они начали говорить пошлые комплименты. В конце концов, они могли быть просто пьяными.

Она свернула направо в надежде, что успеет забежать во двор, когда более высокий из них, казавшийся изрядно пьяным, схватил ее за руку и обхватил за талию.

— Достаточно, моя красавица! Ты, конечно, не будешь дуться на двух славных парней, вроде нас. Мы только просим улыбки, в которую ты вложишь сердце. Нам сказали, что девушки в Ла Рошели любят иностранцев. Давай проверим, правы ли они?

Говоря это, он попытался дотянуться до ее губ.

Она отпрянула и изо всех сил ударила его по лицу. Он отпустил ее и схватился за щеку. Она сделала шаг вперед, но второй мужчина схватил ее. Грязная улыбка появилась на губах того, которого она ударила.

— Давай, Джонни, — закричал он. — Хватай ее. Мы завернем ей юбку на уши, этой красивой еретичке. Это наш счастливый день...

Вдвоем они одолели ее. Одним жестоким ударом под колени они лишили ее сил. Она закричала, и они зажали ей рот. Руки скользили по ее телу. Она думала, что потеряет сознание, но собралась с силами и стала отчаянно сопротивляться, царапаясь и кусаясь. Ей удалось освободиться и она побежала к воротам. Запнувшись о камень она упала на колени и закричала:

— Помогите! Помогите! Мэтр Габриэль! Помогите!

Они снова были на ней. Началась кошмарная схватка, похожая на схватку с драгунами Монтадура, полная того же, сознания беспомощности и ужаса.

Внезапно один из нападающих отлетел к стене, отброшенный невероятной силой. Второй обмяк на Анжелике, как тряпичная кукла. Кровь струилась по его виску. В ужасе она попыталась столкнуть его с себя, Анжелика не могла выбраться из-под, тела, которое давило на нее. Наконец ей удалось откатить мертвое тело в сторону. Перед ней мужчина в синем плаще дрался с мэтром Габриэлем. Купец был намного крупнее и сильнее, чем его противник, и его кулаки беспрестанно наносили удары. Одежда мужчины была порвана и покрыта пылью, лицо превратилось в маску.

— Достаточно! Остановитесь! — просил он.

Жестокий удар в живот прижал его к стене.

— Остановитесь, я прошу... Оставьте меня...

Мэтр Габриэль двинулся к нему. Мужчина, должно быть, прочитал

что-то ужасное в выражении лица купца, его глаза внезапно широко открылись.

— Нет... — сказал он дрожащим голосом. — Нет, пощадите...

Удар свалил его на колени.

— Нет, вы не сможете сделать этого... Пощадите!

Купец, склонился над ним и снова ударил. Его руки сжали горло насильника. Тот пытался вырваться, сделал несколько конвульсивных движений, потом затих с открытым ртом.

Анжелика, замороженная ужасом, увидела, как руки купца медленно разжались. Она прикусила губу, чтобы перестать стонать. Лицо мужчины приобрело пурпурный цвет. Мэтр Габриэль осмотрел его перед тем, как подняться на ноги. Потом он подошел ко второму, перевернул его, потряс и бросил в лужу крови.

— Он мертв! Разбил голову об стену. Ну, тем лучше. Мне не надо кончать его... Мадам Анжелика...

Анжелика с ужасом переводила взгляд с одного неподвижного тела на другое. Перед трагедией, которая произошла на ее глазах, она была схвачена паникой загнанного животного, ужас исказил черты ее лица, обычно такого спокойного и гордого. Сейчас она выглядела, как смертельно испуганный ребенок.

Охваченная страхом, она не замечала того состояния, в которое привели ее насильники. Лиф был полностью разорван, блузка расстегнута. Волосы закрывали плечи и почти голую грудь. Волосы блестели на солнце, подобно драгоценному металлу, еще более контрастируя с белой кожей, на которой были следы крови. Кровь была и на юбке.

— Вы ранены?

Купец говорил мягко, словно его мысли были далеко отсюда, Он видел на ее коже не только следы крови. Грубые пальцы оставили на изумительной коже свои отпечатки. Возможно, они прижимались к ней своими губами. При этой мысли купец почувствовал новую волну убийственной страсти. Это тело, о котором он не смел и думать, эта женщина с легкими грациозными движениями — все это негодяи пытались осквернить.

Они сделали то, чего он никогда не осмелился бы совершить даже мысленно. Они обнажили ее, открыли эти ноги, такие деликатные в изгибах, словно они принадлежали статуе или богине.

Никогда не забудет он картины, которую увидел, прибежав сюда. Одним взглядом он охватил сцену жестокости и похоти. Он увидел женщину, лежащую на спине под двумя негодьями, и это была она?

— Вы ранены?

Его голос звучал так твердо, что Анжелика внезапно пришла в себя. Массивный черный силуэт мэтра Берне стоял между ней и солнцем, между ней и ужасной сценой.

Она подбежала к нему и спрятала свое лицо на его плече в поисках защиты и забвения.

— О, мэтр Габриэль! Вы убили... вы убили двух человек... из-за меня. Что будет, что будет с нами?

Он положил свои руки ей на плечи.

— Не плачьте, мадам Анжелика.

— Я не плачу... Я стишком напугана, чтобы плакать.

Но слезы лились из ее глаз. Он повторил:

— Вы не ответили на мой вопрос. Вы не ранены?

— Нет, я не думаю...

— А что это за кровь?

— Это не моя... Это его.

Купец начал перебирать ее золотые волосы.

— Моя милая, моя дорогая.

Он ласкал ее, словно она была ребенком, и она почувствовала нотки умиротворения в его голосе и удовольствие от его мужской защиты.

Кто-то пришел и встал между ней и опасностью, кто-то защитил ее, совершил ради нее убийство. Ее страх понемногу утихал, дыхание приближалось к нормальному. Внезапно она подумала: «Я нахожусь в руках мужчины и не боюсь».

В то же время она почувствовала стыд. Она чувствовала горячие руки на обнаженном теле и поняла ужасное состояние своей одежды.

Она резко подняла заплаканные глаза и встретила взгляд мэтра Габриэля. Выражение его лица заставило ее покраснеть.

— Ой, простите меня! — прошептала она. — Я сошла с ума.

Он вежливо отпустил ее.

Анжелика лихорадочно закрыла свою грудь и плечи остатками лифа. Ее возбуждение делало ее попытки бесполезными. Он вынужден был прийти ей на помощь и найти застежку, которая была оторвана. Она покраснела еще больше.

— Не пытайтесь это поправить. Негодяи ужасно порвали вашу, одежду, нам не скрепить эти тряпки. Вам лучше выбросить этот лиф. Теперь мы должны идти...

Его голос замер, и Анжелика, следуя за его взглядом, увидела Ансельма, солдата с маяка, который наблюдал за ними с вершины вала.

Долгое молчание вызвало замешательство. Потом солдат, кажется, принял решение и стал спускаться по каменным ступеням.

Он подошел к ним, кивая головой под стальным шлемом. Стук его сапог и алебарды о камни создавал сильный шум. Купец посмотрел на свои руки, словно интересуясь, достаточно ли в них силы, чтобы уничтожить этого нового вооруженного врага.

— Отличная работа, парень, — сказал солдат хриплым голосом. — Я видел конец схватки оттуда. Я не могу сказать, что вы были вежливы, мэтр Берне.

Он тронул один из трупов концом алебарды.

— Я знаю этих двоих, они негодяи. Бомар платит им, чтобы они провоцировали жен и дочерей протестантов. В борьбу вступает муж или отец, и появляется возможность бросить в тюрьму нескольких гугенотов. Я в такие игры не играю. — Он оперся об алебарду. — Я бедный солдат и должен есть. Но это не причина, чтобы предавать народ, который является моим братом. Действуйте, избавьтесь от этих свиней. Я ничего не видел.

Он повернулся и медленно пошел к своему посту на валу.

— Идите и посмотрите во дворе, — сказал мэтр Габриэль Анжелике. — Я не хочу, чтобы мои помощники знали об этом... Если никого нет, откройте левый склад.

К счастью, двор был пуст. Анжелика открыла двери склада и вернулась обратно, туда, где стоял мэтр Габриэль. Он снял плащ с одного трупа и обмотал им окровавленную голову второго. Несмотря на это, они к своему ужасу увидели, что их обувь оставляет кровавые следы на камнях. Они оставили тело в сарае и вернулись за вторым.

— Мы положим их в соль, — прошептал купец. — Это хороший тайник. Соль разъедает тела и даст нам время дождаться лучших времен и избавиться от них.

Он снял свой черный плащ, взял лопату и вырыл яму в белой горе.

Анжелика помогала ему руками. Ей так неприятно было смотреть на эти два лица с гримасой страха на них, что она не чувствовала, как кристаллы соли ранят ее руки.

Они похоронили трупы так глубоко, как могли, и аккуратно укрыли их солью. Анжелика и купец работали молча. Купец привел склад в порядок, и он снова стал выглядеть нормально. Анжелика набрала воды из фонтана и начала оттирать пятна крови с камней. В это время пришли двое помощников из доков, увидели ее, но ничего не заподозрили, так как часто видели служанку за уборкой двора. К счастью, оба парня знали, что здесь

находится их хозяин, и не подходили близко. Иначе они бы удивились, увидев ее разорванную одежду и волосы, падающие на плечи.

Они исчезли в винном складе.

Анжелика вышла в аллею. Мухи начали кружиться над лужей крови. Вода смешалась с кровью и стекла по желобку прямо в море.

К счастью, поблизости никто не появлялся. Она опустила на колени и снова и снова стала смывать пятно. Она успокоилась только тогда, когда вода перестала розоветь и ничто не могло больше вызвать подозрений.

— Идемте в мой кабинет, — сказал купец. — Все теперь спрятано. Мы должны что-то сделать, чтобы вы почувствовали себя лучше.

Он поддерживал ее за талию, пока они не достигли комнаты, где были все счетные книги. Для предосторожности он задвинул засов.

Анжелика упала на скамью и склонила голову на стол, подложив под нее руки.

Мэтр Габриэль подвинул ей стакан вина.

— Мадам Анжелика, выпейте это... вы должны.

И так как она не двинулась, он подсел к ней, поднял ее голову и поднес стакан к губам. Она сделала несколько глотков и остановилась. Румянец начал возвращаться на ее щеки.

— Но почему все это случилось? — спросила она, оглядываясь кругом. — Я возвращалась домой... они пошли за мной. Я подумала, что смогу дойти сюда и попросить вашей помощи. Они становились все нахальнее... и потом внезапно...

— Забудьте все это, — сказал он. — Вам нечего бояться, они мертвы.

Она вздрогнула.

— Мертвы? Везде, где я появляюсь, умирают люди.

— Люди должны умирать, — жестко сказал мэтр Габриэль. — Одна смерть вызывает вторую, одно преступление приводит к другому. Так написано в Библии: «Жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, рука за руку».

Анжелика отодвинулась от него.

— Я ненавижу мужчин, — сказала она. — Я ненавижу их всех и ненавижу себя. Лучше бы меня здесь не было. Вы смотрите на меня, как на безумную. Возможно, вы хотите успокоить меня, но я не хочу успокаиваться!

— Как молоды вы еще. Вы говорите не как все женщины, когда расстраиваются.

— Но разве вы не понимаете, мэтр Габриэль. Эти дьяволы ворвались в мой замок, подожгли его, изнасиловали моих служанок, перерезали горло моему сыну, а что касается меня, — Онорина родилась в результате той

ночи, вы поняли? Она плод преступления и изнасилования, а вы удивляетесь, что я не способна ее любить...

Сначала он подумал, что она бредит, потом понял, что она вспоминает события своего прошлого.

— Но вы должны забыть об этом. Вы должны все забыть.

Настала его очередь отодвинуться. Она следила со страхом за его движениями и в то же время хотела, чтобы он был с ней совсем рядом. Ей хотелось знать, наступит ли чудо и она снова почувствует себя счастливой в объятиях мужчины.

Он как раз дотронулся до нее. Его руки остановились на ее талии, и так как она не пыталась вырваться, он притянул ее к себе.

«Я не напугана, — сказала она себе. — Это верно. Интересно, что будет, если он захочет меня поцеловать?»

На лице, которое склонилось над ней, не было дикого выражения. Она забыла его имя, забыла, кто он, этот мужчина, который держал ее в своих руках и чья страсть, которую она ощущала, не вызывала в ней страха.

Ее голова беспомощно откинулась назад, Его губы, тянувшиеся к ее губам, по не отваживающиеся на это, погрузились в ее волосы. Она заметила, что его дрожащая рука коснулась ее голой кожи. Все ее внимание было поглощено ее новыми открытиями, и она не ощущала ничего.

Только одно слово, слово, в котором они почувствовали опасность, привело ее снова в себя.

— Соль... соль, — кричал во дворе помощник.

Анжелика в ужасе замерла.

— Послушайте, — сказала она, — они говорят о соли. Они, должно быть, что-то обнаружили.

Они прислушались.

— Можем мы грузить соль, хозяин? — повторил голос помощника из-за двери.

— Какую соль? — загремел мэтр Берне.

Он очень быстро очнулся, осмотрел свои руки и одежду, чтобы убедиться, что все в порядке.

Помощник объяснил:

— Для налога. Они пришли определить количество соли и вина.

— Это выдумка Бомара, — проговорил купец.

Он открыл дверь. Сборщик налогов в сопровождении двух помощников и четырех вооруженных солдат стоял перед испуганным

помощником. У них были с собой две телеги, чтобы погрузить на них налог.

— Но я уже уплатил все налоги, — заявил мэтр Габриэль. — Я могу показать расписки.

— Вы протестант?

— Да.

— Тогда, согласно новому декрету, вы должны уплатить еще столько же, сколько уплатили. Вот, посмотрите сами, — и он протянул купцу кусок пергамента.

— Это еще одно проявление несправедливости.

— А что вы ожидали, мэтр Берне? Обращенные из числа гугенотов освобождены от уплаты налога на целый год, и они не платят уже три года. Мы должны как-то возместить эти потери. Поэтому упрямые, вроде вас, должны платить налог за других. Во всяком случае, это будет вам стоить двенадцать баррелей вина и сто пятьдесят фунтов соли. Это немного для такого богатого купца, как вы.

Каждый раз, когда слышалось слово «соль», Анжелика бледнела.

Королевский сборщик налогов посмотрел на нее.

— Ваша жена? — спросил он купца.

Но говорил он, явно не ожидая ответа.

— Итак, господа, — сказал он, выходя из кабинета к складам.

Анжелика слышала, как он прошептал своим помощникам:

— Эти гугеноты всегда недовольны нами, но это не мешает им иметь красивых женщин.

Глава 10

Прошло несколько ужасных часов, в течение которых Анжелика каждую минуту ожидала провала. Она прислушивалась к каждому шагу, доносившемуся со двора. Она была уверена, что услышит крики и увидит мэтра Габриэля, уводимого под охраной. Внезапно она подумала, что должна бежать отсюда и увести Онорину туда, где она будет в безопасности.

Ее остановил от этого безумного шага отъезд сборщика налогов. Нагруженные телеги уехали, и ворота закрылись за ними.

Вечерний воздух был наполнен пылью. Мэтр Берне пересек двор, чтобы присоединиться к Анжелике. Он выглядел обеспокоенным, но вполне сдержанным. Тем не менее, он налил себе стакан коньяка и выпил. Для него было нелегко следить за помощниками, объяснять рабочим, что они должны брать соль только с одной стороны, и избегать подозрительных взглядов сборщика налогов.

— Я не могла помочь вам, — сказала Анжелика. — Я чуть не удрала.

Купец слабо отмахнулся.

— Это все проделки Бомара, — снова сказал он. — Теперь я совершенно уверен, что это он подослал этих двух бандитов к вам. Визит сборщика налогов должен был состояться сразу после того, как они донесли бы о схватке. Через несколько часов они начнут интересоваться, что мы сделали с их посланцами. Мы не можем больше ждать и должны избавиться от трупов.

Он посмотрел на небо.

— Скоро стемнеет, и мы сможем действовать.

Они ждали в молчании, не пытаясь приблизиться друг к другу. Близкая опасность занимала все их мысли.

Небо, которое они могли видеть через дверь, приобрело цвет моря, звуки которого они слышали постоянно.

Пришла ночь, холодная, голубая и спокойная.

— Теперь мы можем идти, — сказал купец.

Они снова вошли в склад, где хранилась соль. Снова они разгребли соль, пока не извлекли трупы. Они уложили их на сани, накрыли мешками и тронулись в путь. До того, как уйти, купец дважды повернул ключ в замке.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь попал сюда, пока я не вернусь и

хорошенько все осмотрю.

Он взял за одну шлею саней, а Анжелика за вторую. Деревянные полозья легко и бесшумно скользили по маленьким круглым камням, которыми были покрыты все улицы города. Анжелика и ее спутник тащили свой груз как можно быстрее.

— Это наиболее удачный момент, — прошептал мэтр Габриэль, — фонари еще не зажжены. Эти кварталы заселены сплошь гугенотами, и они в порядке наказания зажигают здесь фонари в последнюю очередь.

Никто не встретился им на улице, кто мог бы спросить, что мэтр Берне и его служанка делают на улице и что они тащат.

Купец, казалось, знал, что делает. Он продолжал двигаться по узким аллеям, не выходя на широкие улицы.

У Анжелики было впечатление, что их экспедиция продолжается несколько часов, и она была очень удивлена, обнаружив, что они находятся недалеко от дома, у ворот торговца бумагой Марсело.

Ее хозяин ударил бронзовым молотком три раза в дверь, которую им открыл сам хозяин. Это был седовласый мужчина, который владел всем бумагоделательным производством. Закон, строгий к протестантам, с помощью налогов разорил его, оставив ему только красивый дом в Ла Рошели и небольшое бумажное производство для художников, которое только он один знал в совершенстве.

— У меня здесь кое-что, что надо спрятать в вашем колодце, — сказал Берне.

— Отлично! Заходите, дорогие друзья!

Он помог им подтащить сани к погребу, где пахло яблоками. Держа высоко лампу, он осветил им путь.

Купец снял мешки, закрывающие трупы, и хозяин посмотрел на них без всякого удивления.

— Будьте добры, мадам Анжелика, поддержите лампу. Тогда я помогу их нести. — Это было все, что он сказал. Берне покачал головой.

— Нет, будет лучше, если вы покажете дорогу. Она не знает, куда идти.

— Вы совершенно правы.

Снова Анжелика должна была тащить две холодные ноги, которые весили так много. Ее руки одеревенели. Хозяин шел впереди, освещая путь. Они спускались по трем каменным ступеням, которые вели в рабочее помещение, вес заполненное рулонами бумаги и большими чанами с кислотой. Где-то сзади мэтр Марсело не без труда отодвинул в сторону старинный ручкой пресс, за которым пряталась небольшая дверца. Ключ к

ней находился в небольшом отверстии в стене. Дверь вела к винтовой лестнице, которая, к счастью оказалась короткой.

Теперь они были в подземной комнате с очень низким потолком. В середине был колодец. Марсело поднял крышку, и комната наполнилась шумом волн.

— Колодец выходит прямо в море, — объяснил Анжелике мэтр Габриэль. Он повысил голос, чтобы быть услышанным. — Все, что бросается сюда, ударяется о скалы и уносится течением.

Все их действия были похожи на ночной кошмар. Они так и не услышали звука падения трупов, когда столкнули их в отверстие колодца. Казалось, они просто исчезли из виду.

Крышка была вновь закрыта, и шум прекратился, Тогда Анжелика прислонилась к стене и закрыла глаза. Мэтр Габриэль сказал:

— Не в первый раз. Все кончено!

До нее доходили слухи, что протестанты Ла Рошели сбрасывают своих противников в море под пение псалмов. Это было эхо тех смертельных боев, которые велись между двумя противными сторонами, которые и в настоящее время продолжались с той же жестокостью.

Как она могла избежать крови и страха?

Она нашла Онорину лежащей на животе на каменном полу. Она напоминала маленькое животное, безнадежно приготовившееся к смерти.

— Она весь день искала вас, — объяснила Абигайль. — Она казалась необычно возбужденной. Осмотрела всю мебель, хотела открыть все окна и двери. Она не звала вас, но иногда издавала стоны, ранящие нас. Мы предлагали ей все лакомства, но она отказалась от всего.

— Я одолжил ей свою деревянную лошадку, — сказал Лорье, — но она не захотела ее брать.

— Возможно, она больна?

Они стояли с озабоченными лицами вокруг маленькой растрепанной фигурки. Они были еще больше обеспокоены, когда увидели, в каком виде Анжелика вернулась домой.

— Что случилось с вами? — закричала тетя Анна.

— Ничего серьезного.

Она подняла дочь и нежно прижала к себе.

— Вот я и здесь, моя маленькая. Любовь моя, я с тобой.

«Онорина, должно быть, чувствует, когда я в опасности, — подумала она, — поэтому она так обеспокоена».

Онорина родилась в опасности, ее инстинкт позволял ей чувствовать приближение черных зверей в вельветовых костюмах.

Когда она обняла мать за шею, то заявила, что они должны закрыть ставни на ночь. Все бросились делать то, что она сказала, и только тогда она улыбнулась. Ее мать была здесь и она больше не видела черных жестоких лиц в отражении стекла.

Они посадили ее на стул и принесли чашку каши. Анжелика ушла сменить платье и заправить волосы под новый платок.

Мэтр Габриэль очень тихо разговаривал с пастором Бьюкаром и его племянником, который тоже был пастором и приехал из Кевенеса. Он заехал на один день. На руках у него находился малыш Натаниэль.

Ребенок, как и девочки-двойняшки, был из семьи Каррера. Соседи разобрали десять детей бедного адвоката в то время, как должен был родиться одиннадцатый.

Онорине было приятно чувствовать себя в центре внимания такого, большого собрания, и она начала говорить.

— Мама, — сказала она Анжелике, когда та вернулась, — где тот славный человек, который дал мне золоту к погремушку?

— Какой славный человек? — спросил мэтр Габриэль.

— Погремушку из золота? — с подозрением спросила тетя Анна.

Анжелика подумала, что глупо это отрицать.

— Господин де Бордагне был так добр, что подарил ребенку погремушку.

Наступило ледяное молчание, которое нарушал лишь стук ложки Онорины. Она задумалась.

— Мне хотелось бы иметь такого папу, — сказала она наконец с улыбкой.

С некоторых пор она пыталась найти себе отца. Сперва она выбрала пастора Бьюкара, но тот ужасно расстроил ее.

— Мое дорогое маленькое дитя, я люблю тебя, как духовную дочь, но должен сказать, что я не твой отец.

Она полюбила мужчину, который приносил воду, но тот тоже не захотел принять такой ответственности.

Теперь она хотела узнать, как обстоят дела с господином де Бордагне, но выбрала неподходящее время.

Анжелика посчитала, что лучше всего унести ее на кухню и уложить в кровать, но мысли Онорины были устремлены в одном направлении.

— Он не мой отец?

— Нет, моя любовь.

— Где же тогда мой папа?

— Далеко-далеко отсюда.

— За морем?

— Да, за морем.

— Тогда я поеду на корабле, — сказала Онорина.

Перед ее глазами возникли картины путешествия, и она заснула, измученная событиями этого дня.

Анжелика занялась приготовлением ужина. Она старалась заняться работой, чтобы скрыть свое возбуждение. Она не видела господина де Бордагне с тех пор, как он сделал ей предложение, она только послала ему письмо в надежде, что это поможет ему быть терпеливым.

Они все сидели вокруг стола. Звонок раздался у входной двери. Они посмотрели друг на друга. Снова нетерпеливо зазвенел звонок. Мэтр Габриэль встал.

— Я пойду, — сказал он. — Если мы не ответим, это будет выглядеть странно.

— Нет, пойду я, — возразила Анжелика.

— Давайте пошлем слугу.

Но слуга был напуган, неизвестно почему.

— Разрешите пойти мне, — настаивала Анжелика, положив руку на плечо купца. — Совершенно нормально, что пошла ваша служанка. Я узнаю, кто это, и приду вам сказать.

Голос через дверь произнёс:

— Это вы, мадам Анжелика? Я хочу поговорить с вами.

— Кто это?

— Вы меня не узнаете? Я Николас де Бордагне, королевский лейтенант.

— Вы? — Она почти успокоилась. — Зачем вы пришли? Арестовать меня?

— Арестовать вас? — повторил голос почти в шоке. Несчастный мужчина помолчал, чтобы собраться с мыслями, — Значит, вы считаете меня годным только на это? Приходить и арестовывать людей? Большое спасибо за такое мнение.

— Я оскорбила вас, прошу прощения. Вы один?

— Один ли я? Конечно, мое дорогое дитя. И на мне маска. И я набросил на себя плащ, такого же цвета, как стены. Если меня обнаружат, мне больше не жить здесь. Но я должен поговорить с вами. Это серьезно.

— Что случилось?

— Вы собираетесь говорить со мной, не впуская даже в уголок вашего двора? Проклятье, мадам Анжелика, что вы делаете? Когда королевский лейтенант, правитель Ла Рошели, тайно приходит к вам, чтобы отвлечь вас от забот, вы принимаете его как собаку.

— Я очень сожалею, но ваш секретный визит грозит мне потерей репутации.

— Вы сводите меня с ума. Правда состоит в том, что вы просто не хотите меня видеть.

— При сложившихся обстоятельствах я должна признать, что не чувствую себя счастливой. Вы не понимаете, как деликатно мое положение среди этих людей, которым я служу. Если они подумают...

— Я пришел как раз для того, чтобы увести вас из этого гнезда еретиков, где вам грозят неприятности.

— Что вы имеете в виду?

— Откройте дверь и вы узнаете.

Анжелика колебалась.

— Разрешите мне предупредить мэтра Берне.

— Вы, должно быть, безумны!

— Я не буду упоминать ваше имя, но я должна найти какое-то объяснение для своего отсутствия.

— Вы абсолютно правы, но поспешите... Я становлюсь другим человеком, слыша звук вашего голоса и ваше дыхание.

Анжелика вернулась в дом в тот момент, когда мэтр Берне возбужденно шел ей навстречу.

— Кто это?

Она быстро объяснила приход господина де Бордагне и его предупреждение. Глаза купца угрожающе засверкали, словно он был готов задушить Бордагне.

— Этот проклятый папист! Я скажу ему пару слов. Я покажу ему, как нападать на слуг под моей крышей.

— Нет, не мешайте. Кажется, у него есть для меня серьезные новости.

— И какие новости, вы думаете, он прянее? Ваше невинное дитя сделало несколько многозначительных замечаний. Все знают, что он охотится за вайи и хочет сделать вас своей любовницей. Это знают все в Ла Рошели.

Анжелика удерживала мэтра Габриэля изо всех сил.

— Ради Бога, сохраняйте спокойствие, — настаивала она. — На стороне господина де Бордагне сила. Сейчас не время отказываться от его помощи, когда можно сделать положение еще хуже, а оно и так достаточно

плохое, и вы рискуете быть повешенным.

Гнев Берне утих не столько благодаря ее словам, сколько благодаря прикосновению ее нежных рук.

— Кто знает, что вы уже обещали ему! — проговорил он. — До настоящего времени я всегда доверял вам...

Он оборвал себя, так как теперь это доверие было нарушено. Он вспомнил месяцы домашнего мира, который царил благодаря заботам этой служанки, не дававшей ему ни единого повода для подозрений.

Он вспомнил, как эта женщина бросилась в его объятия, плача. Если бы она тогда оттолкнула его, он был бы в состоянии контролировать себя. Он был уверен в этом. Но слабость Анжелики показала ему, что дьявол плоти, которого он не без труда победил, до сих пор живет в нем. Он потерял голову, почувствовав запах ее волос, тепло ее обнаженной груди.

Его взгляд изменился. Анжелика печально улыбнулась.

— Вы доверяли мне прежде, вы сказали? А теперь... теперь вы думаете, что я способна на всякое предательство. Разве это справедливо?

Он никогда не замечал прежде, как мягок может быть ее голос. Она была очень близка к нему, он видел ее блестящие глаза и губы в полутьме.

Как болезненно и в то же время восхитительно было смотреть на такое знакомое, но и таинственное лицо. Так ли она говорит в минуты любви? Он начал ненавидеть всех мужчин, которых она когда-то любила.

— Можно ли подозревать меня в самом черном из грехов, мэтр Габриэль, потому что вы немного потеряли контроль над собой?

Он виновато наклонил голову и был рад своей вине.

— Забудем все это, — вежливо сказал он. — Конечно, мы должны забыть это. Мы оба были немного не в себе, так как только что перенесли ужасные потрясения. Теперь все должно идти как прежде.

Но она хорошо знала, что это невозможно, Между ними всегда будет стоять тень преступления в момент их слабости. Тем не менее она сказала:

— Мы должны сохранить все силы для борьбы, чтобы спасти себя. Разрешите мне поговорить с господином де Бордагне. Могу дать вам заверение, что я никогда не позволяла ему малейшей свободы с собой.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда идите. Но возвращайтесь быстрее.

Анжелика снова вернулась к двери, где с нетерпением ее ждал господин де Бордагне.

Она открыла дверь и две руки схватили ее за талию.

— Наконец-то! Вы смеетесь надо мной. Что вы ему сказали?

— Мой хозяин подозрителен и...

— Он ваш любовник, не правда ли? В этом нет сомнений. Каждую ночь вы даете ему то, в чем отказываете мне.

— Это оскорбление.

— А кто, вы думаете, поверит в то, что это не так? Он вдовец, и вы многие месяцы живете под его крышей. Он видит вас постоянно, смеющейся и разговаривающей... и Бог знает, что еще! Невозможно, чтобы он не полюбил вас. Это совершенно аморально и скандально.

— Вы находите это более скандальным, чем ваш безумный приход ко мне?

— Это далеко не одно и то же. Я вас люблю.

Он прижал ее к себе. Ночь была так темна, что Анжелика не могла видеть его лица. Но все его существо было в состоянии уверенности и комфорта. Он был прав, ему нечего было бояться.

Сжимающие ее руки делали ей больно, но она не отваживалась избавиться от объятий.

— Ваша близость делает меня безумным, — пробормотал господин де Бордагне. — У меня такое чувство, что если я только отважусь, вы будете в этой темноте менее суровы ко мне. Возможно, вы подарите мне один поцелуй?

Его голос дрожал, и Анжелика подумала, что ей надо сделать попытку. Нельзя заставлять так дрожать королевского лейтенанта, не давая ему надежды.

Это был день экспериментов. Забрав у нее наиболее мощное ее оружие, природа наконец, решила частично вернуть ей его.

— Хорошо, вы можете поцеловать меня, — сказала она.

— Моя дорогая, — произнес господин де Бордагне. — Наконец-то вы моя.

— Я сказала только поцелуй.

— Я обещаю, что буду очень учтив.

Он нашел, что очень трудно выполнять свое обещание. Эта победа вернула ее губам всю их мягкость, и он желал только, чтобы они были менее сжаты. Но он был достаточно тактичен, чтобы удовлетвориться тем, что есть.

— Ох! Если бы я только мог взять вас под свою защиту! — вздохнул он, когда она отступила назад.

— Что вы хотели сказать? Я думаю, что должна уже идти.

— Нет, я не кончил. Боюсь, что должен буду вернуться к более неприятному делу. Любовь моя, я должен был предупредить вас о заговоре против вас. Я очень беспокоюсь о вашей судьбе. О! Почему я так полюбил

вас? Сначала я испытывал надежду, потом возбуждение, а сейчас я полон горя, так как вы лгали мне, вы заведомо меня обманывали.

— Я? Но я вас не обманывала.

— Вы сказали мне, что посланы сюда. Но это неправда. Бомар провел расследование и установил без тени сомнения, что ни одна дама из Общества верных католиков даже не знает вас.

— Это только доказывает, что господин Бомар получил неверную информацию.

— Нет! — Голос лейтенанта стал резким. — Это доказывает, что вы лжете. Так случилось, что эта крыса Бомар занимает высокое положение в секретной компании, даже выше, чем я. Именно мне часто приходится уступать ему. Мне неприятно знать, что он пытался выяснить что-то о вас, но я бессилён остановить его. Я слышал от одного из моих шпионов, что он переворачивает землю и небо, чтобы выяснить, кто вы на самом деле. — Он приблизился к ней ближе и прошептал. — Скажите мне, кто вы?

— Кто я? Что за бессмысленный вопрос. Я просто...

— О, нет. Вы еще лжете. Вы считаете меня дураком? Позвольте вам сказать, что во всем королевстве нельзя найти простой служанки, такой как вы, способной написать такое хорошее письмо. Я одновременно очарован и расстроен этим, но это убеждает меня, что вы скрываете свое истинное имя под чужим именем и одеждой.

Как только Бомар увидел вас, у него появились подозрения. Я слышу, как бьется ваше сердце. Вы напуганы. Может он найти что-то, что навредит вам? Вы молчите. Почему вы не доверяете мне, мой ангел? Я готов сделать все, чтобы спасти вас. Прежде всего нужно покинуть этих гугенотов, которые могут только скомпрометировать вас. Однажды они будут арестованы, и если вы будете находиться среди них, вы не избежите полицейского следствия. Поэтому, когда это случится, вы должны быть в безопасности. Я могу увезти вас и вашу дочь в одно из моих поместий, в Берри. Позднее, когда неприятности улягутся и Бомар будет занят другими делами, я привезу вас обратно в Ла Рошель. Вы, конечно, станете моей женой.

Он повторил снова, боясь, что она не полностью поняла его намерения:

— Я не знаю, кто вы, но все равно я женюсь на вас!

Анжелика была не в состоянии вымолвить ни слова. Она начала отходить назад, но он удержал ее.

— Откуда вы? Вы определенно необычная женщина. Вы даже не ответили мне, согласны ли вы принять мое предложение?

— О, да, конечно, я подумаю.

— Вы уже один раз обещали это. Но решайте быстрее. Завтра я уезжаю в Париж на несколько дней: я должен посетить королевский совет. Если вы только согласитесь ехать со мной, я отвезу вас в Берри.

— Я не могу так быстро принять решение.

— Но могу я, в конце концов, быть уверенным, что вы дадите мне ответ, когда я вернусь?

— Я постараюсь.

— Вы должны сказать «да». Бомар хитрый человек, и я боюсь за вас.

Он попытался снова поцеловать ее, но она выскользнула из его рук и захлопнула дверь.

Она молча стояла некоторое время в темном дворе, потом, как безумная, побежала к дому. Она налетела на мэтра Габриэля, который схватил ее за локоть.

— Что он вам сказал? Почему вы так задержались? Он уговаривал вас уйти с ним, да?

Она освободилась и попыталась взбежать по ступенькам. Но он снова схватил ее.

— Ответьте мне!

— Что вы ожидаете услышать? Ох, вы все безумны! У мужчин меньше здравого смысла, чем у детей. Вас ждет смерть, может быть, завтра. Ваши враги расставили ловушки, и вы попались в них. И что вы думаете? Вы можете только ревновать...

— Он целовал вас?

— А что, черт возьми, если да? Завтра мы все будем в тюрьме. Вы не знаете, что такое быть в тюрьме. А я знаю.

Она снова попыталась уйти, но он удержал ее своими сильными руками.

У входа горел старый фонарь, и при его свете лицо Анжелики с диким выражением казалось лицом пришельца из другого мира.

— Куда вы бежите? Вы всех напугаете.

— Я возьму дочь и Лорье и уведу их. Мы должны уйти.

Он не спросил ее, куда. Он смотрел на нее так, словно не видел ее. С глазами, полными страха, она выглядела, как женщина на дороге, которую он оглушил и чьи зеленые глаза смотрели на него так несчастливо, пока она не потеряла сознание. Сейчас она выглядела так же, как нищенка на дороге, символ раненной красоты и слабости. Это была женщина, которая в течение многих лет являлась перед ним в мечтах. Но в мечтах она только двигала губами, и он никогда не слышал, что она пытается ему сказать.

А сейчас она была здесь и говорила. Он слышал слова, которые так долго доходили до его сознания: «Мы должны уйти».

— Сейчас, в разгар ночи? Вы безумны.

— Вы думаете, я буду ждать, когда королевские драгуны придут убить вас? Вы думаете, я буду ждать, пока придет Бомар и арестует меня? И буду надеяться на королевского судью? Вы думаете, я буду ждать, чтобы увидеть, как Лорье будут увозить плачущего из города, как каждый день увозят протестантских детей, один Бог знает, куда? Я видела достаточно детей, взывающих о помощи. Я знаю достаточно тюрем и охранников. Вы тоже их узнаете, если захотите. Но я ухожу с детьми. Я уеду за море.

— За море?

— За морем есть новые земли, не правда ли? Люди короля не смогут там добраться до меня. Только там я снова смогу увидеть сияние солнца и цветение цветков. Даже если мне больше ничего не останется, я смогу иметь хоть это.

— Вы бредите, моя бедная душа.

Она почувствовала слабость и пустоту. Этот день был слишком тяжел для нее.

— Конечно, это так, — прошептала она. — Если бы вы только знали, как это страшно, мэтр Габриэль! Я не безумна, я просто вижу, где я нахожусь. За мной гонится стая диких собак, и они все ближе. Передо мной море. Я должна идти, я должна спасти детей, я должна спасти свою дочь. Я не могу избавиться от мысли, что ее отберут у меня и бросят к бродягам, плачущую и зовущую меня. Незаконнорожденную, которую никто не хотел. Разве вы не видите, что я не имею права дать себя схватить? Я даже не имею права умереть.

Она добавила, снова задрожав:

— Разрешите мне уйти, вы должны позволить мне уйти. Я должна бежать в порт.

— В порт? Для чего?

— Чтобы нанять корабль.

— Вы думаете, это так просто? Кто вас возьмет на корабль? И как вы оплатите за проезд?

— Если дойдет до этого, я продам себя капитану одного из кораблей.

Он резко встряхнул ее.

— Как вы смеете говорить такой бред?

— А будет ли лучше, если я продам себя господину де Бордагне? Если уже я должна продать себя какому-то мужчине, то хочу, чтобы он увез меня как можно дальше отсюда.

— Я запрещаю вас это делать, вы слышите, я вам запрещаю!

— Я не думаю о том, что сделаю, но я уезжаю.

Она кричала, и эхо ее голоса отражалось от старого дома, от бледных и красных лиц судовладельцев и купцов, смотрящих из деревянных рам. Никогда эти знатнейшие люди в Ла Рошели не слышали таких криков и таких скандальных слов. Пастор с Абигаиль и мадам Анна находились поблизости со свечами в руках.

— Вы правы, — сказал мэтр Габриэль. — Вы должны уехать... но ехать должны мы все.

— Все? — повторила Анжелика, отказываясь поверить своим ушам.

Лицо купца было мрачным, но решительным.

— Да, мы уедем все. Мы оставим дом нашим врагам. Оставим плоды всей нашей работы и наш город. Мы уедем и заработаем право жить в неизвестных далеких землях. Не дрожите больше, мадам Анжелика, моя дорогая... моя любимая. Именно вы правы, земля ускользает из-под наших ног, и мы из-за своей трусости ввергаем своих детей в беду, а ведь они только начинают жить. Бесполезно быть и дальше слепыми. Сегодня я увидел, что пропасть стала слишком широкой, и еще я знаю, что не хочу вас терять. Мы уедем!

Глава 11

Она могла смотреть на море дюжину раз в день, видеть его танцующую серость, постоянно ударяющуюся о вал.

«Возьми меня! Увези меня!» — мягко молила она его.

Но им нужно было ждать. Она поняла, что они должны ждать. Два дня прошло с того времени, как Анжелика и мэтр Берне сбросили в море трупы, воспользовавшись колодцем торговца бумагой Марселе.

Жизнь, казалось, возвращалась в нормальное русло. Полицейские не звонили у ворот дома, никто не приходил на склады. Можно было подумать, что ничего не случилось, и они убеждали себя, что ничего не может случиться. Они только должны сказать себе, что жизнь очень спокойная, и надо только поставить горшок с едой на огонь в этот славный солнечный денек.

Но Онорине уже не было нужды просить их закрывать ставни на окна. Угроза висела над домом, это было видно по всем его обитателям. Город окружил их ловушками. Порт, ворота к свободе, патрулировался полицией, а каждый корабль старательно обыскивался. До того, как они могли бы вздохнуть свободно, они должны были проплыть башнями маяка и Святого Николая, вокруг мыса герцога Ришелье и миновать полукруг белых рифов. Королевские корабли плавали вдоль побережья и острова Ре, чтобы не дать возможности уехать людям.

Дети играли вокруг пальмы. Их шумные голоса доносились до Анжелики вместе с ритмичным стуком их палок о камни двора.

Здесь собрался целый хор детей со всех соседних домов, чьи родители оставили их одних, приглашенные на совет старейшин. Юбки маленьких девочек напоминали яркие цветы на фоне черных костюмов мальчиков.

Все плечи был закрыты кудряшками: светлыми, коричневыми и красными. Их щеки были розовыми, а когда они смотрели вверх, их глаза напоминали звезды.

Анжелика отставила утюг и следила за ними из окна. В любой момент, думала она, ворота могут открыться, ворвутся солдаты, которые схватят этих детей за руки и уведут.

Члены консистории вошли в зал. Их жены, которые пришли с мужьями, были встречены тетей Анной, которая увела их в другую комнату. Они разговаривали тихо, словно в доме кто-то умер.

Вскоре после этого на кухню вышел мэтр Габриэль. Он взял стул и

сел, но не взял по привычке длинную датскую папиросу, как делал обычно.

Он заговорил, не глядя на Анжелику:

— Мы решили, что уедем в Санта-Доминго. Наша группа будет состоять из десяти семей, сопровождаемых двумя пасторами, Бьюкаром и его племянником. Все согласилось с необходимостью отъезда в новые земли. Для некоторых из них это очень непросто. Торговец бумагой Марсело и Каррера, адвокат, хотят поехать с нами всей душой. Как мы сможем дать им работу на островах? Я даже не знаю, смогут ли рыбаки, вроде наших, организовать там рыбное дело. Люди там зарабатывают на жизнь, в основном, на плантациях сахарного тростника, табака и какао.

— Меня интересует какао, — заявила Анжелика. — Однажды я организовала производство шоколада и я знаю, как выбирать качественные зерна.

Она уже мечтала. Она будет свободной, бродить в большой соломенной шляпе по зеленой плантации с Лорье, и Онорина будет идти позади нее, пытаясь поймать сапфировых и золотых бабочек.

Ее зеленые глаза были полны света, словно в них отражалось Карибское море с пальмами.

Мэтр Габриэль бросил на нее грустный взгляд. Только несколько дней назад он осознал всю силу ее красоты, хотя он запрещал себе получать удовольствие от изучения ее лица. Он жестоко осуждал себя за это, но его взгляд постоянно возвращался к ее лицу. «Она вошла в нашу жизнь, как фея», — говорил он себе. Она бросала свой свет на всех, и в то же время никто ничего не знал о ней. Сейчас она старательно гладила одежду. Ее щеки были розовы от пара, который поднимался от влажного белья. Она занималась своей работой очень умело, но он видел, что она не всегда этим занималась. Его очень интересовали события ее таинственного прошлого. Странные слова слетали с ее уст время от времени, и купец хранил их в своей памяти, пытаясь из кусочков сложить целую картину. Разве только что она не сказала, что имела дело с чем-то, связанным с какао? Но какая связь может быть между женщиной, утопающей в грязи на шарентской дороге и, той, которая кричала: «Они ворвались в мой замок, убили моих слуг!»

«Авантюристка! — говорила мадам Маниголь, дотрагиваясь пальцем до кончика носа, — Я чувствую это по запаху, и я никогда не ошибаюсь!»

Глаза Анжелики встретились с глазами купца, и она улыбнулась ему. Они обоюдно согласились забыть все и сохранять дружеские отношения до отъезда. Она была очень благодарна ему за это. Жесткая вера гугенотов

заставляла мэтра Габриеля перевозмочь свои чувства. Он был холериком и мог сдерживать свои чувства молитвами. Человек большой силы и доброты, он в час опасности не замкнулся только на собственных бедах. Он был достаточно умен, чтобы видеть, что если будет так продолжаться, то они придут к полному безумию.

Благодаря ему и его железной выдержке атмосфера спокойствия еще раз воцарилась в доме. Нервозность Анжелики уменьшилась благодаря моральной силе купца, которая давала ей силы противостоять страху. Оставшись одни, они часто хранили долгое молчание.

— Кандела с отъездом? — спросила она. Лицо купца загорелось.

— Как говорят ваши паписты, это похоже на чудо. Жан Маниголь, судовладелец, один из тех, кто сильнее всего возражал против отъезда, внезапно решил поехать с нами. С ним случилось большое несчастье, и это заставило его изменить свое решение: его младший сын был у него отобран. Мальчик имел глупость остановиться и наблюдать за церковной процессией. «Они» увидели в этом желание переменить веру и, так как ему уже больше семи, они увезли его в монастырь. Чтобы вернуть его, Маниголь должен истратить целое состояние. Теперь, несмотря на свое богатство, Маниголь напугался из-за ребенка. Поэтому он тоже уезжает. Все будет гораздо легче, если он будет с нами. У него много складов в Санта-Доминго, и мы сможем отплыть на одном из его кораблей.

Так он планирует, и я считаю это подходящим планом. Один из его кораблей, занимающийся работоторговлей, должен скоро вернуться из Африки. Рабы будут содержаться в складе на побережье в ожидании очередного плавания на острова. Маниголь составит список на них, согласует с властями, но в последнюю минуту мы займем их место. Будем надеяться, что больше никто не явится на корабль с осмотром до тех пор, как мы пересечем мыс Антиох и будем в безопасности.

— Но что будет с рабами?

— Они останутся на земле, в запертом складе, а мы позаботимся накачать их наркотиками так, чтоб они были обнаружены как можно позже.

— Значит, у господина Маниголя большое мужество, если он отказывается от прибыли, которую мог принести этот рейс, — сказала Анжелика.

— Многое мы должны еще уладить, — задумчиво сказал Берне. — Но Маниголю не будет хуже, чем нам: он там надеется заняться торговлей. Его дело останется тем же самым, только он будет находиться в Санта-Доминго, а не в Ла Рошели. Он сделает все необходимое, чтобы

удостовериться, что ошибки не произойдет. Что касается меня, то у меня есть немного денег в Голландии и немного в Англии. Вдобавок в оставшиеся дни мы превратим лучшие наши ценности в золото. Оно не займет много места на корабле.

— Вы не думаете, что у людей возникнут подозрения, когда они узнают, что вы все распродаете?

— Мы будем очень осторожны с этим. Католики, с которыми мы имеем дело, будут знать, что мы вынуждены это делать, чтобы уплатить двойной налог.

Анжелика задала вопрос, который мучил ее больше всего.

— Когда же это будет, когда мы сможем отплыть?

— Через две или три недели.

— Три недели! — воскликнула она. — Как долго!

Он пожал плечами.

— Это кажется очень мало, когда приходится отрываться от земли предков. — Он ударил кулаком по столу. — Будь прокляты те, кто вынуждает нас к этому!

Ей хотелось сказать, что она сожалеет, но ничего не сказала, боясь расстроить его еще больше.

Анжелика, которая уже потеряла все, что имела, не могла понять, что удерживает здесь протестантов, живущих в угнетении.

Но протестанты продолжали извлекать уроки из тех угроз и притеснений, которым их подвергали. Они все больше думали об американских островах с солнечными сияниями и обещаниями свободы. Они уже имели опыт плавания через моря, и теперь им предстояло только увидеть новых людей, живущих там. В течение двухсот лет они жили в угнетенном положении и теперь казались более разумными. Лучше покинуть свой город, и провинцию, чем продолжать вести тайную войну, которую они вели постоянно.

Подумать только, что им не придется больше жить под ярко-синим небом Ла Рошели. Подумать только, что их дети не будут больше дышать родным воздухом, наполненным запахом моря, но и не будут находиться под постоянной угрозой, как их отцы, не будут бегать босиком по берегу моря, лазить по скалам, наблюдать за кораблями в море...

Оставить все это...

— Три недели — очень малый срок, — сказал купец, — но в то же время я понимаю, что опасность возрастает. Но мы должны попытаться использовать свой шанс как можно лучше. В течение этих трех недель датский флот покинет Ла Рошель. Вы знаете, что эти люди не любят

плавать в одиночку. Дважды в год они покидают Амстердам или Антверпен все вместе. Их армада имеет защиту из военных кораблей. Маниголь хочет присоединиться к ним, что даст нам защиту. Поэтому мы должны ждать, когда они придут. Они не только вызовут активную деятельность в порту, но и некоторый беспорядок, что будет полезно для наших планов. Когда мы будем плыть в центре такого флота, то сможем избежать проверки королевских моряков, так как им пришлось бы трудиться слишком много, чтобы проверить весь флот. Так мы избежим преследований властей, а как только покинем залив, никто не приблизится к нам больше!

Анжелика кивнула. План казался не только выполнимым, но и умным, и в то же время ее что-то пугало: недели ожидания казались ей длиннее, чем года. Какой замысел вынашивает Бомар втайне? Он был не тем человеком, который будет выжидать, пока завершится визит Николаса де Бордагне в Париж.

Сердце Анжелики сжалось, но она смело подняла голову.

— Пусть Бог услышит вас, мэтр Габриэль.

Глава 12

Тропинка вдоль скал вилась через сухую соленую почву, изгибаясь так же, как и линия берега от Ла Рошели к небольшой деревне Ла Палис напротив острова Ре. Сыпучая земля затрудняла движение, и Анжелика шла очень медленно.

Она не беспокоилась из-за этого, времени было достаточно, и хотя она предпочитала выполнить скорее свою задачу, ей доставляла удовольствие медленная прогулка.

Онорина брела рядом с ней. С того дня, как были убиты агенты полиции, Анжелика никогда не оставляла девочку одну, когда уходила из дома. Во всяком случае, она редко покидала дом, так как боялась рисковать. Ей везде виделись подозрительные лица и странные взгляды людей, которых она встречала на улицах. Она была уверена, что сеть затягивается все туже.

Часы проходили мирно, из них складывались дни, но Анжелика чувствовала, что уплывает песок из-под фундамента ее жизни. Все больше и больше песка уплывало, и в один прекрасный миг все сооружение рухнет!

Все вокруг нее были очень активны, хотя все было тайной тех, кто готовился к побегу. Ни единая душа не видела, чтобы кто-то упаковывался, и в то же время каждую ночь совершались таинственные рейсы в порт. Большое количество ценностей собралось на «Санта-Марии», прибывшей с рабами из Африки. Богатые и бедные собирали вещи, которые много для них значили. Они были полны желания уехать, но не хотели спать без желтых сатиновых простыней или варить пищу не в тех горшках, которыми они привыкли пользоваться.

Маниголь вел долгие споры со своей женой, которая хотела взять с собой их обеденный сервиз, платья, сшитые известным гугенотским портным Бернардом Палесси. Судовладелец шумел и ругался, но позволил ей упаковать значительную часть вещей, сам он тоже не хотел расставаться с ними.

В прибрежном складе запах тел черных рабов из Гвинеи смешивался с запахами ванили, перца и других товаров. На «Санта-Марии» шли приготовления к плаванию. Ни единого признака, что ее пассажирами будут не рабы, а белые протестанты.

У тети Анны мысль плыть под видом черных рабов вызывала

неприятные чувства.

— Там нечем будет дышать, — говорила она, — и все наши дети умрут от вони.

По нескольку раз в день она связывала книги, которые хотела взять с собой. Это были Библия, книги по математике и астрономии. Связка получалась слишком высокой, и старая дева тяжело вздыхала.

Анжелика приобрела большой запас фиг в маленьких лавочках, которые она предназначала для детей. Савари однажды сказал ей, что эти фрукты могут спасти от смертельной болезни, которая ослабляет все тело, а десны начинают кровоточить.

Все были заняты подготовкой своих вещей, и все хотели надеяться, что все будет хорошо. Казалось, все так и будет, и Анжелика металась между обеспокоенностью и успокоением. Инстинкты никогда не обманывали ее, и она чувствовала в воздухе скрытую угрозу. Но как она могла знать, в чем она заключалась? Учитывала ли она тот факт, что господин де Бордагне еще не вернулся из Парижа и что исчезновение двух полицейских агентов не могло не привести к расследованию? Полиция уже приказала, чтобы городские ворота держались на запоре днем и ночью, и каждый, кто хотел войти или покинуть город, проверялся очень внимательно. Справедливость этой меры была объяснена тем, что вдоль побережья плавают пираты. Должны ли они принять это объяснение? Или это вызвано желанием более внимательно следить за гугенотами? Конечно, здесь людям не надо было опасаться вооруженных нападений, как на берегах Средиземного моря, но богатые купцы хорошо знали, на чем основываются их страхи. Пираты могли встать на якорь где-то поблизости, найти контакт с людьми внутри города и перерезать горло тому, кто не хочет расставаться со своим добром. Капитаны кораблей вступали с пиратами в своего рода соглашения и платили своеобразный налог. Было ли это правдой, что эти люди появились здесь, предлагая для продажи канадские меха? Какой бы ни была причина, но ворота города оставались закрытыми и охраняемыми.

Именно поэтому Анжелика отправилась, чтобы забрать Мартьяля и Северину с острова Ре. Раньше было решено, что мэтр Габриэль поедет за двумя старшими детьми, когда будет близко время отъезда. Но сейчас для протестантов стало очень трудно покинуть город. Их имена записывались, их долго допрашивали и постоянно следили за их возвращением.

С другой стороны, оставалось мало времени. Их тайный отъезд приближался, так как было объявлено о прибытии датской эскадры. Анжелика часто выглядывала из окна и смотрела на вал, стараясь

поговорить с солдатом Ансельмом Камюзо.

— Видны датчане?

Охранник маяка качал головой.

— Пока нет, но откуда такое нетерпение, мадам Анжелика? У вас есть молодой человек на борту этих кораблей?

Теперь прошел слух, что корабли прибыли в Брест. Они будут в Ла Рошели через два или три дня. Тогда придет их черед и под покровом ночи преследуемые люди взойдут на борт корабля.

Они побегут из города, их города, города их предков, и в течение ночи гордые протестанты Ла Рошели пожнут урожаем своих бед.

Они возбужденно ждали отъезда. Каждый переживал при звуке шагов. Позже придет время, когда они смогут жить без постоянного риска. Море было пустынно до самого горизонта, и они могли видеть в нем свою свободу.

Анжелика сделала глубокий вдох. Воздух был тяжелым от запаха соли. Небольшие желтые цветы росли в низинах между дюнами. Онорина собрала немного цветов с большим прилежанием.

— Поторопись, любимая, — сказала Анжелика.

— Я устала.

— Ну, тогда я понесу тебя.

И она наклонилась, так, чтобы ребенок мог взобраться ей на спину.

Ей нравилось идти, обвеваемой ветром с легкой ношей на спине. Шелковые локоны Онорины касались ее шеи. Она слышала смех девочки. Они обе получали удовольствие от тишины открытого пространства, звуков шагов и пения птиц. Анжелика поняла — и она была уверена, что и Онорина чувствует то же самое, — что никто из них не был рожден для жизни в городе. Здесь, за валом, они сделали неожиданное открытие, что предпочитают простор с далеко отступающим горизонтом. Местность была плоской и голой, деревьев не было, и сегодня ее прикрывал туман.

Справа, далеко впереди, виднелась группа домов, которые составляли деревню. Глядя на море, можно было еще видеть центральный пик мыса Ришелье. Анжелика только взглянула на него. Перед ней был пролив между островами Орегон и Ре, но даже этот узкий пролив казался ей открытым морем.

Онорина сжала маленькие ручки вокруг шеи матери.

— Ты счастлива? — спросила она мать.

— Да, счастлива, — ответила Анжелика.

И это было так. Когда она смотрела на ландшафт, еще дикий и независимый от людей и их страстей, она обретала уверенность, что море

не предаст ее. Новый этап жизни открывался перед нею.

Несмотря на трудности, она будет жить новой жизнью с новым мужеством. Единственным сожалением при отъезде с этой древней земли было то, что ей приходится покинуть маленькую могилу на краю леса в Нейле, около развалин замка. Единственным сокровищем, которое она возьмет с собой, будет ее дочь, ее ребенок, ее друг. Только еще несколько часов, и она будет отдыхать в мире, как птица.

— Хорошо, если ты счастлива, спой мне! — сказала Онорина.

Анжелика засмеялась. Ее дочь всегда знала, как воспользоваться своими возможностями.

Они начали петь любимую песню Флоримона «Зеленая ветряная мельница». Песня была о дьяволе, который хотел захватить ветряную мельницу, и о хозяине, который боролся за свое сокровище.

Анжелика отошла от скал, продолжая петь. Здесь она должна перейти на дорогу, ведущую к небольшому порту Ла Палис.

— Посмотри туда, — сказала Онорина, — я вижу дьявола с зеленой мельницы.

Мать автоматически повернулась в том направлении, куда указывал маленький пальчик, и ее дыхание прервалось.

Почти точно в той точке, куда они должны были выйти, идя по тропинке, появился силуэт. Хотя Анжелика была еще далеко от него, чтобы различить его черты, она видела, что это был очень высокий мужчина, одетый в черное, в черном плаще, развевающимся на ветру.

Это был сам Мефистофель!

В тот момент море бросило на берег облако тумана, и Анжелика обнаружила, что стоит в тумане, погруженная в нереальные мечты, в которых единственным движущимся объектом были развевающиеся полы черного плаща.

Она подумала, что не может больше оставаться живой или, по крайней мере, ее мозг больше ей не подчинялся и уводил ее в страну, где воображение превращается в действительность.

Она так часто вспоминала предсказание господина Рочата: «Я желаю, чтобы Рескатор бросил якорь около Ла Рошели». И это случилось, действительно случилось. Она подумала, что сходит с ума, и это ее напугало.

Потом облако тумана прошло мимо, и море снова приобрело бриллиантовый вид. Все снова стало ясным, как и прежде, и она могла видеть в отдалении Ла Рошель, белый блестящий город, как корона из чистого серебра. Странный мужчина поднял руки и поднес к глазам

подзорную трубу, глядя на город. Он продолжал осмотр, твердо стоя на ногах в высоких сапогах. Потом он опустил трубу и, казалось, подал сигнал другим людям на берегу, которых она не могла видеть.

Анжелика сжалась: он повернется и увидит женщину, стоящую там. Почему она вдруг осознала, что этот человек и те, что были с ним, не должны узнать ее и даже увидеть?

Она огляделась вокруг, потом затаилась за кустом тамариска. Ей было трудно разглядеть, что происходит на берегу, но она увидела, как еще двое мужчин подошли к первому и все трое начали что-то обсуждать.

Потом они исчезли. Она могла бы подумать, что все это ей приснилось, но, приложив ухо к земле, она услышала отдаленные голоса, и ветер донес до нее запах дыма.

— Не двигайся, — сказала ока Онорине.

Но у Онорины не было намерения двигаться. Ее дикая натура находила удовольствие в том, чтобы прятаться, подобно молодому кролику, это напоминало ей ранние дни детства.

Анжелика легла на живот и по траве поползла к вершине холма.

Там она увидела, в середине залива трехмачтовый корабль без флага и опознавательных знаков. Он низко сидел в воде и мог быть как датским, так и английским, но определенно не французским. Корабль безусловно не принадлежал к рыболовным судам, базирующимся в Ла Рошели, так как это были корабли водоизмещением 180 тонн, а этот 250 тонн, а то и больше.

Что могли делать купцы в этом заливе, всего в миле от Ла Рошели? Это было совсем неподходящее место для купцов. И был ли это купеческий корабль? Будучи на Средиземном море, Анжелика научилась различать определенные трюки камуфляжа. Сейчас она определила, что корабль имеет две палубы и вооружен батареей пушек, которые сейчас закрыты, но при необходимости могут быть быстро расчехлены.

На палубе сновали какие-то люди, явно маскируя кульвертины, что было почти определено.

Кусок брезента, накрывающий длинные предметы, без сомнения, скрывал лестницы, которые используются в море для захвата других судов.

От корабля отплыла лодка и направилась к берегу. Когда она его достигла, Анжелика потеряла ее из вида. Она продвинулась дальше и осторожно подняла голову.

Теперь она могла слышать гул голосов, но не могла разобрать, на каком языке они говорят. Внизу она могла видеть большой котел, висящий над огнем. В котле была шведская смола, которой промазывали днище

корабля. Моряки наливали кипящую смолу в ведра, чтобы везти обратно к кораблю. Все, что Анжелика могла видеть, это спины и головы моряков.

Корабельная команда производила странное впечатление. Похоже, что все четверо мужчин, которых она видела, были разных рас, и они собрались вместе на какой-то праздник, чтобы представить четыре стороны света. Один из них был худым с большущими глазами. Возможно, он был из Сицилии или из Греции, а может быть, даже с Мальты. Второй был полным, казалось, он еле двигается. Третий был бородатым с сильными мускулами на обнаженных руках. Он, должно быть, был турком. Последний гигант держался в тени, подальше от грубой работы, которой занимались остальные, он осматривал внимательными глазами окрестности, держа в руке мушкет.

Пираты!

Значит, объяснение полиции по поводу закрытых городских ворот не было обманом. Пираты действительно были замечены и только несколько кабельтовых разделяли их и крепость Святого Людовика Ла Рошели. Не дальше они находились и от Сан-Мартин де Ре, где размещался королевский флот.

Паруса были поставлены так, что они могли быть быстро приведены в действие. Корабль был готов уйти при первом признаке опасности.

Было странно, что они не заметили ее.

Звук падающих камней заставил ее плотнее прижаться к земле. Она услышала удивленное восклицание и затем удары, которыми крестьяне награждали свиней, сгоняя их к берегу. Моряк в меховой шапке подошел к ним и начал торговаться. Казалось, что крестьяне установили хорошие отношения с пиратами, которые бросили якорь около их деревни. Они были реальными, эти пираты! Она могла видеть их, слышать и чуть ли не дотронуться до них. Было немыслимо, чтобы он явился сюда во плоти и бросил якорь около Ла Рошели, особенно, он... Почему он? Она, должно быть, видела его во сне, во всяком случае, она больше его не видит. Корабль плавно поднимался и опускался на волнах, и Анжелика смогла рассмотреть его странное название, написанное золотыми буквами: «Голдсборо».

Пожатие маленькой руки вернуло ее на землю. Онорина, которая посчитала прошедшее время очень долгим, приползла к ней незаметно, как кошка.

Увидев ее рядом, Анжелика поняла, что они не могут больше оставаться здесь. Эти грубые моряки были нерасположены к благородным делам. И если их капитаном был Рескатор, которого, ей казалось, она

увидела, то был ли смысл снова попасть в его руки?

Она стала переползать с одной дюны на другую, пока, наконец, они не достигли дороги. Там она снова взяла Онорину на спину и быстро, как только могла, направилась в Ла Палис. Она почти вбежала в гостиницу, куда заходили рыбаки выпить стакан вина после установки сетей.

— Вы выглядите так, словно увидели самого дьявола! — сказала ей хозяйка, ставя перед ней кувшин вина.

— Да, мы его видели, — согласилась Онорина.

— Глупенькая малышка! — засмеялась женщина.

Анжелика попросила молока и кусок хлеба с маслом для дочери и хлеба с сыром для себя. К вину она не притронулась, так как оно лишило бы ее ноги тех сил, которые еще в ней остались. Она должна сохранить их, чтобы забрать Мартьяля и Северину с острова Ре.

Несколькими часами позже она была в маленькой крепости Сен-Мартин.

Она спросила, где живет мадам Демурье, сестра мэтра Берне, и легко нашла этот дом. Анжелика выглядела бледной и очень взволнованной, хотя роль, которую ей предстояло сыграть, она выучила отлично. Мэтр Габриэль внезапно заболел, он умирает и хочет увидеть своих детей.

Его сестра мало знала о жизни брата и, конечно, была ужасно расстроена этой новостью. Она была неплохой женщиной, но перешла в католичество, потому что была самолюбива и понимала, что жизнь у протестантов будет проходить в бесконечных несчастьях и разрушенных надеждах. Она была моложе мэтра Габриэля и была очень расстроена тем охлаждением, которое произошло между ней и ее братом, которого она обожала. Она горько плакала и, думая о близкой смерти брата, совсем забыла приказ лейтенанта, что дети никогда не должны покидать ее дом без специального разрешения властей. Она отпустила обоих детей с Анжеликой.

Владелец, небольшой лодки, курсирующей между островом и материком, смотрел, как небо покрывается тучами. Начиная шторм, и лодка начала подниматься и опускаться на огромных черных волнах. Когда они достигли берега, начался дождь. Анжелика наняла закрытую карету, чтобы добраться до города. В этой ситуации она не отважилась идти пешком. Кучер был гугенотом и был рад сделать добро для возвращения детей мэтра Берне.

Это была короткая поездка, и скоро они остановились перед воротами Святого Николая у вала. Они охранялись солдатом, которому все наскучило, и он разрешил проехать в город в карете. Анжелика уже

поздравила себя с удачей, когда два солдата вышли из сторожевой будки.

Они встали перед лошадьё, чтобы остановить ее и заглянуть в карету.

— Она, — сказал один из них.

Анжелика узнала человека, который спрашивал ее имя этим утром, когда она покидала город.

— Вы мадам Анжелика, служанка в доме мэтра Габриэля Берне?

— Да, это я.

Солдаты посоветались, потом один из них взобрался на козлы рядом с кучером.

— Мы получили инструкции ждать вашего возвращения и проводить вас в дом правосудия.

Глава 13

Гугенот, который правил лошадьми, побледнел. Плохо для протестанта оказаться с человеком, которого сопровождают в зал суда.

Но он не высказал своего мнения о том, куда они едут. Анжелика подумала, что, возможно, они хотят ее видеть из-за пиратов. Потом она уверила себя, что вернулся Николас де Бордагне и пожелал увидеть ее.

Но они не повели ее по знакомой главной лестнице, она с тремя детьми была приведена к конторе в тени под аркадой. Одни служащие занимались бумагами, другие сидели в углу и не находили ничего лучшего, как кусать ногти.

В помещении стоял тяжелый запах табака и пыли, вызвавший у Анжелики тяжелые воспоминания. Это был запах, характерный для полицейского участка. Один из мужчин встал, посмотрел на молодую женщину, потом открыл дверь позади себя.

— Идите туда, — сказал он, толкая ее.

Делая это, он взял руку Онорины.

— Дети останутся здесь.

— Но они же могут находиться со мной, — запротестовала Анжелика.

— Нет, не могут. Господин Бомар хочет задать вам несколько вопросов.

Анжелика обменялась взглядами с Мартьялем и Севериной, они часто дышали открытыми ртами. Их сердца, должно быть, бились учащенно, так как они уже были здесь во время своего ареста. Ей хотелось закричать: «Главное, держите рты закрытыми», так как она сделала ошибку и прошептала им кое-что об отъезде на американские острова, когда они плыли по проливу.

Все, что она могла сказать, было:

— Присмотрите за Онориной. Убедите ее вести себя хорошо и не разговаривать.

Последние слова были заглушены криком Онорины, которая была взбешена тем, что ее разлучают с матерью. Они захлопнули дверь, и Анжелика оказалась в центре комнаты, в которую только что вошла. Она прислушивалась к крикам дочери, которые не могли заглушить грубые, но успокаивающие голоса полицейских. Шум немного утих, когда они куда-то увели девочку. Она слышала, как открываются и закрываются двери, потом все стихло.

— Проходите и садитесь.

Анжелика вздрогнула. Она не заметила господина Бомара, сидящего за столом. Он указал ей на стул.

— Садитесь, мадам Анжелика.

Ей показалось, что он необычно произнес ее имя. Он: притворился, что не смотрит на нее, пока она садилась, а просматривает бумаги в папке. Несколько раз он хмыкнул:

— Да, конечно... да, конечно...

Потом он закрыл папку и инквизиторским взглядом уставился на Анжелику. Николас де Бордагне отсутствовал, и это устраивало Бомара.

Анжелика понимала, что ей предстоит бой. Молчание затянулось. Это было частью тактики Бомара: смутить человека, которого он допрашивал. Но так случилось, что Анжелика использовала паузу, чтобы собраться с мыслями и силами. Она не знала, какой из ее поступков первым он подвергнет атаке. Возможно, Бомар и сам этого не знал. Сидя глубоко задумавшись, он водил языком по губам и выглядел, как хитрая лисица.

Наконец он собрался с мыслями и наклонился к ней со сладким выражением лица.

— Теперь скажите мне, моя дорогая, что вы сделали с трупами?

— С трупами? — повторила Анжелика удивленно.

— Не разыгрывайте из себя невинность. Вы не выглядели бы такой расстроенной, если бы не знали, о чем идет речь. Об этом не очень приятно думать, не так ли?

Эти трупы вы куда-то утащили и спрятали?

Анжелика продолжала сохранять выражение вежливого непонимания.

— Давайте не будем зря терять время. Что бы вы теперь ни говорили, в конце концов вы сознаетесь. Эти трупы, вы помните... Один из них носил ярко-синий плащ, — он опустил руки на стол. — И вы будете утверждать, что человек в синем плаще не приставал к вам на улице в прошлом месяце?

— Простите меня, — она изобразила виноватую улыбку, — но я не понимаю ни слова из того, что вы говорите. Пожалуйста, не сердитесь.

Бомар покраснел и рот его грязно скривился.

— Вы не помните двух мужчин? Третьего апреля после полудня вы возвращались со склада господина Маниголя на побережье. Мужчины следовали за вами по улице. Конечно, вы ничего не помните?

Он посмотрел на нее с иронией. Она не знала, как далеко она может его завести, поэтому сказала:

— Возможно.

— Ах! Теперь мы имеем кое-что, — сказал он с удовлетворением. Он

снова наклонился вперед с видом превосходства. Теперь уж ей не сбежать от него. — Ну теперь расскажите мне все об этом.

Анжелика напряглась. Она поняла, что если она позволит этому дьявольскому следователю увериться, что он сможет переломить ее, он будет выжимать из нее одно признание за другим, и она окончательно запутается. Тогда с ней будет покончено.

— Сказать вам? О чем? — спросила она, симулируя вульгарность. — Вы думаете, ко мне не пристают сотни мужчин на улицах? И раз мы коснулись этой темы, репутация Ла Рошели становится все хуже и хуже. И вы думаете, что я должна хранить в памяти перечень всех этих неприятных типов и беспокоиться о том, носят ли они красные или синие плащи?

Бомар остановил ее, игнорируя ее протест.

— Но я точно уверен, что вы помните этих двоих довольно хорошо. Говорите. Они преследовали вас, потом...

— Ну, — сказала она, — раз вы настаиваете, что они преследовали меня, я полагаю, что послала их подальше.

— Потом вы ушли?

— Полагаю, да.

— Третьего апреля, когда вы возвращались от господина Маниголя, вы пошли прямо к дому господина Берне?

Она почувствовала ловушку и начала отвечать, с большой осторожностью.

— Третьего апреля, вы говорите? Я могла пойти не сразу домой в тот день. Я могла сперва зайти на склад: хозяина, как часто делаю, когда для него есть записка от господина Маниголя.

Ответ, казалось, удовлетворил Бомара, и он обнажил свои желтые зубы в усмешке.

— Удачно для вас, что вы, наконец, вспомнили свои передвижения. Так как, если бы вы сказали мне что-то другое, я бы знал, что вы лжете. Позвольте мне сказать вам, что я послал двух людей, о которых мы говорим, за вами, и они следовали за вами от таверны на побережье, где я сидел. Другой мой человек с двумя солдатами ждал у дома мэтра Берне. Теперь этот человек утверждает, что вы не возвращались домой весь день, как не приходили и два псевдогалантных господина, которых они должны были встретить. И что касается их, то с тех пор их никто не видел.

— Ох! — сказала Анжелика, словно не ожидала такого.

— Не начинайте снова играть невинность, — закричал он, ударяя рукой по столу.

Он гневно скривил рот:

— Вы очень хорошо знаете, почему их с тех пор никто не видел. Потому что они убиты, и я знаю, кто это сделал. Я скажу вам точно, что случилось, раз ваша память такая плохая. Вы пришли в так называемый склад хозяина, а мои люди сделали то, что им было приказано — о, я знаю, что они этого весьма хотели — они пытались получить небольшую награду от вас! Тогда мэтр Берне и его помощники вступили в схватку. Мои люди были малочисленны, и они были убиты. Теперь я хочу знать, как вы избавились от трупов.

Анжелика старалась открывать глаза все шире и шире по мере того, как он продолжал свой рассказ. Но упоминание о помощниках говорило, что факты не совсем верны.

— Небеса! — воскликнула она наивным тоном. — Но это абсолютная нелепость! Я с трудом верю своим ушам! Вы считаете, что мой хозяин — убийца?

— Да, убийца! — отбарабанил Бомар.

— Но это совершенно невозможно, господин. Он очень религиозный человек, читает каждый день Библию.

— Это абсолютно ничего не доказывает. Эти еретики способны на все. И поверьте мне, я получаю деньги за установление истины, и я ее узнаю.

Но взрыв возмущения Анжелики, казалось, заставил его немного засомневаться.

Она продолжала:

— Он не причинит вреда и бабочке, он очень спокойный и благородный человек.

Инквизитор неприятно улыбнулся.

— У меня нет и тени сомнения, что вы можете оценить эти качества, моя красавица.

— Мой хозяин никогда...

— Ваш хозяин! Ваш хозяин! — загремел он, — Давай те называть вещи своими именами. Он меньше ваш хозяин, чем вы его любовница.

Анжелика сидела секунду с гримасой осуждения на лице, затем бросила на стол свою последнюю карту, которую она хранила в резерве. Это была ее последняя надежда в этой страшной ситуации. — Поведение Бомара давало ей такую возможность.

— Господин, — сказала она, опустив глаза, — вы, без сомнения, знаете, что господин де Бордагне оказал мне честь заметить меня, несмотря на мое низкое положение. Не думаю, что он будет доволен, услышав оскорбительные предположения, которые вы только что высказали мне.

Он не сделал ни малейшего движения. Он только улыбнулся своей

сладкой улыбкой и начал делать что-то, что напомнило Анжелике о страхах. Он взял что-то со стола и начал вертеть это между пальцами. Анжелика не могла отвести глаз от его толстых пальцев.

— Так случилось, — сказал Бомар с изучающей мягкостью, — что господин де Бордагне не вернется обратно в Ла Рошель. Его начальники нашли, что он проявил определенную слабость в выполнении основной задачи. — Он сжал зубы. — Они ждали цифр, а не обещаний. За время его управления число гугенотов только возросло, и надо признать, что разговорами, которые мы вели в это время, нельзя ничего добиться.

Он внезапно принял интимный вид, почти приятный.

— Так что, дорогая, вы видите, ситуация вполне ясна. Господин де Бордагне не придет вам на помощь. С этого времени вы будете иметь дело со мной, и я уверен, что мы к чему-нибудь придем.

Анжелика почувствовала, что ее губы дрожат, независимо от воли.

— Он не вернется... — прошептала она.

— Нет... но, хорошо... Если его внимание было искренним, а я признаю, что так и было, вы, тем не менее, принимали знаки внимания со стороны купца. Как было умно с вашей стороны принять под свое крыло богатого вдовца...

— Я не позволю вам...

— А я не позволю вам больше смеяться надо мной, маленькая грязная дрянь, — заорал Бомар, наливаясь кровью от гнева. — Вы его любовница, конечно! А что вы могли делать в кабинете купца, когда Грома пришел третьего апреля получить налог? Он вас видел! — Ваш лиф был расстегнут, волосы растрепаны. И им пришлось Бог знает сколько стучать в дверь, пока этот еретик не открыл им. И у вас хватает наглости говорить мне в лицо, что вы не его любовница! Вы просто лгунья и интриганка, вот вы кто.

Он остановился, почти задохнувшись, но довольный тем, что ее щеки сильно покраснели. Анжелика была готова ударить себя за то, что не может контролировать свой румянец. Как она может отрицать то, что он сказал! К счастью, благодаря темноте, сборщик налогов не заметил, что ее одежда была разорвана и испачкана кровью. Но все потеряно, если он только заявит, что она была в крови.

— Ага! Теперь вы выглядите менее гордой, — обратился к ней мучитель.

Он поздравил себя с тем, что заставил ее опустить глаза. Эти женщины были хуже, чем можно было себе представить. Оки могут слишком легко заставить вас поверить, что вы заблуждаетесь.

— Ну, что вы можете сказать о себе?

— Человек слаб в своих поступках...

Бомар сощурил глаза и его черты приобрели дьявольский вид.

— О, да, разумеется, женщина, подобная вам, которая хорошо знает, что каждый мужчина остановится, чтобы посмотреть на вас, конечно, может иметь моменты слабости. Я могу сказать, это только часть вашей работы. Я буду очень удивлен, если вы предложите мне что-то еще. И, в конце концов, это исключительно ваше личное дело, что вы выбрали этого Берне. Но вы нагло лгали мне об этом деле, и если бы я не разоблачил вашу ложь, вы бы доказывали, что вы добродетельны. Если вы могли солгать в одном, то могли солгать и в остальном. Я теперь знаю вам цену, моя красавица. Вы очень упрямый клиент, но я могу быть и жестче.

Анжелика начала понимать, что она попала в тиски очень грязного дела. Этот маленький человечек, казалось, был особенно злой ищейкой. Он пугал ее даже больше, чем Дегре. Даже тогда, когда Дегре выламывал ей пальцы, чтобы заставить ее признать соучастие в квартирных кражах, между ними всегда было какое-то, физическое влечение, что делало их схватку более возбуждающей.

Анжелика была охвачена отвращением при мысли использовать свое обаяние, чтобы нейтрализовать этого пахнущего дьяволом негодяя. К тому же такая попытка несла в себе риск провала с самого начала. Хотя он был такого же типа мужчиной, как де Солигнас, он получал удовольствие от выполненной бескомпромиссно работы, от вида человека, которого он избивал, от чувства власти, от того, что он может уничтожить человека одним росчерком пера.

Он похлопал руками по животу, лицо у него при этом было такое же, как у старой девы.

— Давайте, моя дорогая, будем хорошими друзьями. Зачем, черт возьми, вы стали обслуживать этих еретиков? Я не отрицаю, что старый Берне и его деньги могут прийти к вам в руки, но вы достаточно умны, чтобы понять, что в наши дни богатство протестантов стоит столько же сколько ветер. Разве только он переменит веру. Тогда будет совсем другое дело. Если бы вы захотели, вы бы давно добились, чтобы Габриэль Берне и его семья перешли в католическую веру, и тогда вы были бы в выигрыше со всех сторон. Теперь же вы попали в основательную грязь, вы сообщница убийцы и вовлечены в планы гугенотов. Факт, вы теряете все преимущества католика. Вы даже можете быть вовлеченной в их преступную секту, и это будет уже более серьезное дело.

Он взглянул на маленький листок бумаги.

— Священник из ближайшей церкви говорит, что никогда вас не видел, не слышал он и вашей исповеди. Что это означает? Может быть, вы уже вступили на ложную тропу?

— Нет, конечно нет! — с жаром воскликнула Анжелика.

Бомар почувствовал это и откинулся назад. Дела шли не так хорошо, как он надеялся.

Анжелика не смогла отмахнуться от воспоминания, как Онорина ворвалась в комнату со сверкающими от ненависти глазами и начала бить Бомара палкой, крича: «Я хочу убить его!»

В ее сердце поднялась волна любви к этому маленькому созданию, которое уже, подобно ей самой, выступало против всякого закона, полное ненависти.

Она должна уйти отсюда и увести Онорину, и сделать это в ближайшие часы, которые остались до их побега.

— А что относительно этого? — сказал Бомар. — Что вы скажете об этом?

Он протянул ей несколько листов бумаги со списком имен. Здесь была фамилия Берне, а также Марсело, Каррера, Маниголь и многих других. Анжелика дважды перечитала его. Сперва она была заинтригована, потом почувствовала замешательство. Она вопросительно посмотрела на своего мучителя.

— Каждый из людей в этом списке будет завтра арестован, — сказал он с улыбкой, потом внезапно выпалил: — Потому что они собираются сбежать.

Это была копия того списка, который составил Маниголь, список будущих пассажиров «Санта-Мари», отъезжающих за границу.

Ее имя тоже было в списке после фамилии Берне: «Мадам Анжелика, служанка».

— «Санта-Мария» не отплывет, — продолжал Бомар. — С этого момента она находится под строжайшей охраной.

Мозг Анжелики лихорадочно искал выхода из положения. Что делать, что сказать? Она достигла такой степени нервного напряжения, что могла видеть, что Бомар может превратить каждого из них в оружие против нее. Он знал очень много, он знал все. Но она не позволит ему действовать по намеченному им плану, Любая ложь лучше, чем молчание, которое начинало выглядеть как признание.

— Побег, — сказала она. — Но зачем?

— Все эти гугеноты пытаются сохранить свои богатства, бежав из страны. Это враги Франции, а не подданные короля.

— Но я никогда не слышала ни слова об этом, почему же я включена в список? Я не принадлежу к их вере, поэтому мне нет нужды бежать, и у меня нет богатства, которое надо спасать.

— Но вы должны бояться оставаться в Ла Рошели. В конце концов, вы сообщник в убийстве.

— Прошу вас, — закричала Анжелика, притворяясь сильно испуганной. — Прошу вас, не повторяйте такого ужасного обвинения. Даю вам слово, что вы ошибаетесь. И я могу доказать вам это.

— Значит, вы что-то знаете?

— Да, знаю. — Анжелика вытерла лицо носовым платком. — Я скажу вам всю правду.

— Вот и отлично, — сказал Бомар, его лицо засветилось триумфом.

— Эти люди... люди, которых, вы сказали, послали за мной третьего апреля... я... это верно, я хорошо их помню.

— Я в этом уверен.

— Особенно парня в синем плаще. Я не знаю, как объяснить вам. Я испытываю такой стыд. Но дело в том, что, несмотря на то, что вы говорите, мой хозяин — очень суровый человек, и жизнь в его доме приносит так мало веселого. Я только бедная девушка с ребенком, о котором должна заботиться, и я согласилась работать у этих гугенотов, так как он предложил хорошую плату. Но он очень резок. Моя жизнь состоит только из работы и чтения Библии. Поэтому, когда ваш молодой человек подошел ко мне на улице, я была, скорее, рада слушать его. Пожалуйста, не сердитесь...

— Я не сержусь, — сказал Бомар. — Это доказывает, что он удовлетворительно выполнял работу, за которую ему платят. А потом?

— Мы шли, приятно беседуя, пока не дошли до склада мэтра Берне, куда я должна была зайти. Я думаю, что дала ему понять, что хотела бы встретиться с ним позднее где-нибудь в укромном месте. Я помню, что он что-то сказал своему приятелю, и второй парень ответил что-то вроде: «Вшивый старик достаточно наполнил наши карманы, так что мы можем заняться этим делом...»

— «Вшивый старик»? — закричал Бомар.

— Я не знаю, о ком он говорил, но полагаю, это могли быть... вы.

— Продолжайте, — сказал он в гневе.

— Да, кажется, он сказал, что у них порядочно денег, на которые можно поиграть.

Это была деталь, о которой она ничего не знала, но могла предполагать это. Когда президент королевской комиссии посылает двух

нанятых негодяев на улицы Ла Рошели, он должен позаботиться, чтобы в их карманах было достаточно денег, чтобы увлечь девушек, за которыми их посылают. Ее рассуждения оказались верными, так как он не поднял глаз. Анжелика продолжала увереннее:

— Потом он сказал: «Последняя нам досталась легко, по крайней мере никто не бил нас по лицу. Иди и жди меня в таверне, закажи себе кувшин вина за счет старика! Потом мы поговорим, что будем делать».

— Что он имел в виду? — спросил Бомар.

— Понятия не имею. Я должна признаться, что у меня на уме было другое. Он был очень настойчив, а я не то, чтобы возражала, конечно. Как я уже сказала вам, моя жизнь в доме гугенотов была ужасно скучной, и уже прошло довольно много времени с тех пор, как я имела... как вы можете сказать... удовольствие. На улице никого не было...

Ей было ненавистно рассказывать такую гнусную историю, но Бомар, казалось, поверил в нее. Он выглядел так неуверенно, что Анжелика продолжала фантазировать.

— Потом вышел мой хозяин, господин Берне, и застал нас. Он человек очень горячего нрава и пришел в ужасный гнев. Он весьма силен, так что мой новый друг не был в состоянии с ним драться. Поэтому он убежал, что, я считаю, было лучшим в данной ситуации.

— Проклятье этим дуракам. Почему они не остались вместе? Если я посылал их вдвоем, то для этого была основательная причина!

— Что касается меня, хозяин завел меня в кабинет и крепко меня отругал. Как я уже говорила, он был взбешен...

— Он ревновал.

— Может быть, — сказала Анжелика, — но дело в том, что он чуть не избил меня, когда Грома помешал ему и спас меня от наказания.

— Это все?

— Нет, не все, — пробормотала Анжелика, наклоня голову.

— Что еще случилось?

— Я... снова видела парня в синем плаще.

— Что? Когда?

— В тот же вечер. Мы успели договориться о встрече около вала. И я видела его на следующий день...

Она все время придерживалась придуманной легенды. Но не рискует ли она разрушить всю построенную ею ложь?

— После этого я его больше не видела. Думаю, он покинул город... Он упоминал о такой возможности... я была ужасно расстроена...

— Они все такие! Ты учишь их работать, пытаешься дать им понять,

как важна их работа, ты посылаешь их на работу исключительной важности, а они завязывают флирт и ищут свою удачу где-то в другом месте. Но, тем не менее, я удивлен, что Жюстен Медард мог сделать подобную вещь. Кому можно тогда доверять?

Анжелика не дала ему возможности сокрушаться по поводу поведения несчастного Жюстена. Этот негодяй уплатил сполна за свое поведение и его тело пошло на кори крабам. Она умоляюще произнесла:

— Теперь, когда я во всем созналась, пожалуйста, не будьте ко мне слишком строги. Даю вам слово, что завтра я оставлю дом гугенотов. Пока я была там, я не имела ничего, кроме неприятностей. Я не знаю еще, куда я пойду, но я оставлю их, обещаю.

— О нет, — запротестовал он. — Наоборот, вы должны остаться у них и информировать меня обо всем, что там происходит. Например, узнайте все о предполагаемом рейсе «Санта-Мариин». Ваше имя тоже в списке.

— Это не имеет ко мне никакого отношения! Я ничего не знаю об этом. Думаю, что если мой хозяин надумал уехать, он должен сказать мне об этом или, по крайней мере, я увижу, как он готовит вещи к отъезду.

— А вы ничего не замечали?

— Нет.

Она пыталась выглядеть наивной.

— И все же информация, которую я получил, кажется довольно надежной.

— Если люди, которые ее дали, получили свою плату, как Жюстен, — засмеялась Анжелика.

— Замолчите! — закричал Бомар. — Пока я терпеливо слушал то, что вы говорили, вы опять подняли голову. Вы бесстыдное создание! Вас следует запереть в институт падших женщин, Вы проститутка, а это очень низкий способ зарабатывать на хлеб. Но вы можете оказать мне большую услугу.

Он снова успокоился и посмотрел на нее задумчиво.

— Если вы действительно такая, — сказал он мягко.

Он встал и обошел вокруг стола. Анжелику интересовало, что он собирается делать. Она надеялась, что он не собирается требовать ее поцелуев за возвращение свободы. Но он направился к двери.

— Господин, господин, — просила она, всплеснув руками, — скажите мне, что я могу идти и отдайте мне мою дочь. Я не сделала ничего плохого.

— Да, я думаю, что отпущу вас, — решил он с олимпийским спокойствием. — Я только хочу проверить кое— что... потом вы сможете уйти. — И он вышел.

Ей бы следовало заметить коварство в его словах, но она была так охвачена надеждой, когда он сказал: «Потом вы сможете уйти». Она надеялась, что они вернут ей детей Берне и Онорину.

Плечи ее дрожали, она закрыла глаза и две слезинки скатились по щекам.

Потом дверь открылась и кто-то вошел в комнату..

Это был офицер полиции Франсис Дегре.

Глава 14

Офицер с квадратной челюстью и карими глазами, которые прямо смотрели на нее, стоял у двери. Его массивные плечи скрывал застегнутый темно-коричневый плащ. Галстук, высокие сапоги — все в нем напоминало о Париже с его каретами и синими ночами. Анжелика была так удивлена, что сначала не поняла опасности прихода этого человека из ее прошлого.

Сейчас станет известно, что она маркиза дю Плесси, мятежница Пуату, что она должна быть арестована именем короля и брошена в тюрьму. Онорина будет унесена в неизвестность, и она потеряет ее так же, как потеряла Флоримона. Она никогда не сможет бежать на острова...

Ее мозг был парализован, она не могла думать ни о чем, кроме ее теперешнего провала. Она узнала его и поняла, что ей даже как-то приятно снова видеть его, Дегре! Это казалось таким далеким и вдруг оказалось таким близким.

Он наклонился к ней так, словно они расстались только вчера.

— Как вы поживаете, мадам?

Она вздрогнула при звуке его голоса, так как это напомнило ей те схватки, которые у них были, ненависть и страх, которые она к нему испытывала, и те минуты страсти, когда он грубо овладевал ею.

Она следила, как он пересек комнату и сел за стол Бомара. Она вспомнила, какой когда-то выглядел и, хотя его черты стали тверже, они и теперь напоминали студента, не имеющего ни су в кармане, каким он был до поступления в полицию. Но с другой стороны, ей была незнакома его элегантность и уверенность движений, то, канон сел, подобно человеку, привыкшему нести тяжелую ответственность.

Его черты стали более резкими, чем прежде. Ирония глубоко скрывалась в уголках глаз, она никогда не исчезала, даже когда он не улыбался. Но увидев ее, он обнажил в усмешке свои белые зубы.

— Ну, моя Дорогая маркиза ангелов, значит, мы снова встретились, несмотря на поспешность, с которой вы улетели от меня в то время, когда мы встречались в последний раз. Когда же это было? Как давно это было... Четыре, нет, пять лет назад! Как летит время! Конечно, многое происходит с людьми и за менее короткое время, например, с вами. Вы не могли никогда оставаться в спокойствии. А что в отношении меня? О, хорошо! Я занимался ежедневно делами. Я только недавно арестовал одну из ваших соседок, маркизу де Бринвилль. Не знаю, помните ли вы ее, она жила всего

в нескольких кварталах от вас. Она отравила всю свою семью, как и множество других людей. Я охотился за ней многие годы, и именно вы помогли мне совершить арест. Да, вы. Та прежняя информация, которую я получил от вас о воровстве ваших добрых друзей из Двора Чудес... Вы больше не помните этого? Нет, очевидно, слишком многое произошло с вами с тех пор. Моя дорогая, в Париже сейчас происходит много отравлений. Из-за этого я был сильно занят, И в Версале тоже травят один другого, хотя и с большими трюками. Но я вижу, что эти слухи не представляют для вас большого интереса. Давайте поговорим о чем-нибудь еще.

Мне поручили найти и схватить вас. Мне всегда поручали наиболее грязную работу. Представить только, поймать мятежницу Пуату! Не все так просто, и мне не хотелось бродить по провинции, подобно вашей. Бедная провинция, — произнес он. — Кровь и смерть, толпы людей, похожих на диких животных, чьи рты сразу закрываются, как только упоминается ваше имя. Я почти отказался от поисков, когда мне повезло. Это старый попугай Бомар причастен к моей удаче. Он явился в Париж докладывать о религиозных делах и попытался кое-что узнать о женщине... Я заинтересовался этим, у меня было чувство, что это вы, хотя я и не был уверен. Но мои подозрения возросли после беседы с господином де Бордагне, очаровательным правителем Ла Рошели. Поэтому я приехал увидеть вас, моя дорогая. Это вы, значит, моя работа завершена.

Вы знаете, что вы выглядите даже моложе, чем прежде? Да, меня поразил этот факт, как только я увидел вас. Может, это вызвано той одеждой, которая сейчас на вас, она напоминает мне о служанке, когда я имел привычку заходить выпить в «Красную Маску». Позднее я был расстроен, увидев другое лицо. Это было лицо фаворитки короля, увешанной драгоценностями. Поверьте мне, я видел черты своих отравителей на вашем лице. Их лица полны амбиций, страха и желания мести. Теперь все это ушло. Что снова вернуло вам чистоту ваших щек, блеск глаз, которые призывают к помощи?

Как только я пришел, я сказал себе: «Милостивый Боже! Как она молода!» И должен признать, это приятное удивление после того, как я не видел вас пять лет. Возможно, это из-за слез на ваших щеках... Эта старая крыса Бомар заставил вас плакать, моя любовь. Зачем он это сделал? Что вы сделали такого, что снова оказались в тисках полиции? Когда вы научитесь быть более осторожной? И когда вы ответите мне? Ваши глаза наговаривают целые тома, но этого недостаточно. Я хочу услышать звук вашего голоса.

Он наклонился вперед, внимательно глядя на нее, прямо в глаза. Она не сказала ничего, не способная издать ни единого звука. Потом из нее вырвался крик:

— Дегре, Дегре, друг мой, пожалуйста, помогите мне!

Дегре ничего не говорил, просто сидел и смотрел на нее. Ему было необходимо снова привыкнуть к знакомым чертам и деталям этого лица, которое он так часто видел в своих снах.

Он был готов ко всему. Он был готов найти ее разбитой, старой, полной ненависти, но не ожидал увидеть такого горя в ее зеленых глазах, которые, казалось, стали еще ярче, чем прежде.

«Вы были прекрасны, когда я знал вас прежде, — подумал он, — но сейчас вы еще прекрасней. Как совершилось такое чудо?»

Он наклонился вперед.

— Мадам, чем я могу помочь вам?

Анжелика бросила на него свирепый взгляд, словно только что очнулась от транса.

— Помочь мне? Вы хотите помочь мне, Дегре?

— Что я еще делал, кроме как помогал вам с тех пор, как я вас знаю? Вы знаете, даже когда я пытался арестовать вас в Марселе, то только чтобы помочь вам. Что я бы только не дал, чтобы избавить вас от такой разрушительной эскапады, за которую вы так дорого заплатили!

— Но вам приказали арестовать меня, не правда ли?

— Да, и не однажды, а дважды. Но я не собираюсь этого делать. — Он покачал головой. — Потому что на этот раз это будет для вас концом. Вы никогда больше не сбежите. Я буду обязан заковать вас по рукам и ногам. И я даже не знаю, будет ли сохранена вам жизнь. Конечно, вы некогда больше не будете свободной, вы никогда не увидите дневного света.

— Вы рискуете своей карьерой, Дегре.

— Не очень хорошо с вашей стороны напоминать мне об этом, когда я предлагаю вам свою помощь. Я не могу смириться с мыслью, что вы будете заперты в тюрьме до конца своих дней, ведь вы были рождены, чтобы жить под открытым небом. Между прочим, это правда, что вы чуть не отплыли на восточные острова с тридцатью протестантами?

Он провел пальцем по списку пассажиров «Санта-Мари». Она видела имена Маниголя, Берне, Марсело, расплывающиеся перед ее глазами. В последнюю секунду она заколебалась.

Полиция имеет сотни способов узнать правду. Ей стоит только сказать одну фразу, и она может предать своих друзей, которых она хотела защитить любой ценой. Ее губы дрожали.

— Да. Собиралась, — сказала она.

Дегре откинулся назад со странным взглядом.

— Слава Богу, что вы мне доверяете, — сказал он. — Если бы вы не сделали этого, я мог бы даже арестовать вас. Странно, но такая уж наша работа. Получив приказ, мы становимся жестче, но в то же время и сентиментальней. Ты готов отдать вес, за исключением одной или двух вещей, которые стоят для тебя дороже золота. Ваша дружба — одна из таких вещей.

— Вы отпустите меня?

— Да. Но не кажется ли вам, что если я просто вас отпущу, вы недолго будете в безопасности? Почему вы не уехали раньше на острова? Это была бы лучшая ситуация. Тогда бы я никогда больше не видел вас. Теперь же я не знаю, что с вами делать. Бомар собирается арестовать всех ваших сообщников. Корабль находится под постоянным наблюдением, поэтому нет нужды вам пытаться попасть на него. Что за глупая мысль оказаться замешанной в дело с этими еретиками, моя милая, когда у вас есть сотня хороших причин избегать того, чтобы узнали, кто вы есть на самом деле. Теперь же эти люди слишком заметны, чтобы являться для вас прикрытием. Не говоря уже о том, что они не очень привлекательные. Множество негодяев, которые даже не знают, как заниматься любовью. Вы меня разочаровали!

— Вы говорите, что они будут арестованы? — Только это она ухватила из его речи. — Когда?

— Завтра утром.

— Завтра утром, — повторила она, побледнев.

Никто не имеет ни малейшего представления о том, что должно случиться. Завтра утром люди, одетые в черное, войдут во двор, где растут испанские лилии. Дети будут танцевать вокруг пальмы. Они схватят этих детей за руки и уведут их. Они закуют руки мэтру Берне. Они потащат старую Ребекку и тетю Анну, громко протестующую, с Библией и книгами по математике в руках.

И выйдут женщины из всех домов, расположенных у вала, и мимо них поведут мужчин в цепях, и маленькие дети будут бежать впереди солдат, которые будут их уводить.

— Дегре, вы сказали, что поможете мне...

— И я полагаю, вы хотите помочь этому народу. Мы не можем сделать этого, моя милая. Не надо больше нелепостей с вашей стороны! Я дам вам немного времени, чтобы собрать свое добро, и я не спущу с вас глаз, пока, вы будете это делать. Потом я извлеку вас из той грязи, в

которую вы так глупо влипли. Вы, кажется, легко забыли, что вас ждет темница. Тот факт, что вы папистка, не спасет вас, когда кто-то, кроме меня, начнет вас допрашивать.

— Послушайте меня, Дегре.

— Нет.

— Дайте мне двадцать четыре часа. Я прошу только двадцать четыре часа. Воспользуйтесь вашей властью, чтобы заставить их подождать до послезавтра или, в крайнем случае, до завтрашнего вечера с этими арестами.

— Проклятье, вы, должно быть, безумны, — закричал Дегре очень сердито. — Вы начинаете все больше и больше творить глупости. Уже и так достаточно трудно спасти вас при награде в пять тысяч ливров за вашу голову— А вам и этого мало.

— Дайте мне двадцать четыре часа, Дегре, и я обещаю, что уеду вместе с ними.

— Вы хотите сказать мне, что до завтрашнего вечера увезете почти пятьдесят человек, которых хочет арестовать полиция, и вы будете настолько далеко, что не будете пойманы снова?

— Да, я сделаю это.

Дегре молча смотрел на нее некоторое время.

— Какие сверкающие звезды я вижу в ваших глазах! — сказал он с внезапной горечью. — Ах, я давно это знаю! Вы никогда не изменитесь, маркиза ангелов. Хорошо. Вы получите все, потому что улыбаетесь, когда говорите: «Да, я сделаю это».

Она уже вскочила, но он остановил ее жестом.

— Теперь осторожность. Двадцать четыре часа, не больше. Даже если бы я захотел, я не смогу задержать их на большой срок. Меня здесь уважают, так как я правая рука господина де Рена, а он глава всей полиции государства. Но я приехал сюда только для выполнения одного дела, и не мое дело вмешиваться в провинциальные проблемы. Бомару, конечно, не понравится мое вмешательство в дело ареста его протестантов. Но я найду повод для того, чтобы отложить аресты до завтрашней ночи. Более долгий срок исключается. Он торопится, знает, что датский флот вот-вот должен войти в Ла Рошель, и беспорядок, который он создаст, позволит этим людям получить хорошую возможность. Они должны быть под замком до прибытия флота.

— Понимаю.

— Пойдемте сюда, — сказал он, беря ее за локоть и направляясь к другой двери, которая была за столом. — Пусть лучше никто не видит, как

вы уходите. Это избавит меня от лишних вопросов.

Анжелика остановилась.

— А как относительно детей? Я не могу без них уйти.

— Я отослал их домой еще раньше, — ответил он. — Это маленькое красноволосое существо, которое, кажется, приходится вам дочерью, чуть не оглушило нас своими криками. Тогда я сказал старшему мальчику: «Возвращайтесь к своему отцу, ни с кем не разговаривайте и ждите, когда вернется мадам Анжелика». Это было тогда, когда вас допрашивал Бомар. Но я знал, что придет моя очередь.

— О, Дегре, — прошептала она, — как вы добры!

Он провел ее по узкому темному коридору, в конце которого открыл дверь. На улице уже было темно. Дождь уже кончился, но ветер дул с большой силой.

Дегре остановился, обнял Анжелику и прижал к себе.

— Я люблю вас, — сказал он. — Я могу сказать это теперь, раз это больше не имеет значения.

Ее голова откинулась назад, в его сильных руках она почувствовала себя слабой. Она чувствовала в себе только торопливость птицы, которая томится в неволе, и, наконец, получает возможность освободиться.

Он понял, что ее уже нет с ним, что он обнимает тело без души, которая уже в пути. Она летела в будущее, в котором ему не было места.

«Она создана для свободы», — подумал он.

Он склонился к ее губам, но почти не коснулся их.

— Прощайте, маркиза ангелов, — пробормотал он.

Очень осторожно он опустил руки. Она бросилась бежать, сделала несколько шагов, потом остановилась. Он услышал ее слова:

— Прощайте, Дегре, друг мой. Благодарю вас. Благодарю.

Анжелика бежала по темному городу. Ветер придал ее губам соленый вкус. Так, должно быть, бежала жена Лота, когда землетрясение и огонь разрушали город.

Она совсем задохнулась, когда достигла дома.

Они были там все: дети, мэтр Габриэль, старая Ребекка, тетя Анна, Абигайль, старый и молодой пасторы с ребенком-сиротой.

Они бросились к ней, окружили, засыпали вопросами. Купец потребовал:

— Расскажите нам обо всем, Они арестовали вас. Почему? Что случилось?

— Ничего серьезного.

Даже тетя Анна сказала дрожащим голосом:

— Вы заставили нас изрядно поволноваться. Мы боялись, что они бросили вас в тюрьму.

Она пыталась улыбнуться, чтобы успокоить их. Сейчас, когда она застала их здесь всех вместе, она была уверена, что ее план будет успешным и она будет в состоянии спасти их. Они провели ее на кухню, и Ребекка подала ей немного вина.

— Это из-за корабля, не так ли? — спросил мэтр Габриэль. — Они арестовали вас, потому что им стало что-то известно.

— Ничего особенного.

— Вы говорите «ничего», но вы белы, как простыня. Вы должны сказать, что идет не так. Должны мы предупредить Маниголя? — Он положил ей руку на плечо. — Я чуть не помчался в суд.

— Это было бы большой ошибкой, мэтр Габриэль. Я пришла к заключению, что эти господа что-то подозревают, но пока у них нет доказательств, а когда они будут, мы будем уже далеко. Я надеюсь, что Мартьяль и Северина ничего не сказали.

— Никто ни о чем нас не спрашивал, — сказал Мартьяль. — Когда вас увели, к нам подошел высокий мужчина и сказал: «Бегите домой, мадам Анжелика придет позднее». Остальные были недовольны, но он сам вывел нас на улицу.

— Я думаю, он из Парижа, — заметила Северина, ее глаза сияли, — Остальные относились к нему с большим уважением.

Анжелика согласилась.

— Да, этот господин — мой друг, и он дал мне слово, что нас не побеспокоят ночью.

— Значит, у вас есть друзья среди парижской полиции, мадам Анжелика? — резко спросил мэтр Габриэль.

— Да, так случилось, что я их имею. И как видите, это может быть полезно. Я обещаю рассказать вам все завтра, но сегодня я очень устала и думаю, мы должны уложить детей в постель.

Но когда все ушли, Анжелика вернулась.

— Я должна поговорить с вами, — сказала она Абигаиль.

Они ждали, пока большой дом погрузится в темноту.

— Я не хотела объяснять свой план мэтр Габриэлю, — сказала она Абигаиль, — так как он может меня остановить. Я — единственный человек, который может теперь что-то сделать, но я должна сказать вам об этом.

И она рассказала всю историю. Их предали, но кто? Возможно, один

из помощников Маниголя, возможно, кто-нибудь из отъезжающих. Но какое значение имеет, кто это сделал? Важно, что Бомар знает все. Он знает их имена. Полицейские следят за ними у «Санта-Мари». Завтра они должны прийти и всех арестовать.

Абигайль слушала, не перебивая. Она выглядела, как мадонна с длинным благородным лицом и бледными ресницами. Она оставалась совсем спокойной. Анжелика подумала, что ей легче, так как она не знает, что значит находиться в тюрьме или быть преследуемой, как животное, когда нет возможности надеяться на помощь.

— У нас остался один шанс, — сказала она. — Я попы таюсь его использовать. Поэтому я сейчас уйду.

Абигайль задрожала.

— Ночью? В такой шторм? Послушайте...

Ветер стучал ставнями окон. Снова начался дождь, и шум бегущей воды сливался с глухим рокотом моря.

— Каждый час на счету, — сказала Анжелика. — До завтра мы должны быть на борту, иначе мы проиграли.

— На борту? Как мы можем? Вы сами сказали, что порт охраняется, и ни один — корабль не поплывет в такую погоду, как сейчас.

— Разве корабль нам не нужен? — сказала Анжелика. — Я должна рискнуть — это наш последний шанс. Будьте готовы, Абигайль. Пока я буду отсутствовать, приготовьте все вещи. Только берите очень мало: смену одежды и немного белья.

— Когда вы вернетесь?

— Не знаю. Возможно, на рассвете, но будьте готовы. Я могу вернуться с новостью, что корабль ждет нас и мы должны поторопиться. — Она достигла двери, потом остановилась. — Если я не вернусь, Абигайль... Что бы ни случилось, присмотрите за моей дочерью Онориной. Но как я глупа! Я обязательно вернусь!

Абигайль подошла к ней и обняла.

— Что вы собираетесь делать, Анжелика?

— Что-то очень простое. Я иду искать корабль капитана, которого я знаю, и я буду просить его увезти нас.

Молодая девушка сильнее прижалась, и Анжелика увидела в ее тазах странный блеск.

Детское воспоминание, которое уже когда-то появлялось в ней, снова представилось ей при мысли о новой дружбе. Когда она была маленькой девочкой в Монтелу и разразился шторм, она воображала, что Дева Мария держит ее в своих руках, и ее страх исчезал. Она прижалась лбом к плечу.

Абигайль, которая мягко сказала:

— Зачем вы пытаетесь взять нас всех с собой? Это лишь усложняет вашу задачу. У меня такое чувство, что вы могли легко уехать одна, Анжелика.

— Нет, не могу, — сказала Анжелика, качая голо вой. — У меня никогда не будет сил сделать такое. Моя благородная Абигайль, вы можете не понять, почему, но я знаю, что если я не помогу вам и вашим протестантским братьям убежать, я никогда не буду в состоянии отомстить ту кровь, что уже пролилась, и те ошибки, которые я совершила в своей жизни... — Она закончила почти весело: — Поэтому сегодня или никогда. Поэтому я должна добиться успеха.

Абигайль проводила ее до ворот. Внезапный порыв ветра потушил свечу. Две молодые женщины обнялись у вала. Анжелика не слышала, как закрылись ворота.

Пока она сражается за них всех, Абигайль будет светить ей, как лампада, и Анжелика не будет одинока. Она не слышала ничего, кроме рокота моря. К тому времени, как она достигла сторожевой башни маяка, она уже промокла насквозь.

Секунду она стояла неподвижно, чтобы восстановить дыхание. Потом встала на цыпочки и заглянула в окошко. Она увидела Ансельма Камюзю, дежурного солдата, сидящего перед горящим очагом.

К счастью, Анжелика знала, как добр был ее поклонник. Во всяком случае, у нее не было выхода. Она постучала в окошко.

Солдат поднялся, и она увидела удивление на его лице, когда он заметил, кого послали к нему в эту ночь боги шторма. Он несколько раз потер глаза, поставив ноги на алебарду. Наконец он подошел к двери и отпер ее.

Анжелика тут же проскользнула внутрь. Она со вздохом облегчения сбросила свой промокший плащ.

— Вы, мадам Анжелика, — сказал Ансельм Камюзю, тяжело дыша, словно он долго бежал. — Вы! В моей караулке!

— Мэтр Камюзю, я должна попросить вас об очень большой услуге. Я хочу, чтобы вы открыли для меня небольшую налитку, так как я хочу выйти из города.

Охранник понял ее просьбу и смутился.

— Вы ожидаете, что я... Что! Это все! Но это запрещено, моя красавица!

— Поэтому я и пришла к вам. Это единственный путь, каким я могу выйти, и я знаю, что у вас есть ключи.

Бедный Камюзо поднял брови.

— Если вы бежите к любовнику, то не рассчитывайте на меня. Я должен следить за моралью людей, как и за всем остальным.

Анжелика пожала плечами.

— Не кажется ли вам, что сегодня неподходящая погода для свиданий с любовником?

Солдат прислушался к шуму дождя и завываниям ветра.

— Нет, полагаю, что нет, — сказал он. — Даже здесь лучше, чем на улице. Но тогда почему вы хотите покинуть город?

— Мне нужно передать записку кое-кому, кто прячется в Сан-Морисе. Это пастор. Если его найдут, то убьют.

— Понимаю, — хмыкнул Камюзо, — но знаете, мадам Анжелика, если вы будете совать нос в такие дела, то кончите в тюрьме. А что касается меня, я избегаю риска быть повешенным.

Она положила руку на его большую голову и стала смотреть на него умоляющими глазами. Бедный Ансельм Камюзо был покорен. В прошлом, когда она проходила мимо, он никогда не мог и надеяться, что она когда-нибудь будет смотреть ему в глаза, особенно таким образом.

— Я буду вам благодарна, господин Камюзо, — продолжала Анжелика, — очень благодарна.

Даже в самых смелых мечтах он не мог предположить, что она позволит ему поцеловать ее, но эти изумительные губы могут, возможно, проявить к нему доброту, и этого было достаточно, чтобы он потерял голову. Его приятели часто говорили, как холодна с ними служанка Берне. В один из дней они узнают, что он, Ансельм, оказался наиболее удачливым из всех... Ах! За это он готов поставить свечку в одной из папистских церквей! Он даже испугался этой мысли.

— Хорошо. В конце концов, я никому не причиняю вреда, и если я могу оказать маленькую услугу такой женщине, как вы, почему мне этого не сделать?

Он снял с крюка связку ключей.

— Когда вы вернетесь, вы остановитесь здесь на секунду, не так ли?

— Да, я побуду здесь немного, — сказала она, готовая согласиться на все.

И она улыбнулась этому человеку, который действительно был славным и не требовал расплатиться авансом за услугу, как это делали многие. Ансельм Камюзо посчитал, что ему нужно время, чтобы побриться, используя обломок зеркала, и спуститься в основание башни, чтобы взять сокровище, о котором знал только он. Это была небольшая

бутылка вина и кусок окорока. Это будет для него великий день!

Анжелика дрожала от нетерпения, когда шла за ним к маленькой калитке, которую сделали в вале на случай осады. Деревянная дверь открылась в узкий проход, который вел к дюнам. Анжелика стала взбираться по ступенькам, ударяясь головой о низкие своды. Охранник освещал ей дорогу, но ветер несколько раз тушил его фонарь, и молодая женщина ждала, пока он снова зажжет его.

Наконец, она почувствовала под ногами мягкий сырой песок. Она была за городом.

Она нашла тропинку среди скал и пошла по ней. Она могла только чувствовать под ногами песок. Когда она натыкалась на кусты тамариска или ощущала ногой траву, она старалась вернуться на песок, которым была покрыта тропинка. Она думала, что никогда не сможет найти дорогу в такой темноте.

Не было видно ни единого проблеска света. Холодный и бесконечный поток дождя заливал ее. Ее ресницы намокли и слиплись. Было время, когда оба глаза были закрыты. Слева она чувствовала обрыв в скалах. Один неверный шаг мог быть концом для нее: она бы разбилась насмерть у подножия скал.

Временами страх нарастал до такой степени, что она не отваживалась сделать следующий шаг. Она стала двигаться на четвереньках, ощупывая грязную тропинку, которую дождь превратил в поток. Наконец она решила спуститься вниз со скал и пойти по берегу. Она знала теперь, где она находится, по деталям, которые видела, когда шла с Онориной.

Она нашла место, где можно было спуститься к берегу, и начала спускаться вниз. К счастью, ей это удалось; даже не поцарапав локтей о скалы, она была на берегу.

Глаза Анжелики, теперь уже привыкшие к темноте, могли различить белые гребешки волн, которые чуть не касались ее ног.

Один раз волна была так высока, что Анжелика испугалась и стала карабкаться на скалу. Волна остановилась всего в нескольких шагах от нее, холодная вода достигла ее колен. В следующий раз она может достигнуть и талии.

Когда волна отпрянула назад, то потянула ее так сильно, что Анжелика упала. Следующая волна может смыть ее в море.

«Я должна снова подняться выше», — подумала она.

Но как ей найти выход из этой ловушки? Она начала убегать от надвигающихся волн. В некоторых местах берег был угрожающе узок.

Теперь у нее была одна только мысль: она должна вернуться на

верхнюю тропинку. Если она останется внизу, то определенно утонет. Анжелика пыталась взобраться на скалу, но здесь скала была почти отвесной. Но все же ей удалось найти небольшой залив, к которому спускалась тропинка, используемая рыбаками. Она стала подниматься по ней, рыдая от жалости к себе.

Когда она поднялась на верхнюю тропинку, почувствовала, что путешествие через ночные дебри похоже на то, что человек чувствует после смерти. Это был медленный агонирующий поиск пути через неизвестность.

Осман Фераджи, великий черный волшебник, объяснил бы это так: «Вы не всегда готовы к смерти. Некоторые находят себя, сами не зная, почему, глубоко в незнакомой темноте, ведомые лишь светом, который они накопили в прошлой жизни. Если они ничего не накопили в земной жизни, они потеряются и в мире духов».

Осман Фераджи! Он стоял перед ней, черный, как ночь, и говорил:

— Почему вы убегаете от этого человека? Ваша судьба и его должны пересекаться время от времени.

Анжелика поднялась на руках и сказала сквозь зубы:

— Если моя и его судьбы снова пересекутся, это значит, что мне повезло!

Это не могло быть чистой случайностью, что Рескатор оказался у этих берегов. Это должно что-то означать. Это значит, что Анжелика снова скована с ним цепью. Она должна добраться до него, несмотря на ветер, море и ночь. Хриплый голос нашептывал ей на ухо: «В моем доме ты будешь в состоянии спать. В моем доме растут розы». И снова магия Крита вернулась к ней, и любопытная власть тех. моментов, когда она стояла около человека в маске, который просто купил ее.

Анжелика снова встала.

Она заметила, что дождь прекратился. Но ветер, казалось, дул еще сильнее. Он толкал ее вперед, словно куклу, но она сражалась с ним и делала шаг за шагом, словно сильный человек поддерживал ее.

Пройдя немного, она начала бояться, что сбилась с дороги. Но внезапно увидела, что небо прояснилось и на востоке стал виден свет маяка. Посмотрев в другую сторону, она увидела меньший огонек, который был установлен на вершине острова Ре.

Теперь она знала направление и могла двигаться быстрее. Когда она оказалась у залива, где увидела сегодня после полудня корабль на якорю, то замедлила шаги.

«А вдруг он отплыл», — внезапно дошло до нее.

Потом она снова обрела уверенность. Так много драматических событий случилось за последние несколько часов — она забрала детей, все они были арестованы Бомаром, он допрашивал ее, потом Дегре — ей казалось, что прошло несколько дней. Когда она видела их, пираты спешили просмолить корабль. Значит, они нуждались в ремонте и вряд ли отправились бы в плавание среди ночи в такой шторм.

И в этот миг она увидела яркий огонь, похожий на высокую звезду. Она поняла, что, должно быть, это фонарь на главной мачте «Голдсборо».

Несмотря на их желание остаться незамеченными, пираты предпочли зажечь огонь, чтобы избежать столкновения с другим кораблем. Она видела силуэты людей, стоящих на палубе, пытающихся укрыться от ветра, насколько это было возможно.

Анжелика долго стояла на вершине скалы. Никто не мог видеть, как она наблюдает за кораблем. Совсем недавно, покидая Ла Рошель, она думала, что легко добраться до корабля, раз это было единственной возможностью спастись.

Сейчас безумие ее действий стало ей очевидно. Она беспечно отдавала себя на милость этих людей вне закона, дав знать о своем присутствии опасному пирату, которого она обманула, и собирается просить его о помощи в трудном и неблагодарном деле! Как много глупых действий могут привести к неволе. С другой стороны, впереди ее тоже ожидала неволя, и она зашла уже слишком далеко, чтобы повернуть назад.

Ниже она увидела еще один огонь: моряки разожгли огонь в одной из пещер, и кое-кто остался на страже.

Та же рука, что поддерживала ее в пути — возможно, это была рука Османа Фераджи, — теперь торопила ее. «Иди вперед, иди вперед! Это твое спасение...»

Надежда и страх наполнили ее сердце. Но она не колебалась больше и секунды, когда нашла тропинку, по которой, она видела, крестьяне гнали на берег свиней. Она начала спускаться, утопая в песке, и достигла берега. Идти было очень трудно.

Внезапно ее обхватили за талию и заломили руки назад, заставив остановиться. Кто-то поднес фонарь к ее лицу. Пираты говорили между собой на своем странном языке, белые зубы, сверкающие золотые серьги, которые некоторые из них носили.

Потом она закричала, торопясь произнести имя, словно в этом было спасение.

— Рескатор! Я хочу видеть вашего капитана, господина Рескатора!

Глава 15

Она ждала, прислонившись к деревянным перилам, в то время, как корабль, медленно качался вверх и вниз.

Часовые на берегу посадили ее в лодку, которую волны швыряли, как щепку, и она не знала, где нашла силы после того подняться по веревочной лестнице на палубу в чернильной темноте ночи.

Она достигла желаемого. Они привели ее в отсек, который, должно быть, служил камбузом. Два человека охраняли ее. Еще один вошел в маске под мягкой шляпой, и она сразу же узнала его.

— Вы капитан Янсон?

В своем воображении она видела его стоящим на палубе королевской галеры «Король». Капитан Янсон, первый помощник Рескатора, диктовал свои условия герцогу де Вивону, адмиралу флота Людовика XIV. Сегодня, возможно, он менее важен, но он еще сохраняет уверенность человека, действующего под покровительством своего хозяина, который всегда доводит дело до конца.

— Где вы видели меня прежде? — спросил он после секундного замешательства. Из-под его маски виднелись обескураженные глаза.

— Я видела вас в Кандии, — ответила она. Он выглядел удивленным, и было совершенно ясно, что он не знал ее. — Скажите вашему капитану, господину Рескатору, что я — женщина, которую он купил в Кандии за тридцать пять тысяч пиастров четыре года назад.

Капитан Янсон буквально остолбенел. Он снова посмотрел на нее, потом выругался несколько раз по-английски. Он велел двум матросам внимательно смотреть за задержанной, выказав такой уровень возбуждения, который необычен для человека его профессии. Потом он вышел, и она слышала, как он бежит по палубе.

Двое матросов решили, что необходимо держать руки Анжелики, хотя она знала, что сбежать невозможно, так как она была прямо в логове льва.

Она была не очень уверена в эффекте своего заявления. Судя по тому, что она видела, они не забыли. Она должна встретиться с хозяином лицом к лицу. Воспоминания стали перед ее глазами. Она увидела Кандию, всю освещенную огнями. Все было в огне, и пиратский корабль де Скренивля «Гермес» казался золотым монументом. Она увидела Рескатора, бегущего сквозь тучу дыма, и старого Савари, плачущего на греческом корабле и кричащего:

— Это греческий огонь, это греческий огонь!

Она сбросила с себя мокрый плащ, который весил тонны и давил ей на плечи. На Крите в ночь огня их пути пересеклись и снова разошлись! Теперь в другой части земного шара они должны снова встретиться.

На палубе раздалась шаги. Анжелика выпрямилась, чтобы встретить его, но это был капитан Янсон. Он кивнул, и матросы отпустили Анжелику. Она пересекла небольшой трап и услышала близкий шум воды. Ее завели в небольшую кают-компанию. Здесь горели красные огни. Они напоминали дьявольский свет, исходящий из реторт помощников дьявола. Почему такая мысль пришла в голову Анжелики? Возможно, она вспомнила, что человек, который командовал кораблем, был известен как дьявол Средиземного моря.

Сперва она почувствовала, что стоит перед клумбой цветов, когда дверь за нею закрылась, и она ощутила приятное тепло комнаты. Тепло почти разморило ее после ледяного дождя и сильного ветра. Она напрягла все свои силы, чтобы не потерять сознание.

Потом, к счастью, она почувствовала себя лучше. Ее глаза сияли необычным светом. Передней стоял мужчина, который, казалось, заполнял всю каюту.

Это был человек, которого она увидела со скалы. Это был Рескатор. Она забыла, насколько он высок, его голова почти касалась низкого потолка. Она забыла, как он хорошо сложен. Когда она знала его прежде, он никогда не казался таким твердым, возможно, потому что она видела, как он двигается по-кошачьи, среди восточного народа Крита. Он смотрел на нее, словно был отлит из черной стали. Он был весь из углов, с квадратными плечами, животом, затянутым кожаным ремнем, на котором висела кобура с двумя пистолетами. Стоя на широко расставленных ногах, чтобы противостоять качке судна, он смотрел холодным и подозрительным взглядом судьи.

Казалось, он чего-то ждет. Как отличался он от прежнего принца Средиземноморья.

Это был Рескатор, безусловно, но какая-то магия переместила его сюда в Атлантику. В течение многих лет она мечтала об этом таинственном человеке, словно он был героем из «Тысячи и одной ночи». Сейчас она поняла, что стоящий перед ней человек не более, чем пират.

По обе стороны от него стояли венецианские лампы, красная и золотая, и это не способствовало тому, чтобы рассмотреть его получше.

Корабль тряхнуло, и Анжелика отлетела к двери. Только тогда черная

статуя пришла в движение. Его плечи спазматически затряслись, голова откинулась назад.

Она поняла, что Рескатор смеется в своей обычной манере, которая всегда кончается кашлем.

— Француженка с Крита! — воскликнул он.

Она увидела, как он шел к ней своей размеренной походкой, показывая ряд белых зубов под черной бородой.

Она была гораздо более расстроена его смехом, чем если бы он кричал на нее.

— Почему вы смеетесь? — спросила она.

— Я удивляюсь, какое сверхъестественное стечение обстоятельств превратило вас, самую красивую пленницу Средиземноморья, за которую я уплатил целое состояние, в эту женщину, которую я сейчас вижу, стоящую передо мной, за которую я не дал бы и ста пиастров?

Ему трудно было более оскорбить ее. Анжелика только сейчас поняла, как она должна сейчас выглядеть. Она промокла до нитки, ее одежда служанки была разорвана, лицо испачкано, волосы торчали во все стороны. Она должна была выглядеть, как ведьма.

Вместо того чтобы расстроить ее, эта реплика толкнула ее к действию.

— О, конечно, — сказала она саркастически. — Теперь вы не будете чувствовать себя плохо из-за трюка, который я сыграла с вами на Крите.

Она прислонилась к двери, ее глаза сияли, когда она смотрела на человека в маске. Сейчас она поняла, что не боится его. Она настроилась на то, что он должен спасти их, так как он и его корабль были последним шансом. Поэтому она должна как-то тронуть его. Но он казался совершенно неприступным. Она делала, чтобы он снова заговорил. Звук его голоса помог бы ей избежать его замораживающего взгляда.

— Вы очень грубы, напоминая мне о вашей выходке, — сказал он наконец. — Как вы узнали, где меня найти?

— Я увидела ваш силуэт немного раньше, когда шла вдоль берега. Вы стояли на краю скалы и смотрели на город.

Она увидела, как он вздрогнул, словно его ударили.

— Без сомнения, это судьба шутит с нами, — закричал он, — Значит, вы проходили мимо, и я не увидел вас.

— Я пряталась в кустах.

— Все равно, я должен был заметить вас, — сказал он почти со злостью. — Что за особенную силу вы имеете, что можете появляться и исчезать, проскальзывать у меня сквозь пальцы?

Он начал ходить взад и вперед по каюте.

— Я должен буду сказать пару слов моим людям о том, как они несут охрану, — продолжал он. — Вы сказали кому-нибудь о том, что видели нас здесь?

Она покачала головой.

— Хорошо с вашей стороны... Значит, вы увидели меня, снова убежали, а теперь вы здесь, почти в полночь, чтобы увидеть меня. Зачем вы пришли?

— Я пришла просить вас взять на борт людей, которые должны покинуть Ла Рошель не позднее завтрашнего вечера. Я хочу, чтобы вы отвезли их на американские острова.

— Пассажиры?

Рескатор остановился. Несмотря на качку, он двигался с необычной грацией. Анжелика вспомнила его фигуру, стоящую на палубе, при спасении корабля Дофин с рабами. Стоя здесь в салоне, она помимо своей воли вспоминала прошлое. Это было похоже на тайный поиск, объектом был этот черный и таинственный человек. Когда он первый раз подошел к ней на рынке рабов, он сразу же полностью поглотил ее внимание.

Эллис, молодая греческая рабыня, прошептала Анжелике на ухо:

«Он одурманивает любую женщину... любую женщину. Ни одна не может избежать его силы, подружка...»

А теперь ее голос ответил ему:

— Да, пассажиры. Они хорошо вам заплатят.

— Это, должно быть, очень странные пассажиры, если так сильно нуждаются в пиратском корабле. Они, должно быть, бегут из Ла Рошели.

— Бегут — верное слово, мой господин. Это семьи, принадлежащие к реформаторской церкви. Король Франции не хочет больше терпеть еретиков в своем королевстве. Так что каждый, кто не хочет менять веру, не имеет альтернативы: или бежать, или попасть в тюрьму. Но побережье сильно охраняется и очень трудно незаметно покинуть порт.

— Семьи, вы сказали? Гам будут и женщины?

— Да, да.

— И дети?

— Да... дети, — ответила Анжелика.

Она увидела их пляшущими около пальмы с розовыми щечками, с блестящими глазенками. Она была почти уверена, что ее просьба не будет выполнена. Ни один капитан добровольно не возьмет пассажиров, тем более женщин и детей, которые вызывают бесконечные проблемы. Они шумят, умирают, и матросы дерутся из-за женщин.

Анжелика достаточно долго жила в порту, чтобы понимать сложность

своей просьбы. Как можно сказать адвокату Каррере и его одиннадцати детям о пиратах? Она почувствовала, что ее уверенность улечивается.

— Предложение становится все более и более привлекательным! — заявил Рескатор. Его тон был ироничен. — И сколько же этих певцов псалмов, которыми вы намерены наполнить мои палубы?

— Около сорока человек.

Она занизила количество, по крайней мере, на десять человек.

— Ха! Вы шутите, моя красавица. Но в то же время, кое-что заинтересовало меня. Как получилось, что марки за дю Плесси — ведь это имя у вас было, когда я вас купил, — как она внезапно заинтересовалась этими еретиками? Может, у вас среди них родственники? Или любовник? Хотя я должен признать, что это маловероятно. Или, возможно, вы выбрали другого мужа среди еретиков, так как я помню, что у вас была репутация женщины, меняющей их с пугающей быстротой.

Его грязная ирония, показалось ей, прикрывала глубоко затаенное любопытство.

— Ничего подобного, — сказала она.

— Ну а что же тогда?

Как она могла объяснить ему, что она просто хочет спасти друзей-протестантов? Это была нелепая акция в глазах пирата, который, конечно, должен быть недоверчивым. И он может быть испанцем, как она слышала. Если это так, то он явно отвержен католичеству.

Было удивительно то, что он, казалось, знал все о ее жизни. Удивительно, как много сведений достигает Средиземного моря, причем часто очень точных.

Он сказал очень иронично:

— Значит, вы вышли замуж за одного из еретиков, не так ли? Определенно, вы низко пали.

Анжелика покачала головой. Ее не затронули эти саркастические замечания. Она только переживала, что ее план принимается так плохо. Какие аргументы ей надо привести, чтобы убедить его?

— Среди этих людей есть судовладельцы, которые имеют капиталы на американских островах. Они смогут передать их вам, если вы спасете их жизнь.

Он отверг ее предложение одним жестом.

— Они не способны ничего предложить мне, чтобы оправдать их присутствие на борту. У меня нет кают для дополнительных сорока человек. Я даже не уверен, что смогу покинуть порт и пересечь проливы, не будучи остановлен проклятым королевским флотом. И во всяком

случае, американские острова — не мой курс.

— Если вы не примите их, завтра они будут брошены в тюрьму.

— Ну и хорошо! Это случается со многими людьми в этом замечательном королевстве.

— Вы не должны так легко говорить о таких вещах, — сказала она, всплеснув руками. — Если бы вы только знали, что значит быть в тюрьме!

— А кто вам сказал, что я этого не знаю?

До нее дошло, что он должен это знать, живя вне закона. Что же он сделал, раз попал в такое положение?

— Очень много людей в наше время попадает в тюрьму. Многие расстаются с жизнью! Не все ли равно, будет немного больше или немного меньше? Еще можно быть свободным в море или на некоторых девственных землях Америки. Но вы не ответили на мой вопрос. Почему маркиза дю Плесси связалась с этими еретиками?

— Потому что я не хочу, чтобы они попали в тюрьму.

— Я нахожу это странным для женщины вашего характера.

— Думайте что хотите! — сказала она с раздражением. — Я не могу назвать вам никакой другой причины. Я просто хочу, чтобы вы спасли их!

Этот день еще больше озлобил ее против мужчин. После Бомара был Дегре, теперь Рескатор! Эти люди, полные сил, были нечувствительны к женским слезам или плачу раненых детей. Бомар даже находил в этом удовольствие. Дегре только потому согласился не преследовать их, что любил ее. Но теперь Рескатор не находил ее больше привлекательной, он не собирается ничего делать для нее!

Во всяком случае, он отвернулся от нее и сел на восточный диван. Он вытянул длинные ноги перед собой.

— Я должен признать, что женщины могут быть совершенно безумны, но вы определенно достигли предела. Давайте заглянем в прошлое. В последний раз, когда я встретил вас, вы оставили меня, задолжав тридцать пять тысяч пиастров. Четырьмя годами позже вам кажется совершенно естественным явиться ко мне, не боясь последствий, и просить меня взять на борт сорок ваших друзей. Вы должны признать, что это требование нелепо.

Он перевернул песочные часы, стоящие рядом с ним на столе. Песок начал бежать через узкое отверстие. Анжелика уставилась на них. Проходили часы, скоро кончится ночь.

— Ну, достаточно об этом, — сказал Рескатор. — Этот ваш транспортный бизнес меня не интересует. Но раз вы попали в руки хозяина, который сотни раз клялся, что дорого заставит вас заплатить за

все неприятности, которые вы ему доставили, я, тем не менее, оставлю вас на борту. В Америке женщины ценятся меньше, чем на Средиземном море, но, возможно, я продам вас и смогу выручить хоть часть того, что я за вас уплатил.

Хотя в комнате было очень тепло, Анжелика почувствовала, как ледяной холод проник в ее сердце. Ее промокшая одежда прилипла к телу, но в этот момент она даже не заметила этого.

Теперь она поняла, что дрожит.

— Я не удивлена вашим цинизмом, — сказала она, и ее голос стал хриплым. — Я знаю...

Она закашлялась, и это оборвало ее речь. Это поставило последнюю точку в картине о падшей женщине. Она уже и так выглядела достаточно ужасно, а теперь оказалась еще и больной.

В этом жалком виде она определенно не ожидала того, что он сделал. Он подошел к ней и положил руку ей на спину, чтобы она подняла голову.

— Вот что случилось с вами, когда вы под дождем бежали к пирату, — пробормотал, он.

Маска приблизилась вплотную к ее лицу, и близость холодной маски и горящих глаз за ней была совершенно необычным явлением.

— Что вы скажете о чашке кофе, мадам?

Внезапно Анжелика почувствовала себя лучше.

— Кофе? Настоящий турецкий кофе?

— Да, настоящий турецкий кофе, как на Крите... но сначала снимите мокрую одежду. Вы испачкаете мой ковер.

Она посмотрела на мягкий восточный ковер, который вызвал у нее ощущение, что она шагает по цветочной клумбе. Там, где стояла она, он был в жалком состоянии.

Пират снял с нее плащ, потом пошел в угол и взял свой плащ, со спинки стула.

— Вы уже должны мне один плащ, который вы увезли после того, как я набросил его на вас в ночь огня. Ах! Никто не доводил Рескатора до такого ужасного состояния, как вы тогда...

И так же, как в ту восточную ночь, она почувствовала тепло его рук на своих плечах и теплый приятно пахнувший бархатный плащ, на плечах. Он подвел ее к дивану. Когда она села, он прошел в конец комнаты, и она услышала звонок вне каюты. Шторм, должно быть, стих, так как корабль качало гораздо меньше.

Анжелике показалось, что реальный мир исчез вокруг нее. Босой мавр в коротком бурнусе поверх красных матросских брюк вошел в ответ на

звонок. Жестикулируя, как все представители его расы, он подтолкнул к дивану низенький столик и поставил на него серебряный кофейный сервиз. Здесь были серебряный кофейник, тяжелый серебряный поднос с двумя чашечками, небольшой кувшин с водой и сахарница.

Мавр вышел и почти немедленно вернулся с самоваром, полным кипящей воды. Он готовил кофе с большой аккуратностью, не пролив и капельки. Анжелика почувствовала, что запах наполняет ее почти детским удовольствием. Ее щеки снова покрылись румянцем. Сев рядом с ней, Рескатор следил, как она держит чашку двумя тонкими пальцами.

— Видно, что вы были гостем в гареме Муль Исмаила, — сказал он. — Какое мастерство! Хотя вы пали так низко, вы еще сохранили некоторые хорошие привычки, которые позволяют вас узнать.

Мавр исчез. Анжелика допила кофе и поставила чашку на стол. Пират наклонился к ней, чтобы снова наполнить ее. При этом он заметил на чашке следы крови.

— Почему на чашке кровь? Вы ранены?

Анжелика показала ему поцарапанную ладонь.

— Я ничего не почувствовала. Это случилось, когда я карабкалась на скалу. Боже, мне пришлось так трудно в пути!

— Знаете ли вы, что вы единственная из христианских рабынь, кому удалось сбежать? Долгое время я думал, что ваши кости валяются где-то в пустыне.

Анжелика долго смотрела на него изучающим взглядом.

— Это правда, что вы поехали в Мекку, пытаясь меня найти?

— Да, я сделал это. Во всяком случае, это было нетрудно. Вы оставляли следы там, где прошли.

Молодая женщина закрыла свои глаза, в них стоял ужас.

С улыбкой человек в маске прошептал:

— Где проходит француженка с зелеными глазами, там остаются разрушения и мертвые тела.

— Эти слова стали новой поговоркой на Средиземном море?

— Да, что-то вроде этого.

Анжелика посмотрела на кровь на своих руках.

— Из Мекки вас ушло десять человек. Сколько же вас добралось до Сеуту?

— Двое.

— Кто был вторым?

— Колен Потювель.

Она снова почувствовала опасность. В попытке избавиться от нес она

заставила себя посмотреть ему в глаза.

— И вы, и я имеем очень много общих воспоминаний, — сказала она очень мягко.

Внезапно он хрипло рассмеялся, что напугало ее.

— Чересчур много, больше чем вы думаете. — Внезапно он протянул ей свой носовой платок. — Вытрите руки.

Она автоматически подчинилась. Сейчас она почувствовала боль.

— Я пыталась идти вдоль берега, чтобы не заблудиться.

Она рассказала ему, как она подумала, что пришел ее последний час, и о руке, которая поддержала ее. Она удивлялась чуду, позволившему её взобраться на скалу.

— Кажется, я сражалась со смертью. Но, в конце концов, я все же добралась до вас...

На секунду Анжелика подумала, что сейчас она бросится на грудь пирату и спрячет свое лицо в полах его бархатного жилета.

Рескатор поднял руку. Он тронул ее щеку, потом спину. Казалось странным, что он, чьи глаза не упускают и малейших деталей, делает такие благородные жесты, словно слепой, пытающийся ощутить черты, которые он не видит.

Потом медленно одним пальцем он развязал небольшую косынку, которая еще прятала волосы Анжелики, и убрал ее в сторону. Ее волосы упали на плечи. Седые нити появились среди золотых прядей. Анжелике хотелось бы спрятать их.

— Почему вы так хотели видеть меня снова? — спросил Рескатор.

— Потому что вы единственный человек на земле, который может нас спасти.

— О, значит, вы еще думаете об этих людях? — закричал он.

— Как я могу их забыть?

Снова ее глаза остановились на песке, текущем через узкое отверстие. Через определенный интервал часы надо было переворачивать, а Рескатор делал это автоматически.

Анжелика представила, как Онорина спит в городе на большой кухне, ее одеяло, которое Анжелика подоткнула с такой заботой, смято. Она плачет во сне, чувствуя страх своей матери. Абигайль следит за ней, молясь за Анжелику. Возможно, Лорье тоже проснулся и прислушивается к шагам своего отца.

— Как я могу их забыть? Только что вы мне сказали, что где бы я ни была, я оставляла за собой одни разрушения. Вы должны помочь мне, по крайней мере, спасти этих немногих.

— Эти люди, эти гугеноты, что они делают? Я имею в виду, каковы их профессии?

Он спросил это резко, но по каким-то необъяснимым признакам она поняла, что победила. Ее лицо загорелось.

— Не смотрите так радостно, — сказал он. — Если даже все выглядит так, что я делаю это для вас, это не значит, что вы победили.

— Разве я забочусь об этом? Если вы согласитесь взять их на борт корабля и спасете от тюрьмы и смерти, какое это может иметь значение? Я готова уплатить за это сотни раз!

— Какие слова! Вы не знаете цену, которую я намерен потребовать от вас. Вы слишком наивны в своей доверии ко мне. Я пират, плавающий в высоких морях, и до вас, конечно, должно дойти, что моя работа заключается не в спасении жизней, а в их окончании. Женщины, вроде вас, не понимают ничего, кроме любви.

— Но это как раз вопрос любви.

— О, не начинайте философствовать, — закричал он, или я просто столкну вас за борт моего корабля, когда мы выйдем в море, чтобы вы утонули! Вы были гораздо менее красноречивы на Крите и гораздо привлекательнее! Теперь ответьте на мой вопрос. Что за людей вы просите меня взять на борт, кроме женщин, они хуже всего.

— Один из них наиболее крупный судовладелец в Ла Рошели, господин Маниголь, купцы, знающие все о море. На островах у них есть...

— Есть среди них ремесленники?

— Есть плотник и его подмастерье.

— Ага, это лучше.

— Есть пекарь и два рыбака. Они организовали небольшой флот и обеспечивают рыбный рынок Ла Рошели. Еще господин Марсело, бумажный фабрикант, и мэтр Жане, часовщик...

— Все бесполезны!

— Мэтр Каррера — адвокат.

— Все хуже и хуже.

— Еще доктор...

— Достаточно... Возьмем их на борт всех, раз уж вы хотите их спасти. Я никогда не знал такой настырной женщины. А теперь, маркиза, в состоянии вы изложить план, который вы наметили? У меня нет намерения торчать дольше в этой крабьей дыре, куда я так глупо залез. Я намерен отплыть отсюда как можно скорее. Я могу ждать до утра.

— Мы встретимся на вершине скалы, — сказала она, вставая. — Я приведу их.

Глава 16

Ансельм Камюзо, который провел часть ночи, подогревая себя надеждой, вскочил, услышав легкий шум снаружи. Его надежды уже угасали, так как ночь шла к концу.

— Это вы, мадам Анжелика? — прошептал он.

— Да, я.

Он повернул ключ, и Анжелика проскользнула в открытую дверь.

— Вы долго отсутствовали, — вздохнул солдат.

Пока он говорил это, стальная рука сжала ему горло, кто-то толкнул его сзади, и он потерял равновесие. Ужасный удар отправил его в страну грез, где могли исполниться его идилические проекты.

— Бедняга, — пробормотала Анжелика, глядя на Ансельма Камюзо.

— Мы не могли сделать ничего другого, мадам, — сказал моряк, пришедший с ней.

Их было трое, тех, кого выбрал Рескатор из своей команды.

— Я сказал им, чтобы они не выпускали вас из виду ни на один момент, и они должны привести вас обратно, живую или мертвую...

Когда они дошли до двора Берне, мэтр Габриэль стоял там с фонарем в руках. Он посмотрел на Анжелику в расшитом серебряном плаще, трех моряков, стоящих вокруг нее. Они положили на землю большой пакет, в котором купец узнал охранника башни маяка, оглушенного и крепко связанного.

— Послушайте, — быстро сказала Анжелика, — я нашла капитана корабля, который согласился увезти нас. Он отплывет через несколько часов. Эти люди будут сопровождать меня, пока я буду предупреждать остальных. Мы должны одолжить им какую-то одежду, чтобы сделать их менее заметными. Это корабль иностранного корсара. Корабль стоит на якоре в небольшом заливе около деревни Сен-Морис. Там мы должны встретиться. Что касается вас и вашей семьи, мэтр Берне, я предполагаю, что вы покинете город через маленькую калитку в валу. Она будет открыта еще три часа, так как стража меняется в семь часов утра. Если мы поторопимся, другие семьи тоже смогут пройти этим путем.

Мэтр Габриэль был достаточно разумен, чтобы не спорить. Абигаиль рассказала им, что случилось. Он понимал, что если они быстро не покинут город, то лишатся возможности когда-либо увидеть море. Ночь была еще темной и туманной, но рассвет уже начинался, и часы шли медленно, но

уверенно. Он показал на погреб, куда заперли солдата, потом пошел за Анжеликой наверх, сказав, что должен разбудить детей и тетю.

Позднее он стал беспокоиться из-за странных телохранителей Анжелики в меховых шапках и с обветренными лицами. Он удивлялся, что случилось с нею, что она преобразилась. Такая незнакомая женщина, отдающая ему приказы.

Абигайль приготовила небольшие пакеты с вещами для каждого из них, как ей говорила Анжелика, пастор Бьюкар вместе с племянником были уже готовы, а маленький Натаниэль лежал рядом с Онориной и еще спал.

— Я подниму их и одену, — сказала Абигайль, не задавая лишних вопросов. — Тем временем, Анжелика, погрейте ноги в горячей воде, которую я приготовила, и переоденьтесь.

— Вы добрая фея, — сказала Анжелика и, не теряя ни секунды, закрыла дверь кухни. Она налила горячую воду в корыто, сбросила плащ Рескатора и свою промокшую одежду. Приятная дрожь прошла по ее телу, когда она опустила в воду.

Она слышала, как Абигайль осторожно будила детей и говорила им о чудесной стране, полной цветов и чудесных вещей, куда они поедут. Девушка подняла их без тревоги, которая висела над этими последними минутами, когда каждая секунда была на счету.

— Как я вас обожаю, — сказала Анжелика. — Вы такая спокойная.

— Это все, что я могу сделать для вас, Анжелика, — ответила та. — Но откуда вы пришли? Вы совсем изменились.

Внезапно Анжелика увидела себя в большом зеркале обнаженной. Обычно она смотрела на себя только в одежде.

Она увидела свое белое тело, картину истинной женщины с тонкой талией, высокой грудью, длинной спиной и грациозными ногами, самыми красивыми ногами в Версале, с круглым шрамом, который оставил Колен Потювель, чтобы спасти ее от укуса змеи на Рифе.

Как она забыла свое тело?

«Женщина, за которую я сегодня не дал бы и сотни пиастров».

— Чего он хочет? Ну, тем хуже для него! Как я могу это объяснить? Он — мой злейший враг... и мой лучший друг...

Он вел себя с ней недружелюбно и цинично. Но он согласился взять их на борт. Он, пират, принял на себя риск, который не взяли бы на себя многие капитаны на хорошо оснащенных кораблях с гарантированным эскортом.

Что же значат в дополнение к этому его циничные слова? Анжелика

давно привыкла к этому. Ей достаточно часто приходилось выдерживать удары судьбы. Теперь она пришла к заключению, что надо учитывать только действия. Когда она покидала корабль, он сказал ей:

— Моя дорогая, я знаю, что у вас ужасно плохой нрав, и вы в то же время ни разу, не взорвались, когда я так негалантно третировал вас.

— В жизни есть гораздо более важные вещи. Если вы спасете всех нас, вы можете третировать меня, как вам только понравится.

— Я воспользуюсь этим, не сомневайтесь. Анжелика сдержалась, чтобы не рассмеяться, Абигайль бы этого не поняла.

Она вышла из своего маленького укрытия, на ходу застегивая юбку и заправляя волосы под чистый платок.

— Я готова.

— Мы все готовы.

Анжелика бросила взгляд на старые часы. Прошло полчаса с того времени, как она пришла в дом.

Онорина, укутанная в двойную юбку и плащ, спала у нее на руках. Они спустились по ступенькам в полном молчании с единственной свечой, освещавшей им путь. Когда они достигли двора, мэтр Габриель спросил, что они будут делать с солдатом, который все еще был связан. Он мог погибнуть в погребе, так как никто не пришел бы к нему на помощь. Но Ансельм Камюзо однажды оказал им услугу. Анжелика сказала, что полиция придет вечером арестовывать всю семью. Они найдут дом пустым и обязательно обыщут его. Они освободят бедного солдата, если он сам к тому времени не развяжется.

— Тогда все в порядке. Пойдемте, — сказал мэтр Габриель.

Ночь была уже менее темной, когда они закрыли за собой тяжелую дверь. Когда они дошли до калитки на валу, Анжелика протянула Онорину Абигайль.

— Я не пойду сейчас с вами. Я должна предупредить остальных. Вы пойдете к деревне Сен-Морис. Когда мы соберемся все, мы сможем занять место на корабле.

Рыбакам в деревне скажете, что вы идете на похороны одного из ваших, не посвящайте их в наши планы.

— Ты знаешь дорогу, Мартьяль? — спросил мэтр Габриель сына. — Покажешь женщинам дорогу. Я должен остаться с мадам Анжеликой.

— Нет, — запротестовала она.

— Вы думаете, что я оставлю вас одну с этими иностранцами?

Анжелика стала настаивать, чтобы он пошел со своей семьей. Что касается себя, она ничего не боялась. Она чувствовала, что ее единственное

желание в том, чтобы все скорее оказались за городскими стенами. Это был первый этап.

— Нам надо, чтобы мужчина, подобный вам, вселял уверенность в людей, которых я буду отсылать в деревню. Они должны оставить свои дома, не теряя времени.

Когда, наконец, группа, состоящая из семьи Берне, двух пасторов и Абигайль, несущей Онорину, исчезла, Анжелика быстро вернулась к роли пастушьей собаки, собирающей своих овечек в стадо.

Пара Марсело и их дочь Бертиль были очень спокойны и не требовали никаких объяснений. Анжелика сказала им, что они должны немедленно уходить, или окажутся в тюрьме. Они оделись. Мэтр Марсело взял под мышку книгу, над которой он работал много лет. Она называлась «Описание издевательств и притеснений над людьми Ла Рошели в течение 1663 — 1676 годов». Это была работа всей его жизни.

Бертиль спросила, что делать с вещами, которые они уже спрятали на «Санта-Марии».

— Мы решим это позже.

Семья Марсело направилась к валу, и Анжелика стала будить часовщика.

Чуть позже она позвонила у дома Каррера. Этот человек, имеющий одиннадцать детей, был наиболее бесполезен на борту корабля. Теперь же он поднял величайший шум.

Они должны сейчас же уходить? Они должны быть арестованы? Откуда она знает? Ей сказали? Кто ей сказал? Есть у нее какие-нибудь доказательства? Анжелика отказалась обсуждать это дело, она ходила по комнате и будила всех К. счастью, дети были хорошо подготовлены матерью и не проявили никакого беспокойства. В течение нескольких минут все было готово. Мэтр Каррера все еще стоял в ночной сорочке, требуя доказательств, что его намерены арестовать.

— Мы должны идти, папа, — сказал старший сын шестнадцати лет. — Мы не хотим попасть в тюрьму. Дети часовщика попали туда и так и не вернулись.

— Пойдем, дорогой, — сказала жена. — Раз мы уже решили уехать, то пойдем. Не имеет значения, пойдем мы сейчас или позже.

Она одела его, словно он был ребенком, потом вытолкала из дома без лишних уговоров.

Анжелика с тремя матросами помогли семье адвоката найти маленькую калитку.

Когда те исчезли в тумане на тропинке, Анжелика вздохнула с облегчением.

Подойдя к валу с семьей пекаря, Анжелика внезапно замерла на месте.

По верху вала бежали люди, слышались крики. Туман был еще густым, и солдаты не заметили спутников Анжелики, которые быстро отступили, чтобы обсудить положение.

— На пост пришел другой охранник и обнаружил исчезновение Камюзо, — объяснила Анжелика. — Они подумают, что он ушел через калитку. Но, во всяком случае, они ее закроют.

— Красные мундиры, это драгуны, — сказал пекарь. — Почему именно они?

— Возможно, потому что подходит датский флот.

Жена пекаря заплакала.

— Такое уж наше счастье! Если бы ты собирался побыстрее, мы бы успели выйти из города. Что мы теперь будем делать?

— Вы можете пройти через городские ворота, — заверила их Анжелика. — Их скоро откроют. — Она объяснила, что это не привлечет большого внимания, так как другие рабочие и купцы каждый день отправляются на остров Ре и в Ла Палис.

— Полиция дала нам один день. Вы можете пройти с корзинами хлеба. Если вам будут задавать вопросы, просто назовите свои имена.

Она подняла им настроение, и они ушли, смешавшись с первыми прохожими на улицах. Те, кто их видел, подумали, что пекарь несет свой хлеб на продажу. Их уход был таким поспешным, что это помогло превозмочь боль расставания с родным городом.

Анжелика застала семью Маниголь в столовой в то время, когда Сирики наполнял их чаши шоколадом. Она так же запыхалась, как и в тот день, когда пришла в этот дом впервые, чтобы найти господина де Бордагне.

Солнце уже поднялось. Похоже, что после штормовой ночи установится чудесный день. Последние клубы тумана исчезли, город вернулся к жизни. Теперь они должны были встретить опасность при полном свете дня.

Анжелика объяснила последние события как можно быстрее. Их план раскрыт, арест неминуем. Теперь единственный выход — они должны отплыть на корабле, который стоит на якоре недалеко от Ла Рошели. Им с трудом удастся покинуть город незамеченными. Семья Маниголь слишком известна в городе, поэтому им надо покидать город отдельными, группами. Встретятся они в деревне Сен-Морис.

Господин Маниголь, его жена, четыре дочери и два сына сидели, как пораженные громом.

— Но девушка совсем безумна! — воскликнула мадам Маниголь. — Что! Она предлагает, чтобы мы уехали на американские острова, оставив все...

— Как название корабля, о котором вы говорите? — спросил судовладелец.

— «Голдсборо».

— Никогда о таком не слышал. А это люди из его команды?

— Судя по их внешности, это не очень респектабельный корабль.

— Вы правы, но капитан согласился взять нас всех на борт. Будет гораздо хуже, если вы предпочтете им стражей Бомара, когда они бросят вас в тюрьму.

— Но из тюрьмы можно выйти, я имею вес, вы знаете.

— Нет, господин Маниголь, на этот раз вы не выйдете.

Один из моряков тронул ее за руку.

— Мадам, — сказал он по-французски, — хозяин велел не оставаться в городе после рассвета. Мы должны торопиться.

Анжелика посмотрела на семью Маниголь, спокойно сидящую вокруг стола. Если Маниголь останется, они лишатся купца, наиболее богатого в их сообществе. Она обещала Рескатору, что ему заплатят. И кроме того, здесь был Джереми, золотоволосый мальчик, похожий на Шарля-Анри.

— Ну, тем хуже для вас и ваших сыновей, — сказала она — Но я жалею, что рисковала своей жизнью ради вас. Если бы я не пришла сюда, я была бы уже в деревне Сен-Морис. Наши шансы уменьшаются с каждой минутой. Вы сидите здесь и ждете чуда, которое позволит вам сохранить все: ваше положение, ваши деньги и ваш город! Вы, кто так много читали Библию, должны помнить, что евреи, которые были узниками в Египте, должны были уйти сразу же, когда был дан сигнал... пока фараон не передумал...

Маниголь уставился на нее. Он был очень красен, потом румянец исчез с его лица.

— Пока фараон не передумал, — пробормотал он. — Я видел сон ночью. Я видел, как приближается колос сальная земляная змея, чтобы задушить мою семью. Она все ближе и ближе...

Он оборвал себя, встал, вытер рот.

— Пойдем, Джереми, — сказал он, беря сына за руку.

— Куда ты идешь? — закричала мадам Маниголь.

— Мы идем к воротам.

— Ты же не поверил в это безумство, рассказанное этой женщиной?

— Я ей поверил, так как знаю, что это правда. Уже несколько дней я подозревал, что кто-то предает нас. — Он повернулся к негру. — Иди принеси плащи и шляпы для меня и Джереми.

— Возьмите с собой немного золота, — прошептала Анжелика, — все, что сможете спрятать в карманах.

Мадам Маниголь начала причитать.

— Он сошел с ума! Что будет с нами, с моими детьми?

Девушки переводили взгляды с матери на отца.

Молодой офицер, зять судовладельца, поднялся из-за стола.

— Пойдем, Жанна, — сказал он, положив руку на плечо жены. — Мы должны уходить.

— Прямо сейчас? — выдохнула она. Ее и так беспокоило предстоящее путешествие на «Санта-Марии». Она была беременна.

— Но у тебя ведь готова маленькая сумка с вещами для отъезда. Возьмем ее и пойдем. Время торопит.

— У меня тоже готова сумка, — сказал Маниголь. — Сирики может ее понести.

— Сирики не должен идти с нами, — тихо предупредила Анжелика, — Он слишком хорошо известен, как ваш слуга. Они могут схватить вас, они следят очень внимательно.

— Но я не могу бросить Сирики, — запротестовал Маниголь. — Кто позаботится о нем?

— Ваш партнер, господин Тома, который будет заниматься вашими делами после вашего отъезда.

— Мой партнер... это он предал нас. Теперь я в этом уверен. Полагаю, он надеется, что все перейдет в его руки. — Он добавил мрачно: — У змеи, которая душила мою семью во сне, была его голова.

Он снова взял Джереми за руку и вышел во двор. Один из моряков нес его сумку.

— Но куда ты идешь? — причитала мадам Маниголь. — Я еще не готова. Я еще не упаковала два наших лучших блюда.

— Пакуй, что хочешь, но ради наших жизней, поторопись, — ответил судовладелец.

Молодая пара вышла вслед за ними, потом одна из дочерей схватила его за руку.

— Папа, я хочу пойти с тобой.

— Тогда пошли, Дебора!

Она была его любимицей.

У него хватило мужества пересечь двор и выйти на улицу, не оглядываясь.

Когда они приблизились к воротам Святого Николая, группа решила разделиться. Молодой офицер с Жанной и Джереми пошел первым, за ними пошел господин Маниголь и три моряка. Один из моряков отвечал на вопросы по-английски. Охранник не знал ни слова по-английски, но знал, что английский корабль вошел вчера в порт. Он принял их за иностранцев, вышедших па прогулку с двумя красивыми девушками, Анжеликой и Деборой. Получив разрешение пройти, они весело проскользнули через ворота, и охранники не остановили их, наблюдали за ними с дружескими улыбками.

— Это была самая, трудная задача, — прошептала Анжелика. — Они вас не узнали.

Они пошли с максимально возможной скоростью. Море казалось темным после штормовой ночи.

— А как мама? И мои сестры?

Скоро они увидели хижины Сен-Мориса.

Их приветствовали восклицаниями:

— Вы последние!

Все вышли из хижин, где они ожидали у огня. Мэтру Берне с трудом удавалось сдерживать их нетерпение. Им сказали, что их ждет корабль. Где же он? Каждый из них начал думать, что его обманули.

Благодаря влиянию, которое имел на них Габриэль Берне, они, тем не менее, успокоились. Детям дали попить немного холодного молока, потом пастор Бьюкар начал читать молитвы, к которым присоединились жители деревни. Все они были гугенотами.

Собрались все, недоставало только мадам Маниголь и двух старших дочерей.

— Мы должны идти, — сказал моряк, который говорил по-французски. Его звали Никола Перро. — Мы можем начать перевозить пассажиров на борт. Один из моих парней останется здесь и будет ждать последних, чтобы показать им дорогу.

Они ждали семейными группами и уже начали спускаться по тропинке к заливу, но были остановлены криками, раздавшимися позади них. Это был старый Сирики, бежавший, как антилопа.

— Хозяин! Где мой хозяин?

— Ах! Сын мой! — закричал Маниголь, прижимая старого слугу к сердцу.

— Вы не уедете без меня, хозяин! Или я умру!

— Что сказали охранники, когда ты проходил ворота? — спросила Анжелика.

— Охранники? Ничего не сказали. Я бежал.

— Мы должны поторопиться! — посоветовала всем Анжелика, шагая по тропинке, указанной моряками.

Она снова держала за руку Онорину. Первая группа уже была на берегу. Они еще могли видеть Ла Рошель с ее башнями и валом.

Анжелика почувствовала тревогу, она понимала, что Сирики, бежавший за хозяином, привлек внимание охраны.

— Пойдемте, — сказала она Маниголю. — Мы не можем терять ни секунды.

Они шли позади. Судовладелец явно разрывался между желанием освободиться навсегда и заботой о жене и двух дочерях.

— Она всегда проходила беспрепятственно, — говорил он себе. — Она в состоянии войти в контакт даже с моими бесчестными партнерами!

До них долетел стук колес, и мадам Маниголь показалась на дорожке, вся в поту. Она тащила тележку, на которую сложила ковры, одежду и фарфор. Две ее дочери и служанка помогали тащить тележку.

Увидев мужа, она стала ругать его.

— Ты бы мог позаботиться об этом. И ты, старый лентяй, — закричала она на Сирики, — не мог подождать меня?

— Ты хочешь сказать, что прошла через ворота со всем этим бараклом? — спросил ее Маниголь, красный от гнева.

— Ну и что?

— И никто ничего не сказал?

— Говорили. Но я заткнула рот этим грубиянам. Было бы смешно, если бы они меня остановили!

— Ну раз вы уже здесь, поторопитесь! — сказала Анжелика с раздражением.

Толстуха, должно быть, наделала шуму, проходя через ворота. В своем гневе она была способна кричать, что она уезжает за море и никогда не вернется обратно, что ей уже достаточно Ла Рошели с ее обитателями. Это была ее любимая тема, так как она приехала из Ангулема и ей не нравилось жить в порту.

Анжелика несла Онорину на руках. Время от времени она оборачивалась и кричала:

— Поторопитесь!

Потом она посмотрела на город. Ее обеспокоило облако пыли, которое поднималось от ворот Святого Николая. Она пошла быстрее и догнала

семью пекаря.

— Эти Маниголи привезли тележку, — сказала она пекарю. — Если бы я знала, я бы не предупреждала их. Маниголи со своей тележкой могут погубить нас всех.

Она побежала вперед вдоль цепочки беглецов и догнала мэтра Берне.

— Посмотрите туда, что вы видите? — закричала она.

Купец, который вел Лорье за руку, обернулся.

— Вижу облако пыли, несется отряд всадников. — Он последил секунду за ними. — Люди в красной форме. Они едут за нами.

Моряк, который шел впереди, тоже увидел их. Он побежал, подхватив подмышки двух детей, крича всем, чтобы они поторопились.

Анжелика повернулась к Маниголям.

— Поторопитесь! Бросьте свою тележку! За нами гонятся драгуны!

Теперь уже все бежали по песчаной тропинке. Уже был слышен стук копыт лошадей.

— Быстро! Быстро! Из любви к Богу, бросьте тележку!

Маниголь оторвал жену от вещей, которые она тащила. Он толкнул ее вперед, а она продолжала кричать и ругаться. Анжелика взяла Джереми за руку, Жозеф вел Жанну, которая совсем задышалась. Она стонала:

— Я не могу идти.

Как только они вышли из кустарника, драгуны издали воинственный клич. Им сказали, что какие-то гугеноты пытаются сбежать в этом направлении, До этого были только слухи, но теперь их было видно. Они бежали к морю. Проклятье! Этот сброд еретиков не убежит от них. Они обнажили шпаги, лейтенант отдал команду.

Проходя мимо, один из них столкнул в сторону тележку Маниголя. Отрезы материала разлетелись в стороны, фарфор разлетелся на тысячи осколков.

Анжелика слышала отрывочные команды.

«На этот раз мы попались!» — подумала она.

Это безумное бегство напомнило ей побег с Коленом Потювелем под стены Сеуту.

Джереми спотыкался, но она тянула его за руку, заставляла идти. Онорина внезапно начала смеяться ей в ухо. Этот переполох доставлял ей удовольствие. Анжелика достигла первой дюны и бросилась под ее прикрытие.

Драгуны были теперь всего в нескольких шагах от двух пар Маниголей.

Внезапно, когда Анжелика уже подумала, что смертельные шпаги

сейчас обрушатся на головы ее и детей, она услышала несколько мушкетных выстрелов. Она почувствовала запах пороха и увидела облако дыма.

Она услышала, как Никола Перро говорил отставшим:

— Не стойте здесь, вернитесь под прикрытие скал, мы выведем вас на берег.

На ее плечо опустилась рука. Это был загорелый матрос, стоящий близко от нее. Вне сомнения, он получил приказ от Перро охранять ее. Он сделал ей знак прижаться к земле.

Беглый огонь мушкетов из-за низкой дюны заставил драгун немного отступить.

Анжелика приподняла голову от травы настолько, чтобы видеть лошадей, которые стояли в дыму, и несколько человек в красной форме, которые были ранены и лежали на земле.

Сердце Анжелики билось так, словно вот-вот разорвется. Значит, он подумал и об этом. Он понимал, что их могут преследовать! Он расставил вооруженных людей везде, где было укрытие. Посмотрев на море, она увидела корабль с поднятыми парусами.

— Мадам Анжелика, вы не ранены?

Мэтр Берне сказался рядом с ней. В руке у него был пистолет.

— Почему вы оказались сзади!

— Из-за этих идиотов, — ответила она, указывая в сторону Маниголей.

Они двинулись по песчаной тропинке.

— Я ранена! Я ранена! — вопила мадам Маниголь.

Возможно, так оно и было. Она всем своим весом навалилась на мужа, который тащил ее, ругаясь, как настоящий корсар.

— Где Лорье? — спросила Анжелика.

— Моряки начали перевозить детей. Но я беспокоился за вас, поэтому вернулся. Слава Богу, что капитан организовал вооруженную команду! Он на берегу, командует отправкой людей.

— Он здесь? — повторила Анжелика. — Разве он не замечательный человек?

— Разумеется! Из того, что я видел, я понял, что он носит маску и командует бандой головорезов.

Раздался второй залп мушкетов. Еще одна группа драгун пыталась спуститься на берег.

К счастью, у драгун было очень мало мушкетов, они были вооружены, главным образом, шпагами и пистолетами. Их лейтенант отдал приказ, и

два драгуна попытались спрыгнуть прямо на берег. Но они сломали ноги при приземлении, и их приятели слышали только их стоны и проклятия.

Единственный путь на берег основательно охранялся командой «Голдсборо». Часть матросов сводила женщин и детей вниз и на длинных лодках перевозила на корабль.

Мэтр Габриэль и Анжелика спускались вниз, неся Онорину. Матрос помогал Джереми. Мушкетеры с пиратского корабля тоже отступили назад.

До них донесся голос лейтенанта:

— Не бойтесь, драгуны. Когда эти бандиты спустятся вниз, мы сможем стрелять по лодкам.

Он обращался к солдатам, которые достигли края скалы справа. Они были слишком далеко, чтобы пираты могли обстрелять их. Не когда. лодка выходила из-под прикрытия и направлялась к кораблю, она могла стать мишенью для хорошего стрелка.

Пули начали долетать до лодок и вызвали ужас среди детей и женщин. Пастор Бьюкар встал, несмотря на протесты пиратов. Его старческий голос начал выводить псалмы.

Моряки в лодке старались проскочить опасную зону как можно быстрее. На этот раз они проскочили к кораблю и никто не был ранен. Но им надо было вернуться, чтобы забрать оставшихся.

У драгун будет время скорректировать стрельбу.

— Мы доберемся до них! В следующий раз мы не промахнемся, — кричал лейтенант. — Будьте наготове.

Несколько солдат, воодушевленных надеждой на победу, бросились вперед, надеясь остановить тех, кто был еще у скалы.

Анжелика только начала спускаться по ступеням, когда тяжелое усатое лицо одного из драгун со шпагой над головой оказалось перед ней.

Габриэль Берне бросился между нею и солдатом и выстрелил. Солдат упал на землю. Но он успел ударить мэтра Габриэля конвульсивным движением. Купец покачнулся и упал бы со скалы, если бы Анжелика не схватила его в последний момент. Она сама начала сползать под тяжестью тела Берне. Почти безжизненного тела. Один из моряков пришел ей на помощь. Он подхватил раненого и помог им обоим спуститься вниз.

Голос на берегу отдал приказ по-английски. Он, должно быть, приказал им уходить, так как последние из пиратов, оставшиеся за дюнами, скользнули, как обезьяны, назад, присоединившись к своим путникам.

— Впереди чисто, теперь наша очередь, — кричали драгуны.

Анжелика достигла берега, пытаясь поддержать окровавленную

голову мэтра Берне.

— Он мертв! Мертв! Мой бедный друг!

Две руки схватили ее за талию и повернули. Это был Рескатор.

— Ах! Это вы! Конечно, последняя. Вы совсем безумны.

Она была готова поклясться, что под маской он смеется. Он, казалось, не сознавал, что это была трагедия, что он сам и его команда в опасном положении на берегу, их лодки больше не могут подплыть, так как драгуны окружили их.

Он засмеялся и прижал ее к себе. Было похоже, что он влюблен в рабыню, которую купил на Крите, словно его страсть стала еще сильнее после того поражения, которое он потерпел.

Но новая и ужасная мысль пронзила Анжелику, она задрожала и стала оглядываться вокруг себя.

— Онорина! Где Онорина? Я отпустила ее, когда поддерживала мэтра Берне.

Она хотела бежать обратно на тропинку, но он удержал ее.

— Куда вы? Оставайтесь здесь, идиотка! Они сейчас выстрелят из пушек. Вас разорвет на кусочки.

Вдоль одного из бортов «Голдсборо» были открыты ранее замаскированные пушки. Анжелика издала дикий крик, как раненое животное. Она только сейчас заметила зеленую куртку Онорины у скалы. Девочка была у самого края пропасти. Было слишком шумно, чтобы слышать ее плач, но было ясно, что она кричит от страха, находясь между драгунами и берегом, где она видела мать.

— Моя дочь! — закричала Анжелика. — Мой ребенок! Спасите ее! Они ее убьют! Она упадет!

Две стальные руки удержали ее от рывка.

— Отпустите меня, это моя дочь! Онорина! Онорина!

Парализованная страхом, она увидела, как Рескатор бросился вперед и стал карабкаться по тропинке с невероятной скоростью. Один из солдат короля как раз добрался до ребенка. Рескатор выстрелил ему прямо в лицо, второй рукой схватил ребенка, словно это был какой-то пакет. Солдат упал со скалы со страшным шумом.

В этот самый момент раздался гром пушек «Голдсборо».

Анжелика подумала, что Рескатор и Онорина должно быть похоронены под потоком земли и камней, который посыпался со скалы. Потом она увидела силуэт пирата, когда он появился из облака дыма и пыли.

— Вот ваша дочь! Возьмите ее.

— Она ранена?

— Не думаю. А теперь поднимемся на борт.

Большая лодка, воспользовавшись сумятицей, вызванной пушечными ядрами, еще раз причалила к берегу. Последние моряки из команды уложили неподвижное тело мэтра Берне рядом с одним из моряков, который тоже был ранен. Они: без церемоний перенесли Анжелику в лодку и посоветовали лечь на дно.

— Мы не сможем сделать еще один рейс, — услышала она слова Рескатора. — Надо забрать всех этим рейсом.

Сам он вошел в лодку последним.

— Прощай, негостеприимный берег! — сказал он.

Стоя на корме лодки, он был прекрасной мишенью для солдат.

К счастью, драгуны были деморализованы пушечной атакой. Многие из них были убиты, и они уже не думали о стрельбе. Их лейтенант был серьезно ранен. Его адъютант выкрикивал приказы, которые были слышны в лодке.

— Один из вас пусть скачет как можно скорее в форт Сен-Луи и просит помощи. Мы должны предупредить флот... Мы не должны позволить бандитам уйти...

«Голдсборо» поднял якорь под сильный скрежет цепей. В тот же момент матросы на мачтах подняли паруса, и они наполнились ветром. Капитан Янсон, стоя на мостике, отдавал приказы спокойно, словно они совершали плавание в мирном заливе. Матросы закрепили канаты, натягивающие паруса.

Корабль был готов к плаванию.

Тем временем большая лодка, основательно перегруженная, подошла к кораблю. Теперь они могли не опасаться обстрела.

Моряк взял Онорину на руки и стал подниматься по веревочной лестнице. У него была черная повязка через глаз, и он напомним Анжелике лицо Кориано, помощника де Скренвиля. Его вид вызвал злость Онорины, и она била его по шее, пока они поднимались по лестнице.

Подъем на борт обоих раненых оказался трудным делом.

Когда все оказались на палубе, специальными блоками была поднята лодка, которую накрепко закрепили к палубе.

Анжелика почувствовала под ногами твердую палубу, оглянулась вокруг.

Скалы уже удалились, и вдоль них она могла видеть красную линию

драгун, размахивающих кулаками, «Голдсборо», подталкиваемый ветром, покидал залив, входя в пролив между островами.

Слева от них была Ла Рошель. Город казался совсем близким. Близко были и три его башни. Корабль двигался к городу.

Глава 17

Рескатор последним поднялся на палубу. С одного взгляда он оценил ситуацию. Никола Перро, стоявший рядом с ним, покачал головой.

— Норд-вест. Нам не везет...

— Да, похоже.

Даже Анжелика понимала, что ветер несет их к городу. С мостика капитан Янсон выкрикивал приказы, убирая одни паруса и ставя другие, чтобы направить корабль в пролив Ла Палис.

К Рескатору подошел матрос и протянул ему подзорную трубу. Пират подумал секунду, не сдвинуть ли ему маску, но потом стал смотреть через нее.

— Уведите раненых и пассажиров в трюм! На палубе останется только команда.

Он поднял трубу и быстро определил положение «Голдсборо» и маневры, предпринимаемые для того, чтобы уйти в открытое море, несмотря на неблагоприятный ветер.

— Нет, не вы, — сказал он, не оборачиваясь.

Он имел в виду Анжелику, которая двинулась вслед за группой мужчин и женщин, спускающихся вниз.

Рескатор опустил трубу и посмотрел на Анжелику. Она стояла на палубе, ее лицо еще было искажено страхом, она прижимала к себе дочь. Голова Онорины казалась охваченной огнем, когда ее волосы раздувались ветром.

— Она ваша дочь, — сказал он скучным голосом. — Да, она похожа на вас. Кто из гугенотов ее отец?

Было ли это подходящим временем задавать такой вопрос?

Анжелике показалось, что город еще больше приблизился. Можно было видеть людей на валу, которые наблюдали за безуспешными маневрами неизвестного корабля.

— Ее отец? — переспросила она, глядя на него так, словно он был безумец. — Я скажу зам. Мне сказали, что это был Нептун, верите вы этому или нет. А теперь не лучше ли посмотреть, где мы находимся? Мы как раз проходим ряд пушек форта Сен-Луи. Если его гарнизон предупрежден, это будет конец!

— Моя дорогая, разумеется, это вполне вероятно.

Корабль был все еще в видимости Ла Рошели и его крепости, где они

могли вызвать подозрения своими действиями.

— Пойдемте сюда! — внезапно решил Рескатор, предложив Анжелике следовать за ним. Они прошли в кают-компанию.

— Мадам, вы должны пройти туда, — сказал моряк в меховой шапке, Никола Перро, указывая на каюту Рескатора, и добавил с улыбкой: — Хозяин пошел к штурвалу. Теперь мы выберемся из этой передраги.

Доверие к своему командиру, казалось, разделялось всей командой. Люди были совершенно спокойны, некоторые даже шутили.

— Но они будут стрелять в нас из пушек форта Сен-Луи, — сказала Анжелика тихо.

— Могут, конечно, — ответил Перро, Без сомнения, ему было поручено заботиться о ней, так как он оставался с нею.

Внезапно над их головами через рупор капитана Янсона раздались приказы высокого человека. Это немедленно вызвало взрыв активности среди канатов, мачт и парусов над их головами.

В тот момент, когда над фортом начал подниматься дым, корабль почти остановился параллельно крепости и ее пушки были направлены на корабль.

— Отдать якорь!

Почти сразу же они услышали крип цепей и всплеск якоря, упавшего в воду.

Анжелика с недоумением посмотрела на своего спутника.

— Случайно, Рескатор не собирается сдаться?

Тот покачал головой.

— Это не для него, — проговорил он.

Якорь достиг дна. Корабль был недвижим.

Все пушки крепости выстрелили одновременно со страшным грохотом. Но в этот же самый момент корабль был отнесен течением на несколько футов, насколько позволял якорь.

Пушечные ядра упали в нескольких сантиметрах от корабля, почти там, где ранее находился «Голдсборо». Корабль избежал удара, словно опытный дуэлянт.

Но опасность не миновала. Они не успеют поднять якорь до второго залпа.

И тут же Анжелика услышала команду в рупор:

— Поднять якорь!

В три рывка якорь был поднят.

— Полный вперед! Курс норд-ост!

Корабль, освобожденный от якоря, рванулся вперед под полными

парусами. Их маневр был слишком быстр для пушкарей форта Сен-Луи, чьи попытки поймать их под удар своих пушек потерпели провал. Второй залп сильно потряс корабль, но он, тем не менее, продолжал свой путь.

— Гип-гип-ура! — закричал Никола Перро.

Команда подхватила этот крик, вся как один. Перро заметил:

— Эти свиньи могли всадить, по крайней мере, десять ядер в наш борт. Мы бы пошли ко дну, если бы наш командир не был наилучшим знатоком океана. Мы могли уже быть сейчас на дне! Но, мадам, не лучше ли вам спуститься вниз?

— Нет, я хочу остаться здесь, пока мы не выйдем в открытое море.

— Ну, как хотите, мадам, есть люди, которые предпочитают смотреть в лицо, и это неплохая идея. Так как иногда вы можете ее напугать.

После акробатического поворота, который совершил «Голдсборо», чтобы избежать пушечного удара крепости Сен-Луи, он получил некоторую передышку. Ветер дул теперь на запад с большой силой, и корабль под всеми парусами развил большую скорость.

Чтобы достичь открытого моря, надо было еще пересечь пролив между двумя островами. Они не пошли через пролив Антиох, который проходил между островами Ре и Алерон из-за сильного северо-западного ветра. Но чтобы выйти в Бретонский залив, они направились в узкий пролив между Ла Палис и Саблонси. Именно такой маневр решил предпринять Рескатор.

Капитан Янсон прокричал в рупор:

— Поднять таксель! Опустить стаксель!

С частично опущенными парусами «Голдсборо» вступил в пролив. Анжелика сдерживала дыхание. Она знала, как опасен этот путь, которого всегда избегали моряки из-за скрытых рифов. Сильный ветер бросал волны в борт корабля, и каждую минуту они могли налететь на риф.

— Вы уже проходили этим проливом? — спросила она своего телохранителя.

— Нет, мы пришли в залив с юга.

Тогда вам нужен лоцман. С нами плывет рыбак по имени Легаль, который знает все опасности этого пролива.

— Хорошая мысль, — воскликнул человек в меховой шапке.

Он побежал передать эти слова капитану.

Скоро Легаль появился на палубе в сопровождении одного из матросов.

Рескатор был в шлеме, но оставался в маске. Все его тело было

напряжено, словно он пытался почувствовать трудности пролива по малейшим колебаниям корабля. Он обменялся несколькими словами с рыбаком из Ла Рошели. Анжелика стояла неподвижно, с ней вместе была Онорина. Девочка, казалось, понимала, что палуба — неподходящее место для женщины и ребенка, когда корабль в опасности, -но ни за что на свете она не хотела бы оказаться в другом месте.

«Голдсборо» теперь двигался более уверенно.

— А что если форт Саблонси будет стрелять в нас? — спросил Легаль, глядя на приближающуюся крепость.

— У нас есть шанс избежать этого! — ответил Рескатор.

Золотой туман поднимался вместе с теплом дня. Сверху раздался голос:

— Военный корабль идет нам навстречу!

Капитан Янсон выругался. Он казался очень расстроенным.

— Мы попали, как мышь в мышеловку.

— Ну, мы могли этого ожидать, — сказал Рескатор, словно это была самая естественная вещь в мире. — Дайте приказ замедлить ход.

— Зачем?

— Я хочу иметь побольше времени, чтобы, подумать.

Военный корабль, которого они еще не видели, огибал мыс и быстро двигался по направлению к «Голдсборо». Рескатор положил руку на плечо Легалья.

— Скажите мне, рифы ведь там не кончаются, не правда ли? Если этот пролив достаточно труден для нас, то он еще более опасен для большого корабля, идущего нам навстречу?

Глаза Анжелики остановились на руке, лежащей на плече рыбака. Это была мускулистая и в то же время аристократическая рука с тяжелым серебряным кольцом на безымянном пальце. Она почувствовала, что бледнеет.

Она знала эту обнаженную руку с ее сильным, хотя и благородным, захватом. Где она видела ее прежде? Возможно, на Крите, когда он снимал свои перчатки, чтобы подвести ее к софе. Она чувствовала, что рука ей безусловно знакома. Она подумала, что, без сомнения, приближается их последний час. Теперь смерть была близка.

И в то же время она знала, что они не умрут, так как Рескатор держал их судьбы в своих руках. Этот человек, казалось, был неуязвим, как герои прошлого. Она наивно и слепо верила в него, и он оправдывал всегда ее надежды.

Лицо рыбака прояснилось.

— Да, конечно! — воскликнул он. — Вы совершенно правы! Они, должно быть, безумно хотят поймать нас, если рискнули плыть по проливу в это время дня. Они определенно должны иметь на борту нашего лучшего лоцмана. Но их положение весьма... сложно.

— А мы сделаем его еще сложнее. Мы используем их как прикрытие на случай, если крепость захочет открыть огонь. Я заставлю их плыть между пушками и нами... Полный вперед! Освободите палубу для боя!

Вся команда пришла в движение. Срочно убирался брезент, закрывающий пушки. Каждый занял предназначенное ему место.

Матросы забрались на площадки мачт с мушкетами и тяжелыми связками ядер, чтобы бросать их на палубу врага, когда подойдет время.

— Должны ли мы сыпать песок на палубу? — спросил помощник.

— Не думаю, что дойдет до этого, — ответил Рескатор, держа трубу у глаз. И повторил, иронически улыбаясь: — Песок на палубе! Пфу!

Анжелика вспомнила их последнее плавание по Средиземному морю. Они бросали песок на палубу перед сражением, чтобы босые ноги не скользили в лужах крови.

— Они попадут в беду еще до того, как сделают хоть один выстрел в нашем направлении, — добавил пират.

Он, казалось, был уверен в себе в последние моменты перед сближением кораблей. Скоро стало очевидным, что военный корабль находится на опасном пути. Он с трудом держал курс, его несло к берегу. Было неразумно идти вот так с поднятыми парусами.

— А что если он будет стрелять? — спросил Легаль.

— Что? В их положении! Они слишком плохо расположились, чтобы стрелять. Мы к ним повернуты бушпритом и представляем слишком малую мишень.

Военный корабль дрожал все сильнее и сильнее. Потом внезапно его прижало к скалам, они увидели, как его киль задрался и услышали звук ломающегося дерева.

— Они сели на риф! — хором закричали на «Голдсборо».

Команда махала шапками, проявляя радость.

— Мы должны проявить осторожность, чтобы то же самое не случилось и с нами, — предупредил их Рескатор. — Море становится опасно мелким.

И он послал матросов измерять глубину пролива.

Когда они проходили мимо своего беспомощного врага, капитан Янсон спросил:

— Будем ли стрелять по ним? Мы идеально расположены для этого.

— Нет! Не стоит оставлять позади себя слишком много неприятных воспоминаний. Во всяком случае, мы еще не прошли пролив.

До Анжелики дошло, что другие корабли могут еще появиться и помешать их движению. Но они вышли из узкого пролива в Бретонский залив без дальнейших помех.

Легаль выпрямился, его руки все еще были на штурвале.

— Все худшее мы уже прошли, господин, и я предлагаю двигаться на всех парусах вдоль северного побережья, пока не достигнем Грин Го.

— Согласен.

Корабль шел теперь более быстро. Ветер, дувший теперь менее сильно, но в лучшем направлении, помогал беглецам. Сквозь легкий туман они могли направлять свой корабль вдоль береговой линии.

Но с другой стороны от них был Сен-Мартен-де-Ре, и скоро они увидели целую линию кораблей, направляющуюся к ним. Они смотрели на их приближение в полном молчании.

— А мы были так близки к спасению, — пробормотал Легаль. — Мы только что прошли мыс Арсе.

— Полный вперед! Ветер попутный.

— Он им тоже помогает.

— Но мы впереди.

Этими несколькими словами, сказанными им, он призывал команду использовать каждую возможность спастись. Первый корабль эскадры стал вырастать с пугающей быстротой, но теперь расстояние между ними оставалось постоянным. «Голдсборо» был все еще вне досягаемости их пушек.

Рескатор снова положил руку на плечо лоцмана.

— Выведите нас в море, и тогда нам не страшен никакой корабль Его Величества, — сказал он.

— Я сделаю это, — ответил лоцман.

Он твердо следил за маршрутом, используя малейшие течения, легчайшие бризы, чтобы получить максимальную возможность. Как хорошо он знал это пространство, которое так часто посещал со своими сетями. Его семья происходила из Бретани, но последние три поколения жили в Ла Рошели, чем и объяснялось, что он стал гугенотом. Он думал о том, что они плывут по местам, где он был так счастлив, а теперь должен сбежать отсюда, и что его жена и дети находятся на этом же корабле. Он думал, как ужасно будет умереть здесь, потопленный ядрами пушек королевского флота прямо около родных островов и родного города!

Он меньше боялся смерти, которой много раз противостоял за время

своей морской работы, чем такой несправедливости.

— О, Боже, позаботься, чтобы мы спаслись во имя твое!

Анжелика оглянулась на порт. Преследующие их паруса снова, казалось, приблизились. «Голдсборо» был уже близко от открытого моря. Береговая линия удалялась, ветер усиливался, и туманный горизонт перед ними казался бесконечным. Они выходили в море, но не слишком ли поздно?

Она посмотрела на Рескатора и заметила, что он смотрит на нее сквозь прорези своей маски.

Она подумала, что он велит ей уйти, что она не имеет права находиться на верхней палубе. Она думала, что он отошлет ее вниз со всей иронией, которой он так часто пользовался против нее.

Но он не сказал ничего. У нее появилось чувство, что он так смотрит на нее, потому что дела идут плохо и он расстроен. И она, понимая это, почувствовала страх.

— Мы выходим слишком поздно? — спросила она.

Именно в этот момент Онорина выпрямилась у нее на руках и сказала, указывая на горизонт:

— Посмотри, сколько там птиц.

Но это были не птицы. Это были корабли.

Один за другим они вытянулись в линию, загораживая выход из залива. Через несколько секунд их уже можно было пересчитать. «Голдсборо» был окружен королевским флотом, подобно дикому животному, неспособному даже повернуть назад.

Команда, собравшись вместе, готовилась к битве. Противников было слишком много. Они будут сражаться, но никогда не победят, каждый путь для побега был блокирован. Почти немедленно Рескатор издал крик и начал смеяться. Он смеялся так сильно, что не был способен произнести ни слова.

«Он сошел с ума», — сказала себе Анжелика.

Но наконец, пират смог произнести:

— Это датчане!

Немедленно всеобщее уныние сменилось всеобщим весельем.

— Поднимите английский купеческий флаг на главной мачте, — приказал через рупор капитан Янсон.

Над ними взвился флаг, где красный круг пересекался белым, Святой Эндрю на синем фоне.

Тяжелый купеческий флот, который был потрепан недавним штормом,

медленно входил в Бретонский залив. Первыми шли два мощных пятимачтовых трехпалубных военных корабля с 72-мя пушками на борту. За ними шли почти сто купеческих судов различного тоннажа, но даже самый малый был не менее трехсот тонн.

«Голдсборо» затерялся среди этих кораблей, через несколько секунд более десяти кораблей оказались между «Голдсборо» и их преследователями. Офицеры Его Величества оказались не в состоянии стрелять из пушек, не рискуя поразить один из купеческих судов.

Поэтому они просто отказались от всяких попыток наказать этих наглых пиратов, которые могли так хорошо над ними посмеяться.

Беглецы, закрытые внизу, поняли по новому запаху, что они вышли в открытое море. В течение долгих часов они прислушивались к каждому шуму. Они слышали, как поднимался и опускался якорь, когда корабль совершал маневр у форта Сен-Луи, и думали, что настал их последний час, когда раздались пушечные залпы. Потом они почувствовали, что корабль плывет по узкому проливу, слышали приказы, чтобы корабль готовился к бою, и как босые ноги стучали над их головами. Потом они ждали, молясь или обмениваясь отдельными словами, чтобы нарушить ужасное волнение и успокоить детей.

Здесь не было иллюминаторов, и они не могли видеть, что происходит.

Потом корабль начал двигаться размеренно, словно теперь он плыл в мирном море.

Появился Легаль, возбужденный, с взглядом, полным триумфа.

— Мы оставили их с носом, — сказал он. — Мы вы шли в открытое море, мы спасены!

И тогда они опустились на колени, их глаза наполнились слезами.

— Прощай, Ла Рошель, наш город! Прощай, наше королевство! Орошай, наш король!

— Мы еще не вышли из пределов видимости земли, — сказал Рескатор, подходя к Анжелике и глядя на нее пристально сквозь отверстия маски. — Вы не хотите еще раз посмотреть на берег, который покидаете навсегда?

Анжелика покачала головой.

— Нет, — ответила она.

— Вы не проявляете много чувств для женщины, дол жен я сказать. Мне вовсе не хочется вызывать в вас горькие воспоминания. Разве ничто не тянет вас туда? Ни воспоминания, ни тот, кого вы любили?

«Мертвый ребенок, — подумала она, — небольшая могила на краю Нейльского леса, вот и все...»

— Моя единственная ценность здесь со мной, — сказала она, прижимая Онорину к сердцу. — Она мое единственное, сокровище.

У нее было впечатление, она это чувствовала, что Рескатор постоянно проявляет любопытство к ее прошлому и что интерес, который он проявляет к ней, представляет в определенном отношении угрозу.

Ее охватила безмерная слабость. Она чувствовала тревогу часов, которые только что пережила. Ее одеревеневшие руки, которые так долго не отпускали Онорину, теперь внезапно начали ее мучить.

— Я устала, — виновато сказала она. — Как я устала! Я хочу спать...

Анжелика совсем не помнила, что случилось между моментом, когда она произнесла эти слова, и временем, когда она проснулась на закате солнца. Все, что она могла видеть, было красное солнце, опускающееся в серебристое море. Оно достигло моря и исчезло с неожиданной быстротой, оставив только розовое сияние, которое начало бледнеть.

Анжелика чувствовала движение корабля, ритмичное покачивание, которое вернуло ее назад на несколько лет, в ее дни на Средиземном море. В те дни, даже будучи узницей на борту «Гермеса», она испытывала успокоение своей неудовлетворенной души. Именно это она вспомнила после путешествия, в течение которого она умирала тысячью смертей. Это было время перемен, и она думала о нем с тоской.

Сегодня она снова открыла море. Сквозь иллюминатор, как на экране, она видела движение волн, слышала их плеск и шум ветра в парусах.

Она села на восточном диванчике, на котором лежала, оперлась на руку, голова ее была свободна от всяких мыслей, но она испытывала чувство счастья. Она была свободна.

Онорина спала рядом с ней, вся розовая от последних лучей заходящего солнца.

Анжелика склонилась над ней.

— Ты едешь со мной, моя любовь, — пробормотала она. — Плоть от плоти, сердце от сердца...

Нечеловеческая радость, которую она испытывала, стала почти болезненной. Старые мечты, которые преследовали ее всю жизнь, теперь стали реальностью.

Она потянулась к морю.

Она вдохнула соленый воздух, ее глаза затуманились, на губах заиграла улыбка.

Здесь, одна в вечернем свете, Анжелика обращалась к Атлантическому

океану, как к своему давно потерянному возлюбленному, подставляя ему свое разгоряченное, прекрасное лицо.